

ISSN (Print) 1026-9487
ISSN (Online) 1684-0070

Нам
30
лет!

Политические
Исследования

POLIS
Political Studies

2021

4

ПОЛИС

Политические Исследования 4'2021

Научный и культурно-просветительский журнал
Издается с 1991 г.
Выходит 6 раз в год

2021 № 4

DOI: [10.17976/jpps/2021.04.00](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.00)

ISSN (Print) 1026-9487

ISSN (Online) 1684-0070

Читайте в следующих номерах:

Дилеммы современной теории политических элит
Транснациональные политические сети
Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе
Стратегическая эмпатия в мировой политике
Цивилизация как процесс

Учредители:

Некоммерческое партнерство “Редакция журнала “Полис”
 (“Политические исследования”)
Общероссийская общественная организация
 “Российская ассоциация политической науки”
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
 Российской академии наук
Некоммерческий фонд — Институт социально-экономических
 и политических исследований
Московский государственный институт международных отношений
 (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Издатель:

Некоммерческое партнерство “Редакция журнала “Полис”
 (“Политические исследования”)

Главный редактор:

С.В. Чугров

Научный советник:

И.К. Пантин

Редакция:

А.Л. Бардин, А.Н. Кокарева, Л.Н. Кузнецова,
В.В. Лапкин (первый зам. главного редактора)

Оргподдержка:

Е.В. Рыжова

Компьютерная верстка:

И.М. Ситников

Журнал включен в ядро РИНЦ (двухлетний импакт-фактор без самоцитирования — 2,311),
 в Scopus (Sociology and Political Science, SJR Q2, Cite Score Q2), Web of Science (ESCI),
 Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science, ERIH PLUS.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ ЖУРНАЛА
ПИ № ФС 77-73112 выдано
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций 22 июня 2018 г.

©НП “Редакция журнала “Полис”, 2021

POLIS.Political Studies
www.politstudies.ru
www.polismag.ru

ISSN 1026-9487

9 771026 948003 >

Polis. Political Studies 4'2021

Journal on Political Science, Political Sociology, International Relations, Political Philosophy

Published since 1991
Issued six times a year

ISSN (Print) 1026-9487
ISSN (Online) 1684-0070

DOI: 10.17976/jpps/2021.04.00
<http://www.politstudies.ru>

CONTENTS

6 Presenting the Issue

8 **INTRODUCTION** by Co-editors and Contributors of the
Special Section Elena Chebankova and Piotr Dutkiewicz
(In English)

14 **I.A. Safranchuk, F.A. Lukyanov.** The Contemporary World
Order: The Adaptation of Actors to Structural Realities

26 **A. Pabst.** Civilization and Liberal Democracy

43 **E. Chebankova, P. Dutkiewicz.** Ideology and Civilizational
Discourse. (In English)

58 **D. Lane.** Civilisation and the Globalisation of Capitalism

76 **M.M. Lebedeva.** Humanitarization of World Politics

88 **A.G. Arbatov.** The Ten Aporias of Our Time.
The Theory and Practice of Nuclear Deterrence

**THEME OF THE ISSUE:
REFLECTIONS
ON CIVILIZATIONS,
MULTIPOLARITY,
AND WORLD ORDER**

112 **V.S. Martianov.** In Search of Another Mainstream

LABORATORY

132 **H.T. Sardaryan.** The Political Philosophy of Freedom
in the Christian Axiology of Republicanism

148 **M.M. Mchedlova, D.B. Kazarinova.** COVID-19 Pandemic
Challenge and Religion: Ontology vs Politics

163 **V.S. Malakhov, D.E. Letnyakov.** Religious Politics of Post-Soviet
States: Between Path Dependence and Governmentality

**PROBLEMS
AND JUDGMENTS:
RELIGION, POLITICS
AND ONTOLOGY
OF THE SOCIAL BEING**

176 **I.A. Pomiguyev, D.V. Alekseev.** Resetting Bills: Discontinuity as
a Political Technology for Blocking Policy Decision

**THEORY
AND METHODOLOGY
OF POLITICAL STUDIES**

192 Information for Our Authors

In the next issues: *Dilemmas of the Modern Theory of Political Elites*
Transnational Policy Networks
Cleavages and Political Divides in a Theoretical Perspective
Strategic Empathy in World Politics
Civilization as a Dynamic Concept

Founders: Noncommercial Partnership "Editorial Board 'Polis' ('Political Studies')"
Russian Public Organization "Russian Political Science Association"
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Noncommercial Foundation – Institute of Socio-economic and Political Researches (ISEPR Foundation)
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation

Polis. Political Studies journal has a media registration certificate
PI No. FS 77-73112 issued on June 22, 2018,
by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media.

The Journal has been included in Scopus
(Sociology and Political Science,
SJR Q2, Cite Score Q2),
and in the Web of Science
(Emerging Sources Citation Index),
Russian Science Citation Index (RSCI)
on the Web of Science platform, ERIH PLUS.

Полис. Политические Исследования 4'2021

СОДЕРЖАНИЕ

---

6 Представляю Специальный номер

---

8 INTRODUCTION by Co-editors and Contributors of the Special Section

Elena Chebankova and Piotr Dutkiewicz

- 14 И.А. Сафранчук, Ф.А. Лукьянов
Современный мировой порядок:
адаптация акторов к структурным реалиям

- 26 А. Пабст
Цивилизация и либеральная демократия

- 43 E. Chebankova, P. Dutkiewicz
Ideology and Civilizational Discourse

- 58 Д. Лейн
Цивилизация и капиталистическая глобализация

- 76 М.М. Лебедева
Гуманитаризация мировой политики

- 88 А.Г. Арбатов
Десять апорий нашего времени.
Теория и практика ядерного сдерживания

ТЕМА НОМЕРА:
РАЗМЫШЛЕНИЯ
О ЦИВИЛИЗАЦИЯХ,
МНОГОПОЛЯРНОСТИ
И МИРОВОМ
ПОРЯДКЕ

-
- 112 В.С. Мартыянов
В поисках другого мейнстрима

ЛАБОРАТОРИЯ

-
- 132 Г.Т. Сардарян
Политическая философия свободы
в христианской аксиологии республиканизма

- 148 М.М. Мchedлова, Д.Б. Казаринова
Вызов пандемии COVID-19 и религия:
онтология vs политика

- 163 В.С. Малахов, Д.Э. Летняков
Религиозная политика постсоветских государств:
между “эффектом колеи” и “правительностью”

ПРОБЛЕМЫ
И СУЖДЕНИЯ.
РЕЛИГИЯ, ПОЛИТИКА
И ОНТОЛОГИЯ
ОБЩЕСТВЕННОГО
БЫТИЯ

-
- 176 И.А. Помигуев, Д.В. Алексеев
Обнуление законопроектов:
дисконтинуитет как технология блокирования
политических решений

ТЕОРИЯ
И МЕТОДОЛОГИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

-
- 192 Информация для авторов журнала
-

Международный консультативный совет

Оксана ГАМАН-ГОЛУТВИНА (председатель), доктор политических наук, чл.-корр. РАН, профессор, зав. кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, Президент Российской ассоциации политической науки (Россия)
Арич БРАУН, заслуженный профессор, Оксфордский университет (Великобритания)
Бьорн ВИТТРОК, заслуженный профессор, Упсальский университет (Швеция)
Александр ГАЛКИН, доктор исторических наук, почетный доктор Института социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
Михаил ГОРШКОВ, доктор философских наук, академик РАН, научный руководитель Института социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
Владимир ГУТОВ, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой теории и философии политики СПбГУ (Россия)
Петр ДУТКЕВИЧ, доктор политических наук, профессор, Карлтонский университет, Оттава (Канада)
Такаси ИНОГУТИ, президент, Университет префектуры Ниигата (Япония)
Борис КАПУСТИН, доктор философских наук, старший преподаватель Йельского университета (США)
Тимоти КОЛТОН, профессор, Гарвардский университет (США)
Стейн Угелвиг ЛАРСЕН, заслуженный профессор Университета Бергена (Норвегия)
Мари МАНДРАС, профессор Школы международных отношений Института политических исследований, Париж (Франция)
Александр НИКИТИН, доктор политических наук, профессор, директор Центра евроатлантической безопасности ИМИ МГИМО МИД России (Россия)
Игорь ПАНТИН, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН (Россия)
Юрий ПИВОВАРОВ, доктор политических наук, академик РАН, научный руководитель ИНИОН РАН (Россия)
Ричард САКВА, профессор, Кентский Университет (Великобритания)
Нобуо СИМОТОМАИ, профессор, Университет Хосэй, Токио (Япония)
Ани де ТАНГИ, профессор, Институт политических исследований, Париж (Франция)
Филипп ШМИТТЕР, заслуженный профессор, Институт Европейского Университета, Флоренция (Италия)

Редакционная коллегия

Татьяна АЛЕКСЕЕВА, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой политической теории МГИМО МИД России
Владимир ГЕЛЬМАН, кандидат политических наук, профессор факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге
Михаил ИЛЬИН, доктор политических наук, профессор, ординарный профессор НИУ ВШЭ
Полина КОЗЫРЕВА, доктор социологических наук, первый зам. директора Института социологии ФНИСЦ РАН, зав. центром лонгитюдных обследований Института социальной политики НИУ ВШЭ
Владимир ЛАПКИН, ведущий научный сотрудник Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, первый зам. главного редактора журнала "Полис. Политические исследования"
Марина ЛЕБЕДЕВА, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России
Ольга МАЛИНОВА, доктор философских наук, профессор, профессор НИУ ВШЭ
Борис МЕЖУЕВ, кандидат философских наук, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова
Андрей МЕЛЬБИЛЬ, доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных наук НИУ ВШЭ, заслуженный деятель науки РФ
Владимир ПАСТУХОВ, доктор политических наук, профессор Колледжа Св. Антония, Оксфорд
Сергей ПАТРУШЕВ, кандидат исторических наук, зав. отделом сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН
Яков ПЛЯЙС, доктор исторических и политических наук, профессор, профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ
Ирина СЕМЕНЕНКО, доктор политических наук, чл.-корр. РАН, зам. директора, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН
Виктор СЕРГЕЕВ, доктор исторических наук, профессор, директор Центра глобальных проблем ИМИ МГИМО МИД России
Леонид СМОРГУНОВ, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой политического управления факультета политологии СПбГУ
Александр СОЛОВЬЕВ, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова
Сергей ЧУТРОВ, доктор социологических наук, профессор МГИМО МИД России
Елена ШЕСТОПАЛ, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова

Главный редактор:	С.В. ЧУТРОВ
Научный советник:	И.К. ПАНТИН
Редакция:	А.Л. БАРДИН, А.Н. КОКАРЕВА, Л.Н. КУЗНЕЦОВА, В.В. ЛАПКИН (первый зам. главного редактора)
Организационная поддержка:	Е.В. РЫЖОВА
Компьютерная верстка:	И.М. СИТДИКОВ

International Editorial Council

Oksana GAMAN-GOLUTVINA (chairman), Dr. Sci. (Pol. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Prof., Head of Comparative Political Science Department, Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Ministry of Foreign Affairs, President of the Russian Political Science Association (Russia)
Archie BROWN, Emeritus Prof., Oxford University (Great Britain)
Timothy COLTON, Prof., Head of the Department of Government, Harvard University (USA)
Piotr DUTKIEWICZ, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, Carleton University, Ottawa (Canada)
Aleksandr GALKIN, Dr. Sci. (Hist.), Prof., honorary Dr. of Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia)
Mikhail GORSHKOV, Dr. Sci. (Philos.), Academician, Academic Supervisor, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia)
Vladimir GUTOROV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head of Department for Theory and Philosophy of Political Science, Saint Petersburg State University (Russia)
Takashi INOUCHI, President, Niigata Prefecture University (Japan)
Boris KAPUSTIN, Dr. Sci. (Philos.), Senior Lecturer, Yale University (USA)
Stein Ugelvik LARSEN, Emeritus Prof., University of Bergen (Norway)
Marie MENDRAS, Prof., Sciences Po University's School of International Affairs, Paris (France)
Aleksandr NIKITIN, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Director, Center for Euro-Atlantic Security, Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Ministry of Foreign Affairs (Russia)
Igor PANTIN, Dr. Sci. (Philos.), Principal Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Russia)
Yuriy PIVOVAROV, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Supervisor, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Russia)
Richard SAKWA, Prof., University of Kent (Great Britain)
Philippe C. SCHMITTER, Emeritus Prof., European University Institute, Florence (Italy)
Nobuo SHIMOTOMAI, Prof., Hosei University, Tokyo (Japan)
Anne de TINGUY, Prof., Sciences Po Institute, Paris (France)
Björn WITTROCK, Emeritus Prof., Uppsala University (Sweden)

Editorial Board

Tatyana ALEKSEYEVA, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head of Political Theory Department, Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia
Sergey CHUGROV, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia
Vladimir GELMAN, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Faculty of Political Sciences and Sociology, European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia
Mikhail ILYIN, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor in Ordinary of National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
Polina KOZYREVA, Dr. Sci. (Soc.), First Deputy Director of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Longitudinal Studies at the Institute for Social Policy of the National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
Vladimir LAPKIN, Cand. Sci. (Chem.), Leading Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, First Deputy Editor-in-Chief, Polis. Political Studies, Moscow, Russia
Marina LEBEDEVA, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of World Political Processes Department, Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia
Olga MALINOVA, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Prof., National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
Andrey MELVILLE, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Dean, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Honored Scientist of Russia, Moscow, Russia
Boris MEZHUEV, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Vladimir PASTUKHOV, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., St. Antony's College, Oxford, Great Britain
Sergey PATRUSHEV, Cand. Sci. (Hist.), Head of Comparative Political Studies Department, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Yakov PLEIS, Dr. Sci. (Hist., Pol. Sci.), Prof., Prof. of Political Science Department, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
Irina SEMENENKO, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director, Head of the Center for Comparative Socio-Economic and Political Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Viktor SERGEEV, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Director, Center for Global Problems, Institute of International Studies, Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia
Yelena SHESTOPAL, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head the Chair of Sociology and Psychology of Politics, Department of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Leonid SMORGUNOV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head of Political Governance Department, Faculty of Political Science, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
Aleksandr SOLOVYOV, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Political Analysis Department, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editor-in-Chief:	S.V. CHUGROV
Academic Adviser:	I.K. PANTIN
Editorial Staff:	A.L. BARDIN, A.N. KOKAREVA, L.N. KUZNETSOVA, V.V. LAPKIN (First Deputy Editor-in-Chief)
Organizational Support:	E.V. RYZHOVA
Computer Layout:	I.M. SITDIKOV

ПРЕДСТАВЛЯЮ СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР

Дорогой читатель! Это — номер середины юбилейного года журнала “Полис. Политические исследования”, когда мы вступили в свой четвертый десяток. Но также и первый “международный” номер, который готовится интернациональной командой политологов. Стремясь тестировать на истинно российской научной ниве наработки западных ученых, мы пригласили в качестве *guest editors* “Темы номера” двух политологов — как providentially вышло, со славянскими культурно-цивилизационными корнями.

Назову первым канадца **Петра Дуткевича**, профессора, директора Центра государственного управления и публичной политики Карлтонского университета (Оттава). Вместо комплиментарных слов отмечу его труды последних лет — Piotr Dutkiewicz, Tom Casier, Jan Aart Scholte. *Hegemony and World Order Reimagining Power in Global Politics*. Routledge, 2020; Piotr Dutkiewicz, Richard Sakwa, Fyodor Lukyanov (eds.) *Eurasia on the Edge*. Rowman & Littlefield, 2018; Vladimir Popov & Piotr Dutkiewicz (eds.). *Mapping a New World Order: The Rest Beyond the West*. Edgar Edward Publishing, 2017. Каждый — вершина!

Другой приглашенный редактор “Темы номера” — британский политолог **Елена Чебанкова**. Сейчас она независимый исследователь, а до самого недавнего времени была профессором (*Reader in politics*) факультета социологии, политологии и международных отношений университета Линкольн (Великобритания). В ноябре 2004 г. она защитила докторскую диссертацию в Королевском колледже Кембриджа, а по ее результатам выпустила в престижном издательстве *Routledge* в 2009 г. монографию *Russia's Federal Relations: Putin's Reforms and Management of the Regions*. В 2013 г. там же вышло ее исследование по российскому гражданскому обществу. На мой взгляд, кульминация в этом ряду — монография *Political Ideologies in Contemporary Russia*, выпущенная *McGill-Queen's University Press* в 2020 г.

Елена и Петр составили успешный тандем, и под их редакцией в лондонском издательстве *Routledge* скоро выйдет монография “Цивилизации и мировой порядок” (*Civilizations and World Order*. Ed. by E. Chebankova and P. Dutkiewicz. London: Routledge, 2021 (in print)). Ряд статей “Темы номера” этого выпуска “Полиса” — главы будущей книги, но неожиданно нашему журналу как первому публикатору выпала честь дать разрешение на репринт. Редакция благодарит коллег из *Routledge* за их конструктивный и высоко оцененный нами подход к сотрудничеству, в итоге которого родилась рубрика **“Тема номера: Размышления о цивилизациях, многополярности и мировом порядке”**. В Предисловии к данной рубрике (*Introduction*) приглашенные редакторы расскажут о ее научном смысле и суммируют основные идеи выдающейся команды ее авторов, состоящей из Ивана Сафранчука и Федора Лукьянова, Адриана Пабста, Елены Чебанковой и Петра Дуткевича, Дэвида Лейна, Марины Лебедевой, Алексея Арбатова.

Но и за пределами этой грандиозной по охвату рубрики читатель найдет немало интригующего. Региональная политология представлена политико-философскими размышлениями **“В поисках другого мейнстрима” Виктора Мартянова** из Екатеринбурга. Автор утверждает, что фундаментальные изменения, первоначально оцениваемые в рамках либерально-рыночной модерности как архаизирующие (неофеодализм, неопатримониализм, рентно-сословное общество и т.д.), онтологически будут только усиливаться и приведут “к исследовательскому консенсусу по поводу альтернативной нормальности обществ XXI в. ...и периферизации рыночно-демократических нарративов”.

Новые подходы к роли религиозного фактора в меняющемся мире читатель найдет в статьях **Марины Мchedловой** и **Дарьи Казариновой** **“Вызов пандемии**

COVID-19 и религия: онтология vs политика, Генри Сардаряна “**Политическая философия свободы в христианской аксиологии республиканизма**”, а также Владимира Малахова и Дениса Летнякова “**Религиозная политика постсоветских государств: между ‘эффектом колеи’ и ‘правительностью’**”. Стоит поближе ознакомиться с этим неординарным сегментом номера, рекомендую.

Будущее нашей политической науки представлено в номере статьей молодого, но вполне зрелого исследователя **Ильи Помигуева** и аспиранта **Дмитрия Алексеева** “**Обнуление законопроектов: дисконтинуитет как технология блокирования политических решений**”, предлагающих, в частности, “изучать не только институциональных и партийных вето-игроков, но и других участников законодательного процесса — вето-акторов (аналог англ. *gatekeeper*)”.

Номер готовился на фоне роста заболеваний коронавирусом в Москве, осложнившего работу редакции. Последствия этой вирусной инфекции не пощадили и друзей “Полиса”, и их близких родственников. Мы потеряли **Леонадию Михайловну Дробижеву**. Ее отличало обостренное чувство нового, стремление увидеть потенциальные точки роста и для научного знания, и для сферы политики и политического управления, открытость идеям и подходам из разных областей социальных наук. Ее выступления на научных мероприятиях всегда становились событием и ориентиром для исследователей различных поколений, научных школ и идейных взглядов. Она поражала широтой взглядов и не иссякающим интересом к происходящему в общественной жизни, умела облечь научную мысль в блестящую форму, точно и ясно говорить о сложных процессах современного развития. Леонадия Михайловна была связующим звеном между российскими социологическим, этнологическим, политологическим академическими сообществами. С нами — теперь уже навсегда — неизменная доброжелательная улыбка этого прекрасного человека, неутомимой труженицы.

“Лето тревоги нашей” отмечено не только потерями, но и славными юбилеями. Среди них нельзя не упомянуть 20 июля — 70-летний юбилей друга и автора “Полиса” профессора **Феликса Шаркова**. Это колоритнейшая фигура на небосклоне *media studies*, главный редактор журнала “Коммуникология”, президент Ассоциации “Международная академия коммуникологии”, профессор МГИМО и зав. кафедрой общественных связей и медиаполитики РАНХиГС и пр., и пр. Многая и благая лета!

Среди примечательных научно-политических событий начала лета — проведение 2-5 июня Петербургского международного экономического форума, а также 8-9 июня Международного научно-экспертного форума “**Примаковские чтения**”, организованного, как обычно, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН и посвященного на этот раз теме “Современные вызовы мировому порядку”. Приведу характерное высказывание на форуме посла Евросоюза в России доктора **Маркуса Эдерера**: “Пандемия ускорила существующие тенденции. Очевидно, что мир будущего станет менее предсказуемым и более поляризованным по таким линиям, как демократия vs автократия. Появляются новые формы глобализации, которые некоторые считают деглобализацией. Тогда как миру необходима интенсификация сотрудничества, на деле происходит разъединение...”

Собственно, это высказывание возвращает нас к теме номера. Стал ли мир лучше? Вряд ли. Разобщенность — это бич нашего времени. Время потерь, время надежд... Но тут самое время слово передать приглашенным редакторам — Елене Чебанковой и Петру Дуткевичу.

INTRODUCTION

by Co-editors and Contributors of the Special Section

Elena Chebankova and Piotr Dutkiewicz

The collapse of the Soviet Union at the end of the twentieth century ended the pre-existing bipolar Cold War system and resulted in a unipolar moment in which the United States enjoyed a position of almost unchallenged global and civilizational leadership [Krauthammer 1991; Waltz 1993; Wohlforth 1999]. However, despite the initial elation of some Western politicians and analysts [Fukuyama 1992; Brooks, Wohlforth 2008; Kagan 2008], who hoped to see the triumph of the Western idea universally, this situation was relatively short-lived. Global dialogue soon moved beyond this moment of unipolarity toward its more conventional form, in which states struggle for power and influence and search for areas of mutually beneficial co-operation. At the beginning of the third decade of the twenty-first century, we see a qualitatively different world. There have been profound political changes since the post-Cold War unipolarity.

In this world, the idea of civilization has become a virtual currency of international relations and global dialogue. Many analysts [Coker 2019; Acharya 2020; Stuenkel 2016; Higgott 2019] discuss the rise of civilizations in world affairs as the new socio-political reality. Countries such as Russia, China, India, Turkey, and Brazil are often considered civilizational states – challengers to the West. Historically, philosophers have oscillated between the idea of multiple civilizations, with the West being one civilization of many (Spengler, Huntington, Danilevsky), and a single and universal Western civilization (Hayek, Kant). The former approach became a cardinal frame of reference of the global discourse during the past decade.

Three central processes contributed to this shift in narrative. First, the United States, which represents the Western geopolitical core, has lost some of its previous global and civilizational significance. Despite the fact that some analysis still insists on the longevity and flexibility of the power of the United States [Kagan 2008], many observers paint a different and more pessimistic picture [Layne 2006; Monteiro 2011; Pape 2009; Fukuyama 2021]. The ability of the United States to dominate the world's economic affairs has diminished since the end of the Cold War. America can no longer grant unchallenged security benefits to its supporters and economic tensions erupt between the United States and its strategic partners. In this connection, Michael Mastanduno notes that 'the United States may continue act in its own way, but it can no longer count on getting its own way' [Mastanduno 2009: 123]

Second, a group of new states have emerged to claim global leadership in the economic, political, and – in some ways – civilizational spheres. These emerging powers have pursued their specific engines of integration and growth and the ideas of cultural and *civilizational* distinctness from the West [Destradi 2010; Schweller, Pu 2011; Nau, Ollapally 2012; Mead 2014]. The idea of multipolarity, in which the world relies on several effective centres of influence – often referred to as civilizations – each with its distinct cultural and political-institutional pattern, has become prominent among these rising countries [Monteiro 2011; Stuenkel 2016; Hurell 2007; Zala 2017].

Finally, and most importantly, the West has undergone a profound transformation of its foundational value base, which by and large has granted it global cultural,

economic, and political leadership since the Renaissance [Solzhenitsyn 1978]. Specifically, Jurgen Habermas argues that a set of pre-capitalist values that find their roots in the Abrahamic tradition lent legitimacy to Western capitalism and ensured its civilizational leadership [Habermas 1975]. The West exported its values and institutions globally, mainly as the champion of monotheistic metaphysics. The past several decades witnessed a profound recasting of this ideational base [Mahoney 2018]. This transition of the ideational base must logically lead to a new wave of evolution, in which a new *post-Western* or *neo-Western* civilization should be born and developed.

The growing prominence of civilizational discourse generated a plethora of academic debates and questions. In this connection, some Western authors lament the departure of universalism and the idea of 'universal values' from the world's political scene [Coker 2019; Acharya 2020]. In many ways, such lamentations are linked to the natural sense of loss generated by the West's waning leadership and its erstwhile ability to produce a culture that invoked global envy and the desire to follow [Ferguson 2004; Kaplan 2006; Fukuyama 2015; Mearsheimer 2018; Fukuyama 2021].

Partly to placate these concerns, some observers ponder the extent to which 'the rest' can change the extant world order, because each new order relies on the pre-existing structures [Ikenberry 2011; Stuenkel 2016]. As Oliver Stuenkel insists, 'the old parts live on and become the materials out of which restructuring develops when formerly peripheral players become central actors in the new system' [Stuenkel 2016: 60]. Pursuing this logic, commentators, such as Amitav Acharya, argue that, while cultures and civilizations differ and therefore have some historical foundations, authoritarian regimes of the non-Western world merely deploy civilizational nationalism as a political trump card at home and abroad. These thinkers also claim (mistakenly in our view) that the new civilizational discourse 'deliberately obscures the possibility of building common ground between their values and those of the West' [Acharya 2020: 150].

Our position is that, while civilizational rhetoric does not aim at a *convergence* that assumes the submerging of one value system by another, civilizational discourse always invokes the idea of dialogue [Kazarinova 2018; Yakunin 2018]. This dialogue respects tangible cultural-spiritual differences, seeking at the same time the areas in which co-operation and mutual understanding are possible [Lavrov 2021]. Moreover, as the postmodern world takes shape, universalism, which was the central tenet of modernity, is departing the political arena. Instead, the doctrine of genuine value pluralism, as introduced by Isaiah Berlin and sustained by many philosophers such as, gains prominence [Mouffe 1988; Gray 1995; Lyotard 1979; Eisenstadt 2002; Williams 2005]. This doctrine rejects the idea of the universal validity of one or another socio-economic model of modernity and assumes the mutual recognition and respect of differing cultural-spiritual paradigms.

Another area of contention invoked by the emergent civilizational narrative relates to whether rising states represent specific civilizations or just variations of the current post-capitalist system. The answers to this question derive from the methodological premise adopted by a researcher. Those who adhere to the principles of economic determinism, particularly researchers working within the Marxist methodological tradition, often argue that economic structures define the development of socio-political processes and influence the socio-cultural consciousness of the masses. From this position, it is clear that, as economic structures of the world become harmonized, their socio-political realms should also converge, if not overlap.

Rationalism lends a methodological premise to the opposite approach, focusing on the cardinal role of discourse in our understanding of civilizations and world political processes. Historical, cultural, and social context, along with the conventions of the age, are of primary importance in this analysis. From this point of view, we depart from the study of the civilization's *underlying structure*, which Braudel [1993 28] defined as shared symbols of faith, historical references, perceptions of truth and justice, timeless attitudes to life and death, family frameworks, enjoyment, and work. The difference in the underlying culture, traditions, and customs begin to play a decisive role in shaping the nature of political institutions and the means of economic redistribution.

This **special section** of *Polis*, titled '**Reflections on Civilizations, Multipolarity, and World Order**', which we were invited to co-edit, continues the dialogue on these and other central issues of current international affairs. In some ways, this section builds on our forthcoming in Routledge Publishing House co-edited book, *Civilizations and World Order* [Civilizations... 2021]. To compose this section, we invited select authors who worked with us on the volume above and some new colleagues from Russia whose views on the subject we were keen to share on the pages of this section. In what follows, we introduce central themes and problems that our group of authors present in this special issue.

Ivan Safranchuk and **Fyodor Lukyanov** open the discussion by arguing that the world is moving toward the convergence of economic models of governance, exhibiting at the same time a significant difference in the discursive field. Civilizations, therefore, may exhibit similarities in the economic realm, but at the same time diverge in the areas of culture, spirit, and social life. Such civilizations act as poles of influence in the emerging multipolar world, thus gradually altering the current architecture of international relations based on the nation-state. Lukyanov previously argued that the multipolar world would be moving from the nation-state structure to a new configuration, where the 'basic constituent parts' are 'conglomerations of economic interests united around the most powerful centres of attraction and economic growth' [Lukyanov 2010: 24].

Adrian Pabst continues this theme by arguing that such centres of cultural, economic, and political influence turn into so-called civilizational states. These states define themselves not in terms of ethnic, national, or territorial homogeneity, but in terms of the values embedded in their cultural kernels. In contrast to the Western authors discussed above, who consider rising civilizational states the main threat to Western hegemony, Pabst argues that the internal socio-political transformations occurring within the West pose a much greater and more immediate danger to its civilization. His central thesis is that the West is undergoing a cardinal transformation of its value base, during which the worst demons of liberalism, such as tyranny, oligarchy, and demagoguery, are unleashed.

Elena Chebankova and **Piotr Dutkiewicz** continue that transformations of such magnitude are invariably ideological. Ideology justifies the vision, goals, strategies, and actions of its adherents. Chebankova and Dutkiewicz discuss the context of the age in which the ideology of civilizational discourse appeared. In addition, the authors illuminate the central tenets of such civilizational ideology.

We then continue to ponder the central question of the extent to which the new poles of global influence could be considered as civilizations. **David Lane** argues that the thesis on the variety of capitalism and the civilizational nature of such varieties needs qualification. These types of capitalism, he claims, are a mere reflection of geopolitical struggles between leading capitalist countries, not self-sufficient civilizations. Lane's central thesis, in our

view, is that the twentieth century produced two distinct civilizations: capitalist and socialist. Both civilizations were the offspring of modernity, yet they exhibited distinct differences in their economic, social, and, above all, cultural-spiritual spheres. As we see it, Lane's thesis logically parallels, perhaps without the author's personal preferences, Hayek's central conception on the cardinal difference between Western civilization – or the 'Great Society' to use Adam Smith's term – and socialism.

Hayek focused on the profound divergence in the moral base that shaped the Western and socialist systems, viewing Western civilization as the only viable model of modern society – with no other meaningful alternatives if humanity were to continue living and multiplying numerically [Gamble 2007: 26-27; see also Coker 2019: 10-11, for parallel ideas]. Simultaneously, Hayek accepted socialism as a distinct civilization with a clear moral code, though he found its ethical base suitable only for archaic communities that were unable to sustain large human societies such as the modern world. Lane diverges from Hayek's far-reaching qualitative assessment of the socialist civilization. At the same time, Lane pursues the idea that the world had just two types of civilizations – capitalist and socialist – with the intellectual rigour and sophistication to invoke academic reflection and potential public consideration.

Given the growing significance of cultural factors in international politics, **Marina Lebedeva** discusses the emergence of a social and humanitarian approach to international relations. Lebedeva's main contribution is to show how interstate relations can be analyzed and theorized about through the lenses of the humanitarian dimension of world politics and the instruments of cultural and humanitarian diplomacy. The paper also opens a new debate on whether the humanitarianization of international relations can be treated either as a universal or a civilization-specific notion. An understanding of the term (not to mention its application in international practice) is culturally sensitive, and it may be interpreted within the cultural boundaries of its users.

In conclusion, these authors agree that the challenge of our time is not only intellectual. We are living through a period of profound civilizational transition – or decline – of the hegemonic civilization, and are witnessing at the same time the rise of new centres of power, both in the economic and discursive realms. Human history has already witnessed similar transitions, yet they occurred in qualitatively different socio-political environments that were free from the weapons of mass destruction, rapid means of transportation, and virtually instant global communication.

Crucially, our political transformation poses serious navigation challenges, including the control of nuclear arsenals and the sustaining of military security worldwide. **Alexey Arbatov** discusses the problems and contradictions of the nuclear deterrent, management of military nuclear arsenals, and risks related to the human factor in these processes. As a leading specialist on the nuclear deterrent, he stresses the importance of this political-military instrument in the current global dialogue. His conclusions on the need to introduce greater transparency around nuclear deterrence and move toward the gradual limitation of nuclear arsenals worldwide provide politicians and analysts with grounds for reflection.

Finally, we hope that this special section sheds light on some crucial problems of today's world and fosters further debate and discussion on these issues. Last but by no means least, we thank the editors Professor Chugrov and Professor Lapkin, for presenting us with the unique opportunity to co-edit this timely and much-needed section and co-operate with a brilliant group of authors in due process. The faults, of course, remain our own.

References

- Acharya A. 2020. The Myth of the 'Civilizational State': Rising Powers and the Cultural Challenge to World Order. — *Ethics and International Affairs*. Vol. 34. No. 2. P. 139-156. <https://doi.org/10.1017/s0892679420000192>
- Braudel F. 1993. *A History of Civilizations*. London: Penguin Books.
- Brooks S., Wohlforth W. 2008. *World Out of Balance: International Relations and the Challenge of American Primacy*. Princeton, NJ: Princeton University Press. <https://doi.org/10.1515/9781400837601>
- Chandra V. 2018. Rising Powers and the Future of International Order. — *World Affairs: The Journal of International Issues*. Vol. 22. No. 1. P. 10-23.
- Civilizations and World Order*. 2021. Ed. by E. Chebankova, P. Dutkiewicz. London: Routledge. (In print).
- Destradi S. 2010. Regional Powers and Their Strategies: Empire, Hegemony, and Leadership. — *Review of International Studies*. Vol. 36. No. 4. P. 903-930. <https://doi.org/10.1017/s0260210510001361>
- Eisenstadt S. 2002. *Multiple Modernities*. London: Transaction Publications.
- Ferguson N. 2004. A World without Power. — *Foreign Policy*. No. 143. P. 32-39.
- Fukuyama F. 1992. *The End of History and the Last Man*. New York: Free Press.
- Fukuyama F. 2015. *Political Order and Political Decay*. London: Profile Books.
- Fukuyama F. 2021. Rotten to the Core? How American Political Decay Accelerated during the Trump Era. — *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-01-18/rotten-core> (accessed 01.06.2021).
- Gamble A. 2007. *Hayek: The Iron Cage of Liberty*. Cambridge, UK: Polity.
- Gray J. 1995. *Berlin*. London: Fontana Press.
- Habermas J. 1975. *Legitimation Crisis*. London: Beacon Press.
- Higgott R. 2019. Civilizations, States, and World Order. Where Are We? Where Are We Going? — *DOC Institute Report for the 17th Rhodes Forum*. URL: https://doc-research.org/wp-content/uploads/2019/09/Civilisations-states-and-world-order_PDF-slim.pdf (accessed 29.04.2021).
- Hurrell A. 2007. One World? Many Worlds? The Place of Regions in the Study of International Society. — *International Affairs*. Vol. 83. No. 1. P. 127-146.
- Ikenberry J. 2011. The Future of the Liberal World Order: Internationalism after America. — *Foreign Affairs*. Vol. 90. No. 3. P. 56-62.
- Kagan R. 2008. *The Return of History and the End of Dreams*. New York: Alfred A. Knopf.
- Kagan R. 2006. *Imperial Grunts: On the Ground with the American Military, from Mongolia to the Philippines to Iraq and Beyond*. New York: Vintage.
- Kazarinova D. 2017. Dialogue for a New Architecture for a New Architecture of Macro-regional Security: From the Clash of Narratives to a Secure Greater Eurasia. — *Making Multilateralism Work: Enhancing Dialogue on Peace, Security and Development*. Ed. by A. Malashenko, V. Popov, P. Schultz. Berlin: Dialogue of Civilizations Institute. P. 179-191.
- Krauthammer Ch. 1991. The Unipolar Moment. — *Foreign Affairs*. Vol. 70. No. 1. P. 23-33.
- Layne Ch. 2006. The Unipolar Illusion Revisited: The Coming End of the United States Unipolar Moment. — *International Security*. Vol. 31. No. 2. P. 7-41. <https://doi.org/10.1162/isec.2006.31.2.7>
- Lukyanov F. 2010. Russian Dilemmas in a Multipolar World. — *Journal of International Affairs*. Vol. 63. No. 2. P. 19-32.
- Lyotard J. 1979. *The Post-Modern Condition: A Report on Knowledge*. Manchester: Manchester University Press.
- Mahoney D. 2018. *The Idol of Our Age: The Religion of Humanity Subverts Christianity*. New York and London: Encounter Books.
- Mastanduno M. 2009. System Maker and Privilege Taker: US Power and the International Political Economy. — *World Politics*. Vol. 61. No. 1. P. 121-154.
- Mead R. 2014. The Return of Geopolitics: The Revenge of the Revisionist Powers. — *Foreign Affairs*. Vol. 93. No. 3. P. 69-74.
- Mearsheimer J. 2018. *The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. New Haven and London: Yale University Press.
- Monteiro N. 2011. Unrest Assured: Why Unipolarity Is Not Peaceful. — *International Security*. Vol. 36. No. 3. P. 9-40. https://doi.org/10.1162/isec_a_00064
- Mouffe Ch. 1988. Radical Democracy: Modern or Post-modern? — *Universal Abandon: The Politics of Post-Modernism*. Ed. by A. Ross. Minneapolis: University of Minnesota Press. P. 31-45.

Nau H., Ollapally D.M. 2012. *Worldviews of Aspiring Powers: Domestic Foreign Policy in China, India, Iran, Japan, and Russia*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199937479.001.0001>

Pape R. 2009. Empire Falls. — *National Interest*. No. 99. January-February. P. 21–34.

Schweller R., Pu Xiaoyu. 2011. After Unipolarity: China's Visions of International Order in an Era of US Decline. — *International Security*. Vol. 36. No. 1. P. 41-72. https://doi.org/10.1162/isec_a_00044

Solzhenitsyn A. 1978. *A World Split Apart. Speech delivered at Harvard University*. URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/alexandersolzhenitsynharvard.htm> (accessed 21.04.2021).

Stuenkel O. 2016. *Post-Western World: How Emerging Powers Are Remaking Global Order*. Cambridge: Polity.

Waltz K. 1993. The Emerging Structure of International Politics. — *International Security*. Vol. 18. No. 2. P. 44-79.

Williams B. 2005. *In the Beginning Was the Deed: Realism and Moralism in the Political Argument*. Princeton, NJ: Princeton University Press. <https://doi.org/10.1515/9781400826735>

Wohlförth W. 1999. The Stability of a Unipolar World. — *International Security*. Vol. 24. No. 1. P. 5-41.

Yakunin V. 2018. The Importance of Dialogue and Its Impact on Humanity. — *Making Multilateralism Work: Enhancing Dialogue on Peace, Security, and Development*. Ed. by A. Malashenko, V. Popov, P. Schultz. Berlin: Dialogue of Civilizations Institute. P. 5-9.

Zala B. 2017. Polarity Analysis and Collective Perceptions of Power: The Need for a New Approach. — *Journal of Global Security Studies*. Vol. 2. No. 1. P. 2-17.

Lavrov S. 2021. Interview with Vyacheslav Nikonov and Dmitry Simes. — *Russia's Ministry of Foreign Affairs*. (In Russ.) URL: https://www.mid.ru/main_fr/-/asset_publisher/G51iJnfMMNKX/content/id/4662534 (accessed 29.04.2021).

Литература на русском языке

Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова программе “Большая игра” на “Первом канале”, Москва, 1 апреля 2021 года. — *МИД РФ*. URL: https://www.mid.ru/main_fr/-/asset_publisher/G51iJnfMMNKX/content/id/4662534 (accessed 29.04.2021).

DOI: [10.17976/jpps/2021.04.03](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.03)

СОВРЕМЕННЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК: АДАПТАЦИЯ АКТОРОВ К СТРУКТУРНЫМ РЕАЛИЯМ

И.А. Сафранчук, Ф.А. Лукьянов

САФРАНЧУК Иван Алексеевич, кандидат политических наук, директор Центра евроазиатских исследований Института международных исследований, МГИМО МИД России; доцент департамента международных отношений, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва, email: i.safranchuk@inno.mgimo.ru; **ЛУКЬЯНОВ Федор Александрович**, профессор-исследователь, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва, email: flukyano@hse.ru

Сафранчук И.А., Лукьянов Ф.А. Современный мировой порядок: адаптация акторов к структурным реалиям. — Polis. Политические исследования. 2021. № 4. С. 14-25. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.03>

Сафранчуком И.А. статья подготовлена при финансовой поддержке МГИМО МИД России в рамках проекта № 1921-01-04.

Статья поступила в редакцию: 28.04.2021. Принята к публикации: 17.05.2021

Аннотация. Настоящая публикация развивает основные положения статьи “Современный мировой порядок: структурные реалии и соперничество великих держав” (Polis № 3, 2021). Системообразующей характеристикой современной международной системы является противоречие между по-прежнему очень высоким уровнем материальной взаимосвязанности государств и их быстро растущей идейно-этической неоднородностью. Тесная взаимозависимость субъектов с конфликтующим мировоззрением порождает рост напряженности, которую не удастся снизить в рамках привычных подходов — реалистского и либерального. Более того, само противостояние этих подходов служит катализатором противоречий. По ряду причин подобная ситуация представляет собой не переходный момент на пути формирования нового упорядоченного мироустройства, а устойчивое состояние международных отношений, как минимум, на среднесрочную перспективу. Такое положение чревато нарастанием рисков разрушительных столкновений, поэтому требуется принципиально новый метод обеспечения мировой стабильности. Авторы полагают, что продуктивным направлением стало бы изучение цивилизационного подхода, поскольку в сложившихся обстоятельствах именно взаимодействие цивилизаций, несмотря на достаточно размытые контуры этого понятия, может позволить снизить общий уровень напряженности: цивилизации в меньшей степени склонны секьюритизировать различные сферы политики и менее других субъектов опасаются попасть под внешнее влияние.

Ключевые слова: мировой порядок, глобализация, регионализация, цивилизации.

Исходные положения авторов состоят в том, что структурные реалии, сложившиеся в мире, являются не переходным, а устойчивым состоянием международной системы, их главная особенность — несоответствие степени материальной глобальности (по-прежнему высокой) и идейной гомогенности (быстро снижающейся) [Лукьянов и др. 2020: 20-21; Safranchuk 2020]. Несмотря на замедление процесса глобализации с конца 2000-х годов, мир остается материально связанным и взаимозависимым. Но мощный тренд идейной универсализации, который нарастал последние два-три столетия

параллельно с материальной глобализацией и достиг апогея в начале XXI в., не просто прервался, а обратился вспять.

В статье “Современный мировой порядок: структурные реалии и соперничество великих держав” [Сафранчук, Лукьянов 2021] были рассмотрены особенности конкуренции в таких условиях. В материально глобальном и идейно негомогенном мире тесно связанными друг с другом оказываются все более различающиеся акторы, а это ведет к избыточной секьюритизации текущей повестки дня: внутренней мобилизации и поиску внешних врагов, — и создает мощный импульс для соперничества. Идейная неоднородность усугубляет разногласия, а материальная связанность ограничивает масштаб эскалации.

Развивая эти тезисы в настоящей статье, авторы показывают, что с начала XXI в. нарастает кризис позитивистской модели прогресса. И с этим кризисом не справляются два основных типа субъектов мировой политики, которые представляют в современном мире большие группы людей и несут ответственность за социальное развитие и общее благо, — национальные государства и международные (глобальные) институты.

В литературе ведется обширная дискуссия о необходимости передачи больших полномочий на глобальный уровень или, наоборот, укрепления национальных акторов [Kaplan 2013; Acharya 2014; Mead 2014; Ikenberry 2014; Yang, Chen 2021; Бляхер 2021]. Однако, исходя из приведенных выше положений, и то, и другое требует существенного изменения структурных реалий. Чтобы национальные акторы стали более дееспособными, что предполагает реалистская парадигма, требуется значительная материальная деглобализация. А чтобы в полную силу заработали глобальные институты (на которые рассчитывает неолиберализм), необходимо восстановление единой идейно-этической базы, значительная реуниверсализация мировоззренческих подходов.

Авторы полагают, что, как минимум, в среднесрочной перспективе современные структурные реалии устойчивы, так как мировые игроки не способны сделать решающий выбор ни в сторону материальной деглобализации, ни в сторону идейной реуниверсализации. Ограниченную эффективность сохраняют и традиционные национальные государства, и глобальные институты. В связи с этим авторы ставят следующий исследовательский вопрос: какие характеристики позволят актору быть успешным в структурных реалиях современного мира и какая эволюция обеспечит приобретение таких характеристик?

БЕЗОПАСНОСТЬ, РАЗВИТИЕ, СВОБОДА: УТРАЧЕННЫЙ БАЛАНС

В Новое время прогресс (в широком смысле этого слова) стал пониматься как отдаление людей от естественного, природного состояния, а также избавление от метафизических догм, связанных с верой в высшие силы. Человек стал центральным элементом в понимании прогресса [Cassirer 2009]. Создание материально-технических средств и форм социальной организации, которые способствуют расширению пространства человеческого (а не природного или метафизического), стало поэтому неотъемлемой и необходимой частью прогресса.

В XX в., несмотря на мировые войны и потрясения, а может быть, отчасти и по причине их (поскольку катастрофические события критически осмысливались в основном в либеральной парадигме сотрудничества), человечество сделало огромный шаг в сторону прогресса. Доминировало понимание того,

что инклюзивное экономическое развитие, т.е. рост материального благосостояния широких масс, безопасность, свобода — все это взаимосвязанные и взаимодополняющие элементы прогресса. Материальное благосостояние делает менее острой борьбу за ресурсы и “жизненное пространство”, а значит, снижает конфликтогенность и повышает безопасность. Безопасность, в свою очередь, дает возможность сконцентрировать ресурсы на собственном развитии, а не на борьбе с внешними врагами. Свобода же позволяет на индивидуальном уровне раскрыть творческий потенциал, а на уровне общества — способность к модернизации. Это создает условия для роста материального благосостояния, а общественную свободу проще сохранять, когда высок уровень безопасности и материального благополучия. Конечно, споры вокруг различных элементов прогресса шли всегда, но долго казалось, что в совокупности они гарантируют постоянное, хотя и с циклическими кризисами, движение вперед. Но в начале XXI в. различные элементы развития вступили в состояние усугубляющегося дисбаланса.

Атаки террористов на США в 2001 г. бросили вызов глобальной безопасности. Террористы воспользовались достижениями глобализации: в их распоряжении находилась глобальная транспортная, финансовая и другие инфраструктуры, уязвимые для злоупотреблений. Первоначально могло казаться, что международные террористические сети — остаточные явления холодной войны. “Плохие парни”, оставленные после ее окончания без опеки разведслужб больших держав, не просто выжили, но и окрепли в региональных и локальных конфликтах, где действовали в качестве автономной и неуправляемой деструктивной силы. Однако такие объяснения быстро сменились другими. Исследователи заговорили о силах, которые не принимают ставший глобальным европейский Модерн и готовы вести против него настоящую войну (в основном оборонительную, но с мощными контратаками), а, возможно, предложить и собственный “большой проект”.

На фоне такой смены настроений прежний настрой на объединение усилий мирового сообщества не укрепился, а наоборот, как ни покажется парадоксальным, стал угасать. Примечательно, что адепты либеральной глобализации выступали против интерпретации глобальной войны с терроризмом как экзистенциональной и цивилизационной [Brzezinski 2004: 28-29]. Действительно, такие толкования не сплотили мировое сообщество, а внесли вклад в его разобщение. И это стало проявляться не только в вопросах контртерроризма, но и по отношению к прочим глобальным проблемам. На рубеже 2000-х и 2010-х годов стали все более заметны ценностные расхождения [Stuenkel 2016; Denisov 2016; Маркедонов, Окунев 2020; Coker 2019; Сушенцов 2020] и поиск индивидуальных (или группами государств) ответов на глобальные вызовы. Этот тренд набрал такую силу, что к концу 2010-х годов даже зеленую повестку, казалось бы, всеобщую по определению, стали все более убедительно интерпретировать не только в глобалистско-либеральной, но и в реалистско-национальной парадигме [Lieven 2020]. Практическая политика дает этому все больше оснований, в том числе и потому, что зеленая повестка становится частью внутривнутриполитической жизни государств¹.

¹ Gardiner B. 2019. For Europe’s Far-Right Parties, Climate Is a New Battleground. — *Yale School of the Environment*. 29.10. <https://e360.yale.edu/features/for-europes-far-right-parties-climate-is-a-new-battleground> (accessed 01.06.2021).

2008-2009 гг. стали стресс-тестом уже для глобальной экономики. Снятие разделительных линий и политических ограничений времен холодной войны, как казалось, открывало для многих незападных стран большие экономические возможности [Олейнов 2018]. Однако 1990-е годы оправдали такие ожидания не полностью: в разных частях мира возникли сложности с демократическим транзитом, проявилась проблема несостоявшихся государств (*failed states*). И все-таки из опыта девяностых делали вывод, что проблема заключается не столько в обеспечении мирового роста (он как раз был), а в более справедливом распределении его плодов — в “хорошей глобализации” [Stiglitz 2003]. В противном случае общий рост только усиливал дисбалансы и перекосы в мировой экономике, а не стимулировал их выправление. Период высоких цен на полезные ископаемые действительно способствовал улучшению количественных и качественных экономических показателей в развивающихся странах: прежде всего в Индии и Китае, но и в других — России, остальных странах БРИКС и “Большой двадцатки”. Казалось, что окончательно доказана эффективность определенной политико-экономической модели: опыт Японии, Республики Корея, быстрый рост в Китае и “чудо” азиатских тигров — все это показывало, что при разумной домашней экономической политике и интеграции в мировую экономическую систему любая страна способна совершить прорыв в развитии.

Глобальный экономический кризис 2008-2009 гг. продемонстрировал, что мировые дисбалансы не просто сохраняются, но могут и усугубляться. А в 2010-е годы выяснилось, что политические условия и экономическая конъюнктура, при которых стало возможно возвышение новых игроков, исчезают по мере замедления мировой экономики [Business as Usual... 2011]. Социальная, а значит и политическая стабильность многих стран, зиждется на экономическом росте: без него или при его недостаточности обостряются все внутренние противоречия, что и происходило в разных частях мира на протяжении второй половины 2010-х годов, причем не только в развивающихся, но — прежде всего — в развитых странах. Последнее имело намного более явное воздействие на изменение всеобщего нарратива, поскольку источником сомнений в целесообразности глобализации и даже сопротивления ей стали общества стран, которые изначально как раз и выступали флагманами глобального развития. Это повсеместно подталкивает политиков добиваться экономического подъема не за счет участия в общемировом росте, а самостоятельно, в итоге — за счет других. Происходит национализация глобальной экономической повестки [Popov, Sundaram 2017].

Процесс национализации дискурсов безопасности и экономического развития логически вернул идею соперничества великих держав. Всю вторую половину 2010-х годов шла борьба двух основных интеллектуальных течений в описании мироустройства — либерального мирового порядка и великодержавного соперничества (это стало новым практическим измерением теоретических разногласий между неолибералами и неореалистами). Их спор выявил следующее: ни та, ни другая интерпретация не могут предложить приемлемый вариант совмещения интересов безопасности и экономического развития.

К концу 2010-х годов оформились контуры дилеммы: безопасность и суверенитет — с одной стороны, развитие — с другой. В условиях нарастающей идейной неуниверсальности либеральный миропорядок не может не вступать в противоречие с суверенитетом и толкованием безопасности очень многих

государств. А соперничество великих держав подталкивает к деглобализации и несет риски для социально-экономических моделей развития. Совмещение задач обеспечения суверенитета-безопасности и социально-экономического развития — проблема, которая встала и перед странами коллективного Запада, и перед десятками развивающихся государств, особенно крупных.

Кроме этого, интересы экономического развития и безопасности вступили в противоречие и с понятием свободы. Обострение проблем безопасности в начале XXI в., о которых говорилось выше, потребовало ограничения свобод ради общего блага, в том числе безопасности. Дилемма “безопасность или свобода” порождала дискуссии, но в ней было возможно находить баланс компромиссов в условиях, пока в мире сохранялся мощный тренд универсализации. Когда же он обернулся вспять, ограничение себя ради общего блага (как во внутренней политике, так и на международной арене) перестает быть привлекательным способом действия, скорее, появляется склонность ограничить других ради собственного блага. И это обостряет все проблемы, связанные с добровольными и недобровольными, инклюзивными и эксклюзивными ассоциациями, а в конечном счете мешает сотрудничеству. В результате сложились предпосылки для инверсии в понимании свободы, что и произошло в 2020 г.

В период пандемии COVID-19 пробудилось глубинное, архаичное понимание свободы: не *свободы разума* на принципах Просвещения, а *свободы воли* на базе природных инстинктов. Первое понимание не только допускает, но в современных условиях зачастую приветствует и поощряет физические ограничения ради общего блага в организованном коллективном пространстве [Patterson 1992]. Второе — инстинктивный протест против любой “клетки” или “веревки”, как и у любого существа в дикой, социально неорганизованной природе. На практике в ответ на вызов пандемии либералы выступали за жесткие ограничения ради общего блага, а консерваторы им сопротивлялись, ставя в приоритет личный выбор и свободу.

Эта дилемма, порожденная распространением инфекции, обострила еще одно противоречие, проявившееся в 2010-е годы в связи с подъемом так называемого популизма. Речь о понимании демократии как системы правил и институтов, нацеленных в возрастающей степени на защиту интересов меньшинств (либеральный подход) либо как максимальная нацеленность на реализацию воли большинства (правоконсервативный взгляд). Приверженцы первой трактовки считают вторую откатом к варварству, а приверженцы второй видят в первой наступление тирании [Norris 2021].

Таким образом, три базовых компонента — безопасность, экономическое развитие (как общее благо) и свобода — в значительной степени разбалансированы: они вступают друг с другом в противоречие как по отдельности, так и в разных комбинациях, и на национальном, и на глобальном уровне. Национальные государства и глобальные институты оказываются неспособны синхронизировать базовые интересы безопасности, развития и свободы. Причем неспособность носит не временный, переходный характер, а становится устойчивой. В результате в практической политике наблюдается парадоксальная, на первый взгляд, картина — на фоне деклараций о необходимости общих усилий происходит обособление и национализация (а иногда регионализация) основных международных сюжетов, что особенно проявилось в период пандемии [Sakwa 2020: 139-143; Hrabina 2021; Chebankova, Dutkiewicz 2021].

ГАРМОНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ВМЕСТО СТОЛКНОВЕНИЯ

Дискуссия о преимуществах и недостатках глобальных и национальных акторов традиционно сводится к следующему. Национальные государства по своей природе не способны эффективно регулировать глобальные процессы (а в глобальном мире они во многом не способны решать и свои внутренние дела), а международные и глобальные организации не имеют легитимности, которой обладают национальные институты. Последнее ставит вопросы о представительстве, инклюзивности и эксклюзивности, монополии на силу, и, в конечном счете, о свободе. Спор бесконечен и вряд ли разрешим в современных структурных реалиях. Чтобы более дееспособными оказались национальные акторы (пожелание реалистов), требуется значительная материальная деглобализация. А чтобы на практике в полную силу заработали либеральные представления о глобальных институтах — необходима значительная идейная реуниверсализация.

Однако при сохранении современных структурных реалий на длительную перспективу возможна сначала спонтанная, а затем и более упорядоченная трансформация форм организации обществ и их взаимодействия между собой на мировом уровне. Новый тип акторов должен быть способен к широкому общемировому взаимодействию, обладая в то же время высокой степенью устойчивости к внешнему влиянию.

На рубеже XX и XXI вв. обратили внимание на то, что все чаще большие территории выпадают из организованной международной системы и становятся пространством хаоса, нестабильности и рисков для других. Некоторые авторы подчеркивали, что это явление может носить не временный, а устойчивый характер. Те, кто так считал (в основном британские исследователи), предлагали посмотреть на опыт империй [Hutton 2002; Harvey 2003; Ferguson 2003]. Они утверждали, что Британская империя справлялась с организацией мирового пространства лучше, чем США как мировой лидер, глобальные институты или слабые национальные правительства. Тогда эта дискуссия, по сути, сводилась к тому, как справиться с издержками глобализации, включить в упорядоченное мировое пространство “отстающих”. В рамках нашей темы нельзя не отметить, что исторически империи действительно вносили значительный вклад в материальную глобализацию, старались поддерживать внутреннюю устойчивость и гомогенность, противопоставляя себя “другим” на мировой арене. В конечном же счете исторический опыт империй скорее негативный: в условиях обширной географической экспансии они теряли внутреннюю устойчивость — прежде всего за счет утраты гомогенности.

В конце XX в. и особенно в XXI в. развитие получили региональные интеграционные объединения. Для концептуализации этого явления был сформулирован подход “нового регионализма”. Доминировал взгляд, что он “более экстравертный, чем интровертный” [Söderbaum 2003: 5]. Прежде делался упор на протекционизм и приоритет торговли внутри регионального объединения, а новый подход подразумевал гораздо большую открытость без ограничения внешней конкуренции. Иными словами, первое предполагает объединение для отгораживания от внешнего мира, а второе — создание “фракции” для успешного участия в глобальной конкуренции. Новый регионализм существенно отличается от наиболее радикальных взглядов на либеральный мировой порядок. Например, от глобального “плоского мира” [Friedman 2007] — по сути, сети с прямыми связями между разнообразными и несимметричными

субъектами, в которой вовсе отсутствует функциональная роль для иерархических структур.

В условиях нарастающей идейной неуниверсальности мир уже вряд ли станет “плоским”. В последнее десятилетие укрепилась точка зрения, что основными субъектами глобализации будут региональные объединения [Katzenstein 1996; Kupchan 2013; Lukin 2014; Telo 2016; Лисоволик 2019; Воротников и др. 2020; Sushentsov, Wohlforth 2020]; они выступают “провайдерами”, давая доступ к глобальному миру десяткам малых и средних государств. Впрочем, региональные интеграционные объединения занимаются в первую очередь экономической сферой. Опыт даже самого продвинутого интеграционного объединения, ЕС (до сих пор воспринимаемого многими как модель), свидетельствует, сколь непросто преодолеть инерцию такого подхода. Распространение интеграционной политики ЕС за пределы экономической сферы (на социальную и политическую области), формирование на этой основе по-настоящему общего внутреннего пространства и единой субъектности в отношениях с внешним миром — процесс сложный, занимающий продолжительное время и, не исключено, обратимый.

Варианты внутренней социальной организации и обоснования субъектности во взаимодействиях с внешним миром может предложить цивилизационный подход. Есть разные взгляды на то, что такое цивилизации и сколько их в современном мире [Тойнби 2001; Ясперс 1991; Huntington 1996; Хорос 2017]. Однако при всей разнице интерпретаций за понятием “цивилизация” закрепились смысловая нагрузка, которая наиболее четко проявляется при противопоставлении “цивилизации” другим понятиям и отличительные черты которой как раз интересны в контексте настоящей статьи.

Цивилизационные начала противопоставляются природным, т.е. цивилизация — продукт социального развития, то, что создано самим человеком, а не является частью дикой природы, в самом общем виде это продукт человеческой культуры. Цивилизационное также противопоставляется практическому: последнее относится к чему-то более изменчивому и менее длительному во времени. Цивилизационное же подразумевает учет нематериальных факторов долгосрочного и устойчивого характера, как, к примеру, в подходе “*longue durée*” [Braudel 1995]: цивилизация задает характер эволюции. Цивилизационное противопоставляется и универсальному. Наконец, цивилизации противопоставляются национализму, они воспринимаются как что-то большее по масштабу и более долгосрочное, чем нации и национальные государства [Toynbee 1946]: нация — общность по территории и крови, цивилизации же формируют идентичность на основе нематериальных компонентов, устойчивые исторические формы для цивилизации — культура и религия.

Сложилось две основные позиции по поводу того, каким может быть характер межцивилизационных отношений. Одни ожидают столкновения цивилизаций [Huntington 1996], другие считают, что в полицентричном мире их диалог поможет избежать конфликтов [Petito 2016; Chebankova 2021]. С нашей точки зрения, такие подходы не отражают особенности отношений между цивилизациями как субъектами, а применяют к ним традиционные реалистские и идеалистические подходы. В духе классических реалистов Хантингтон видел, что субъекты международных отношений обречены на столкновение, и цивилизационные начала просто становятся его новой формой. В то же вре-

мя в подходе, именуемом “диалогом цивилизаций”, присутствует ярко выраженное идеалистическое содержание, оно предполагает, что при правильном поведении (взаимном уважении цивилизационных культурных основ) будут иметь место гармоничные межкультурные отношения.

Цивилизации можно рассматривать как субъекты, обладающие настолько отличительными особенностями, что именно их различия и определяют характер их взаимоотношений. Цивилизации описываются как долгосрочные и устойчивые социальные конструкции, где гармонично соединены исторические идентичности, связанные с территорией и культурой. Соответственно, они настолько особенные, что в процессе взаимодействия фактически устойчиво сохраняют свою особость без сползания к изоляционизму: сама суть цивилизации предполагает, что она не склонна поддаваться цивилизационному влиянию других и устойчива к культурной диффузии при взаимодействии с другими.

Материально глобальный и идейно неуниверсальный мир, основные субъекты которого — крупные цивилизационные объединения, мог бы быть стабильным. Цивилизационные объединения по определению не имеют экзистенциальных рисков в настоящем. Это “глыбы” с долгой и глубокой исторической колеей, инертные и малоподвижные. А значит, они не должны быть склонны к избыточной секьюритизации текущей повестки дня — внутренней мобилизации и поиску внешних врагов. К тому же, они ценят свою историческую уникальность, то есть не стремятся превратить “свое” в универсальное, не навязывают “свое” другим, и одновременно в высшей степени резистентны при соприкосновении с “чужим”. В отношениях таких акторов идейный компонент объективно сводится к минимуму. Другими словами, мирные отношения между цивилизациями — результат не их диалога, а отсутствия надобности в нем. При этом такие субъекты могли бы оставаться взаимосвязаны практической повесткой в материально глобальном мире, что делало бы отношения разных акторов, как ни парадоксально, в высшей степени прагматичными и рациональными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сочетание материальной глобальности и идейной неуниверсальности, несоответствие степени одного и другого (для существующего уровня материальной глобальности мир слишком многообразен в идейном плане и, наоборот, для прогрессирующей идейной деуниверсализации — чрезмерно взаимозависим) является устойчивым структурным элементом. Это формирует сложные противоречия и дилеммы, с которыми сталкиваются акторы на международной арене и которые неразрешимы ни для традиционных национальных государств, ни для международных и глобальных институтов. Более рациональным представляется целенаправленное изменение структурных реалий, и в современном мире можно видеть консолидацию либералов-глобалистов, как и их оппонентов консерваторов-националистов. Они тянут в разные стороны: первые сопротивляются материальной деглобализации и не оставляют надежды перезапустить идеаторную универсализацию, вторые не приемлют реуниверсализации и готовятся к материальной деглобализации. Впрочем, деятельное изменение современных структурных реалий вряд ли возможно в кратко- и среднесрочной перспективе, поскольку либералы-глобалисты и консерваторы-националисты в мировых центрах не могут одолеть друг друга, а десятки развивающихся государств не готовы поддержать ни один из этих проектов.

В таких условиях возможно приспособление акторов к современным структурным реалиям, их трансформация с целью обретения характеристик, которые снижали бы для них негативный эффект существующих структурных реалий. Точнее говоря, оно даже необходимо, чтобы снизить быстро растущую напряженность в мировой политике. Обращение к историческим паттернам империй (прежде всего, Британской) и их применение в современной практике может быть одним из вариантов такой трансформации². Другой вариант — региональные интеграционные объединения. Однако наиболее естественной формой социальной организации обществ в современных структурных реалиях и наименее конфликтогенной при взаимодействии на мировой арене может быть как раз цивилизационная форма.

Цивилизационные идентичности более масштабны, чем национальные, они противостоят универсализму и имеют в своей основе мощный исторический культурный компонент. По своей сути цивилизации долгосрочны и устойчивы, склонны к сосуществованию, а не активному соперничеству. С акторами в виде сообществ, построенных на прочных цивилизационных началах, материально глобальный и идеаторно неуниверсальный мир мог бы быть гармоничным и стабильным. Разные субъекты не чувствовали бы опасности от взаимосвязи друг с другом.

Необходимо признать практические ограничения нашего анализа. Такой идеальной конструкции, как мир цивилизационных субъектов, сейчас нет. Цивилизационная идентичность — явление сложное и по определению не вполне четкое, с трудом поддающееся формализации. Процесс складывания цивилизационной идентичности — это одновременно включение одних и исключение от других. По обеим этим линиям неизбежно сопротивление и региональные конфликты. Несмотря на ослабление национальных идентичностей за десятилетия материальной глобализации и идейной универсализации, они остаются достаточно сильными и востребованными, поскольку политикам легче всего их инструментализировать. Коллизия цивилизационных и национальных идентичностей при попытках сделать упор на первые практически неизбежна. И, естественно, цивилизационные субъекты не могут не встречать сопротивление со стороны тех, кто разделяет универсалистские устремления. Особенно учитывая тот факт, что идейно-этический универсализм долгое время служил наиболее эффективным инструментом проведения политики Запада, и отказ от него еще более ослабит западные возможности влияния. Соответственно, этот момент попытаются максимально отсрочить.

Однако в теоретическом плане наш подход открывает возможность для нового взгляда на проблематику сотрудничества, а также для новых подходов к решению региональных проблем. Последние часто являются следствием распада империй, на месте которых не возникло достаточно устойчивых государственных образований. Восстановление имперских общностей невозможно, как и окончательное культурно-идеологическое размежевание. Регионализация на основе цивилизационного подхода могла бы стать “третьим путем”.

---

² Вопрос о формах управления, наследующих имперским, актуален для многих территорий. Пространство бывшего СССР не является исключением. Кризис многих из новых государственных образований, образовавшихся на этом пространстве, в купе с фундаментальными изменениями геополитического окружения заставляет задуматься о новых способах стабилизации постсоветской сферы спустя 30 лет после исчезновения единого образования.

Традиционно считалось, что наиболее гармоничные и мирные отношения естественны между подобными (концепцию демократического мира можно считать предельным выражением этой традиции). Соответственно, расширение “общего” (идейного — ценностей и/или практического — интересов) — лучшая база для мирного взаимодействия. Современная практика все чаще опровергает это предположение и дает материал для ровно противоположных обобщений. Разные и устойчивые до степени практически полной индифферентности по отношению друг к другу субъекты не могут иметь конфликтный потенциал, который побуждал бы их к масштабному экзистенциальному противостоянию. А значит — мирное взаимодействие концептуально возможно не только между подобными, но и, напротив, вероятнее между совершенно разными.

DOI: [10.17976/jpps/2021.04.03](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.03)

THE CONTEMPORARY WORLD ORDER: THE ADAPTATION OF ACTORS TO STRUCTURAL REALITIES

I.A. Safranchuk^{1,2}, F.A. Lukyanov²

¹ *Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia*

² *National Research University Higher School of Economics (HSE University). Moscow, Russia*

SAFRANCHUK, Ivan Alekseevich, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Director, Center of Euroasian Research, Institute for International Studies, MGIMO University; Associate Professor, Department of International Affairs, National Research University Higher School of Economics, email: i.safranchuk@inno.mgimo.ru; LUKYANOV, Fyodor Alexandrovich, Research Professor, National Research University Higher School of Economics, email: flukyanov@hse.ru

Safranchuk I.A., Lukyanov F.A. The Contemporary World Order: The Adaptation of Actors to Structural Realities. — Polis. Political Studies. 2021. No. 4. P. 14-25. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.03>

Acknowledgements. I.A. Safranchuk's work on this article was financially supported by MGIMO University, project No. 1921-01-04.

Received: 28.04.2021. Accepted: 17.05.2021

Abstract. This article develops the concept introduced in The Modern World Order: Structural Realities and Great Power Rivalries (Polis. Political Studies. 2021. No. 3). The core structural element of the current world is defined as a mismatch between material globalization and ideational universalism—the former continuing its ascendance while the latter declines. The material interdependence of actors who are ideationally divergent leads to conflictual relations that are not well explained within realist or liberal narratives of International Relations. These realities are not simply transitional, on the way to a new world order, but are sustainable, and taken together constitute the current world order, with its extremely high risks of international conflict. Hence, new approaches are needed for the stabilization of the international system. This article offers a new interpretation of the civilizational approach. While the very notion of civilizations is vague and debatable, the authors outline key features of civilizations that fit the contemporary structural realities. The authors conclude that ideationally resilient civilizations, nearly irrelevant and indifferent to each other, can stay materially interconnected without inclination for securitization of various agendas of their relations.

Keywords: world order, globalization, regionalization, civilizations.

References

- Acharya A. 2014. *The End of American World Order*. Cambridge: Polity Press. 157 p.
 Braudel F. 1995. *A History of Civilizations*. London: Penguin Books. 600 p.
 Brzezinski Z. 2004. *The Choice: Global Domination or Global Leadership*. New York: Basic Books. 256 p.
Business as Usual: The Roots of the Global Financial Meltdown. 2011. Ed. by Calhoun C., Derluigan G. New York, London: New York University Press. 312 p.

- Cassier E. 2009. *The Philosophy of the Enlightenment*. Princeton, Oxford: Princeton University Press. 392 p.
- Chebankova E. 2021. What is Civilisation? Problems and Definitions. — *Civilisations and World Order*. Ed. by E. Chebankova, P. Dutkiewicz. London: Routledge (forthcoming).
- Chebankova E., Dutkiewicz P. 2021. COVID-19 Pandemic and the World Order. — *Polis. Political Studies*. No. 2. P. 8-24. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.02>
- Coker C. 2019. *The Rise of the Civilizational State*. Cambridge: Polity Press. 224 p.
- Denisov I. 2016. Chinese and Western Values in Modern Political Discourse in China. — *Social Sciences*. Vol. 47. No. 2. P. 70-79. <https://doi.org/10.21557/ssc.46698029>
- Ferguson N. 2003. *Empire: How Britain Made the Modern World*. London: Penguin Books. 405 p.
- Friedman T.L. 2005. *The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-first Century*. New York: Farrar, Strauss and Giroux. 488 p.
- Harvey R. 2003. *Global Disorder: America and the Threat of World Conflict*. London: Basic Books. 352 p.
- Hrabina J. 2021. The Year of Crises: How 2020 Will Reshape the Structure of International Relations. — *Russia in Global Affairs*. Vol. 19. No. 1. P. 174-199. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2021-19-1-174-199>
- Huntington S.P. 1996. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster. 368 p.
- Hutton W. 2002. *The World We're In*. London: Little Brown. 514 p.
- Ikenberry J.G. 2014. The Illusion of Geopolitics: The Enduring Power of the Liberal Order. — *Foreign Affairs*. Vol. 93. No. 3. P. 80-90.
- Kaplan R. D. 2013. *The Revenge of Geography: What the Map Tells Us About Coming Conflicts and the Battle Against Fate*. New York: Random House. 448 p.
- Katzenstein P.J. 1996. Regionalism in Comparative Perspective. — *Cooperation and Conflict*. Vol. 31. No. 2. P. 123-159. <https://doi.org/10.1177/0010836796031002001>
- Kupchan C.A. 2013. *No One's World: The West, the Rising Rest, and the Coming Global Turn*. New York: Oxford University Press. 272 p.
- Lieven A. 2020. *Climate Change and the Nation State: The Case for Nationalism in a Warming World*. New York: Oxford University Press. 240 p.
- Lukin A. 2014. Eurasian Integration and the Clash of Values. — *Survival*. Vol. 56. No. 3. C. 43-60. <https://doi.org/10.1080/00396338.2014.920144>
- Mead W.R. 2014. The Return of Geopolitics: The Revenge of the Revisionist Powers. — *Foreign Affairs*. Vol. 93. No. 3. P. 69-79.
- Norris P. 2021. Voters against Democracy. — *Foreign Affairs*. Vol. 100. No. 3. P. 174-178.
- Patterson O. 1992. *Freedom Vol. 1: Freedom in the Making of Western Culture*. New York: Basic Books. 516 p.
- Petito F. 2016. Dialogue of Civilizations in a Multipolar World: Toward a Multicivilizational-Multiplex World Order. — *International Studies Review*. Vol. 18. No. 1. P. 78-91. <https://doi.org/10.1093/isr/viv030>
- Popov V., Sundaram J.K. 2017. Convergence? More Developing Countries Are Catching Up. — *Mapping a New World Order: The Rest beyond the West*. Ed. by V. Popov, P. Dutkiewicz. London: Edward Elgar Publishing. P. 7-22. <https://doi.org/10.4337/9781786436481.00007>
- Safranchuk I. 2020. Globalisation and the Decline of Universalism: New Realities for Hegemony. — *Hegemony and World Order. Reimagining Power in Global Politics* (ed. by P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte). New York: Routledge. P. 65-77. <https://doi.org/10.4324/9781003037231>
- Sakwa R. 2020. Multilateralism and Nationalism in an Era of Disruption: The Great Pandemic and International Politics. — *Journal of International Analytics*. Vol. 11. No. 3. P. 129-150. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-3-129-150>
- Söderbaum F. 2003. Introduction: Theories of New Regionalism. — *Theories of New Regionalism*. Ed. by F. Söderbaum, T. Shaw. London: Palgrave Macmillan. P. 1-22. https://doi.org/10.1057/9781403938794_1
- Stiglitz J.E. 2003. *The Roaring Nineties: A New History of the World's Most Prosperous Decade*. New York: W.W. Norton & Company. 379 p.
- Stuenkel O. 2016. *Post-Western World. How Emerging Powers are Remaking Global Order*. Cambridge, UK: Polity Press. 251 p.
- Sushentsov A.A., Wohlforth W.C. 2020. The Tragedy of US—Russian Relations: NATO Centrality and the Revisionists' Spiral. — *International Politics*. Vol. 57. P. 427-450. <https://doi.org/10.1057/s41311-020-00229-5>
- Telo M. 2016. *Regionalism in Hard Times: Competitive and Post-Liberal Trends in Europe, Asia, Africa and the Americas*. London: Routledge. 98 p. <https://doi.org/10.4314/9781315464251>
- Toynbee A. 1946. *A Study of History*. Abridgement of vols. 1–6 by D.C. Somervell. New York & London: Oxford University Press. 617 p.

Yang Yifan, Chen Xuechen. 2021. Globalism or Nationalism? The Paradox of Chinese Official Discourse in the Context of the COVID-19 Outbreak. — *Journal of Chinese Political Science*. Vol. 26. No. 1. P. 89-113. <https://doi.org/10.1007/s11366-020-09697-1>

Bliakher L. 2021. The Costs of Global Leadership and Neighborhood International Politics. — *Journal of International Analytics*. Vol. 12. No. 1. P. 21-34. (In Russ.) <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-21-34>

Jaspers K. 1991. Vom Ursprung und Ziel der Geschichte (Russ. ed.: Jaspers K. *Смысл и назначение истории*. Moscow: Politizdat. 527 p.).

Khoros V.G. 2017. Sozvezdie tsivilizatsii. — *Russia in Global Affairs*. No. 2. P. 173-189. (In Russ.)

Lissovnikov Ya. 2019. Regionalizm v global'nom upravlenii: novye podkhody [Regionalism in Global Governance: New Approaches]. — *Valdai Discussion Club. Reports*. (In Russ.) URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/27333/> (accessed: 01.06.2021).

Lukyanov F.A., Trenin D.V., Kortunov A.V., Sushentsov A.A., Suslov D.V., Silaev N.Yu., Murakhovskii V.I., Safranchuk I.A., Markedonov S.M. 2020. Russia in the New Decade: Objectives, Threats, and Fellow Companions. — *Journal of International Analytics*. Vol. 11. No. 2. P. 11-27. (In Russ.) <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-11-27>

Markedonov S., Okunev I. 2020. State Integrity and Self-Determination in a World of Problematic Sovereignty. — *Quaestio Rossica*. Vol. 8. No. 4. P. 1422-1436. (In Russ.) <https://doi.org/10.15826/qr.2020.4.536>

Oleynov A.G. 2018. Economic Future of Globalization. — *MGIMO Review of International Relations*. No. 4. P. 92-106. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-4-61-92-106>

Safranchuk I.A., Lukyanov F.A. 2021. The Modern World Order: Structural Realities and Great Power Rivalries. — *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 57-76. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.05>

Sushentsov A. 2020. Russia's Foreign Policy and Strategic Culture: A Dialogue with William Wohlforth about the Research Paradigm. — *Quaestio Rossica*. Vol. 8. No. 2. P. 369-381. (In Russ.) <https://doi.org/10.15826/qr.2020.2.468>

Toynbee A.J. 2001. A Study of History. (Russ. ed.: Toynbee A.J. *Postizhenie istorii. Izbrannoe*. Moscow: Airis-Press; Rolf. 637 p.).

Vorotnikov V., Gribin N., Petlyayeva D., Pimenova E., Yakutova U. 2020. NATO versus PESCO: Economic Aspects. — *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 64. No. 6. P. 40-50. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-40-50>

Литература на русском языке

Бляхер Л.Е. 2021. Издержки глобального лидерства и “соседская” международная политика. — *Международная аналитика*. Т. 12. №. 1. С. 21-34. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-21-34>

Воротников В., Гринин Н., Петляева Д., Пименова Е., Якутова У. 2020. НАТО versus PESCO: экономические аспекты. — *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 64. №. 6. С. 40-50. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-40-50>

Лисовиков Я. 2019. Регионализм в глобальном управлении: новые подходы. — *Международный дискуссионный клуб “Валдай”*. Июнь. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/27333/> (accessed: 01.06.2021).

Лукьянов Ф.А., Тренин Д.В., Кортуннов А.В., Сушенцов А.А., Суслов Д.В., Силаев Н.Ю., Мураховский В.И., Сафранчук И.А., Маркедонов С.М. 2020. Россия в новом десятилетии: цели, угрозы, попутчики. — *Международная аналитика*. Т. 11. № 2. С. 11-27. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-11-27>

Маркедонов С., Окунев И. 2020. Целостность и самоопределение государств в мире проблемной суверенности. — *Quaestio Rossica*. Т. 8. № 4. С. 1422-1436. <https://doi.org/10.15826/qr.2020.4.536>

Олейнов А.Г. 2018. Экономическое будущее глобализации. — *Вестник МГИМО-Университета*. № 4. С. 92-106. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-4-61-92-106>

Сафранчук И.А., Лукьянов Ф.А. 2021. Современный мировой порядок: структурные реалии и соперничество великих держав. — *Полис. Политические исследования*. 2021. № 3. С. 57-76. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.05>

Сушенцов А.А. 2020. Внешняя политика России и стратегическая культура: диалог с Уильямом Уолфортом об исследовательской парадигме. — *Quaestio Rossica*. Т. 8. № 2. С. 369-381. <https://doi.org/10.15826/qr.2020.2.468>

Тойнби А.Дж. 2001. *Постижение истории. Избранное*. М.: Айрис-Пресс; Рольф. 637 с.

Хорос В.Г. 2017. Созвездие цивилизаций. — *Россия в глобальной политике*. № 2. С. 173-189.

Ясперс К. 1991. *Смысл и назначение истории*. М.: Издательство политической литературы. 527 с.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ЛИБЕРАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

А. Пабст

ПАБСТ Адриан, PhD, профессор политологии, декан Школы политики и международных отношений, Университет Кент, Кентерберри (Великобритания), email: a.pabst@kent.ac.uk

Пабст А. Цивилизация и либеральная демократия. — Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 26–42. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.04>

Статья поступила в редакцию: 12.03.2021. Принята к публикации: 22.04.2021

Аннотация. Цивилизация — это новый стержень международных отношений. Брекзит, Трамп и возрождение России, Китая и Индии поставили культуру и цивилизационную идентичность в центр как внутренней, так и внешней политики многих стран мира. Инспирируя “культурные войны”, охватившие Запад, а также сопротивление западному универсализму в большей части незападного мира, цивилизационные нормы апеллируют не только к разуму, но и к сердцам людей, их желанию и потребности в принадлежности. В статье рассматривается возрождение цивилизации как ответ на динамику либерально-демократической модели. Либерально-демократические системы государственного управления отступают, и само их существование находится под вопросом — не только из-за влияния внешних угроз, но вследствие внутренних процессов. Современный капитализм и либерализм высвобождают демонов демократии — олигархию, демагогию, анархию и тиранию. Эти силы подрывают основы западной цивилизации и бросают тень на универсальность западных ценностей. В ответ Россия и Китай взяли на вооружение модель государства-цивилизации, определяемого прежде всего не через этнические, национальные либо территориальные характеристики, а как воплощение уникальной цивилизации. Восхождение государств-цивилизаций не просто меняет глобальный баланс сил, но и ведет к трансформации геополитики от либерального универсализма к культурной исключительности, по мере того как мир становится “постамериканским” и “постзападным”.

Ключевые слова: цивилизация, либеральная демократия, государства-цивилизации, ценности, нормы.

Спустя 75 лет после окончания Второй мировой войны и формирования системы международных отношений на базе ООН мир переживает не эпоху перемен, а перемену эпох. Пандемия COVID-19 ускорила и усилила тенденции, складывавшиеся десятилетиями. Западные элиты утратили оптимизм, царивший после 1989 г. [Krastev 2016; Zielonka 2018; Krastev, Holmes 2019; Pabst 2018]. Вместо глобализации и уважения универсальных прав человека, базирующихся на многосторонности и свободной торговле, мы наблюдаем рост националистических и изоляционистских настроений среди национальных государств, проистекающих из политики популизма и протекционизма. Такие ценности, как демократия и фундаментальные свободы, не просто оспариваются, но и рассматриваются многими державами как подчиненные национальным культурам или цивилизационным традициям.

Судя по всему, цивилизация — это новый стержень международных отношений. Брекзит, Трамп и возрождение России, Китая и Индии поставили культуру и цивилизационную идентичность в центр как внутренней, так и внешней политики. Цивилизационные нормы столь же значимы, как и военная сила и экономическое процветание, поскольку ведут к “культурным

войнам”, охватившим Запад, а также к сопротивлению западному универсализму в большей части незападного мира. Одна из главных причин в том, что культура обращается не только к разуму людей, но и к сердцу, апеллирует к желанию и потребности в принадлежности. Как пишет Кристофер Кокер в книге “Подъем государства-цивилизации”, “мы живем в мире, где цивилизация быстро становится валютой международной политики” [Coker 2019: x].

Либерализм, доминировавший в течение последних почти 40 лет, концентрировался на определенных ценностях, таких как личная свобода и возможности, главным образом сводящихся к свободному выбору, принятию глобальной мобильности и бесконечных изменений. Однако со временем эти ценности — или способы их реализации — вступили в конфликт со стремлением человека вести устоявшийся образ жизни, вращающийся вокруг своего дома, сообщества и страны [Milbank, Pabst 2016]. Популистская реакция — это отчасти реакция на политику глобального, а не национального и местного, политику, в фокусе которой находится утопия, а не реальность, политику индивидуализированной идентичности в противоположность коллективной принадлежности. Одним словом, мы наблюдаем столкновение ценностей, часто связываемое с американскими “культурными войнами” и импортом американских норм в политику других стран, как в случае с движением *Black Lives Matter* (“жизни чернокожих имеют значение”), а также с глубокими расколами внутри стран по культурному признаку [Norris, Inglehart 2019].

Спустя десятилетия ускоряющейся глобализации мир замедляется и отчасти разворачивается вспять. Деглобализация, протекционизм и пограничный контроль накладываются на возрождение национализма и даже атавистического этноцентризма. После вспышки COVID-19 политическую повестку дня государств все чаще определяет проблематика внутренних социальных контрактов и экономического развития, что является ответом на запрос населения на стабильность, безопасность и стремление ощущать причастность [Collier, Kay 2020; Pabst 2021].

В период обострения напряженности между великими державами, которые считают себя гарантами цивилизационной идентичности, можно ли считать столкновение цивилизаций неизбежным? Как в прошлом, так и сегодня столкновения цивилизаций происходили, как правило, внутри, а не между ними — США против Европы, шииты против суннитов, а в России — западники против славянофилов. То же можно сказать и о холодной войне, которая представляла собой прежде всего столкновение идеологий в рамках христианской цивилизации. Ее истоки лежат в расколе христианства, восходящему к Великому разделению церковью 1054 г. и разрыву светского Просвещения с домодерновым наследием. Просветительская современность породила как западный либерализм, так и советский коммунизм, которые представляли собой светские симулякры общеевропейских религиозных корней. Сэмюэль Хантингтон, утверждая, что Запад и православие — это отдельные цивилизации, забывает о тесных связях, восходящих к Восточной Римской империи и простирающихся на пространстве современных идеологий, таких как коммунизм, перекочевавших с Запада на Восток. Тем не менее конфликты внутри и между цивилизациями вовсе не необходимы или нормативны. Поскольку история условна и бессрочна, безусловно, возможно найти средства диалога цивилизаций, которые позволят добиться большего взаимопонимания, признания различий и более тесного сотрудничества по вопросам, представля-

ющим общий интерес. Ключевой вопрос заключается в том, способствует ли либеральная демократия такому диалогу или препятствует.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ ПОД ВОПРОСОМ

В умах старого истеблишмента сложилась новая картина мира, в которой главная угроза либеральной демократии исходит от агрессивных восточных автократий и спонсируемых ими популистских движений в странах Запада. Свидетельством этой угрозы они полагают “пропагандистскую кампанию в киберпространстве” Москвы и предполагаемое финансирование ею крайних правых партий, равно как и попытки Китая “столкнуть лбами” страны Европы, предлагая им выгодные сделки в рамках глобальной инфраструктурной инициативы “Один пояс — один путь”. Не подлежит сомнению, что за Россией числится ряд попыток подогреть противоречия между западными демократиями и усилить давление на них Китая; впрочем, ни одна из них не могла вызвать народное недовольство подобного масштаба и накала.

Подлинный источник этого гнева — моральное банкротство либерализма как экономического течения, а также стремительная перестройка культурного ландшафта по лекалам социального либерализма [Deneen 2018]. Экономический либерализм — это не только провальная неолиберальная политика приватизации, либерализации и дерегулирования, которая проводится последние 40 лет, но и свободная торговля и массовая иммиграция (что по-прежнему не укладывается в голове у представителей партий истеблишмента). Впрочем, это не самое худшее: куда страшнее их неспособность осознать, что либеральная демократия раздираема внутренними противоречиями. Еще со времен Античности философы, начиная с Платона и заканчивая Аристотелем и Цицероном, предостерегали от скатывания демократии в автократию. Сегодня же следует предостеречь либерализм, который выпускает в наш мир демонов демократии — олигархию, демагогию, анархию и тиранию [Pabst 2019].

Вместо того, чтобы защищать открытые рынки, последние четыре десятилетия либералы укрепляли позиции и так могущественных картелей и поддерживали становление новых монополий [Lynn 2010]. В результате спустя более десяти лет с момента финансового кризиса мы по-прежнему слышим в отношении гигантов банковского сектора, управляющих глобальными финансами, характеристику “слишком велики, чтобы обанкротиться”. В нашей повседневной экономике доминирует “страшная пятерка” — *Amazon, Apple, Facebook, Microsoft* и *Alphabet* (материнская компания *Google*). Контролируя доступ к информации, эти технологические монополии ограничивают не только экономическую конкуренцию, но и свободу слова. Их плутократическая власть подрывает открытые рынки и препятствует демократическим дебатам [Stoller 2019].

Контроль, установленный этим олигархическим режимом, усиливает дрейф в сторону демагогической политики. Ее деятели — как либералы из партий истеблишмента, так и оппозиционеры-популисты, — играют на страхах людей перед угрозами экономической и культурной безопасности [Sommer 2010; Bouvet 2015]. В результате демократия оказывается меж двух огней — фактами технократов и “постправдой” борцов с элитой. Представителям этих групп чужд здравый смысл, равно как и набор принципов, который Дж. Оруэлл назвал “общей порядочностью” [Orwell 1937], включая уважение к политическим оппонентам, что наиболее ярко продемонстрировали политики США после победы Д. Трампа и Великобритании после Брекзита.

Их излюбленные инструменты — демонизация соперника, идеологический пуризм, избегание содержательных и цивилизованных дебатов.

Демоны олигархии и демагогии подливают масла в огонь анархии, вызванной усилением социальных размежеваний и серьезным оскудением социального капитала, формируемого межличностным доверием и партнерством. Гражданские связи ослабли, резко упал уровень общественного доверия к основным государственным институтам, в том числе к государству и политическому руководству в целом, а не только к рынку [Pew Research Centre 2019]. Одиночество перестало быть личной трагедией человека и переросло в социальную эпидемию: в одной только Великобритании социально изолированы около 9 млн человек [Kantar Public 2016]. Все это лишь обостряет чувство бессилия.

Олигархия, демагогия и анархия также усугубляют то, что А. де Токвиль в “Демократии в Америке” называл “тиранией добровольного рабства”, в основе которого лежит “охранительная власть... Власть эта абсолютна, дотошна, справедлива, предусмотрительна и ласкова” [Tocqueville 1969: 650]. Речь идет о “капитализме слежки” технологических монополий, которые собирают личные данные пользователей и используют эти данные для манипуляций их поведением с целью получения максимальной прибыли [Zuboff 2019]. Во имя выбора и эмансипации автономия личности узурпируется постоянным контролем, подрывается свобода воли. Не осознавая этого, мы добровольно отдаем свою человечность. Эрозия цивилизованной жизни — один из главных факторов кризиса либеральной демократии.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭРОЗИЯ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ослабление глобального доминирования Запада и кризис западной либеральной демократии породили ответную реакцию двух типов. Первый подход заключается в утверждении Запада как единственного гаранта цивилизации, подарившей миру модернизацию и Просвещение. События последнего времени — Ирак, финансовый кризис, Крым, Брекзит и Трамп — рассматриваются как временные неудачи, неспособные повлиять на ход прогресса, а проблема Запада как хранителя ценностей либеральной цивилизации лежит не в сфере ценностей, а вызвана невыполнением обещаний свободы, открытости и равенства.

Запад подвергается нападению изнутри, пишет бывший редактор журнала *Economist* Билл Эммотт, по той причине, что “в последнее время он не оправдывал сложившиеся ожидания своих граждан — а именно, ожидания справедливости, процветания и безопасности” [Emmott 2017: 1]. Такие либералы, как Эммотт, полагают, что поскольку мы обязаны либерализму своим благополучием, стабильностью, миром и научным прогрессом, Западу необходимо выйти из состояния самоуспокоенности, в котором он пребывает ныне, и восстановить главные ценности либерализма в глобальной битве идей.

Другой подход полагает неудачи последнего времени симптомами более глубокого кризиса, который, по словам обозревателя *Financial Times* Эдварда Люса, “вполне реален, носит системный характер и, судя по всему, продлится еще долго”, поскольку западные элиты ослеплены убежденностью в первенстве западной мысли и отказываются “признать, что у Запада нет монополии на истину или добродетель” [Luce 2017: 16]. Либеральный истеблишмент не осознает, что в своей современной форме либерализм порождает экономическую несправедливость и социальные размежевания, которые расшатывают общественный договор — фундамент либеральной демократии.

Согласные с этим диагнозом эксперты из незападных стран, такие как Панкай Мишра, отмечают, что этот феномен выходит за рамки простого недовольства: “происходит глобальная мобилизация против цивилизации, движимой постепенным прогрессом под началом попечителей — либерал-демократов... Она характеризуется более широким, глубоким и импульсивным стремлением к креативному разрушению, даже притом что жесткий встречный ветер глобализации вырывает с корнем многие ориентиры политики и общества” [Mishra 2017: 25].

Оба подхода исходят из того, что либерализм определяет судьбу демократии и Запада. Однако западная цивилизация не была в массе своей либеральной вплоть до двойного триумфа социального и экономического либерализма, достигнутого с 1960-х годов. В предшествующие же годы либеральные ценности равенства, прав и свобод человека уравнивались такими ценностями консерватизма, как власть, обязательства и долг [Milbank, Pabst 2016: 13-67]. Наряду с либеральным интервенционизмом демократические модели и сообщество цивилизаций Запада подорвала начавшаяся в 1990-е годы (от Билла Клинтона и Тони Блэра до Барака Обамы и Дэвида Кэмерона) конвергенция экономического и социального либерализма.

Североамериканская и европейская манифестации либерализма приняли ультрапрогрессивный характер, который в целом ряде аспектов отличен как от классического, так и от нового либерализма. Либеральный прогрессивизм — это сплав экономики свободного рынка, социального эгалитаризма и политики идентичности¹ [Douthat 2020]. Его сторонники выступают за сочетание рыночных механизмов и государственного вмешательства с целью расширения возможностей выбора и эмансипации. Данная идеология лежит в основе широкого консенсуса партий истеблишмента западных стран относительно глобализации, интенсивной миграции, социального равенства и глобального продвижения демократии и прав человека — факторов, в совокупности ослабивших культурную сплоченность Запада.

Еще задолго до Брежнев и Трампа крах советского коммунизма совпал с “новым мировым беспорядком” геноцидов, этнических чисток, возрождения национализма и насильственным перекраиванием границ, которым часто содействовала либеральная политика [Jowitt 1991, 1992; Juergensmeyer 1993; Hoffmann 1998]. Канадский либеральный философ Майкл Игнатьев охарактеризовал акты насилия на Балканах, в Курдистане и на территории бывшего СССР как угрозу “либеральной цивилизации” со стороны варваров; однако он проигнорировал тот факт, что сам либерализм становится все менее либеральным [Ignatieff 1994]. Агрессивное продвижение демократии во имя якобы универсальных — а на деле узколиберальных и индивидуалистических, — прав человека привело к незаконным войнам и новым разделительным линиям на территории бывшей Югославии, равно как и на всем постсоветском пространстве [Rieff 2005]. Либерализм оказался далек от того, чтобы выступить в защиту мира, основанного на примирении бывших противников, и стал ассоциироваться с триумфализмом и “правосудием победителей”.

Западные элиты справедливо указывают на авторитаризм как на источник насилия и несправедливости, но зачастую не осознают, что часть ответственности лежит и на них самих. Нельзя сказать, что никто не указал им на это: еще в 1957 г. Джордж Кеннан дальновидно очертил пределы либеральной демокра-

¹ Douthat R. The Tom Cotton Op-Ed and the Cultural Revolution. — *The New York Times*. 12.06.2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/06/12/opinion/nyt-tom-cotton-oped-liberalism.html> (accessed 01.03.2021).

тии: “В природе нет ничего более эгоцентричного, чем выстроенная в боевой порядок демократия. Скоро она становится жертвой собственной пропаганды. Она начинает придавать своему делу абсолютную ценность, и это искажает ее видение... *Ее* враг становится воплощением всех зол. *Ее* собственная сторона — сосредоточением всех достоинств” [Kennan 1960: 11] (курсив автора. — А.П.).

Игнатьев и подобные ему приверженцы “либеральной цивилизации” упускают из виду, перефразируя Алана Блума, закрытие либерального разума [Bloom 1987]. Реакцией на все большую нетерпимость западного либерализма стало не просто противодействие либеральному интервенционизму, но и выступление против той жадности, что влечет за собой глобальную экономическую несправедливость. А также против одержимости нарциссической идентичностью, что атомизировала общество и установила политику поощрения прав меньшинств, которая идет вразрез с принципами либеральной демократии, отчуждая друг от друга собственных граждан и отталкивая потенциальных партнеров за рубежом. Либеральная модель прогрессивного космополитического будущего не отражает интересы большинства жителей евроатлантических стран и не находит отклик в остальных странах Запада (данные по Великобритании см., например, [Goodhart 2017; Sobolewska, Ford 2020]).

ЛИБЕРАЛЬНОЕ ТЩЕСЛАВИЕ

Главная причина, по которой после 1989 г. Запад не смог объединиться, а теперь находится под угрозой распада, — это либеральное тщеславие. Сперва часть представителей западных элит согласилась с тезисом о “конце истории” и польстились на сладкие речи апологетов “великой глобализации”. Так родилась прогрессивно-неоконсервативная утопия мира без границ, сводящегося к либеральной рыночной демократии по западным лекалам как к “окончательной форме человеческого управления” [Fukuyama 1989, 1992]. Затем послевоенный международный порядок трансформировался — из системы, базирующейся на правилах, сотрудничестве суверенных государств и институциональном встраивании рынков, — в новый мировой порядок, где доминирует “либеральный Левиафан” [Ikenberry 2011]. Примерно за десятилетие однополярного доминирования США стали единственной сверхдержавой, стремившейся к открытию новых свободных рынков, распространению демократии, верховенства закона, прав человека и свободных выборов правительств.

Главным столпом этого порядка была вера либералов в то, что открытые и прозрачные рынки при минимальном вмешательстве государства обеспечат процветание, мир и партнерство. На деле же “либеральный Левиафан” способствовал лишь рыночному фундаментализму, массовой миграции и военному вмешательству за границей. У себя же дома “встроенный либерализм” послевоенной эпохи, делавший ставку на межклассовые и межкультурные коалиции как инструмент национального обновления, превратился в смесь олигархической демократии, индивидуалистических прав как привилегий и разгорающихся культурных войн [Pabst 2019]. Именно тогда, когда либерализму требовалось выйти за рамки идеологии и групповых интересов, он отдал предпочтение политике сворачивания дебатов и уничтожения плюрализма.

Либералы полностью проигнорировали предостережения Кеннана. Последовавшие за событиями 11 сентября войны в Афганистане, Ираке и Ливии, а также провальная интервенция в Сирии усугубили угрозу со стороны исламских фундаменталистов и подорвали моральный авторитет Запада [Porter 2020]. Финансовый кризис 2008 г. разрушил сформированный

США “Вашингтонский консенсус” о свободной рыночной экономике, однако либеральные элиты (включая “большое правительство” и центральные банки) вознаградили жадность и некомпетентность, проведя спасательную операцию для банков — в то время как рабочие теряли свои места, а местные сообщества боролись за выживание в долговой пучине. Американский инвестиционный банк *JP Morgan Chase* легко выплатил штраф в 13 млрд долл. за нарушения в продаже финансовых продуктов в преддверии финансового кризиса 2008-2009 гг. — эту сумму покрыла годовая прибыль организации, годовой доход которой составляет 21 млрд долл., а активы — около 2 трлн долл.

2016 стал годом, когда призраки либерального капитализма вернулись, чтобы преследовать истеблишмент. Впервые со времен “Нового курса” Брекзит и избрание Д. Трампа принесли проигравшим на экономическом фронте политическую победу над давосской олигархией. Вместе Трамп и Брекзит навсегда похоронили тщеславную убежденность в том, что западная либеральная рыночная демократия — это единственная действенная модель, поскольку среди следующих ей больше победителей, чем проигравших [Pabst 2018].

Ушло в небытие и обещание “прогресса для каждого поколения”, сделанное после Второй мировой войны. По данным *Pew Research Center*, на декабрь 2015 г. американский средний класс — одно время самый многочисленный, живое воплощение “американской мечты” — уже не включает в себя большинство населения. В США усугубляются размежевания как по экономическому, так и социальному классовому признаку: средний класс все более скудеет, скатываясь в бедность и нестабильность, тогда как верхушка из 20% населения монополизировала доступ к качественному образованию, жилью, здравоохранению и рабочим местам [Reeves 2017].

Падение уровня социальной мобильности наблюдается и в Великобритании. Согласно отчетам внутренней госкомиссии по социальной мобильности за 2018 и 2019 гг., миллениалы являются первым поколением с 1945 г., которое начало карьеру с более низким, чем у их родителей, доходом. Более того, согласно тому же отчету, социальная мобильность упала до уровня 1920-х годов. Брекзит и Трамп — это мятеж против истеблишмента, против ультралиберальной давосской догмы о низкой заработной плате, деиндустриализации, торговых сделках с экспортом рабочих мест, дерегулировании мировых финансов и бесконечных внешних войнах, которые ослабляют Запад изнутри.

Еще одна сфера, в которой проявляется либеральное тщеславие, — это культура. Современный либерализм объединяет рыночный фундаментализм и либеральную политику идентичности. Их связующим звеном является идея свободы как минимизации самоограничений и максимизации выбора. Сегодня этот подход воплощен в “чувственном”² капитализме³, который сочетает корпоративные крестовые походы по прогрессивистским вопросам с защитой монополий, где лозунги добродетели перемешаны с неприкрытым преследованием личной выгоды. По сути своей либеральная мысль зиждется на тезисе о том, что только либерализм может освободить нас от тирании

² В оригинале — “*woke capitalism*” — капитализм, пришедший к политическому или культурному осознанию, исполненный чувств и ощущений, принимающий и оказывающий поддержку.

³ Douthat R. The Rise of Woke Capital. — *The New York Times*. 28.02.2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/02/28/opinion/corporate-america-activism.html> (accessed 01.03.2021); Lewis H. How Capitalism Drives Cancel Culture: Beware Splashy Corporate Gestures when They Leave Existing Power Structures Intact. — *The Atlantic*. 14.07.2020. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2020/07/cancel-culture-and-problem-woke-capitalism/614086/> (accessed 29.05.2021).

Добра — предполагаемого навязывания единой концепции доброты, правды и красоты. Либеральная традиция с ее защитой прав человека, безусловно, обеспечила большую свободу от угнетения и дискриминации. Однако цена, которую платит Запад, — это подмена фундаментальной платформы добродетели пустотой свободного выбора.

Свобода в понимании либералов — это “негативная свобода”, отсутствие ограничений личной свободы выбора, за исключением закона и свободы совести [Berlin 1969]. Полученное одними законное разрешение другими рассматривается как произвольный отказ. Без понимания того, что есть добро, разделяемого Западом и другими цивилизациями, либеральная свобода не может определять, что следует позволять и поощрять, а что нет. Когда сталкиваются противоборствующие права и свободы, арбитром выступает власть — людьми правит не что иное, как либеральное государство. Левиафан Гоббса — это пример колебания между освобождением и принуждением. Либеральная свобода выбора манипулятивна, поскольку, как отмечал Зигмунт Бауман, “обстоятельства выбора не выбирают” [Bauman 2008: 72].

С 1960-х годов либералы превозносили разнообразие различий, платой за которое стало ослабление гражданских связей, сплачивающих людей независимо от класса, цвета кожи, вероисповедания, благосостояния и пола. Свобода выбора применима прежде всего к богатым и влиятельным, которые чувствуют себя как дома в мире мобильности и постоянных изменений. Это означает, что культурные традиции и человеческое чувство принадлежности оказались “по неправильную сторону истории” и могут быть сметены во имя прогресса [West 2020]. Утрата общей национальной идентичности и взаимных обязательств подорвала как социальную сплоченность, так и гражданский патриотизм, в том числе в странах Европы, на политических подмостках которых можно увидеть как попытки построить космополитическую утопию, так и восстания против истеблишмента, часто принимающие форму национализма и даже атакистического этноцентризма.

Поворот либерализма в сторону политики поощрения меньшинств также раздувает пламя культурных войн в США и углубляет раскол между обеими ведущими партиями. Демократы поддерживают либо студентов, феминисток среднего класса, афроамериканцев, выходцев из Латинской Америки, госслужащих, либо всех тех, чьи интересы завязаны на Уолл-стрит и Кремниевую долину. Как бы то ни было, подобная политика меньшинства лишена сущностного понимания гражданства и демократии для всех и каждого, что и оттолкнуло многих из тех, кто традиционно поддерживал интересы рабочего класса: они перешли на сторону Д. Трампа, продолжая презирать республиканский истеблишмент [Williams 2017]. Восстание Трампа против корыстных элит вызвало не меньше разногласий, но на выборах 2020 г. позволило привлечь на несколько миллионов больше голосов, чем в 2016 г., за счет всех категорий избирателей, кроме белых мужчин.

Судя по всему, ни одна из сторон не способна сформировать большинство, которое смогло бы начать объединение страны, и прежде всего это относится к демократам, которые выглядят неспособными одержать над Трампом политическую победу. Как писал Марк Лилла, “в последние годы американский либерализм впал в моральную панику по поводу расовой, гендерной и сексуальной идентичности, которая исказила послания либерализма и помешала ему стать объединяющей силой, способной к государственному управлению” [Lilla 2017]. Это влияет на ситуацию не только в США и других странах Запада:

подобной политике недостает акцента на чувстве общности, она неспособна захватить воображение людей и дать им ощущение единой судьбы — как внутри западных стран, так и между ними. Можно заключить, что либеральная демократия в ее нынешнем виде не способна поддерживать прочные культурные связи, от которых зависят доверие и сотрудничество.

КИТАЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Саморазрушение либеральной демократии и западной цивилизации угрожает не только демократическим процессам внутри стран, но и всему международному сообществу. Возможно, XX век ознаменовал падение империи и триумф национального государства. Главным тестом на государственную легитимность стало не династическое наследование или имперское правление, а самоопределение наций [Reynolds 2013]. После холодной войны правящие элиты Запада полагали, что суверенное национальное государство одержало верх над всеми конкурентными формами политической организации — а значит, демократия восторжествует над авторитаризмом [Fukuyama 1989, 1992; Zakaria 2007; Mishra 2017] и распространение либеральных ценностей по всему миру даст начало эре гегемонии Запада. Это должен был быть новый глобальный порядок, поддерживаемый демократическими суверенными государствами и международными организациями, в которых доминирует Запад, такими как Международный валютный фонд, Всемирный банк и ВТО. Сторонники либеральной демократии были убеждены, что она станет универсальной формой политической организации и цивилизованной жизни.

Однако сегодня мы оказались свидетелями конца либерального мирового порядка и распространения новой модели политической организации — государства-цивилизации [Zhang 2019; Coker 2019], которое претендует на представительство не просто нации или территории, а самобытной цивилизации. В Китае и России правящий класс отвергает политический либерализм и расширение глобального рыночного общества, хотя в России некоторые из глобалистов, такие как Д. Медведев, приближены к В. Путину. “Цивилизационисты” характеризуют свои страны как самобытные цивилизации с уникальными культурными ценностями и политическими институтами. Подъем государств-цивилизаций не просто меняет глобальный баланс сил, но и трансформирует сложившийся после окончания холодной войны геополитический ландшафт — от либерального универсализма к культурной исключительности.

Китай можно считать государством-цивилизацией — государством, которое олицетворяет, защищает и продвигает определенную цивилизацию с акцентом на этническую, культурную и идеологическую идентичность и сплоченность. Характеризовать Китай в таком ключе позволяет и тот факт, что подобный подход является неотъемлемой частью самовосприятия страны и отражением того, как ее политическое руководство — нынешнее и предшествующее — видит свою страну и ее отличительные черты по сравнению с Западом (см., например, [Campbell 2015]). Вот что пишет Мартин Жак, сравнивая модель национального государства с моделью государства-цивилизации: “Одна из фундаментальных определяющих черт современного Китая, то, что дает китайцам чувство национальной идентичности, зародилась не в последние сто лет, не в период национального государства, а за предыдущие два тысячелетия, когда страну наилучшим образом характеризовал термин ‘государство-цивилизация’. Это отношения государства и общества; весь-

ма определенное понимание того, что такое семья; прославление предков; конфуцианские ценности; сеть личных отношений — гуанкси; китайская еда и связанные с ней традиции; и, разумеется, китайский язык с его особыми отношениями между письменной и устной формой”⁴.

Было бы неверно утверждать, что идея государства-цивилизации является объективно правильной или обладает большей легитимностью, чем модель национального государства. Безусловно, как первое, так и второе обуреваемо собственными внутренними противоречиями и конфликтами. Национальное государство колеблется между защитой национального суверенитета и проецированием силы и влияния на суверенные дела других стран — отсюда актуальность концепции сфер влияния для анализа действий национальных государств, таких как США. Аналогичным образом государство-цивилизация базируется на культуре, этнических и семейных взаимоотношениях, которые должны охватывать как местные, так и зарубежные сообщества (диаспору), но могут и не обладать более широким охватом и притягательностью, что часто подразумевает термин “цивилизация”. В этом контексте встает вопрос о том, способна ли китайская цивилизация привлечь значительную некитайскую аудиторию.

Этот вопрос непосредственно связан с тем, как нынешнее политическое руководство Китая применяет цивилизационный подход для укрепления собственной легитимности и позиций как в стране, так и на международной арене. Председатель КНР Си Цзиньпин связывает историческое наследие китайской цивилизации со вполне конкретными аспектами современной китайской идентичности — “китайской мечтой”. В выступлении в ЮНЕСКО в ранние годы своего нахождения у власти он сформулировал это так: “Китайский народ стремится к реализации ‘китайской мечты’ — процветанию страны, возрождению нации и счастью жителей. Она является воплощением как идеалов современного китайского народа, так и нашей чтимой временем традиции постоянного стремления к прогрессу... В китайской цивилизации стремление людей к культуре всегда было частью их жизни и общественных идеалов. Таким образом, реализация китайской мечты — это процесс как материального, так и культурного развития. По мере продвижения Китая по пути экономического и социального прогресса китайская цивилизация будет идти в ногу со временем и достигать большей жизнеспособности” [Xi 2014].

Другими словами, в китайской мечте нет ничего нового. Она вытекает из тысячелетней истории, которую каждое поколение наследовало от предыдущего и передавало следующему. Главный смысл этой истории — в том, что Си Цзиньпин назвал стремлением к “миру великой гармонии, где люди свободны от нужды и следуют высоким моральным стандартам” [ibidem].

Итак, он утверждает, что Китай добьется воплощения китайской мечты в жизнь только в том случае, если внедрит модель сбалансированного развития (“Пекинский консенсус” государственного капитализма как противоположность “Вашингтонскому консенсусу” рыночного капитализма”) и совместит материальный прогресс с прогрессом в сфере культуры. Если этого удастся добиться, Китай сможет занять достойное место среди мировых цивилизаций: “В нашем стремлении к китайской мечте китайский народ будет поощрять креативные трансформации и инновационное развитие китайской цивилизации с тем, чтобы идти в ногу со временем. Необходимо вдохнуть новую жизнь в китайскую цивили-

⁴ Jacques M. Civilization State versus Nation-State. — *Süddeutsche Zeitung*. 15.01.2011. P. 11–13. URL: <http://www.martinjacques.com/articles/civilization-state-versus-nation-state-2/> (accessed 29.05.2021).

лизацию, активизируя все культурные элементы, *выходящие за рамки времени, пространства и национальных границ и обладающие как вечной, так и сиюминутной ценностью...* Таким образом, китайская цивилизация, совместно с другими богатыми и яркими цивилизациями, обеспечит человечество правильным культурным ориентиром и мощной мотивацией” [Xi 2014] (курсив автора. — А.П.).

Именно отсюда проистекает концепция Си о китайской сфере влияния — государства-цивилизации, культура которого выходит за “национальные границы” и имеет как “вечную, так и сиюминутную ценность”. Это видение лежит в основе политики мягкой силы Китая, в рамках которой в университетах по всему миру создаются 700 институтов Конфуция, выпускаются местные версии официальной газеты *The China Daily*, вещают многоязычное новостное агентство Синьхуа и Центральное телевидение Китая. Тем самым Китай ведет не только геополитическую и геоэкономическую, но и геокультурную игру. Как и западные страны, он преследует цивилизационную миссию, которую определяет как “глобальную гармонию” [Campbell 2015]. Этот конфуцианский идеал не просто связывает воедино внутреннюю политику и международные отношения [Bell 2000; Qing 2012]; он также выступает средством выражения китайской исключительности [Zhang 2011] и продвижения концепции международного порядка и влияния, выходящих за рамки национальных границ — то есть возможность стать гегемоном с собственной сферой влияния. В отличие от западного колониализма, лидерство Китая будет отражать “путь гуманной власти”, характеризующий мирное развитие страны и ее долгую историю противостояния “иностранным врагам — варварам” [Callahan 2010; Qing 2013; Curtis 2016].

36

Китайская геокультурная сфера влияния выражается в “гармоничном мировом порядке”, в котором Пекин стремится играть ведущую роль. В выступлении на XIX съезде КПК Си Цзиньпин охарактеризовал это следующим образом: “Новая эпоха... это эпоха постепенного приближения Китая к центру международной арены и непрерывного внесения Китаем еще большего вклада в развитие человечества... Наше развитие не представляет угрозы ни для какого бы то ни было государства. Какого бы уровня в своем развитии ни достиг Китай, он никогда не будет претендовать на положение гегемона, никогда не будет проводить политику экспансии” [Xi 2017b]. Другими словами, китайское государство-цивилизация пытается сохранить уникальную китайскую модель, базирующуюся на элементах культуры, не стремясь к однопольному господству над остальным миром.

В реальности же КПК разворачивает систему слежения, по сравнению с которой уровень конфиденциальности западных технологических платформ кажется образцовым. Всевидящие средства контроля интернета и высокотехнологичная система распознавания лиц позволяют контролировать жителей городов и нестабильных регионов, таких как Синьцзян-Уйгурский автономный район, где по оценкам ООН в “лагерях перевоспитания” содержится около миллиона мусульман. Зарубежные корпорации сотрудничают с государством, передавая ему личные данные граждан, — на их основе пополняются черные списки диссидентов и применяется интернет-цензура [Zuboff 2019]. Знания и власть сосредоточены в руках плановых органов партии, которые манипулируют широкими слоями населения и по своему усмотрению воздействуют на их образ мышления. В период правления Мао (1949-1976) компартия сменила концепцию народного правительства на административную, а под руководством Си Цзиньпина страна, судя по всему, движется в сторону тирании большинства.

Зависимость Китая от огромных инвестиций в Африку, Латинскую Америку и Центральную Азию как инструмента обеспечения рынков сбыта и политического влияния предполагает гегемонистские амбиции. В представлении Си Цзиньпина гармоничный мировой порядок подразумевает, что китайское государство-цивилизация будет находиться вне какой-либо критики как изнутри страны, так и снаружи. Китайское руководство активно пытается соблазнить либеральный Запад. В январе 2017 г., когда Д. Трамп осудил давосскую догму о свободной торговле, Си обратился к делегатам Всемирного экономического форума со словами “глобализация стимулировала глобальный рост и облегчила движение товаров и капитала, достижениям в науке, технологиях и цивилизационном развитии, а также взаимодействию между людьми” [Xi 2017a]. Гегемония Китая продвигается под прикрытием экономического либерализма.

РОССИЙСКАЯ “ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ” КАК ПОДРЫВ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Со своей стороны, Москва также апеллирует к идее государства-цивилизации как источника легитимности и более весомой роли России в геополитике [Light 2015; Linde 2016]. В послании Федеральному Собранию 2012 г. В. Путин заявил, что “Россия веками развивалась как многонациональное государство... — государство-цивилизация, скрепленное русским народом, русским языком и русской культурой, которые для всех нас родные, которые нас объединяют и не дают раствориться в этом многообразном мире”⁵. А в ходе встречи клуба “Валдай” в 2013 г. он охарактеризовал Россию как “государство-цивилизацию”: “Россия, как образно говорил философ Константин Леонтьев, всегда развивалась как ‘цветущая сложность’, как государство-цивилизация, скрепленная русским народом, русским языком, русской культурой, Русской православной церковью и другими традиционными религиями России. Именно из модели государства-цивилизации вытекают особенности нашего государственного устройства. Оно всегда стремилось гибко учитывать национальную, религиозную специфику тех или иных территорий, обеспечивая многообразие в единстве”⁶.

Вне контекста эти слова можно расценить как характеристику российской истории и культуры, однако В. Путин связал данную трактовку российского государства с созданием Евразийского экономического союза — своего флагманского внешнеполитического проекта с момента возвращения на пост президента в 2012 г. [Sakwa 2016], который обозначает российскую сферу влияния. Именно в этом ключе он говорил о ЕАЭС на валдайской встрече — как о проекте, который сочетает единство и разнообразие, фактически как о продолжении России: “Евразийский союз — это проект сохранения идентичности народов, исторического евразийского пространства в новом веке и в новом мире. Евразийская интеграция — это шанс для всего постсоветского пространства стать самостоятельным центром глобального развития, а не периферией для Европы или для Азии. Хочу подчеркнуть, что евразийская интеграция также будет строиться на принципе *многообразия*. Это *объединение*, в котором каждый сохранит свое лицо, свою самобытность и политическую субъектность. Вместе с партнерами будем последовательно, шаг за шагом реализовывать этот проект.

⁵ Послание Президента Федеральному Собранию. 12.12.2012. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118> (accessed 29.05.2021).

⁶ Заседание международного дискуссионного клуба “Валдай”. 19.09.2013. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243> (accessed 29.05.2021).

И мы рассчитываем, что он станет нашим общим вкладом в сохранение многообразия и устойчивости мирового развития” (курсив мой. — А.П.)⁷.

Подобно Си Цзиньпину, Путин убежден, что либеральные ценности, ассоциируемые с Западом, не универсальны и не отражают цивилизационную идентичность России и ее соседей по постсоветскому пространству. Самоопределение России как государства-цивилизации дает Кремлю оправдание для вмешательства в дела “ближнего зарубежья” на базе цивилизационной общности [Linde 2016; Tsygankov 2016]. Причиной тому служат не только исторические факторы, но и то обстоятельство, что за пределами России проживает немало лиц, оказавшихся за пределами страны после распада СССР, имеющих русские корни и родственников в России.

Для российской геополитической мысли эта тема не нова. Еще в 2008 г. министр иностранных дел С. Лавров говорил о “цивилизационном единстве” всех территорий, входивших в СССР, а до того в Российскую империю [Lavrov 2008]⁸. В том же году Д. Медведев заявил о наличии у России “сферы привилегированных интересов”, что в его понимании выражалось в обязательстве страны защищать интересы россиян за рубежом. Между этими двумя заявлениями о российской внешней политике есть тонкая, но существенная разница. Д. Медведев сделал упор на “зоны интересов”, а не на “сферы влияния”, тогда как выступление С. Лаврова по своей тональности намного ближе к тезису В. Путина о цивилизационных связях, определяющих роль России в “ближнем зарубежье” — по сути, той же сфере влияния.

Первое заявление — отнюдь не просто декларативное: оно касается конкретных интересов России, которые не являются взаимоисключающими с интересами других стран [Trenin 2009], такими как взаимная выгода от торговли или добрососедские отношения. Что же касается второго заявления, то оно одновременно всеобъемлюще и исключительно. Во-первых, оно пересекается с идеей международного порядка, в котором Россия играет роль “великой державы” наряду с США и Китаем. Во-вторых, в рамках этого порядка Россия оказывает на страны постсоветского пространства геополитическое, геоэкономическое и геокультурное влияние, исключая аналогичное влияние на этой территории других держав, прежде всего США и ЕС.

При В. Путине Россия следует по отчасти антизападному пути, поскольку Москва более не стремится к интеграции с Западом, как это было в 1990-е и в начале 2000-х годов [Laruelle 2016]. Теперь Кремль претендует на равноправную с США роль в многополярном мире и проводит политику укрепления контактов со странами в обход западных институтов. Основополагающую роль в этом курсе играет концепция “Русского мира”, объединяющего все русскоговорящие народы внутри и за рамками границ России. Слово “мир” здесь употребляется в смысле цивилизационного пространства (греческий или византийский “мир”) с доминирующей цивилизацией в центре и концентрическими кругами периферий различной степени политической лояльности и экономической интеграции [Laruelle 2015]. “Русский мир” — это геокультурное понятие, определяющее геополитическое видение позиций России на глобальной арене наравне

⁷ Там же.

⁸ Лавров С.В. 2008. Внешняя политика России и новое качество геополитической ситуации. — *Дипломатический вестник*. 15.12. URL: https://www.mid.ru/ezegodnik-diplomaticeskij-vestnik-za-2008-g.?p_id=56_INSTANCE_hHf3AmmFpQTp&_56_INSTANCE_hHf3AmmFpQTp_languageId=ru_RU (accessed 29.05.2021).

с другими “великими державами” как отдельной цивилизации, объединенной разнообразными связями с регионами мира.

Подобно китайской идее неоконфуцианской “гармонии”, “Русский мир” — это одновременно и самоцель (самоопределение России и проецирование Россией конкретных геополитических установок), и средство для более масштабного проецирования власти (легитимация поддержания и расширения сферы влияния в “ближнем зарубежье” и за его пределами). “Русский мир” воссоединяет страну с ее досоветским и советским прошлым и предполагает неразрывную преемственность российской истории, конечным гарантом которой выступает государство-цивилизация. Создание в 2007 г. фонда “Русский мир” и его зарубежных подразделений — культурных центров выступает конкретным воплощением этого видения и усилий Кремля по продвижению русского языка и российской культуры по всему миру, равно как и учреждение в 2008 г. Россотрудничества — Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству. Оба действия стали ответом на так называемые цветные революции в Грузии (2003), Украине (2004–2005) и в других странах — поражения Кремля, которые побудили его к пересмотру своего геополитического подхода в формате военной модернизации и публичной дипломатии вокруг возрожденной сферы влияния [Saari 2014].

Таким образом, одной из функций российской дипломатии и культурной политики выступает примирение с русской диаспорой по всему миру, начиная с жителей бывших советских республик. Поэтому Кремль обозначает постсоветское пространство как свою “сферу привилегированных интересов”. Дело в том, что Москва видит себя в роли балансира между Востоком и Западом именно потому, что Россия — это отдельная цивилизация, не восточная и не западная, но особым образом воплощающая черты их обеих. Это уникальная цивилизация, которая сочетает в себе как европейские, так и азиатские ценности, находится в глобальном центре притяжения и способна выступать в качестве посредника между мировыми цивилизациями — Китая и атлантического Запада.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ

В некотором смысле правящие классы в самопровозглашенных государствах-цивилизациях являются заклятыми врагами западной либеральной демократии. Они отвергают универсальные права человека и демократические свободы в пользу собственной культурной исключительности. Китайская и российская элиты выдвигают идеи, схожие с теми, что высказывали противники идей Просвещения, такие как Жозеф де Местр и Иоганн Фихте, прославлявшие национализм. Они апеллируют к концепциям эпохи Просвещения, наподобие Общей воли Руссо, объединяющим общество и требующим от него абсолютного повиновения в духе гегелевского представления о том, что государство воплощает дух народа. Эти идеи занимают видное место в религиозной философии Ивана Ильина и Александра Дугина, которых ранее цитировали советники Путина (впрочем, не из числа политических тяжеловесов).

Как в модели либеральной демократии, так и в модели государства-цивилизации отсутствует детализированная концепция человека как социального и политического индивида, включенного в те или иные взаимоотношения и институты. Кто из современных либералов Запада или представителей неолиберальных элит других стран задумывается о том, как сбалансировать

права человека и взаимные обязательства? Или как укрепить свободу и братство вне авторитарного государства или неограниченного свободного рынка? Несмотря на это, в разных цивилизациях присутствует смутное ощущение того, что цель политики — это свободное объединение людей вокруг общих интересов и общих социальных добродетелей — щедрости, верности, храбрости, самопожертвования и благодарности. Практика таких добродетелей может связать нас как граждан, представителей разных наций и культур вне зависимости от цвета кожи, класса и вероисповедания.

Ни западный культ личной свободы в отсутствие социальной солидарности, ни тоталитарное искушение китайской и российской элит не способствуют построению устойчивых обществ, способных противостоять разрушительным силам технологий и неумолимой экономической глобализации. На сегодняшний день как национальные государства, так и государства-цивилизации не способны обеспечить подлинно демократическую состоятельность. Вместо этого они приветствуют “волю к власти” одних над другими — сильных, могущественных и богатых над слабыми, бесправными и бедными. Как в демократических, так и в авторитарных системах укрепляется олигархическая власть, демагогическая политика и нарастает социальная фрагментация.

Либеральный Запад и государства-цивилизации — Китай и Россия — оказались заложниками борьбы за конкурирующие “цивилизаторские” миссии. Это все более осложняет содержательный диалог между цивилизациями, притом что именно сейчас взаимопонимание необходимо как никогда. Условия, на которых пройдут дебаты между различными цивилизациями, безусловно, не будут диктоваться Западом. Как полагает Кристофер Кокер, отпор со стороны незападного мира означает, что “Запад перестал формировать историю как всех остальных, так и даже свою собственную” [Coker 2019: 90].

Один из наиболее вероятных сценариев состоит в том, что решающие конфликты будут происходить не между Западом и Азией, а среди олигархических и демагогических сил каждой из сторон. Мир скатывается к мягкому тоталитаризму, основанному на слежке и социальном контроле. Теперь, когда либеральному универсализму настал конец, новая глобальная “культурная война” сталкивает консервативных националистов с либеральными космополитами. Цивилизация — это новый стержень геополитики.

(Перевод с англ. А.Л. Бардина)

DOI: [10.17976/jpps/2021.04.04](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.04)

CIVILIZATION AND LIBERAL DEMOCRACY

A. Pabst¹

¹ University of Kent, Canterbury, Great Britain

PABST, Adrian, PhD in political thought and philosophy of religion (University of Cambridge), Professor of Politics, School of Politics and International Relations, University of Kent, email: a.pabst@kent.ac.uk

Pabst A. Civilization and Liberal Democracy. — Polis. Political Studies. 2021. No. 4. P. 26–42. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.04>

Received: 12.03.2021. Accepted: 22.04.2021

Abstract. Civilization is the new pivot of international relations. Brexit, Trump and the resurgence of Russia, China and India have put culture and civilizational identity at the heart of both domestic politics and foreign policy. From ‘culture wars’ that are sweeping the West to the pushback against Western universalism in

much of the non-Western world, civilizational norms speak to people's hearts, not just their mind, and tap into a desire and need for belonging. This article explores the resurgence of civilization in relation to liberal democracy. Liberal-democratic systems of government are in retreat and in question not only because of external threats but also because of their inner dynamics. Contemporary capitalism and liberalism unleash democracy's demons — oligarchy, demagoguery, anarchy and tyranny. These forces undermine the foundations of Western civilization and cast a shadow on the universality of Western values. In response Russia and China have embraced the model of the civilizational state — a state not defined primarily in ethnic, national or territorial terms but rather as the embodiment of a unique civilization. The rise of civilizational states is not just changing the global balance of power. It is also transforming geopolitics away from liberal universalism towards cultural exceptionalism as we enter what many call a post-American, post-Western world.

Keywords: civilization, liberal democracy, civilizational-states, values, norms.

References

- Bauman Z. 2008. *Does Ethics Have a Chance in a World of Consumers?* Cambridge, MA: Harvard University Press. https://doi.org/10.1111/j.1747-7093.2008.00167_4.x
- Bell D. 2000. *China's New Confucianism, Politics in Everyday Life in a Changing Society*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Berlin I. 1969. Two Concepts of Liberty. — *Four Essays on Liberty*. Oxford: Oxford University Press. P. 118-172.
- Bloom A. 1987. *The Closing of the American Mind: How Higher Education Has Failed Democracy and Impoverished the Souls of Today's Students*. New York: Simon & Schuster.
- Bouvet L. 2015. *L'insécurité culturelle: sortir du malaise identitaire français*. Paris: Fayard.
- Callahan W.A. 2010. *China: the Pessoptimist Nation*. New York: Oxford University Press.
- Campbell A. 2015. Defining China's 'Civilization State'. Where Is It Heading? China Study Centre. Policy Paper Series.
- Coker Chr. 2019. *The Rise of the Civilizational State*. Cambridge: Polity Press.
- Collier P., Kay J. 2020. *Greed is Dead. Politics after Individualism*. London: Penguin.
- Curtis H. 2016. Constructing Cooperation: Chinese Ontological Security Seeking in the South China Sea Dispute. — *Journal of Borderland Studies*. Vol. 31. No. 4. P. 537-549. <https://doi.org/10.1080/08865655.2015.1066698>
- Deneen P.J. 2018. *Why Liberalism Failed*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Emmott B. 2017. *The Fate of the West. The Battle to Save the World's Most Successful Political Idea*. London: Profile Books.
- Fukuyama F. 1989. The End of History? — *The National Interest*. No. 16. P. 3-18.
- Fukuyama F. 1992. *The End of History and the Last Man*. New York: The Free Press.
- Goodhart D. 2017. *The Road to Somewhere: The New Tribes Shaping British Politics*. London: Penguin.
- Hoffmann S. 1998. *World Disorders: Troubled Peace in the Post-Cold War Era*. New York: Rowman & Littlefield.
- Ignatieff M. 1994. *Blood and Belonging: Journeys into the New Nationalism*. New York: Farrar, Straus & Giroux.
- Ikenberry G.J. 2011. *Liberal Leviathan: The Origins, Crisis and Transformation of the American World Order*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Jowitt K. 1991. After Leninism: The New World Disorder. — *Journal of Democracy*. Vol. 2. No. 1. P. 11-20. <https://doi.org/10.1353/jod.1991.0007>
- Jowitt K. 1992. *The New World Disorder: The Leninist Extinction*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Juergensmeyer M. 1993. *The New Cold War? Religious Nationalism Confronts the Secular State*. Berkeley, CA: University of California Press. <https://doi.org/10.1525/9780520915015>
- Kantar Public. 2016. *Trapped in a Bubble: An Investigation into Triggers for Loneliness in the UK*. London: British Red Cross and Co-op.
- Kennan G.F. 1960. *Russia and the West under Lenin and Stalin*. New York: Mentor Books.
- Krastev I. 2016. The Unraveling of the Post-1989 Order. — *Journal of Democracy*. Vol. 27. No. 4. P. 5-15. <https://doi.org/10.1353/jod.2016.0065>
- Krastev I., Holmes S. 2019. *The Light That Failed. A Reckoning*. London: Allen Lane.
- Lavrov S. 2008. Russia and the World in the 21st Century. — *Russia in Global Affairs*. No. 3. URL: http://eng.globalaffairs.ru/number/n_11291 (accessed 01.10.2020).
- Laruelle M. 2015. *The "Russian World": Russia's Soft Power and Geopolitical Imagination*. Washington, DC: Center on Global Interests.
- Laruelle M. 2016. Russia as an Anti-Liberal European Civilisation. — *The New Russian Nationalism, 2000-15*. Ed. by P. Kolstø, H. Blakkisrud. Edinburgh: Edinburgh University Press. P. 275-297. <https://doi.org/10.3366/edinburgh/9781474410427.003.0011>

- Light M. 2015. Russian Foreign Policy Themes in Official Documents and Speeches: Tracing Continuity and Change. — *Russia's Foreign Policy Ideas, Domestic Politics and External Relations*. Ed. by M. Light. London: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9781137468888_2
- Lilla M. 2017. *The Once and Future Liberal. After Identity Politics*. New York: HarperCollins.
- Linde F. 2016. State Civilisation: The Statist Core of Vladimir Putin's Civilisational Discourse and Its Implications for Russian Foreign Policy. — *Politics in Central Europe*. Vol. 12. No. 1. P. 21-35. <https://doi.org/10.1515/pce-2016-0002>
- Luce E. 2017. *The Retreat of Western Liberalism*. London: Little, Brown.
- Lynn B.C. 2010. *Cornered: The New Monopoly Capitalism and the Economics of Destruction*. Oxford: Wiley.
- Milbank J., Pabst A. 2016. *The Politics of Virtue: Post-liberalism and the Human Future*. London: Rowman & Littlefield International.
- Mishra P. 2017. *Age of Anger: A History of the Present*. London: Allen Lane.
- Norris P., Inglehart R. 2019. *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108595841>
- Orwell G. 1937. *The Road to Wigan Pier*. London: Penguin.
- Pabst A. 2018. *Liberal World Order and Its Critics. Civilizational States and Cultural Commonwealths*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429019852>
- Pabst A. 2019. *The Demons of Liberal Democracy*. Cambridge: Polity Press.
- Pabst A. 2021. *Postliberal Politics: The Coming Era of Renewal*. Cambridge: Polity Press.
- Pew Research Center. 2019. Trust and Distrust in America. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2019/07/22/trust-and-distrust-in-america/>
- Porter P. 2020. *The False Promise of Liberal Order*. Cambridge: Polity Press.
- Qing J. 2012. *A Confucian Constitutional Order: How China's Ancient Past Can Shape Its Political Future*. Princeton, NJ: Princeton University Press. <https://doi.org/10.1515/9781400844845>
- Reeves R.V. 2017. *Dream Hoarders: How the American Upper Middle Class is Leaving Everyone Else in the Dust, Why That is a Problem, and What to Do About it*. Washington DC: Brookings Institution.
- Reynolds D. 2013. *The Long Shadow: The Great War and the Twentieth Century*. London: Schuster & Schuster.
- Rieff D. 2005. *At the Point of a Gun: Democratic Dreams and Armed Intervention*. New York: Simon & Schuster.
- Saari S. 2014. Russia's Post-Orange Revolution Strategies to Increase its Influence in the former Soviet republics: Public Diplomacy po russki. — *Europe-Asia Studies*. Vol. 66. No. 1. P. 50-66. <https://doi.org/10.1080/09668136.2013.864109>
- Sakwa R. 2016. How the Eurasian Elites Envisage the Role of the EEU in Global Perspective. — *European Politics and Society*. Vol. 17. P. 4-22. <https://doi.org/10.1080/23745118.2016.1171038>
- Sobolewska M., Ford R. 2020. *Brexitland. Identity, Diversity and the Reshaping of British Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108562485>
- Sommer B. 2010. *Prekarisierung und Ressentiments: Soziale Unsicherheit und rechtsextreme Einstellungen in Deutschland*. Wiesbaden: VS Verlag.
- Stoller M. 2019. *Goliath: The 100-Year War Between Monopoly Power and Democracy*. New York: Simon & Schuster.
- Tocqueville A. de. 1969. *Democracy in America*. New York: Doubleday.
- Trenin D. 2009. Russia's Spheres of Interest, Not Influence. — *The Washington Quarterly*. Vol. 32. No. 4. P. 3-22. <https://doi.org/10.1080/01636600903231089>
- Tsygankov A. 2016. Crafting the State-Civilization: Vladimir Putin's Turn to Distinct Values. — *Problems of Post-Communism*. Vol. 63. No. 3. P. 146-158. <https://doi.org/10.1080/10758216.2015.1113884>
- West Ed. 2020. *Small Men on the Wrong Side of History. The Decline, Fall and Unlikely Return of Conservatism*. London: Constable.
- Williams J.C. 2017. *White Working Class: Overcoming Class Cluelessness in America*. Boston, MA: Harvard Business Review Press.
- Xi Jinping. 2014. *Speech at UNESCO Headquarters Paris*. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/zyjh_665391/t1142560.shtml (accessed 01.10.2020).
- Xi Jinping. 2017a. *Address to the World Economic Forum in Davos*, 17.01. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2017/01/full-text-of-xi-jinping-keynote-at-the-world-economic-forum> (accessed 01.10.2020).
- Xi Jinping. 2017b. *Address to the 19th Communist Party Congress*, 18.10. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/19thcpnationalcongress/2017-10/18/content_33398037.htm (accessed 01.10.2020).
- Zakaria F. 2007. *The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad*. New York: W.W. Norton & Co.
- Zhang Feng. 2011. The Rise of Chinese Exceptionalism in International Relations. — *European Journal of International Relations*. Vol. 19. No. 2. P. 305-328. <https://doi.org/10.1177/1354066111421038>
- Zhang Weiwei. 2019. *The China Wave. Rise of a Civilizational State*. Singapore: WCPC.
- Zielonka J. 2018. *Counter-Revolution. Liberal Europe in retreat*. Oxford: Oxford University Press.
- Zuboff Sh. 2019. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. London: Profile Books.

DOI: [10.17976/jpps/2021.04.05](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.05)

IDEOLOGY AND CIVILIZATIONAL DISCOURSE

E. Chebankova¹, P. Dutkiewicz²

¹ University of Lincoln, Research Fellow Wolfson College. Cambridge, UK

² Carleton University. Ottawa, Canada

CHEBANKOVA, Elena Alexandrovna, Dr. Sci. (Social and Polit. Sci., University of Cambridge), independent scholar, formerly, Reader in Politics and International Relations, University of Lincoln, Research Fellow Wolfson College, Cambridge (UK), email: elena.chebankova@icloud.com; **DUTKIEWICZ, Piotr**, Dr. Sci. (Polit. Sci.), Professor, Director, Centre for Governance and Public Management, Carleton University, Ottawa (Canada), email: PiotrDutkiewicz@cunet.carleton.ca

Chebankova E., Dutkiewicz P. Ideology and Civilizational Discourse. — Polis. Political Studies. 2021. No. 4. P. 43-57. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.05>

Received: 06.03.2021. Accepted: 03.04.2021

Abstract. The current world order is undergoing a profound change in its structure, in the composition of the leading participants, and in the socio-cultural discourse that buttresses the political evolution of international relations. Two factors are essential to understand this process. First, several new states, or groups of states, entered the league of the leading world powers and began to exert a significant influence over global politics. Analysts often consider these players as civilizations, in that many such states aspire to proposing an alternative spiritual, cultural, political, and even economic developmental model. Second, the West and its followers began to experience a significant civilizational transformation at the socio-political and socio-cultural levels, placing such countries at a crossroad that could determine their existential future. Contextual transformations of this magnitude must always deploy ideology to legitimize ongoing political change, because ideology can question the prevailing conventions of the age to reflect fundamental shifts in society. From this point of view, the arrival of civilizations in the contemporary narrative of international relations invariably involves ideological doctrines that legitimize this process. This paper examines the emergent ideology of civilizational discourse, focusing on its central tenets, and discusses the political shifts that such an ideology seeks to justify.

Keywords: political ideology, civilisations, culture, multipolarity, international relations.

The contemporary architecture of international relations is moving away from a unipolar moment established in the wake of the collapse of the Soviet Union to an invariably more complex structure with several centres of political and cultural influence. Civilization has emerged as a new framework of reference, thus reinforcing cultural politics and challenging, at least from a normative point of view, the existing conventions around the extant world order led by the United States [Mouffe 2009; Stuenkel 2016; Cocker 2019; Higgott 2019; Acharya 2020; Haas, Kupchan 2021]. Wallerstein [1992: 215] defines civilization as a ‘particular concatenation of world view, customs, structures, and culture (both material and high culture) which forms some kind of historical whole and which coexists (if not always simultaneously) with other varieties of this phenomenon.’ Following this definition, civilization partly represents a discursive category involving cultural, religious, and socio-historic matters. Therefore, the new civilizational discourse began to shape contours of extant geopolitics [Acharya 2014] and the arrival of this discourse in the world political arena raises questions for further research.

This paper examines a political ideology derived from this civilizational discourse. The discussion will focus on a few practical questions. What were the reasons for the

arrival of a civilizational ideology in world politics? Which questionable developments/actions within the conventions of the existing order does the civilizational ideology seek to justify? What are the main tenets of the new civilizational ideology that is intended to buttress the new world order of multipolarity? The article departs from a proposition that ideology, above all other things, is an instrument of legitimating political action that evolves within particular historical and political conditions. To that end, this paper examines the contextual climate of our time that determines the main contours of the civilizational discourse. The discussion maps out motivations of the political actors who are attempting to vindicate new civilizational geopolitics and those who speak against them. The ideological clash of these parties reflects political developments taking place in the contemporary world. The authors examine the ideological foundations of this clash, as well as the value package of the new 'civilizational' ideology.

WHAT IS IDEOLOGY?

Ideology is most often treated as a means of legitimizing political action in the interest of either preserving or deconstructing the existing socio-political reality. In the first case, ideology provides guidelines for various ordering arrangements. These encompass multiple processes for the creation of rules and institutions, legitimization of the hegemonic order, strategies for maintaining power and subordinating dissenters, and the imposition of dominant discourses. In the second case, ideology reflects shifts in the discourse which justify those underlying changes that gradually take place within the society, but differ from the prevailing conventions of the age [Skinner 2002; Griffin 2006; Hamilton 1987]. In this latter case, ideology incessantly criticizes the reality, reflects on the past, and draws plans for future action. In the course of this process, ideology deconstructs social *logos* by questioning everything objective, scientific, and conventional. Ideology, therefore, presents social *logos* (or conventional rationality) as a 'social construct' and devalues its main positions with the aim of legitimizing new behavioural patterns. It is this subversive function of ideology that will interest us in this paper.

Another important way of understanding ideology is that it reflects a distinct moral and intellectual position, enshrined in a distinct 'value package'. The latter represents a carefully selected set of general ideas or concepts anchored to a specific mode of application of these concepts within the current cultural context. Taken in isolation, ideas could mean different things, yet the context within which abstract ideas appear and are applied makes them the basis of ideology. In this light, ideology is always a projection of an idea, in that it shows the application of a general concept to the existing social settings [Tully 1989; Skinner 2002; Hamilton 1987; Seliger 1976]. Here it is also important to distinguish between an ideological value package and a belief system that also produces values. Ideology is not completely equal to a belief system, even though both no doubt overlap at some junctures, since ideology often seeks to justify beliefs [Schull 1992: 733]. A belief system relates to the sphere of immediate self-consciousness and, therefore, encompasses the realm of feelings. Ideology no doubt intrudes into the sphere of self-consciousness, but represents a product of the *rationalization* of feeling and the individual mind. Hence, ideology appears as an artificial rational construct, which is used to reflect on the immediate experience as cogently as possible, albeit without the need to correspond to scientific truth or spiritual revelation.

Ideology is also united with political culture, almost converging with it in advanced capitalist societies. Gramsci claims that, in developed democracies, political power rests on political culture impregnated with liberal, capitalist, and nationalist ideology, rather than on despotic force and subjugation [Griffin 2006: 88; Hoare and Smith 1971:

376-377]. Althusser [1971: 54-55] also claims that ideology and culture almost merge by allowing the socio-political order to function as a 'total culture'. From this point of view, counter-culture can also produce its distinct ideology, which can enter into a mortal clash with the prevailing hegemonic culture to produce a new ideology that justifies new political action. Deploying the Gramscian approach, we could talk about the extant cultural hegemony of the neo-liberal, globalist West, as well as the possibility of slowing this hegemony down at the cultural level by the means of alternative ideas and values.

Based on this discussion, ideology is seen in three distinct ways: (1) contextual, as part of a prevailing political culture or gestating counter-culture; (2) political, as the means of legitimizing political goals and action; and (3) anthropological, as a rationalist value package that reflects particular aspirations and beliefs. Therefore, to grasp the essence of contemporary ideological change in international politics, we need to place this new civilizational discourse, as well as actions based upon it, into the contextual climate of our age and map out the intentions and motivations of the political actors who are attempting to vindicate new civilizational geopolitics. The final endeavour will be to ascertain the value package of the ideology of civilizations.

CURRENT CONTEXT OF INTERNATIONAL RELATIONS

The current context of international relations is marked by a significant civilizational transformation taking place within the United States, as the world's dominant power. Many authors believe that the acting geopolitical and cultural hegemon is in crisis [Cocker 2019; Ferguson 2004; Fukuyama 2015, 2021; Haas and Kupchan 2021; Wilkinson 2019], and this process invokes changes across various planes of international life, accompanied by a reactive response from the weakened leader¹ [Clinton 2011; Zakaria 2019; O'Keefe 2018; Higgott 2019]. Academic literature observes that the decline of any leading civilization takes place at two distinct, but interconnected, levels: material [economic, military, and socio-political] and cultural-metaphysical [Toynbee 1946; Braudel 1993; Jung 1991; Spengler 1922; Sorokin 1985]. Toynbee [1946: 383-384; 422-423] argues that the first level emerges with the attempts of the leader to create a universal state, or global empire, encompassing all states composing the civilization, under the aegis of its civilizational core. Usually, the establishment of such an empire is accompanied by increased militarization. The latter requires financial and social resources, while the windfalls obtained from the submergence of other states go back to sustaining territorial control and further militarization. Pauperization of the general public and the emergence of a dominant elite that cuts a sharp rift between the rulers and the ruled follows as a result.

The second level is manifest in the fading of symbols of cultural and religious expression and their gradual replacement by a new faith or creed [Jung 1991: 16]. The decline of the foundational religion and the waning of symbols of ideational importance represent mortal danger to functioning civilizations. Toynbee [1946: 375-403] shows that this process often goes hand in hand with the emergence of a new religion endorsed by the internal proletariat. Such developments are linked to the mode of functioning of the universal state. He [ibid.: 421-424] further claims that the universal state is led by a dominant minority, as opposed to a creative minority that drives the development of a civilization during the periods of genesis and growth. The dominant minority is devoid of inspiration and religious symbols. It tends to retain its position by force, and it detaches itself from the rest of the society, making class stratification

¹ Clinton H. US Is Losing the Global Information War. — RT. 03.03.2011. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=m1p-E2xmpjA> (accessed 27.03.2021).

morally and politically explosive. Accordingly, symbols of the collective unconscious and the main markers of the former religious morality fade one by one. The spiritual emptiness of social and political ideas becomes apparent, while the void is filled with movements and policies marked by their intellectual bleakness [Spengler 1922: 32].

Western civilization accelerated the creation of its universal state following the dissolution of the Soviet Union, which had been an economic, military, and metaphysical alternative to the West and acted as a balancing world force, keeping in check the geopolitical appetites of both contenders. For many observers and politicians of the age, the end of the USSR was tantamount to the ‘end of history’ in its ideological and political magnitude. In the United States, exaltation, coupled with the blindness of success, was transformed into a licence to create a unipolar world based on the globalist America-led liberal order [Kaplan 2002; Kagan 2003; see Lieven and Hulsman 2007; Stuenkel 2016 for critique]. The US consensus over its benevolent mission on the planet was ‘bipartisan at home’ [Darden 2017], and the idea initially found a positive response in Europe. The process of the universal state construction was manifest in the unprecedented expansion of NATO to include Eastern European and some former Soviet Union members and in America’s growing assertiveness in European affairs: open political and financial support of civic networks that led popular uprisings and established Washington-friendly regimes across the globe, rhetorical and legal justification of foreign democratization as a primary national-security interest, and explicit advocacy of interference in the international affairs of other states [ibidem].

At the same time, it was often overlooked that the USSR’s dissolution was largely self-imposed [Krauthamer 1991 argues that the USSR ‘called off’ the Cold War], elite-driven, and baffling at the time for many Western politicians and Sovietologists, who had been unable to accurately predict this turn of events [Breslauer 1992; Bunce 1995]. As a result, no legal treaties that finalized Russia’s ‘capitulation’ have been produced and no official rules of the game have been drafted to reflect the victory of the West. The ‘victory’ remained at the intuitive, self-evident level, and the traditionalist-patriotic line in Russia, which called to abandon the defeatist sentiments, has gained prominence². Russia began to reconsider the perilous fate of her civilization by attempting to regain her cultural and political distinctness and to fulfil her historical trajectory as an alternative to the West [Chebankova 2020]. Zbigniew Brzezinski [2004] was continuously wary of the possibility of Russia’s resurgence as a great civilization capable of challenging the hegemony of the United States. Yet, he argued that to ‘resist American hegemony, Russia needs to mobilize international support and that in turn requires a compelling intellectual case.’ Indeed, in just over a decade after its dramatic fall Russia, supported by China, India, Iran, Turkey, and some other states unwilling to be co-opted into the global neo-liberal empire, began building her new intellectual case around the idea of civilizational multipolarity and geopolitical plurality [Acharya 2020: 139-156].

The spread of America’s dominance and the intellectual reawakening of Russia have been accompanied by another qualitatively new process, seen in the rise of alternative poles of economic influence. At the time of the fall of the Berlin Wall, the richest industrialized countries – then cumulatively referred to as ‘the West’ – accounted for 80 per cent of the global economy; this figure stood at just 40 per in 2019, due to the growth of the emerging centres³. Accordingly, the world began to gravitate toward the

² Михаил Леонтьев в “Начале” [Mikhail Leontyev v “Nachale”]. – *RadioVesti.ru*. 10.08.2015. (In Russ.) URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ku6FNIybN78> (accessed 22.01.2021).

³ Nikonov V. 2019. *Conference Presentation at the Rhodes Forum 2019*.

formation of new macro-regions, united by economic and cultural-political ties. The economic potential of these regions, their robustness and cultural-political might, seriously challenge the monocentric globalized world order. Among such tightly knit economic clusters are the European Union and the members of the North American Free Trade Agreement (known after November 2018 as the United States–Mexico–Canada Agreement), who despite being Western pivots show significant signs of political and economic divergence; the South American Mercosur; and the Eurasian Economic Union. The Shanghai Cooperation Organisation and China-led economic initiatives further reconfigured the outlook of Western-centric world politics. The BRICS (Brazil, Russia, India, China, and South Africa) alliance is a peculiar arrangement, in that it is composed of inter-civilizational members that are geographically detached from each other and have different cultures, religions, and political systems. Yet the emergence of this organization only reinforces the general spirit of the age.

It could be argued that today's world has been hijacked by two conflicting forces: one driven by US-led neo-liberal globalization and the other *alternative globalization*, driven by the emerging powers⁴ [Stuenkel 2016]. At the practical level, alternative globalization rests on the emergence of economic alliances – financial, lending, and trading institutions – free from the Western influence. Of particular importance are the Eurasian Development Bank, the Development Bank of South Africa, the SAARC (South Asian Association for Regional Cooperation) Development Fund, the Mercosur Structural Convergence Fund, the China Development Bank, the China–ASEAN (Association of Southeast Asian Nations) Investment Cooperation Fund, and the New Development Bank. At the ideological level, alternative globalization relies on a civilizational-cultural understanding of the world based on an appreciation of difference, rather than on a search for convergence on the Western neo-liberal model. To give a more nuanced picture, we could argue that the world is becoming tripolar, anchored around the three largest political powers: the United States, Russia, and China. There is also a significant lack of balance in the relationship among these poles, in which the latter two enjoy an intellectual alliance and come close to a political union against the former. The United States has a tense relationship with both Russia and China and *de facto* pursues the policy of double containment. While Russia and China do not plan to create any military alliance, they pose as allies in the realm of political ideas focused on the defence of the polycentric world structure, appreciation of civilizational differences, and transparent rules of the game [Lavrov 2019].

The time is ripe to create greater international stability by altering the extant system to reflect changes that have taken place in past decades. Yet, changing those rules will have to reflect the new diminished status of the West and the re-emergence of other great civilizations as viable competitors. The reluctance and resistance of the departing hegemon to acknowledge and conduct that change determines much of the dialogue and conflict between these two competing trends of globalization. At the international level, such resistance is manifest in the politics of sanctions, military threats, arms races, and the clutching at control by the extant hegemonic power. Economic conflicts over European energy supplies, seen in the battles over the North Stream 2 and South Stream pipelines, have become a test for European political and economic sovereignty. Proposed sanctions ‘from hell’ (as they were termed in the US Congress) against Russia and attempts to declare Russia a terrorist

⁴ Lissovnikov Ya. BRICS-Plus: Alternative Globalization in the Making? – *Valdai Working Papers*. 12.07.2017. Paper N. 69. URL: <http://valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdai-paper-69/> (accessed 25.05.2021).

state, lack of respect for Iran, despite it being one of the world's oldest civilizations, and the economic war with China demonstrate the attempts of the hegemon to resist the ongoing global power change [Cooley and Nixon 2020].

In the military sphere, offensive strategic ideas are increasingly discussed in the United States, and rhetoric has shifted to make a limited nuclear exchange a possibility. The situation is exacerbated by the fact that, for the first time in modern history, the West, instead of leading, is trying to catch up with Russian competitors in the military field, particularly in the spheres of supersonic equipment, air-defence systems, and strategic missiles⁵. The domestic situation also evokes concerns. The efforts to sustain global domination invariably impact political and economic stability at home by detaching political elites from the general public, compromising living standards and fuelling inter-ethnic tensions because of increased migration. Indeed, the dominant political elites within the United States and in several European countries often place ideology above reason, and hope that 'careerism will ensure complacency' [Light 2008: 126; Volker 1989; Volker 2003; Fukuyama 2015: 460]. The migrant crisis experienced by both Europe and the United States, as well as the rise of radically alternative parties on both the right and left of the political spectrum, further increase these already-existing tensions.

A more nuanced and centuries-long process of transformation has been unfolding in the West at the religious level, culminating at the turn of the twentieth-first century. This was a gradual transformation of the Western civilizational foundation that has rested, for the past two thousand years, on Abrahamic religious values. This process of deconstruction was launched in the Renaissance with the opening of a grave debate between the Counter-Reformation movement led by the Order of Jesus and Thomists on the one hand and humanism and Reformation inspired by their respective key figures Erasmus and Luther on the other [Skinner 2002: 4-6; Spitz 1963: 231-232]. Among these parties, humanists (Erasmians) and reformists (Lutherans) have won the privilege of determining the subsequent dominant discourse, and with it, the main trajectory of socio-political and economic development [Trevor-Roper 1967: 24-26]. The touchstone of Erasmian-Lutheran disagreement concerned the centrality of the doctrine of original sin. Reformation theologians, led by Luther, believed in the weak nature of the human soul and the impossibility of individual salvation without the intervention of a divine force, hence supporting the doctrine [Cassirer 1979: 158-159]. Humanism, on the other hand, shifted away from such thinking and believed that individual salvation was possible via the human spirit alone. This in many ways was the beginning of the process that placed human reason above God and revelation in the Enlightenment.

Consequently, as Cassirer [1979: 167-168] notes, 'a window for the revision of the Bible was open'. The Enlightenment thinkers, who absorbed the message of humanists, considered that 'those Biblical positions that contradict immediate calls of morality must be forgone in favour of morality.' In the event, secularization and anthropocentrism became evident in all spheres of human life, including philosophy, natural science, and even theology. The process was uneven, in that the Erasmus-Luther debate was carried through the Enlightenment by Voltaire and Pascal [Cassirer 1979: 145-146], and the nineteenth century partially stalled its unfolding by the reactive flight to Romanticism [Nineteenth-Century... 1985]. Nevertheless, the trend altering Western religious foundations toward the formation of a new 'natural' religion, in which the human stands at the centre of everything, was victorious, and it led the twentieth century in that direction.

⁵ Luhn A., Oliphant R. Vladimir Putin Claims Russia Has Developed Nuclear Weapons 'Invulnerable' to US Missile Defence. — *The Telegraph*. URL: 01.03.2018 <https://www.telegraph.co.uk/news/2018/03/01/vladimir-putin-promises-halve-russias-poverty-six-years/> (accessed 25.05.2021).

Aware of that dynamic, and reflecting on contemporary Western conventions, Alexander Solzhenitsyn was concerned about the 'moral poverty' of Western civilization. His June 1978 Harvard speech, entitled 'A World Split Apart', claimed that the West is heading toward a point at which the delivery of unbridled freedom that gratifies personal sentiment must be valued above all else. Solzhenitsyn argued that 'a total liberation occurred from the moral heritage of Christian centuries with their great reserves of mercy and sacrifice.' He argued that self-seeking behaviour, endorsed by the ideology of human rights, shifted focus to the primacy of material life and pleasures, leading Western civilization to 'a harsh spiritual crisis and a political impasse'. At the same time, 'after the suffering of decades of violence and oppression,' he continued, 'the human soul longs for things higher, warmer and purer than those offered by today's mass living habits, introduced by the revolting invasion of publicity, by TV stupor and by intolerable music. All this is visible to observers from all the worlds of our planet.' Solzhenitsyn [1978] concludes that 'the Western way of life is less and less likely to become the leading model.' The more recent literature on ideational transformations within the West, which corresponds to such observations, is rather voluminous [Mahoney 2018; Milbank, Pabst 2016].

These metaphysical changes within the West began to assume an almost religious expression, involving a serious recasting of popular understanding of human nature and the core aspects of human life. The new trends sometimes seem to hark back to Europe's pre-Christian history, during which a multiplicity of deities, both male and female, were responsible for every possible human expression, blurring the difference between Creator and creature [Ratzinger 2007: 140]. This may well be suited to the contemporary realities of Western men and women living in a world composed of endless possibilities enhanced by scientific innovations. Yet, attractive as it may be for the West itself, this new model is shifting away from the traditional image of the West that the rest of the world knew and followed in the heyday of its influence. It is also significant that our understanding of a civilization hinges upon its religion. Without a knowledge of religion, one cannot form any nuanced understanding of a civilization, and its driving force becomes ambiguous to an observer. John Dunn [1969: 15] notes that 'human society is subjected to constant and violent centrifugal forces; and of these, a religious dispute is the most dangerous precisely because of its moral plausibility.' This brings us to the suggestions often expressed in the literature that civilizations are built roughly around religious borders, and backtracking on religion invariably alters the relationship of any given civilization with the outside world [Toynbee 1946; Dugin 2012: 110; Wallerstein 1992].

The collective West subjugated and influenced foreign cultures when its core was based on its original Judeo-Christian civilizational basis, which later embraced the ideals of the French Revolution as foundations of its secular state. This particular *type* of West was an example for others to follow, and it is in that particular form that the West was a legitimate leader for the rest of the world. As the weight of its former legitimacy fades, and the change of the paradigm becomes clear, the post-Christian West will need to prove its ability to lead. The right to power is usually consolidated following a deeply divisive socio-political, military, or cultural conflict. The divisive religious conflicts of early Christianity, the crusades, religious wars, and republican revolutions bear witness to this. The *new* West, which has disparaged Christian discourse in many ways, has not yet won such international legitimacy – either discursively or by force. To that end, potential followers of the West express concerns as to what *type* of West they are going to follow. The lack of clarity on these matters dissuades potential followers and creates a sense of a multiplicity of civilizations, in which each culture and civilization pursues its own chosen path.

ACTORS, GOALS, AND CONCERNS

Those who pressure for civilizational dialogue are the so-called ‘revisionist’ countries, their officials, and pundits – in other words, growing powers and their elites. They aim to change conventions established around the current Western-centric order. Therefore, the main trajectory of the civilizational discourse is seen in the *divergence* of social systems, as opposed to the previously adopted path of *convergence*. It is interesting that the argument in favour of civilizational divergence is reinforced by the actual process of economic convergence. The latter could be described as the narrowing of the rift between the regional economic well-being of the world’s North and South. For the first time in half a millennium, the average gap in GDP per capita has stopped widening and started to close, at least for several major economies [Popov et al. 2017]. We may further suggest that the economic catching-up process, or the process of economic convergence, requires less political/policy convergence, thereby sustaining the actual ‘divergence’ from the current global trend. To explain this phenomenon, many authors agree that accelerated growth requires a stronger state, along with its institutions, and a greater policy flexibility, reflecting a local/regional, social/civilizational, and geographic environment [ibidem].

Those who defend the existing ‘global liberal’ order are the elites and ideologues of the ‘older democracies,’ which are now forced to share economic and political influence in the existing international arena. Regardless of some disagreements on detail, Western strategists have adopted a conservative goal of seeking to preserve the international situation as it is, at any cost [Ferguson 2004]. The ideological clash between the revisionist and the status-quo parties reflects the political developments taking place in the contemporary world. The goals, motivations, and fears of these players form their respective ideologies.

Ideologists of civilizational discourse pursue multifarious goals of a globalist-geopolitical, civilizational, national, and regional nature [Nau, Ollapally 2012: 12-17]. Globalist-geopolitical goals seek to change the international balance of power in favour of developing countries, and reflect this shift in the new rules of international conduct. Advocates of these goals oppose US-led globalization, because it endangers sovereignty and increases inequity. They vie for reciprocity in economic relations and favour an alignment with other developing countries in political negotiations. Their institutional strategies include the establishment of new structures that can buttress their dissenting behaviour. Of particular importance are financial networks capable of creating an alternative to the Bretton Woods system, challenging the supremacy of the US dollar and establishing rules that can make international trade less dependent on unilateral national sanctions.

Civilizational goals seek to achieve the equal treatment of world cultures. Critics of universalism argue that standardization of the way of life will invariably diminish local cultures, create alienation and anomie, and could even profoundly alter Western culture itself, in that the conquerors always become invariably compromised by the cultural-religious ways of the conquered. It is argued that unilateral attempts to achieve cosmopolitanism might result in a greater political division of the planet, the presence of military forces, a threat of coercion, a loss of local self-determination, and a stratification of society. The goal is to create a world willing to examine the multiplicity of cultural traditions that are focused on the promotion of peace and prosperity across the world. Geopolitical and civilizational goals must be interwoven with regional and national ones. Geopolitical and civilizational objectives are targeted that promote an alternative developmental model: national, or even nationalist, goals of the independent development of nations, liberation from homogenizing pressures of neo-liberal globalization, and free transmission of cul-

ture, religion, and traditions within the bounds of one nation. These aims also extend to the regions that fall within the realm of civilizational reach.

It is also important that all such objectives rest on the particular fears of political agents, because fear usually cements power relations and aids the development of ideology [Dutkiewicz, Kazarinova 2017: 10; Bauman 1997]. Many democratization theorists [Dahl 1998; Linz, Stepan 1996] insist that fear over the lack of elite stability is the foremost driving factor behind the ideological and political transformation of non-democratic systems. Within the conditions of physical and material insecurity, when all things, including the lives of higher-ranking politicians, depend on one leader, political elites strive to recast the system toward greater collegiality and plurality. Likewise, at the international level, political elites of non-Western states feel insecure in dealings with the world hegemon, in that regime changes – via popular revolutions supported financially and politically by that hegemon – jeopardize the position of the elites of those countries, often threatening their physical and economic safety. Consequently, such players seek to alter the rules of the game toward greater transparency, either by joining with dissenting countries or by balancing between the hegemon and dissent, in both cases publicizing the discourse of the dissent.

The fear of losing territorial integrity is less motivated by self-interest, yet it still figures as one of the most important triggers inspiring a search for change. This consideration could also be regarded as partly personal, as politicians assume responsibility for their states, territory, and people – and, above all, for their subsequent role in history. While territorial acquisitions are not acceptable in the twenty-first century, a large number of states still face the threat of dismemberment or civil wars that are instigated with the assistance of third parties. North Africa, the Middle East, Yugoslavia, Ukraine, Georgia, and Afghanistan all suffered territorial losses in the wake of military or civil interventions. It is important that larger players, such as Russia, China, Turkey, Iran, and even the European Union, experience similar fears, despite their political weight, developed economies, and advanced military capacities. The European Union seeks greater economic, political, and cultural independence from the United States, and desires greater freedom from the bounds of Euro-Atlantic solidarity in its decision-making. Europe is also afraid of falling prey to intense battles for economic influence fought on its continent between the United States and China, since that could result in the political destabilization of the Union. Russia had to reverse its strategic convergence with the West, planned and executed since the 1970s, due to the fear of further territorial losses, stretching beyond those suffered in the fall of the USSR. The main concern was that the United States did not consider Russia a full-fledged member of Western civilization, and, if anything, preferred that Russia access the West in dismembered – and preferably disarmed – parts.

On a broader level, scholars of ontological security argue that globalization caused ‘a state of disruption’, in which ‘individuals or collectives of individuals’, lost ‘their sense of security and the ability to ... answer questions about doing, acting and being’ [Kinnvall, Mitzen 2017: 7]. The systemic contradictions that we have just described could induce a general fear that individuals are no longer masters of many processes at all levels of governance. Thus, many observers share a feeling that the general public is no longer able to act decisively in protecting domestic individual or group interests, and as a result has been deprived of the ability to shape its future [Dutkiewicz, Kazarinova 2018]. Thus, fear ceases to be a merely expedient *ad hoc* political tool; it has become the essence of politics. Fear begins to replace legitimating discourses around democracy, justice, and the common good. It is in this context that *fear as politics* may also have a *transformational*

capacity vis-à-vis norms and institutions. Such a fear acts as an enabler of a multiplicity of *the civilizational arrangements* as a potential solution for regaining (or gaining) influence, control, domination, and primacy by engaging culture as a tool of transformation.

VALUE PACKAGE

Civilizational ideology seeks to create a platform for communication between different cultural and political traditions. It adopts a narrative of pluralism, or a ‘polyphony of narratives’ [Kazarinova 2018], that rejects the imposition of universal ideologies on the rest of the world and endorses the language of plurality, multiplicity, and difference [Primakov 2003]. At the same time, this work of deconstruction has its limits, as difference can not be practised indefinitely. The extreme application of such difference runs the risk of debasing the entire system of human relations, turning it into a chaos ridden with a plurality of realities and truths [Chebankova 2021]. The relativism hidden in this approach could lead to extreme nihilism, repudiation of reason, and ultimate degradation of human civilizations, reminiscent of the Foucauldian proposal of ‘aesthetic existence’ [1989: 309-316] and the ‘art of living’ [Foucault 1986: 93-94]. To that end, the ideological endeavour of civilizational discourse is to build a new structure based on the dispersed cultural parts of the world. Instead of globalist universalism, a new system of thought is created out of their central suppositions. Here, the ‘spirit of systems’ largely comes into play, in which one meta-system provides a dialogical platform for several coherent systems of thought and tradition. Methodologically, civilizational thinking rests on the Leibnizian philosophical platform.

Leibniz, as we remember, proposed the concept of a ‘pluralistic universe’. He divided the world into specific *monads* – living centres of energy – whose infinite abundance and diversity constitute the unity of the world. At the same time, Leibniz deployed the notions of Cartesian dualism and Spinozian monism to emphasize that the world requires unity just as much as diversity. This is because ‘the ultimate aim of all knowledge lies in the “external truths”, which express a general and necessary relation between ideas, between the subject and predicate of a judgement’ [Cassirer 1979: 30]. From this angle, the monadic view of the world provides a picture of a new organic whole that ‘does not merely represent a mechanic sum of its parts but is presupposed by its parts and constitutes the condition of the possibility for their being’ [Nineteenth-Century... 1985: 18]. The monadic approach to the world has an instrumental significance for civilizational thinking in explicating the possibility, even the desirability, of differing *viable* systems of being that exist side by side and form the ultimate unity of the world. The adjective *viable* is emphasized, because history nominates only *viable* systems and interpretations for survival and propagation [Peterson 2018: 312]. Leibniz argued that monads are indifferent to division and disintegration, because non-viable monads will invariably split and form more-viable structures by joining other monads that could give rise to new forms. In the same vein, civilizations outlive their metaphysical basis, disintegrate, and join other worlds to construct more viable cultural formations.

It is also important that every social paradigm rests one way or another on a spiritual foundation. Examining the proposed platform for inter-civilizational dialogue from this point of view, we may notice that it is indelibly linked to the Christian conception of the Kingdom of God. There are different approaches to understanding the Kingdom of God. One such approach focuses on the centrality of the Church by arguing that the Church represents the Kingdom of God. Another approach emphasises Christ by claiming that Christ himself is the Kingdom in person. Other approaches underscore the centrality of religions in our search for the Kingdom of God (*theocentrism*)

[Harnack 1986; Schmidt 1965: 574; Ratzinger 2007: 52]. A secular, or *regnum-centric*, understanding of the Kingdom of God, reflects the metaphysical basis of civilizational discourse more accurately than any other competing formulation. The *regnum-centric* interpretation, which has become dominant in the second half of the twentieth century, relies on the centrality of the Kingdom itself. The Kingdom has been understood not so much as a 'worldly place to be found on a map', but as the 'world governed by peace, justice, and the conservation of creation' [Ratzinger 2007: 53-54].

This world was supposed to be the goal of history, and *all* religions were to work together to achieve this task. At the same time, all world religions were 'perfectly free to preserve their traditions and live according to their respective identities as well, but they must bring their identities to bear on the common task of building the Kingdom – a world in other words, where peace, justice, and respect for creation are the dominant values' [Ratzinger 2007: 54]. The resemblance of this approach to the idea of civilizational discourse is remarkable. In this system, religious – and, as a result, cultural and political – tolerance becomes an important principle. It is achieved in the light of adherence to God and the religious principles of morality, but with the acceptance of all varying interpretations.

Also, ideologists of civilizational discourse inadvertently deploy the spirit of nineteenth-century Romanticism as conveyed by Hegel, Mohler, Coleridge, Schleiermacher, and others. Those thinkers 'rejected excessive individualism and rationalism and emphasized those features that helped people to form nations and cultures and differentiate them from each other. Among such features are language, tradition, literature, temperament, and above all, history' [Nineteenth-Century... 1985: 12]. Such thinking alerts us to the idea of the multiplicity of viable religious and cultural interpretations of the world. Having said that, just like the Christian *regnum-centrism*, focused on the conservation of creation, or Leibnizian monadism, welcoming *viable* interpretations of life, Romantics understood the limits of their religious diversity. They accepted the notion of a hierarchy of religions, in which religions develop progressively, along with the rolling out of the world spirit. Schleiermacher, Hegel, Caird, and other Romantics argued that Judaism, Islam, and Christianity occupy the highest place of all faiths, with Christianity being the most sophisticated, developed, and complex form of religion. Hegel further argued that Olympism and Judaism were preparatory stages for reaching this higher peak.

Our discussion has shown that civilizational thinking provides a framework for dialogue among different *viable* cultural interpretations of being, thus achieving a specific form of unity for the world. A number of ideological building blocks will be required to implement such a construction. These will represent specific positions that should reflect basic universals shared by all participants. In other words, these building blocks must represent meta-theoretical foundations of the paradigm that could externally enable the existence of our 'monadic' civilizations. We must choose broad universal ideas [Bluhm 1965: 13], in that, as we have already argued, ideas can be studied only in the cultural and historical context within which they have been put into practice [Skinner 2002: 58-59; Richter 1995: 9-10; Lovejoy 1960: 15], including our context of civilizational discourse. Hence, we must not only select foundational ideas for our platform, but also ascertain which particular cultural and political interpretations stand behind our selected universals in the context of civilizational discourse. We have distinguished the four main elements: (1) freedom; (2) equality; (3) sovereignty; and (4) respect for international law and order.

First, the idea of freedom is applied in the republican sense of *external freedom*, that is, freedom of countries or civilizational conglomerates from external interference. This

is a republican understanding of freedom of commonwealth articulated by Cicero and reasserted by Machiavelli and Spinoza. This freedom signified the absence of external interference and meant that ‘the community is free in the sense of not living in dependence on the goodwill of anyone else, and is consequently free to act according to its own civil will’ [Skinner 2002: 129]. In republican thinking, this type of freedom came before internal freedom, which was understood as freedom from domestic tyranny.

Second, *equality* is understood as equality of dialogical parties in international communication and in developing rules and agreements. This point is particularly important, as two broad types of treaties have been known since ancient times: those of *parity* and of *suzerainty*. In the first case, dialogue takes place and treaties are concluded between equals; in the second, treaties and agreements are concluded between unequals — ‘the dominant party, whom we can term the *suzerain*, and the lesser party, whom we can call the *vassal*’ [Levenson 1985: 26]. Even though all international arrangements now have the *form* of parity, they often have the *substance*, and display the *practice*, of suzerainty. It is from this point of view, that ideological advocates of civilizational dialogue usually lament the situation in which the Western group of states pursues a line of dialogue in which they are placed above other cultures and civilizations that are expected to tread the pro-Western socio-political and cultural path. Pluralism of civilizations, or *dialogue of civilizations*, should be the cardinal tenet of this thinking. Ideally, each civilization will be entitled to choose its own cultural and political pattern of behaviour and will be free to adhere to its values [Yakunin 2017].

Third, civilizational thinking also advances the idea of *sovereignty*, understood at the two independent-but-intertwined levels demarcating nation-state and civilization. The idea of civilizational sovereignty figures as a new addition to our understanding of the sovereignty concept. In this case, international anarchy transforms to the anarchy of civilizations, as opposed to the traditional anarchy of states, which is becoming increasingly obsolete, according to the English School [Manning 1975: 177, 201; Bull 2000: 252]. Civilizations can engage in a productive dialogue by borrowing useful cultural elements from each other and discarding those practices that could be harmful to particular civilizational traditions. The other side of the coin, however, is that, within the conditions of the multipolar and multi-civilizational world, states — particularly those states that are located across geographical borders of civilizations — have greater leeway in choosing a cultural alliance. The relative freedom of the domestic behaviour of smaller states becomes possible in a multi-civilizational world in which no civilization exerts a commanding influence [Deutsch, Singer 1964: 394; Vayrynen 1995: 362-363; Buzan 2011; Higgott 2019].

It is also important that the state is still considered as a principal vehicle for stability, development, and growth⁶. From this point of view, civilizational ideology considers the state as the core instrument for the preservation of cultures, traditions, the historical memory of peoples, and normative patterns of a community — in the Hegelian vein. Moreover, many developing countries need the state as an instrument of modernization and growth, in that the state, as opposed to global businesses, can focus on the cardinal interests of its citizens. Therefore, civilizational thinking insists that two sovereignties — civilizational and national — must run in parallel and become mutually enriching, each responsible for its distinct sphere of application⁷.

⁶ Никонов vs Коэн. Поединок [Nikonov Vyacheslav, and Ariel Cohen. Poedinok]. — *Россия-1*. 22.06.2017. (In Russ.) URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6bC9bw1hzJM> (accessed 25.05.2021).

⁷ For critique of this position see: Rachman G. 2019. China, India and the Rise of the ‘Civilisation State’. — *Financial Times*. 04.03.2019. URL: <https://www.ft.com/content/b6bc9ac2-3e5b-11e9-9bee-efab61506f44> (accessed 14.05.2021).

Finally, civilizational ideology claims that humanity must develop societal laws of international conduct enforceable around the world. International law must be based on the interests of the vast majority of countries, the balance of their interests, and the equality of all parties. It should not be drafted in the interests of a group of global corporations with Western profit centres, which aim to dictate their rules to the rest of the world and advance their global economic interests. Countries should also dispense with the discursive division of states into those who set the rules and those who do not have a voice in their formation. Every country must take part in establishing those rules; the supremacy of one country (or a group of countries) over others should not be permitted. All countries must be able to decide which cultural, trading, and political union or alliance they would like to join, and they must be able to choose their institutional frameworks on the basis of their history and political cultures⁸.

To conclude, the ideology of civilizational discourse emerged in the context of an international climate formed at the turn of the twenty-first century. It seeks to legitimize the goals and intentions of emerging nations to redistribute power from the former world hegemon, largely seen as a collective West, led by the United States. This thinking rests on economic, cultural, and religious considerations and presses to accommodate polarity and pluralism, as well as greater equality of international dialogue. As we have already observed, each ideology gives a rhetorical platform for future political action.

DOI: [10.17976/jpps/2021.04.05](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.05)

ИДЕОЛОГИЯ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ДИСКУРС

Е. Чебанкова¹, П. Дуткевич¹

¹ Университет Линкольна. Кембридж, Великобритания

² Карлтонский университет. Оттава, Канада

ЧЕБАНКОВА Елена Александровна, PhD, независимый исследователь, ранее — профессор политологии и международных отношений Университета Линкольна, научный сотрудник Вольфсон колледжа, Кембридж (Великобритания), email: elena.chebankova@icloud.com; **ДУТКЕВИЧ Петр**, доктор политических наук, профессор, директор Центра государственного управления и публичной политики, Карлтонский университет, Оттава (Канада), email: PiotrDutkiewicz@cunet.carleton.ca

Чебанкова Е., Дуткевич П. Идеология и цивилизационный дискурс. — Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 43–57. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.05>

Статья поступила в редакцию: 06.03.2021. Принята к публикации: 03.04.2021

Аннотация. Мировой порядок претерпевает глубокие изменения в том, что касается его структуры, состава ведущих участников и социально-культурного дискурса, который является основой политической эволюции международных отношений. Для понимания этого процесса необходимо учитывать два фактора. Во-первых, несколько новых государств или групп государств вошли в лигу ведущих мировых держав и начали оказывать значительное влияние на мировую политику. Аналитики часто рассматривают этих игроков как цивилизации в том смысле, что многие такие государства стремятся предложить альтернативную модель духовного, культурного, политического и даже экономического развития. Во-вторых, Запад и его последователи начали испытывать значительные цивилизационные преобразования на социально-политическом и социокультурном уровнях, поставив такие страны на перекрестье, которое могло бы обусловить их экзистенциальное будущее. Контекстуальные преобразования такого масштаба должны всегда использовать идеологию для узаконивания наличных политических изменений, поскольку идеология может

⁸ Foreign Policy Concept of the Russian Federation (approved by President of the Russian Federation Vladimir Putin on November 30, 2016). — *The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. URL: https://www.mid.ru/en/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248 (accessed 25.05.2021).

поставить под сомнение существующие в эпоху конвенции, отражающие фундаментальные изменения в обществе. С этой точки зрения приход цивилизаций в современный нарратив международных отношений устойчиво связан с идеологическими доктринами, которые узаконивают этот процесс. В статье рассматривается выявившаяся идеология цивилизационного дискурса, уделяющего основное внимание ее центральным принципам, и обсуждаются политические сдвиги, которые такая идеология стремится оправдать.

Ключевые слова: политическая идеология, цивилизации, культура, многополярность, международные отношения.

References

- Acharya A. 2014. Global International Relations (IR) and Regional Worlds. — *International Studies Quarterly*. Vol. 58. No. 4. P. 647-659.
- Acharya A. 2020. The Myth of the 'Civilizational State': Rising Powers and the Cultural Challenge to the World Order. — *Ethics and International Affairs*. Vol. 34. No. 2. P. 139-156. <https://doi.org/10.1017/s0892679420000192>
- Althusser L. 1971. *Essays on Ideology*. London: Verso.
- Bauman Z. 1997. *Postmodernity and Its Discontents*. Cambridge: Polity.
- Bluhm W.T. 1965. *Theories of the Political System*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall Inc.
- Braudel F. 1993. *A History of Civilizations*. London: Penguin Books.
- Breslauer G. 1992. In Defence of Sovietology. — *Post-Soviet Affairs*. Vol. 8. No. 3. P. 197-238.
- Brzezinski Z. 2004. *The Choice: Global Domination of Global Leadership*. New York: Basic Books.
- Bunce V. 1995. Should Sovietologists Be Grounded? — *Slavic Review*. Vol. 54. No. 1. P. 111-127.
- Buzan B. 2011. A World Order Without Superpowers: Decentred Globalism. — *International Relations*. Vol. 25. No. 1. P. 3-25.
- Cassirer E. 1979. *The Philosophy of Enlightenment*. Princeton: Princeton University Press.
- Chebankova E. 2020. *Political Ideologies in Contemporary Russia*. London: McGill-Queen's University Press.
- Cocker Ch. 2019. *The Rise of the Civilizational State*. Cambridge: Polity.
- Cooley A., Nixon D.H. 2020. How Hegemony Ends. The Unraveling of American Power. — *Foreign Affairs*. (July-August). URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-06-09/how-hegemony-ends#author-info> (accessed 29.03.2021).
- Dahl R. 1998. *On Democracy*. New Haven and London: Yale University Press.
- Darden K. 2017. *Russian Revanche: External Threats and Regime Reactions*. — *Daedalus*. Vol. 146. No. 2. P. 128-142. https://doi.org/10.1162/DAED_a_00440
- Deutsch K.W., Singer J.D. 1964. Multipolar Power Systems and International Stability. — *World Politics*. Vol. 16. No. 3. P. 390-406.
- Dugin A. 2012. *The Fourth Political Theory*. London: Arktos.
- Dunn J. 1969. *The Political Thought of John Locke*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ferguson N. 2004. A World without Power. — *Foreign Policy*. No. 143 (July-August). P. 32-9.
- Foucault M. 1986. Kant on Enlightenment and Revolution / Trans. C. Gordon. — *Economy and Society*. Vol. 15. No. 1. P. 88-96.
- Foucault M. 1989. An Aesthetic of Existence. — *Foucault Live*. New York: Semiotext[e]. P. 309-16.
- Fukuyama F. 2015. *Political Order and Political Decay*. London: Profile Books.
- Fukuyama F. 2021. Rotten to the Core? How American Political Decay Accelerated during the Trump Era. — *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-01-18/rotten-core> (accessed 31.03.2021).
- Griffin R. 2006. Ideology and Culture. — *Journal of Political Philosophy*. Vol. 11. No. 1. P. 77-99.
- Haas R., Kupchan Ch. 2021. The New Concert of Powers: How to Prevent Catastrophe and Promote Stability in a Multipolar World. — *Foreign Affairs*. 23 March. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2021-03-23/new-concert-powers> (accessed 31.03.2021).
- Hamilton M. 1987. The Elements of the Concept of Ideology. — *Political Studies*. Vol. 35. No. 1. P. 18-38.
- Harnack A. 1986. *What Is Christianity?* Philadelphia: Fortress Press.
- Higgott R. 2019. Civilizations, States and World Order. Where Are We? Where Are We Going? — *DOC Institute Report for the 17th Rhodes Forum*. URL: https://doc-research.org/wp-content/uploads/2019/09/Civilisations-states-and-world-order_PDF-slim.pdf (accessed 29.03.2021).
- Hoare Qu., Smith G.N. 1971. *Antonio Gramsci: Selection from the Prison Notebooks*. London: Lawrence and Wishart.
- Jung C. 1991. *The Archetypes of Collective Unconscious*. 2nd ed. London: Routledge.

- Kagan R. 2003. *Of Paradise and Power*. London: Atlantic Books.
- Kaplan R. 2002. *Warrior Politics: Why Leadership Demands a Pagan Ethos*. New York, NY: Vintage Books.
- Kinnvall C., Mitzen J. 2017. An Introduction to the Special Issue Ontological Securities in World Politics. — *Cooperation and Conflict*. Vol. 52. No. 1. P. 3-11. <https://doi.org/10.1177/0010836716653162>
- Krauthammer Ch. 1991. The Unipolar Moment. — *Foreign Affairs*. Vol. 70. No. 1. P. 23-33.
- Levenson J.D. 1985. *Sinai and Zion: An Entry into the Jewish Bible*. New York: Harper Collins.
- Light P. 2008. *A Government III Executed: The Decline of the Federal Service and How to Reverse It*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Lieven A., Hulsman J. 2006. *Ethical Realism: A Vision for Americas Role in the World*. New York: Pantheon Books.
- Linz J., Stepan A. 1996. *Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe*. Baltimore, London: Johns Hopkins University Press.
- Lovejoy A.O. 1960. *The Great Chain of Being: A Study of the History of an Idea*. New York: Torchbook.
- Mahoney D. 2018. *The Idol of Our Age: The Religion of Humanity Subverts Christianity*. New York, London: Encounter Books.
- Milbank J., Pabst A. 2016. *The Politics of Virtue: Post-liberalism and the Human Future*. London: Rowman and Littlefield International.
- Mouffe Ch. 2009. Democracy in a Multipolar World'. — *Millennium: Journal of International Studies*. Vol. 37. No. 3. P. 549-561. <https://doi.org/10.1177/0305829809103232>
- Nineteenth-Century Religious Thought in the West*. 1985. Ed. By N. Smart, J. Clayton, P. Sherry, S. Katz. Cambridge: Cambridge University Press.
- O'Keefe Th.A. 2018. *Bush II, Obama, and the Decline of US Hegemony in the Western Hemisphere*. London: Routledge.
- Peterson J. 2018. *12 Rules for Life: The Antidote to Chaos*. London: Penguin.
- Popov V., Sundaram J. 2017. Convergence? More Developing Countries Are Catching Up. — *Mapping a New World Order: The Rest beyond the West*. Ed. by V. Popov, P. Dutkiewicz. London: Edward Elgar Publishing. P. 7-23. <https://doi.org/10.4337/9781786436481.00007>
- Ratzinger J. 2007. *Jesus of Nazareth: From the Baptism in the Jordan to the Transfiguration*. London: Bloomsbury.
- Richter M. 1995. *The History of Political and Social Concepts*. Oxford: Oxford University Press.
- Schmidt K.L. 1965. *Theological Dictionary of the New Testament*. Vol. 1. Grand Rapids, MI: Eerdmans.
- Schull J. 1992. What Is Ideology? Theoretical Problems and Lessons from Soviet-type Societies. — *Political Studies*. Vol. 40. No. 4. P. 728-741. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.1992.tb01795.x>
- Seliger M. 1976. *Ideology and Politics*. London: George Allen and Unwin.
- Skinner Q. 2002. *Vision of Politics*. Vol. II. *Renaissance Virtues*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Solzhnitsyn A. 1978. *A World Split Apart. Commencement Address*. Harvard University. URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/alexandersolzhnitsynharvard.htm> (accessed 16.03.2021).
- Sorokin P. 1937-1985. *Social and Cultural Dynamics*. 4 vols. New York: American Book Co.
- Spengler O. 1922. *The Decline of the West*. London: George Allen and Unwin.
- Spitz L.W. 1963. *The Religious Renaissance of the German Humanists*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Toynbee A. 1946. *A Study of History*. Oxford: Oxford University Press.
- Trevor-Roper H. 1967. *Religion, the Reformation, and Social Change*. London: Macmillan.
- Tully J. 1989. *Meaning and Context: Quentin Skinner and His Critics*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Volker P. 1989. *Rebuilding the Public Service*. National Commission on the Public Service, Washington, DC.
- Volker P. 2003. *Revitalizing the Federal Government for the 21st Century*. National Commission on the Public Service, Washington DC.
- Wallerstein I. 1992. *Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World System*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wilkinson M. 2019. Authoritarian Liberalism in Europe: A Common Critique of Neoliberalism and Ordoliberalism. — *Critical Sociology*. Vol. 45. No. 7-8. P. 1023-1034. <https://doi.org/10.1177/0896920519837325>
- Zakaria F. 2019. The Self-Destruction of American Power: Washington Squandered the Unipolar Moment. — *Foreign Affairs*. July-August.
- Dutkiewicz P., Kazarinova D. 2017. Fear as Politics. — *Polis: Political Studies*. No. 4. P. 8-19. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.02>
- Lavrov S. 2019. *Interview at the Big Game programme*. 22 December. (In Russ.) URL: https://www.youtube.com/watch?v=hucdqhvu_OE (accessed 25.04.2021).
- Primakov Ye. 2003. A World without Superpowers. — *Global Affairs*. No. 3. (In Russ.) URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_1560 (accessed 25.05.2021).

DOI: 10.17976/jpps/2021.04.06

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Д. Лейн

ЛЕЙН Дэвид, почетный исследователь Колледжа Эммануэля, Кембриджский университет, член Академии общественных наук, Кембридж (Великобритания), email: dsl10@cam.ac.uk

Лейн Д. Цивилизация и капиталистическая глобализация. — Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 58-75. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.06>

Статья поступила в редакцию: 21.02.2021. Принята к публикации: 12.04.2021

Аннотация. В статье рассматривается подъем цивилизаций как экономических систем. Предметом авторского обсуждения являются четыре основания экономики урбанистической индустриальной цивилизации: рыночное общество, индустриализм, капитализм и социализм. Показано, что “классический либерализм” имеет сходные с “классическим марксизмом” посылки: секуляризм, рационализм, гуманизм и свободу. Обе эти философские школы рассматривали Просвещение как движение, ведущее к универсальной цивилизации. Теории “индустриального общества” описывают, как формирование современной цивилизации принимает глобальную форму. В этом контексте экономической основе универсальной цивилизации противостоят альтернативные формы капитализма. Либеральные и социалистические формы индустриальных и постиндустриальных обществ претендуют на то, чтобы быть самостоятельными формами цивилизации. Тем не менее автор утверждает, что конфликты между различными “разновидностями капитализма” являются не “столкновением цивилизаций”, а проявлением различий их геополитических интересов, и заключает, что общество государственного социализма представляет собой иной цивилизационный тип индустриального общества.

Ключевые слова: цивилизация, капитализм, культура, марксизм, Поланьи, Валлерстайн, социализм, Китай.

Если раньше в фокусе дискуссий о политической идентичности находились государства в рамках их географических границ, в настоящее время акцент сместился на группы народов, разделяющих схожие ценности и убеждения, основанные на языковых и религиозных предпочтениях, истории и культуре. Такие кластеры, зачастую включающие в себя ряд обществ и государств, называются цивилизациями. Иммануил Валлерстайн определяет основные компоненты цивилизации как “уникальную комбинацию традиций, общественных структур и культуры (как материальной, так и ‘высокой’), которая формирует ту или иную историческую целостность...” [Wallerstein 1991: 215]. Это определение включает три элемента, формирующих особую историческую формацию: политическую и экономическую структуру, психологические ориентации и культуру. Цивилизации — общества со скоординированными и воспроизводящимися моделями материального производства, социально-сти, управления, ценностной системы и культуры. Культура — часть цивилизации; это язык, верования, обычаи и “образ жизни” общества как целого.

Для объяснения возникновения и развития цивилизаций ученые обращаются к двум основным институциональным комплексам: политическому и экономическому. Согласно политическому объяснению современная западная цивилизация

эволюционировала от феодализма через национальное государство [Mann 1986]. Национальное государство принесло с собой грозную администрацию и организованную силу, которые позволили ему распространять и насаждать особый тип институтов и ценностей: особую цивилизацию. С позиций экономического институционального комплекса, который является предметом исследования в данной статье, первостепенная роль приписывается изменениям, происходящим в экономической жизни общества. Тип экономики порождает богатство, технологии (которые лежат в основе военной мощи национального государства) и образ жизни, определяющие цивилизацию. Кумулятивные изменения, формирующие мировую историю, привели к появлению современной “западной” цивилизации. С этой точки зрения рассматриваются не отдельные культурные “цивилизации”, а возникновение общего типа индустриальной экономики, т.е. универсальной цивилизации, которая пронизывает национальные государства и ранее существовавшие культуры.

Однако есть различные мнения относительно того, что формировало эту цивилизацию: является ли она урбанистически-индустриальной формой культуры или же образуется путем распространения рыночного общества и капиталистической конкуренции? Рацио и научный подход были основополагающими элементами мышления эпохи Просвещения: менее развитый мир следовал примеру европейского Запада. Просвещение стало этапом на пути к универсальной цивилизации, поскольку оно преодолевало традиции и культуры прошлого, на смену которым должно было прийти “новое универсальное сообщество, основанное на разуме” [Gray 2002: 2]. Ожидалось, что мир урбанистической цивилизации будет построен на экономической основе. Но что составляет эту основу? Есть три разных подхода: рыночное общество, индустриализм и капитализм.

59

РЫНОЧНАЯ ОСНОВА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Согласно Карлу Поланьи, “...контроль со стороны рынка над экономической системой имеет определяющее значение для всей организации общества и по меньшей мере означает управление обществом как придатком рынка. Вместо встраивания экономики в систему социальных отношений социальные отношения встраиваются в экономическую систему. Иными словами, не экономика встраивается в социальные отношения, а социальные отношения — в экономическую систему... Эта экономическая система организована в виде самостоятельных институтов, основанных на определенной мотивации и их особом в ней статусе. Общество должно быть сформировано таким образом, чтобы позволить этой системе функционировать в соответствии с ее собственными законами... поскольку рыночная экономика может функционировать только в рыночном обществе” [Polanyi 2001: 60]¹.

Лишь интернационализация рынков благодаря торговле принесла с собой “цивилизационную” культуру. В рамках этой логики цивилизация в смысле образа жизни напрямую связывается с ее экономическим базисом. По мнению Поланьи, рынок является главным определяющим фактором.

Экономически рынок распространился через торговлю, что, в свою очередь, имело значительные социальные последствия; экономический либерализм повлиял на цивилизационную составляющую. Как отмечал Джон Стюарт Милль,

¹ Имеется иной перевод на русский язык данного фрагмента: (см. [Поланьи 2002: 70]) (прим. ред.).

“экономические преимущества торговли превосходят по своей значимости интеллектуальные и моральные” [Mill 1996: 594]. Согласно Миллю, либерализм всегда характеризовался экономическим миссионерским видением, нацеленным на продвижение как хорошего, так и процветающего общества. Адам Смит (1976) в “Богатстве народов” рассматривал “цивилизованное общество” как образованное коммерцией, торговлей и разделением труда; он считал ренту, заработную плату и прибыль тремя конституирующими гражданское общество порядками. Соответствующие источники дохода привели к появлению “трех великих, изначальных и составляющих каждое цивилизованное общество сословий” [Smith 1976: 265] (землевладельцев, наемных работников и капиталистов). Дальнейшее распространение социальных и политических выгод связано с выстраиванием сетевых взаимодействий между людьми, что, с одной стороны, способствует обучению, а с другой — взаимопониманию. Итак, международная торговля играет важную цивилизационную роль; более того, по Миллю [Mill 1996: 593], в отношении ранее неразвитой страны она может иметь эффект “промышленной революции”, поскольку новые объекты и “вкусы”, предлагаемые международной торговлей, побуждают людей работать усерднее и увеличивать накопление капитала.

Дальнейшее распространение социальных и политических выгод связано с выстраиванием сообществ между людьми, что, с одной стороны, способствует обучению, а с другой — облегчает взаимопонимание. Таким образом, международная торговля играет важную цивилизаторскую роль. Согласно Миллю [ibidem], международная торговля может иметь эффект “промышленной революции” в ранее неразвитой стране, поскольку новые объекты и “вкусы”, предлагаемые международной торговлей, побуждают людей работать усерднее и увеличивать накопление капитала.

Процветание одной нации зависит от процветания других. Их взаимный интерес, проявляющийся в торговле, “быстро делает войну неактуальной за счет усиления и умножения личных интересов, которые ей естественным образом противостоят” [ibid.: 594]. “Значительные масштабы и быстрый рост международной торговли” — это не только “гарантия мира во всем мире”, но также “великая постоянная безопасность для непрерывного прогресса идей, институтов и характера человечества” [ibid.: 593-594].

Это международный, а не национальный сценарий. Торговля разрушила локальные традиционные культуры, исторически сформированные народами и ограниченные религией и языком. Апологеты свободной торговли восхваляют ее цивилизаторскую миссию, которая осуществляется посредством привносимых ею образа жизни, образования и христианской религии. Этот подход глубоко укоренился в предположении благожелательного превосходства западной цивилизации: свободная торговля принесет остальному миру те многочисленные преимущества, которыми уже пользуются доминирующие государства: все выиграют от разделения труда, а незападные общества будут преобразованы западной цивилизацией.

КЛАССИЧЕСКИЕ МАРКСИСТЫ: КАПИТАЛИЗМ КАК ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Капиталистическая индустриализация была формой экономики с положительными и благотворными результатами. Посредством инвестиций правящие классы обеспечили экономический рост, который укрепил промышленно развитые государства. Карл Маркс и Фридрих Энгельс поддерживали идеи

Просвещения, но привнесли в осмысление капитализма, основанного на идеях эксплуатации, более критический настрой, связав распространение индустриализации и рынка с империализмом и цивилизацией.

Маркс утверждал, что капитализм создает современное общество (основанное на науке, светское, экономически развитое и богатое, политически демократическое и социально “прогрессивное”). Многие исследователи (см., например, [Mills 1962: 23–24]) обращают внимание на сходство между “классическим либерализмом” и “классическим марксизмом”, которых роднят приверженность секуляризму, рационализму, гуманизму и свободе, — четырем общим принципам Просвещения [ibid.: 25–26]; оно с этих позиций является этапом на пути к универсальной цивилизации.

Марксисты выявили дефект, противоречие в современном капитализме: он способен освободить человека через экономическую эксплуатацию [Therborn 2008: 68]. Как гласит “Коммунистический манифест” (1848), “Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские, нации. Дешевые цены ее товаров — вот та тяжелая артиллерия, с помощью которой она разрушает все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам. Под страхом гибели заставляет она все нации принять буржуазный способ производства, заставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию, т.е. становиться буржуа. Словом, она создает себе мир по своему образу и подобию” [Маркс, Энгельс 1955: 428].

Не может быть “национальной” формы цивилизации, потому что классы, встроенные в способы производства, образуют цивилизации. Рост рынка имел как политические, так и экономические последствия. “...Крупная промышленность связала между собой все народы земли, объединила все маленькие местные рынки во всемирный рынок, подготовила всюду почву для цивилизации и прогресса и привела к тому, что все, что совершается в цивилизованных странах, должно оказывать влияние на все остальные страны... Буржуазия уничтожила могущество аристократии, дворянства, отменив майораты, или неотчуждаемость земельных владений, и упразднив все дворянские привилегии. Она сокрушила могущество цехового бюргерства, упразднив все цехи и все привилегии ремесленников. На место тех и других она поставила свободную конкуренцию, т.е. такое состояние общества, при котором каждый имеет право заниматься любой отраслью промышленной деятельности, причем ничто не может ему в этом помешать, кроме отсутствия нужного для этого капитала” [Энгельс 1955: 326–327].

Капитализм XIX в., как отмечали Дж. Хобсон и В.И. Ленин в своих теориях империализма [Hobson 1902; Ленин 1969], носил интернациональный характер. Взаимодействие, порожденное торговлей, сблизило людей и нации. Основные компоненты империализма: растущая концентрация производства и капитала, при которой олигополия заменяет собой свободную конкуренцию; слияние банковского и промышленного капитала при растущем господстве банковского капитала; экспорт капитала, заменяющий экспорт товаров, — привели к разделу мирового рынка международными капиталистическими объединениями и завершению территориального раздела мира между капиталистическими державами. Национальные государства находились в средоточии этого анализа. Правительства сохранялись и определяли условия, на которых происходило

взаимодействие между странами. Государство оставалось главной юридической, политической и экономической единицей. Сторонами конфликтов и войн были государства, а не цивилизации. Капитализм был политически заключен в оболочку государственных структур; классы формировались на основе государств. Войны между ними оказывались, по мнению Елены Чебанковой, исключительно “внутрицивилизационными конфликтами”, а не битвами цивилизаций [Chebankova 2021]. Перспектива универсальной цивилизации без войн открывалась, с точки зрения марксизма, лишь при социализме.

Несмотря на то, что Маркс обличал эксплуатацию, он считал ее прогрессивной. Например, во времена британской администрации в Индии, по словам Маркса, именно “действия английской паровой машины и английской свободы торговли” разрушили ее “маленькие полуварварские, полудоминированные общины” и произвели “величайшую и... единственную социальную революцию, пережитую когда-либо Азией” [Marx 1853; цит. по: Маркс 1957: 135]. Люди в этих индийских общинах утратили “одновременно как свои древние формы цивилизации, так и свои исконные источники существования, мы все же не должны забывать, что эти идилические сельские общины, сколь безобидными они бы ни казались, всегда были прочной основой восточного деспотизма, что они ограничивали человеческий разум самыми узкими рамками, делая из него покорное орудие суеверия, накладывая на него рабские цепи традиционных правил, лишая его всякого величия, всякой исторической инициативы. Мы не должны забывать эгоизма варваров, которые, сосредоточив все свои интересы на ничтожном клочке земли, спокойно наблюдали, как рушились целые империи, как совершались невероятные жестокости, как истребляли население больших городов, — спокойно наблюдали все это, уделяя этому не больше внимания, чем явлениям природы, и сами становились беспомощной жертвой любого захватчика, соблаговолившего обратить на них свое внимание” [ibidem].

И хотя, по мнению Маркса, Англия “руководствовалась самыми низменными целями”, она была “бессознательным орудием истории, вызывая эту [фундаментальную социальную] революцию” в Индостане [ibid.: 136]. В этом отношении Маркс рассматривает новую технологию и экономику как новый образ мышления. Это уровень технологий, который рождает цивилизацию. Цивилизация определяется способом производства. Как заметил Виктор Кириан [Kiernan 1983: 92], “Маркс заменил Бога технологией”. Эта замена привела к появлению капиталистической цивилизации, которой было уготовано мировое господство.

Для более полного обсуждения этой цивилизации стоит обратиться к “Происхождению семьи, частной собственности и государства” Фридриха Энгельса (1884), где он проводит различие между дикостью, варварством и цивилизацией. Цивилизация знаменует собой “период овладения дальнейшей обработкой продуктов природы, период промышленности в собственном смысле этого слова и искусства” [Engels 1884: 16; цит. по: Энгельс 1961: 33]. “Цивилизация является той ступенью общественного развития, на которой разделение труда, вытекающий из него обмен между отдельными лицами и объединяющее оба эти процесса товарное производство достигают полного расцвета и производят переворот во всем прежнем обществе” [Engels 1884: 94; цит. по: Энгельс 1961: 173-174]. Впрочем, основу цивилизации составляли классовые отношения, которые привели к появлению рабства в Древнем Риме и Греции, что ознаменовало “первое крупное разделение общества на

эксплуатирующий и эксплуатируемый классы”; рабство, крепостничество и наемный труд — это “три великие формы порабощения, характерные для трех великих эпох цивилизации” [Engels 1884: 95; цит. по: Энгельс 1961: 175]. Основой цивилизации, утверждает Энгельс, “служит эксплуатация одного класса другим ... все ее развитие совершается в постоянном противоречии” [Engels 1884: 95; цит. по: Энгельс 1961: 177]. В соответствии с этой логикой “цивилизация” представляет собой надстроечную форму способа производства. Маркс и Энгельс добавили к идее цивилизации классовый компонент: эмансипация эксплуатируемых могла быть достигнута только при социализме.

Социалистическое будущее, согласно представлениям последователей Маркса, преодолеет ограничения капитализма, уничтожая эксплуататорские элементы (господство капитала и рыночных отношений), которые изначально были необходимы для прогресса, но стали оковами развития. Социализм привлекателен не только в классовом, но и цивилизационном аспектах. С ним связываются надежды на освободительную миссию модернизации и развитие производительных сил. Но он обещает также рождение цивилизации, основанной на принципах взаимности и человеческого сотрудничества, без экономической эксплуатации: отмена эксплуатации разрешит противоречие капиталистических форм цивилизации. Коммунизм призван выполнить обещание Просвещения создать цивилизацию без эксплуатации и вместе с тем — глобальную по форме. Современная версия развития цивилизации приобрела несколько иные формы. Ее социологические черты можно обнаружить в идеях универсализирующегося индустриального общества, которые предшествовали идеям таких мыслителей, как Фрэнсис Фукуяма, пришедших к подобному же выводу, но в рамках идеализма.

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО КАК ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Альтернативная версия, лишенная марксистских основ, отражена в идеях об универсализирующемся индустриальном обществе и является развитием идеи Поланьи о рыночном обществе. Именно смещение акцента с экономики и международной торговли на общество сфокусировало внимание современной цивилизации на “процессе индустриализации”. Как отмечали К. Керр, Д.Т. Данлоп, Ф.Х. Харбисон и К.А. Майерс [Kerr et al. 1962: 28], “В наше время призрак коммунизма уже не бродит по Европе, скорее зарождающаяся индустриализация в разнообразных формах противостоит всему миру. Гигант индустриализации бродит по Земле, преобразуя почти все привычные черты старых и традиционных обществ”. Для этих авторов индустриализация — это процесс перехода от традиционного общества к индустриальному; это цивилизационный процесс. Различия существуют (я обращаюсь к ним ниже), но в целом индустриализм создает универсальную форму общества, формирует цивилизацию. В современных обществах глобализация включает распространение не только экономических процессов (рынки товаров, труда и капитала), но также институтов (экономические корпорации), политики (конкурентная демократия / полиархия), урбанизации (нуклеарная семья), идеологии (консьюмеризм) и языка (английский). Развиваются массовая культура и потребительская этика. Глобальный рынок создает глобализирующуюся цивилизацию.

Обращаясь к работам таких ученых, как Кларк Керр [Kerr et al. 1962] и Дэниел Белл [Bell 1961], можно выделить девять характеристик индустриальной цивилизации. Во-первых, население быстро растет и находится под кон-

тролем; размер семьи уменьшается, нуклеарная семья заменяет кровнородственную семью, женщины эмансипируются, а половые роли уравниваются. Во-вторых, имеет место диффузия политической власти, функции управления осуществляются конкурирующими элитами (полиархия), отвечающими перед более широкой общественностью, актуальным остается вопрос о правах человека. В-третьих, высоко развито разделение труда: в отношениях между людьми доминируют рыночные механизмы, а семья теряет свои прежние функции. Общественная иерархия, основанная на образовании и профессионализме, поощряет социальную мобильность. В-четвертых, в системе ценностей акцентируются трудолюбие, прогресс и наука. Идеологии укрепляют социальные структуры, но не стремятся их изменить. Религиозные и этические суждения фокусируются, в основном, на внутреннем мире человека, нежели на трансцендентном аскетизме [Kerr et al. 1962: 87]. Этика потребления является повсеместной и способствует экономическому развитию и росту. В-пятых, правовая система применяет универсалистские законы. На смену обычаям и социальным нормам приходят изменяемые законы, принимаемые властью в соответствии с международными законами и соглашениями. В-шестых, национальные правительства, которые ранее осуществляли власть в рамках национальных государств, теряют свои позиции, уступая глобальным политическим и экономическим организациям. В-седьмых, человеческие отношения конкретны и ориентированы на достижение результата. Преобладают ценности меритократии и равенства возможностей. В-восьмых, урбанизм порождает безличное, поверхностное и дифференцированное социальное общение. Коммуникации становятся непрямыми; в политической жизни доминируют посредники; печатные и электронные СМИ обеспечивают обезличенную глобальную информационную среду. Как заметил Луис Вирт [Wirth 1964: 75], “часы и светофор символизируют основу нашего социального порядка в городском мире”. Наконец, когда рынок приобретает глобальный масштаб, государственные границы теряют свою функцию и социальная, политическая и экономическая жизнь становится интернациональной.

Логика индустриальной системы создает “индустриальную цивилизацию”. Политическая власть становится рассредоточенной, управление требует участия, элиты сталкиваются с проблемами в области прав человека и обеспечения базового уровня жизни. Социальная структура дифференцируется, а мобильность все больше определяется образованием и способностями. Важнейшим оказывается формирование общей системы “цивилизационных” ценностей. Последствия такой “цивилизации”, как ясно, недооценивались: “Империя индустриализма охватит весь мир, и предписываемая ею унификация проникнет в самые отдаленные точки, а сфера ее влияния станет универсальной” [Kerr et al. 1962: 46]. Как либералы, так и марксисты [Wallerstein 1979; Hettne 2005] считали, что мир идет к универсальной цивилизации. Капиталистическая экономика охватывает “весь мир, включая государства, идеологически приверженные социализму” [Wallerstein 1979: 271]². Процессам глобализации способствовали прозрачные границы, сквозь которые проникают не только транснациональные компании и международные организации, но и культурные паттерны.

² Валлерстайн [1979: 280] утверждает, на мой взгляд, ошибочно, что социалистические государства — это соответствующие социальные движения, находящиеся у власти в государствах, являющихся частью единой капиталистической мировой экономики.

В политическом плане суверенитет национальных государств, установленный Вестфальским миром и международной правовой системой, заменяется стоящей над этими государствами системой, подконтрольной международным организациям и транснациональным корпорациям. Это стало очевидным по мере превращения интернационализма в духе Дж. Милля и В. Ленина в глобализацию. Последняя была определена как “исторический процесс, трансформирующий пространственную организацию социальных отношений и транзакций посредством порождения трансконтинентальных или межрегиональных сетей взаимодействия и осуществления власти” [Held, McGrew 1998: 220]. Глобализация ущемляет права государств, глобальный рынок, на котором доминируют транснациональные корпорации, создает цивилизацию глобального масштаба, а культура “индустриального общества” охватывает весь мир.

Этому тренду в значительной степени способствовало разложение системы колониального господства Великобритании и Франции, а затем и распад коммунистического блока. Деколонизация отделила зависимые государства от их имперских центров, а переход бывших плановых экономик к рынку осуществлялся в соответствии с правилами Бреттон-Вудских институтов. Как следствие, географическое пространство, незащищенное могущественными государствами, было заполнено западными транснациональными компаниями. Представительные демократии стали частью идеологического оружия неолиберальных государств. Возросла роль международных организаций (ВТО, ВБ, МВФ) как координирующих институтов в мировой экономике. Западные государства утратили способность координировать свою экономику, хотя их правоприменительные функции (в отношении рынка и частной собственности) были усилены. Во внешней политике они взяли на себя миссионерскую роль. Политики национального уровня вышли на уровень интернациональный. Средства массовой информации, все более транснациональные по структуре собственности и мировоззрению, заняли неолиберальные экономические позиции и пропагандировали идеологию потребления. По мере глобализации экономики государства уступали свою власть экономическим институтам (корпорациям и международным координирующим органам), религия вытеснялась наукой, а на смену местным обычаям приходила общая глобализованная культура.

Эти экономические и политические изменения происходили одновременно с развитием классовых структур мирового капитализма и детерриториализацией социального класса. Ввиду аутсорсинга и бегства производства из ведущих индустриальных государств Запада класс лиц физического (ручного) труда сконцентрировался в развивающихся странах Юга. Одновременно класс капиталистов отделился от “национальной почвы” и приобрел интернациональный характер. Ряд авторов, в том числе Лесли Скляр [Sklair 2002], утверждали, что глобализованный капиталистический класс теперь включает глобальные экономическую и политическую фракции, а также глобальные СМИ. Во всех развитых странах, начиная с 1970-х годов, значительно снизилась идеологическая приверженность религии, а также радикальной и консервативной политике, ушла в небытие традиционная партийная политика. Акцент в образе жизни сместился с работы на потребление. Удешевление производства в сочетании с доступностью кредита способствовало возникновению общества потребления. Западные общества процветали, их экономическая и политическая модель стала образцовой как для развивающихся, так и для посткоммунистических стран. Консьюмеризм был воз-

веден на уровень идеологии. Торговые центры заменили церкви как средоточие радостно-торжественной стороны общественной жизни. Однако еще предстоит выяснить, ведет ли все это к всемирной универсальной капиталистической цивилизации, способной включить в себя культурное многообразие, или же — к миру конкурирующих типов цивилизаций.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ КАПИТАЛИЗМ ИЛИ КОНКУРИРУЮЩИЕ ТИПЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ?

Страны доминирующего экономического и политического ядра мировой системы во главе с Соединенными Штатами, прежде всего Европейский союз и Япония, узаконили свою гегемонию через социально-политическую теорию неолиберализма. Социологический дискурс переместился от “индустриального общества” к неолиберальному “царству свободы”, “в котором люди... больше не сражаются и работают как можно меньше” ([Fukuyama 1993: 287], одобрительно ссылающийся на Александра Кожева). Неолиберализм не знает национальных границ; его заповеди универсальны в продвижении ценностей свободы и личного благополучия. Всеобщей свободы можно достичь только через открытые рынки, конкуренцию, частную собственность и этику потребления. Интернационализацию капитализма также предсказывали марксистские теоретики мир-системы (см., например, [Wallerstein 1979: 13, 271]), которые утверждали, что даже самоопределяющийся социалистический блок будет включен в мировую капиталистическую систему, поскольку сам он является не отдельной экономической системой, а лишь другой составной частью этой мировой капиталистической системы. Общества государственного социализма, утверждали они, не являются собою пример социалистического способа производства, но существуют во взаимодействии с капиталистической мировой экономикой и формируются ею. Социалистические страны, такие как СССР и КНР, определялись ими как часть полупериферии, иногда называемой “промежуточными регионами” [Hettne 2005: 279]. Такие государства, несмотря на проявление некоторых черт социализма (например, гарантия занятости и всеобъемлющая система социального обеспечения), стали ключевыми игроками капиталистического накопления, что, в свою очередь, послужило основой для их реинтеграции в мировую капиталистическую систему. С цивилизационной точки зрения теоретики мир-системы представляли универсальную капиталистическую цивилизацию как включающую разнородные культурные и экономические сегменты.

На момент написания в 1992 г. Фрэнсисом Фукуямой своего бестселлера “Конец истории и последний человек” американская гегемония Запада в военной, политической, экономической и культурной сферах казалась неоспоримой. Государственная социалистическая альтернатива была демонтирована. Китайская экономика приняла рыночные реформы и перешла к приватизации собственности. Россия переходила к рыночной экономике. Европейская социал-демократия превратилась в неолиберализм. Евросоюз принял неолиберальную хартию, и к нему должны были присоединиться бывшие социалистические государства Центральной Европы. Глобализирующийся неолиберализм входил в зенит своего влияния. Спорный вопрос заключается в том, приведет ли данный процесс к возникновению универсальной мировой капиталистической цивилизации, включающей многообразие культур, или — к типологическому многообразию конкурирующих цивилизаций.

Глобализирующийся неолиберализм был провозглашен высшей цивилизацией. Для эффективного процветания рыночному обществу требовалась

социальная и политическая надстройка, которая была найдена в гражданском обществе, верховенстве закона, доминирующих социальных классах и идеологии. Однако, в отличие от классического либерализма, эти компоненты приобретали глобальный охват, а в цивилизационном аспекте неолиберальный мировой порядок допускал множественность различных культур. Развитие электронных технологий позволило добиться значительных успехов в сокращении временных и пространственных масштабов. Лидерство передовых технологий западного происхождения, экономической и военной мощи Запада, продвигаемых им политических процедур и потребительской идеологии казалось незыблемым, а соответствующие убеждения получили широкое распространение в конце XX в.

На этом фоне постулирование цивилизационной альтернативы, основанной на традиционных ценностях или альтернативной марксистской версии универсализма, считалось безрассудным занятием. Идеи возрождения *The Anglosphere*³ или же евразийства (в версии Александра Дугина) не имели большого влияния. Нормы неолиберального глобализированного капитализма столкнулись с традиционными исторически детерминированными цивилизациями, которые демонстрировали вплетенные в историю культурные формы идентичности и укоренившийся в географическом пространстве язык; они также сохраняли традиционные религиозные и семейные ценности, патриархальные авторитарные формы политики и коллективистскую идеологию.

РАЗНОВИДНОСТИ КАПИТАЛИЗМА ИЛИ РАЗНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ?

К 2020-м годам глобализированный неолиберализм и как теория, и как способ выстраивания общественно-экономических отношений утратил свои позиции. В этом контексте государства и группы государств ищут идеологическую идентичность для обновленной легитимации своего политического и экономического суверенитета. Навязанное неолиберализмом обещание универсальной постиндустриальной формы капитализма, предвещаемое такими учеными, как Фукуяма, оспаривается в рамках нового цивилизационного дискурса. Проблема заключается в изменении диспозиции основных держав. Экономическая гегемония глобального ядра (*global core*), стран, сгруппированных вокруг США, находится под угрозой. Обращение к цивилизационной самобытности — одна из форм, которые может принимать такая идентичность. Национальная история и цивилизационный статус интерпретируются в интересах легитимации текущих политических и экономических нужд. Традиционные культурные формы идентичности и современные институты объединяются в цивилизационном дискурсе. Современные идеи не отбрасываются, а по-новому включаются в процесс укрепления национальных социальных институтов.

В качестве цивилизационной концепции неолиберальный мировой порядок может включать множество различных культур, и этот аргумент распространен среди тех, кто утверждает, что экономическая модернизация не требует трансформации иных, кроме экономического, аспектов общества. Происходит взаимопроникновение между новыми формами капитализма и традиционными обществами, и цивилизация перестает быть связанной

³ Англосфера (*The Anglosphere*) — группа англоязычных стран, разделяющих общие культурные и исторические связи с Соединенным Королевством, поддерживающих с ним сегодня тесное политическое, дипломатическое и военное сотрудничество. Не тождественна сообществу стран, где английский является официальным языком (лишь часть его).

с какой-либо определенной экономической базой — капиталистической или социалистической; политическая интерпретация подменяет экономическое различие. Джон Грей [Gray 2002: 4-5] утверждает, что мировая экономика не делает уникальный режим “демократического капитализма” универсальным. Даже в условиях глобализации капитализм пропагандирует разнообразные новые типы режимов. Строящаяся в настоящее время глобальная экономика не гарантирует будущего свободного рынка. Она скорее породит новую конкуренцию между сохраняющимися социальными рыночными экономиками и свободными рынками, в ходе которой первые будут коренным образом реформированы или разрушены.

Ситуация предстает не столкновением цивилизаций, а конфликтом между различными геополитическими интересами, что является естественной формой взаимоотношений между капиталистическими странами.

Однако экономики встроены в политические и социальные институты, которые обеспечивают лидерство, научные инновации, социальную сплоченность и/или формы разделения и конфликта. Важными компонентами, способствующими сплочению общества, являются государство, класс и идеология (особенно религия). Способы сборки этих институциональных кластеров порождают различные “разновидности” капитализма, и эти разновидности обеспечивают основу для разнообразных культурных комплексов, на которые ссылается Джон Грей и которые он называет “цивилизациями”. Питер Холл и Дэвид Соскис ([Hall, Soskice 2001]; см. также [Hancke, Rhodes, Thatcher 2007]) считают определяющим фактором способы координации деятельности фирм. Они рассматривают два идеальных типа такой координации в рамках современного капитализма: либеральную рыночную экономику (ЛРЭ) и координированную рыночную экономику (КРЭ), иногда называемые организованными рыночными экономиками. Модель либерального рынка применяется в англосаксонских обществах — США, Великобритании, Канаде, Австралии и Новой Зеландии. Фирмы здесь работают на конкурентных рынках во всех сферах экономической жизни, при этом главными экономическими индикаторами являются цены, предложение и спрос. Между институтами и процессами существует высокий уровень взаимодополняемости. Такие экономические системы отличаются высокой капитализацией фондового рынка, низким уровнем поддержки занятости, высоким уровнем оплаты наемного труда и значительным неравенством доходов. Для экономики характерны слияния и поглощения, которым способствует фондовая биржа; профсоюзы слабы, а труд не гарантирован. Рынок — главный инструмент экономической координации.

В координированной экономике отношения между фирмами регулируются через множество нерыночных отношений. К ним относятся сетевой мониторинг, основанный на обмене частной информацией и отношениях сотрудничества (а не конкуренции) внутри и между фирмами. Для Холла и Соскиса [Hall, Soskice 2001] примерами таких систем являются Германия, Дания, Франция и Япония. У них высокий уровень поддержки занятости, низкая капитализация фондового рынка, относительно меньшая продолжительность рабочей недели и сравнительно умеренное неравенство доходов. Слияния и поглощения компаний происходят относительно редко, и профсоюзы защищают интересы трудящихся. Экономика координируется через вертикальные или горизонтальные ассоциации фирм. Хотя Холл и Соскис [ibidem] указывают на различия внутри подтипов этих экономик (например, Япония и Германия, — с одной стороны,

Великобритания и США — с другой), по мнению этих ученых, сходство между присущими им механизмами координации и взаимодополняемости позволяет говорить о двух родственных типах экономики.

Концепция “разновидностей капитализма” подвергается существенной критике даже со стороны ее приверженцев. В настоящей статье мы рассмотрим два основных направления такой критики. Во-первых, анализ касается лишь одной особенности капиталистической экономики — процессов координации деятельности фирм. Каким бы важным и показательным ни был этот элемент экономической системы, он все же является лишь одним из измерений капитализма, а это означает, что данный анализ смешивает очень разные типы обществ. При использовании других критериев Япония и Германия реализуют различающиеся типы государственного обеспечения и по-разному участвуют в международной экономике. Великобритания, Канада и Соединенные Штаты также значительно отличаются по критериям благосостояния и глобального влияния. Во-вторых, отраслевой профиль (высокие технологии, первичные производители), влияние на мировую экономику, движущие силы накопления (компании, классы, государство), формы инноваций и образования, так же как и типы собственности и контроля, способствуют многообразию классификаций и комбинаций стран.

Дэвид Коутс [Coates 2000] и Бруно Амабл [Amable 2003] расширили область анализа, включив в нее конкуренцию на товарном рынке, наемный труд и институты рынка труда, сектор финансового посредничества, корпоративное управление, социальную защиту и государство всеобщего благосостояния [ibid.: 14]. Подобно анализу Холла и Соскиса [Hall, Soskice 2001], эти типологии институционально взаимодополнительны. Различные группы обществ имеют сходные экономические, политические и социальные институты: их объединяет внутренняя согласованность системы капитализма. Амабл [Amable 2003] выделяет пять типов капитализма. *Рыночная экономика* эквивалентна либеральной рыночной экономике Холла и Соскиса. Как и в случае капитализма во главе с рабочими (по Коутсу), отличительными чертами *социал-демократической* модели являются средняя гарантированная занятость, высокий уровень социального обеспечения, повсеместная переподготовка рабочих и скоординированная система переговоров по заработной плате. *Система континентальной Европы* похожа на социал-демократическую, но институты государства всеобщего благосостояния здесь менее развиты, финансовая система способствует долгосрочным корпоративным стратегиям, переговоры по заработной плате координируются, а для обеспечения занятости существует меньше возможностей, чем в социал-демократическом типе. В отличие от континентально-европейской, *средиземноморская модель* обеспечивает большую защиту занятости и меньшее социальное обеспечение, ограниченность навыков и необразованность рабочей силы не позволяют реализовать промышленные стратегии, предполагающие высокие зарплаты и высокую квалификацию. *Азиатская модель* (вариант капитализма во главе с государством, по Коутсу) “сильно зависит от бизнес-стратегий крупных корпораций в сотрудничестве с государством и централизованной финансовой системой” [ibid.: 15]. Труд защищен за счет возможностей для переподготовки и корпоративной карьеры. Социальная защита отсутствует, финансовые рынки относительно неразвиты, стабильность обеспечивается самими крупными корпорациями.

Общей чертой всех этих подходов является то, что они в основном касаются развитых капиталистических стран с относительно высоким уровнем

развития рынка, которые также прошли длительный исторический путь как капиталистические страны, в которых более или менее присутствуют (принимая различные формы) все компоненты капитализма. Эти подходы выдержали интерпретацию современного капитализма как цивилизации, сформированной многочисленными разновидностями.

Джон Грей [Gray 2002: 13] подверг критике фундаментальную связь между (капиталистическими) рынками и обществом, которую он называет “марксистской интерпретацией Поланьи”. Такая связь, по его словам, имела место только в условиях, сложившихся в Англии в XIX в. “Страны континентальной Европы обладали рыночными экономиками, но нерыночными обществами. Они остались таковыми и по сей день” [ibid.: 12]. Вслед за Сэмюэлем Хантингтоном [Huntington 1996: 41] Грей отвергает идею о возможности существования “универсальной мировой цивилизации. Этот аргумент не может быть подтвержден” [Gray 2002: 12]. Грей и Хантингтон подходят к цивилизациям с точки зрения культуры, которая может включать широкий спектр обществ. Для Хантингтона “цивилизация — это культура в целом” [ibidem]. Такой подход слишком широк и приводит к определению любой самобытной культуры как “цивилизации”. Хантингтон насчитал таковых восемь: западную, африканскую, китайскую, индуистскую, исламскую, японскую, латиноамериканскую и православную.

Представление о “разнообразиях капитализма” обеспечивает альтернативную интерпретацию, которая ближе идее о том, что развитые индустриальные (или постиндустриальные) общества могут различаться в плане структур и процессов, что обуславливает разнообразие “цивилизаций”. Даже рост глобализации не ведет к однородности: “однородность... [это] то, чем глобализация *не* является (курсив в оригинале)” [ibid.: 57]. Признавая, что страны должны приспосабливаться к тенденциям глобализации, Грей утверждает, что результатом присутствия на глобальных рынках “в каждом случае, включая Соединенные Штаты, будет порождение новых типов капитализма” [ibid.: 59]. Процессы глобализации сливаются с общественными. Общество адаптируется к ним, образуя не только отдельные капиталистические экономические и культурные формации, но и то, что Грей [ibid.: 57] называет “делокализацией”. Даже повсеместное присутствие глобализирующихся коммуникаций не приводит, по его мнению, к “некому подобию конвергенции культур”. Медиакомпания, заключает он, “меняют свой продукт, чтобы соответствовать разным культурам”, а коммуникационные технологии не “указывают путь к универсальной цивилизации”. Напротив, глобализация “действует, чтобы выразить и углубить культурные различия” [ibid.: 60]. То, что Грею [ibid.: 20] хотелось бы видеть на месте универсальной цивилизации (в рамках которой в настоящее время доминируют американские ценности), — это множественность культур; для него не существует западной цивилизации. Он призывает принять мировую экономику с “разнообразием культур, режимов и рынков как постоянную реальность”. Для Грея [ibid.: 20], как и для Хантингтона, существуют американский, немецкий, британский, русский, японский, китайский и азиатский капитализмы. Он отвергает Просвещение как “универсальную цивилизацию, предполагающую превосходство Запада”. “Глобальный свободный рынок” не ведет к “неумолимому продвижению особого типа западного капитализма”, а он “порождает местные типы капитализма, которые мало связаны с какой-либо западной моделью” [ibid.: 3-4].

КУЛЬТУРА ИЛИ ЦИВИЛИЗАЦИЯ?

И хотя историческая траектория капитализма порождает различные капиталистические формации, Грей не приводит убедительных доказательств того, что они явно представляют собой отдельные цивилизации. Им описано несколько гибридных форм экономической координации с национальными или региональными культурами. Заостряя внимание на различиях между разными странами, автор упускает из виду общее в них (все они “капиталистические” и имеют общие социальные черты, описанные в модели “индустриального общества”). Кроме того, игнорируются динамика и направление изменений. Вопрос о степени распространения и господства в обществе капитализма с его специфическими формами производства и финансов, мотивированностью рынком и склонностью к потреблению, недостаточно теоретически проработан; так, в капиталистическом мире существуют отдельные островки альтернативной культуры (религия, гендерные отношения и семья). То, что улавливается представлениями о “разновидностях капитализма”, — это дифференциация экономических форм, которые может принимать капитализм, и поддерживающих его структур.

Следует проводить различие между культурой и цивилизацией. Освальд Шпенглер [Spengler 2013; цит. по: Chebankova 2021] определяет цивилизацию как “высшую и заключительную стадию культуры”; ей присуща “более высокая логика и рациональность, которые автоматически превращают веру в симулякр”. Вместе с тем культура действует и на более низком уровне; она состоит из “веры, этики и символов”. Различия, отмеченные в литературе о “разновидностях капитализма” и на которые опирается Джон Грей, определяются элементами культур. Данные элементы культур характеризуют собой, скорее, разновидности одной цивилизации, нежели отдельные и самостоятельные цивилизации. Но общие черты, присущие различным группам капиталистических обществ, зачастую игнорируются, а различиям придается чрезмерное значение. О “разновидностях капитализма” стали дискутировать в 1990-х годах, однако еще до этого многие ученые признавали наличие различных типов капитализма и путей, по которым современный капитализм развился из других формаций. Так, Макс Вебер проводил различие между диким (авантюристическим) капитализмом (*booty capitalism*), торговым капитализмом, современным капитализмом, монополистическим капитализмом, политическим капитализмом и капитализмом-изгоем. Главное различие Вебер проводил между политическим и современным капитализмом. В первом случае возможности для извлечения прибыли сопряжены с “эксплуатацией войны, завоеваний и привилегиями политического управления” [цит. по: Gerth, Mills 1948: 66]. Впрочем, прибыль приносят различные формы политического господства.

Как для Вебера, так и для Маркса критически важными переменными были экономическая система и экономические институты, но капитализм и капиталистический способ производства не ограничиваются экономическими институтами. Анализ должен учитывать, каким образом экономика встроена в политические и социальные институты, обеспечивающие лидерство, научные инновации, социальную сплоченность и/или формы разделения и конфликтов. Несомненно, капитализм формирует эти институты. *Acquis Communautaire* Евросоюза определяет для новых государств-членов, как должна функционировать капиталистическая система. Неолиберализм требует от государства соблюдения законов рыночной конкуренции. Для эффективного функционирования капиталистической рыночной экономике требуется совместимое с ней рыночное общество.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ С СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ ИЛИ БЕЗ НИХ?

Социальная формация, предшествующая современному капитализму, оказывает формирующее влияние на его характер. Посткоммунистическая трансформация отличается от тех, которые рассматривались Марксом и Вебером, по многим причинам: государственные социалистические общества уже были развитыми формами индустриального общества, несмотря на отсутствие рынков, денег и банков (как инструментов накопления) и частной собственности. В институциональном смысле при формировании государственного социализма не было ни капиталистического класса, предрасположенного к накоплению, ни идеологии, симпатизирующей капиталистическим нормам. Социалистические общества, как утверждали Беатрис и Сидней Уэбб [Webb, Webb: 1935], сформировали новую цивилизацию. При трансформации постсоциалистических обществ некапиталистические черты взяты из совершенно иной формы. В отсутствие свободного рынка правительство выступало главным координатором экономики через обширную государственную собственность на ресурсы, полный контроль над денежной эмиссией и направлением инвестиций. Правительственное управление в значительной степени определяло уровни занятости, зарплат, а также разделения личных и коллективных расходов. Общество было более сплоченным.

В посткоммунистических экономиках, а также других развивающихся государствах многие компоненты капитализма скомпрометированы чужеродными чертами, зачастую коренящимися в докапиталистических формациях, — нерыночными экономическими отношениями, отсутствием комплементарной капиталистической идеологии, классов предпринимателей и капиталистов. Эти общества находятся в стадии перехода к капитализму. Таким образом, анализ должен учитывать не только *тип* капитализма, но и *стадию развития*, на которой он находится. Исходя из этого, общества государственного социализма следует считать не разновидностями капитализма, как полагал Валлерстайн, а разными цивилизационными типами. Холодная война представляла собой столкновение цивилизаций. Чтобы определить масштабы капитализма, нам необходимо принять во внимание размеры частной собственности в активах, наличие свободного рынка и либерального ценообразования, формы накопления капитала, интегрированность в глобальную экономику, механизмы координации капиталистических фирм, уровни перераспределения доходов и форм богатства, а также психологические, политические и идеологические аспекты. Как, к примеру, наследие плановой экономики с низкой заработной платой и полной занятостью повлияло на результаты рыночной трансформации? Научные исследования о разновидностях капитализма были посвящены развитым капиталистическим государствам — Западной Европе и США. Опубликованный в 2007 г. отредактированный том на эту тему содержал лишь несколько прикрепленных ссылок на постсоциалистические государства; Китай вскользь упоминается лишь один раз в контексте “развивающихся экономик” [Hancke, Rhodes, Thatcher 2007: 64]. Отчасти это обусловлено тем, что соответствующие кейсы не вписывались в парадигму “разновидностей капитализма”. Впрочем, Лейн и Мьянт [Varieties of Capitalism... 2007] обратили внимание на роль государства и дисфункции в отношениях рынка и общества.

После экономических реформ в Китае и его интеграции в мировой рынок группа стран, которые Валлерстайн называет полупериферией, стала самодостаточной и одновременно начала экономически конкурировать с запад-

ными державами, входящими в “ядро” мир-системы. Эти страны перешли от периферийной зависимости к устойчивой конкурентной взаимозависимости [Sbragia 2010]. Распад государственных социалистических обществ и последующее освоение ими частных форм собственности и рыночных механизмов максимизации прибыли свидетельствует о том, что анализ Валлерстайна верен. Их слабое место в том, что ими недостаточное внимание уделяется разнообразию и конфликтам между государствами и регионами, входящими в капиталистическое “ядро”, и теми, что сейчас называют “восходящими государствами” (*rising states*), такими как Китай, Индия и Россия. Недостаточно освещаются политические аспекты этого конфликта. Продвижение этими “восходящими государствами” своих региональных геополитических интересов зачастую способно преодолевать глобальный интерес западного бизнеса, бросая вызов державам господствующего “ядра”: иными словами, “ядру” мир-системы противостоит “противоядро” (*counter-core*), а входящие в него государства в целях легитимации своего суверенитета используют цивилизационную идентичность, основанную на традициях и историческом опыте.

Мы утверждаем, что восходящие нации можно рассматривать как относительно автономное экономическое образование (со специфическими культурными особенностями). Восходящие государства, такие как Китай и Россия, теперь образуют “полуядро” (*semi-core*), к которому мы причисляем страны, размещающие у себя иностранные предприятия и одновременно имеющие свои собственные национальные и международные экономические корпорации. Они представляют собой развитые устойчивые экономики. Китай стремится сохранить суверенитет государственной власти и одновременно укрепить геополитическую власть. Эту позицию разделяет и Россия. Вопрос, превратятся ли эти восходящие государства в некую форму “уравновешивающей” силы или даже отдельную социальную формацию? Они обладают многими качествами, характерными для описанной выше модели индустриального общества. Бранко Миланович [Milanovic 2019] предполагает, что они представляют уравновешивающие друг друга формы капитализма, частную и государственную, две его “разновидности”. Примем во внимание и мнение Дж. Айкенберри [Ikenberry 2011] о том, что восходящие державы успешно интегрируются в либеральные институты, в этом случае долгосрочный сценарий предусматривает траекторию по линии, предложенной Валлерстайном и ведущей к унитарной мир-системе. В обоих этих сценариях не просматривается перспектив возникновения другой “цивилизации”. В соответствии с ними конфликт между восходящими державами и гегемонистским ядром, особенно США, — это геополитический конфликт, а не разделение между цивилизационными альтернативами.

Если восходящие государства станут “разновидностью капитализма”, то их претензии на цивилизационные различия будут основываться на гибридной логике, состоящей из элементов, заимствованных из капитализма, наследия традиционного общества и государственного социализма. По нашему мнению, следовало бы говорить лишь о культурном своеобразии. Если им удастся сформировать другой тип экономики (например, на основе государственного планирования и административной координации), это обеспечит материальный базис для другого типа “цивилизации”. В этом случае добавление отличительных экономических основ социалистического типа к культурной формации означало бы переход от национальной экономики с социалистическими характеристиками к социалистическому обществу с национальными

характеристиками, — то есть от культурной формации при капитализме к социалистической цивилизации.

(Перевод с англ. С.В. Чугрова, В.В. Лапкина)

DOI: [10.17976/jpps/2021.04.06](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.06)

CIVILISATION AND THE GLOBALISATION OF CAPITALISM

D. Lane¹

¹ Cambridge University. Cambridge, UK

LANE, David, Emeritus Fellow of Emmanuel College, Cambridge University, Fellow of the Academy of Social Sciences, email: dsl10@cam.ac.uk

Lane D. Civilisation and the Globalisation of Capitalism. — Polis. Political Studies. 2021. No. 4. P. 58-75. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.06>

Received: 21.02.2021. Accepted: 12.04.2021

Abstract. The paper addresses the rise of civilisations through economic complexes. Four economic bases to an urban-industrial civilisation are discussed: market society, industrialism, capitalism and socialism. The assumptions of 'classic liberalism' are shown to have affinities with 'classic Marxism': secularism, rationalism, humanism and freedom. Both schools of thought envisaged the Enlightenment as a movement leading to a universal civilisation. Theories of 'industrial society' are postulated as creating a modern civilisation which takes a global form. In this context, the economic basis of a universal civilisation is confronted by alternative forms of capitalism. Liberal and socialist forms of industrial and post-industrial societies claim to be separate forms of civilisation. The paper maintains that conflicts between different 'varieties of capitalism' do not constitute 'clashes between civilisations' but represent divergent geo-political interests. It is contended that the state socialist societies presented a different civilisational type of industrial society.

Keywords: civilisation, capitalism, culture and civilisation, Marxism, Polanyi, Wallerstein, socialism, China.

References

- Amable B. 2003. *The Diversity of Capitalism*. Oxford: Oxford University Press. 326 p. <https://doi.org/10.1093/019926113X.001.0001>
- Bell D. 1961. *The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Consent in the Fifties*. New York: Free Press. 540 p.
- Chebankova E. 2021. What is Civilization? Problems and Definitions. — *Civilizations and World Order*. Ed. by E. Chebankova, P. Dutkiewicz. London: Routledge. (In press)
- Kerr C., Dunlop J.T, Harbison F.H., Myers C.A. 1962. *Industrialism and Industrial Man: The Problems of Labor and Management in Economic Growth*. London: Heinemann. 317 p.
- Coates D. 2000. *Models of Capitalism: Growth and Stagnation in the Modern Era*. Cambridge: Polity Press. 320 p.
- Engels F. 1884. *Origin of the Family*. URL: https://www.marxists.org/archive/marx/works/download/pdf/origin_family.pdf (accessed: 20.10.2020).
- Fukuyama F. 1993. *The End of History and the Last Man*. New York: Avon Books. 418 p.
- Gerth H.H., Mills C.W. 1948. *From Max Weber: Essays in Sociology*. London: Routledge. 504 p.
- Gray J. 2002. *False Dawn: The Delusions of Global Capitalism*. London: Granta Books. 272 p.
- Hall P.A., Soskice D. 2001. *Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage*. Oxford: Oxford University Press. 570 p.
- Hancke B., Rhodes V., Thatcher M. 2007. *Beyond Varieties of Capitalism: Conflict, Contradictions, and Complementarities in the European Economy*. Oxford: Oxford University Press. 456 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199206483.001.0001>
- Held D, McGrew A. 1998. The End of the Old World Order? Globalization and the Prospects for World Order. — *Review of International Studies*. Vol. 24. No. 5. P. 219-245. <https://doi.org/10.1017/S0260210598002198>
- Hettne B. 2005. Regionalism and the World Order. — *Global Politics of Regionalism: Theory and Practice*. Ed. by M. Farrell, B. Hettne, L.V. Langenhove. London: Pluto Press. P. 269-286.
- Hobson J. A. 1902. *Imperialism: A Study*. New York: James Pott & Co. 400 p.
- Huntington S. 1996. *The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order*. New York: Simon and Shuster. 368 p.

- Ikenberry J.G. 2011. The Future of the Liberal World Order: Internationalism after America. — *Foreign Affairs*. Vol. 90. No. 3. P. 56–68.
- Kiernan V. 1983. History. — McLellan D. *Marx, the First Hundred Years*. Oxford: Fontana Paperbacks. P. 57–102.
- Mann M. 1986. *The Sources of Social Power. Vol. 1. A History of Power from the Beginning to AD 1760*. Cambridge: Cambridge University Press. 578 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511570896>
- Marx K. 1853. *British Rule in India*. URL: <https://www.marxists.org/archive/marx/works/1853/06/25.htm> (accessed: 20.10.2020).
- Marx K., Engels F. 1848. *The Communist Manifesto*. URL: <https://www.marxists.org/archive/marx/works/1848/communist-manifesto/ch01.htm> (accessed: 20.10.2020).
- Milanovic B. 2019. *Capitalism, Alone: The Future of the System That Rules the World*. Cambridge, MA: Belknap Press. 304 p.
- Mill J.S. 1996. *Collected Works of John Stuart Mill. Vol. IIA. Principles of Political Economy, with Some of Their Applications to Social Philosophy*. Ed. by J.M. Robson. 548 p.
- Mills W.C. 1962. *The Marxists*. New York: Dell Publishing. 480 p.
- Polanyi K. 2001. *The Great Transformation. The Political and Economic Origins of Our Time*. Boston: Beacon Books. 357 p.
- Sbragia A. 2010. The EU, the US, and Trade Policy: Competitive Interdependence in the Management of Globalization. — *Journal of European Public Policy*. Vol. 17. No. 3. P. 368–382. <https://doi.org/10.1080/13501761003662016>
- Sklair L. 2002. *Globalization: Capitalism and Its Alternatives*. Oxford: Oxford University Press. 392 p.
- Smith A. 1776. *An Inquiry into the Causes and the Nature of the Wealth of Nations*. Reprint. Oxford: Oxford University Press. URL: http://files.libertyfund.org/files/220/0141-02_Bk.pdf (accessed: 31.05.2021).
- Spengler O. 2013. *The Decline of the West*. London: George Allen and Unwin. Vol. I: 486 p., Vol. II: 507 p.
- Therborn G. 2008. *From Marxism to Post-Marxism*. London, New York: Verso. 208 p.
- Varieties of Capitalism in Post-Communist Countries*. 2007. Ed. by D. Lane, M. Myant. Basingstoke: Macmillan. 278 p. <https://doi.org/10.1057/9780230627574>
- Wallerstein I. 1979. *The Capitalist World Economy*. Cambridge: Cambridge University Press. 320 p.
- Wallerstein I. 1991. *Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World System (Studies in Modern Capitalism)*. Cambridge: Cambridge University Press. 252 p.
- Webb S., Webb B. 1935. *Soviet Communism: A New Civilisation*. London, New York: Longmans, Green & Co. Ltd. 1200 p.
- Wirth L. 1964. Urbanism as a Way of Life. — *Louis Wirth on Cities And Social Life: Selected Papers*. Ed. By A.J. Reiss, Jr. Chicago: University of Chicago Press. P. 60–84.

- Engels F. 1955. The Principles of Communism. (Russ. ed.: Engels F. Printsipy kommunizma. — Marx K., Engels F. *Sochineniya*. 2nd Edition. Vol. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. P. 322–339).
- Engels F. 1961. The Origin of the Family, Private Property and the State. (Russ. ed.: Engels F. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva. — Marx K., Engels F. *Sochineniya*. 2nd Edition. Vol. 21. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. P. 23–178).
- Lenin V.I. 1969. Imperializm kak vysshaya stadiya kapitalizma. Populyarnyi ocherk [Imperialism as the Highest Stage of Capitalism. Popular Essay]. — Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Full Collected Works]. 5th Edition. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 27. P. 299–426.
- Marx K., Engels F. 1955. Communist Manifesto. (Russ. ed.: Marx K., Engels F. Manifest kommunisticheskoi partii. — Marx K., Engels F. *Sochineniya*. 2nd Edition. Vol. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. P. 419–459).
- Marx K. 1957. British Rule in India. (Russ. ed.: Marx K. Britanskoe vladychestvo v Indii. — Marx K., Engels F. *Sochineniya*. 2nd Edition. Vol. 9. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. P. 130–136).
- Polanyi K. 2002. The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time. (Russ. ed.: Polanyi K. *Velikaya transformatsiya: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni*. Saint Petersburg: Aletheia. 320 p.).

Литература на русском языке

- Ленин В.И. 1969. Империализм как высшая стадия капитализма. Популярный очерк. — Ленин В.И. *Полное собрание сочинений*. Издание пятое. М.: Издательство политической литературы. Т. 27. С. 299–426.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1955. Манифест коммунистической партии. — Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы. С. 419–459.
- Маркс К. 1957. Британское владичество в Индии. — Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 9. М.: Государственное издательство политической литературы. С. 130–136.
- Полань К. 2002. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. СПб.: Алетейя. 320 с.
- Энгельс Ф. 1955. Принципы коммунизма. — Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы. С. 322–229.
- Энгельс Ф. 1961. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 21. М.: Государственное издательство политической литературы. С. 23–178.

ГУМАНИТАРИЗАЦИЯ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

М.М. Лебедева

ЛЕБЕДЕВА Марина Михайловна, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой мировых политических процессов, МГИМО МИД России, Москва, email: world_politics@mgimo.ru

Лебедева М.М. Гуманитаризация мировой политики. — Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 76–87. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.07>

Статья поступила в редакцию: 07.02.2021. Принята к публикации: 02.04.2021

Аннотация. В статье вводится понятие гуманитаризации мировой политики по аналогии с идеей секьюритизации, предложенной представителями Копенгагенской школы международных отношений в конце XX столетия для сферы безопасности. Процесс гуманитаризации мировой политики начался во второй половине XX в. и интенсивно развивается в начале XXI в. Он заключается, во-первых, в бурном развитии социальной и гуманитарной составляющей, в том числе появлении новых предметных областей в мировой политике, например, мирополитических аспектов высшего образования. Во-вторых, социально-гуманитарный компонент проникает фактически во все сферы мировой политики. Автор демонстрирует, что особенностью социально-гуманитарной составляющей мировой политики в XXI в. стало не просто сопровождение военно-политической, экономической и других сфер, как было ранее. Социально-гуманитарные составляющие начинают инкорпорироваться во все другие области международных отношений и мировой политики. В результате оказывается, что та или иная деятельность, непосредственно не связанная с социально-гуманитарной сферой, не может осуществляться без этого компонента. При этом социально-гуманитарное воздействие осуществляется как с помощью мягкой силы, так и с помощью технологий манипулирования, пропаганды и т.п. Подчеркивается, что понятие “гуманитаризация мировой политики” не тождественно понятию “гуманизация мировой политики”. Обсуждаются причины возрастания значения социально-гуманитарной составляющей мировой политики. Показывается, что это обусловлено рядом причин, таких как увеличение ценности человеческой жизни, несмотря на наличие примеров прямо противоположного характера. Кроме того, использование военного и экономического ресурсов в мире XXI в. имеет свои ограничения. Наконец, сегодня, как результат усложнения современного мира, наблюдается значительное проникновение различных сфер друг в друга. По этим причинам гуманитаризация мировой политики предполагает возможность как гуманных действий, так и использования социального и гуманитарного компонентов в политических интересах. Делается предположение, что в дальнейшем значение социальной и гуманитарной составляющей мировой политики будет возрастать, а значит, будет усиливаться и ее гуманитаризация.

Ключевые слова: Копенгагенская школа международных отношений, мировая политика, социальная и гуманитарная составляющая, социально-гуманитарные технологии, фейковые новости, гуманитаризация мировой политики, мягкая сила, манипуляции в мировой политике.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Пандемия COVID-19 повлияла на все области мировой политики. Не стала исключением и социально-гуманитарная сфера. Проблемы здравоохранения, образования, продовольственная программа, прогнозируемый голод “биб-

лейских масштабов”¹ во многих странах мира и другие подобные вопросы стали выходить на первый план в международной повестке дня. Социальные и гуманитарные проблемы и ранее привлекали внимание исследователей в области международных отношений и мировой политики, но пандемия COVID-19 привела к их значительному обострению.

Несмотря на то, что гуманитарные и социальные аспекты (ресурсы, области, технологии, проблемы) в международных отношениях часто выделяются и рассматриваются по отдельности, в настоящем исследовании они объединены, поскольку тесно связаны между собой [Лебедева, Рустамова 2018]. Так, даже предоставление гуманитарной помощи в конфликтных ситуациях обусловлено прежде всего ориентацией на наименее защищенные социальные слои.

В последнее время в международных исследованиях стало использоваться, хотя и не часто, понятие “нематериальный ресурс” (см., например, [Глаголев 2015]). Оно близко к понятию “социально-гуманитарный ресурс”, но не тождественно ему. Например, гуманитарная помощь предполагает использование материального ресурса, и в этом отношении очевидно материальна. Однако в международной практике для государств, международных организаций, структур бизнеса, неправительственных организаций и других игроков это, прежде всего, гуманитарная деятельность.

В чем причина такого интереса к социально-гуманитарной сфере и использования ее инструментов в мировой политике? И можно ли говорить о современной гуманитаризации мировой политики и международных отношений по аналогии с идеей секьюритизации, выдвинутой Копенгагенской школой международных отношений в конце прошлого века [Waever 1995], на основе которой появился целый ряд работ по экономической, продовольственной, энергетической и другим измерениям безопасности?

Гуманитаризация мировой политики означает, что ее гуманитарный и социальный компоненты стали интенсивно развиваться. Безусловно, в той или иной степени социальная и гуманитарная проблематика в международных исследованиях затрагивалась и ранее, но современные масштабы таких работ оказываются намного более значимыми. В данном случае под гуманитаризацией мировой политики понимается прежде всего процесс проникновения гуманитарной составляющей во все сферы мировой политики подобно тому, как секьюритизация означает, что любая мирополитическая проблема рассматривается с точки зрения безопасности.

Сам термин “гуманитаризация” не нов. Наиболее часто он используется в исследованиях по проблемам образования, где определяется обычно как усиление гуманитарного компонента в преподавании технических, естественнонаучных, математических дисциплин (см., например, [Цвык, Цвык 2020]). Принципиальным отличием в этом контексте является то, что гуманитаризация подразумевает, что, с одной стороны, практически все проблемы мировой политики могут рассматриваться и рассматриваются с гуманитарной точки зрения (в том числе безопасность), с другой — гуманитарная и социальная составляющие стали проникать в различные сферы мировой политики, которые ранее не рассматривались как мирополитические. Например, ранее область высшего образования практически не изучалась специалистами по мировой

¹ Глава Всемирной продовольственной программы заявил о риске голода “библейских масштабов”. — ТАСС. 22.08.2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9263347> (accessed 01.03.2021).

политике. То же можно сказать о здравоохранении, туризме и о многих других сферах.

Существует также огромный пласт философской литературы и исследований по международным отношениям, в которых обсуждаются вопросы социально-гуманитарного знания и гуманизма. Необходимо, впрочем, подчеркнуть, что гуманитаризация мировой политики вовсе не предполагает, что мировая политика стала более гуманной. В ряде случаев происходит прямо противоположное. Так, Е. Громогласова показывает, что в странах Латинской Америки – Гондурасе, Сальвадоре и Гватемале – в результате криминального насилия происходит девальвация человеческой жизни и разворачивается гуманитарный кризис [Громогласова 2017]. Подобных примеров множество. Иными словами, гуманитаризация мировой политики предполагает в том числе использование социального и гуманитарного компонентов или апелляцию к ним в политических целях.

Таким образом, данное исследование направлено на то, чтобы выявить феномен – гуманитаризацию мировой политики, который, как представляется, аналогичен феномену секьюритизации. Гипотеза исследования состоит в том, что социальные и гуманитарные аспекты стали составной частью проблем международной безопасности, мировой экономики и других областей, а также получили сильнейший импульс собственного развития. Причем цель работы заключается не столько в доказательстве гипотезы, сколько в ее обосновании. В теоретическом плане настоящая статья, как и исследования в рамках Копенгагенской школы, исходит из представлений конструктивизма и реализма в международных отношениях. Такое сочетание различных подходов допустимо в прикладных исследованиях [Sil, Katzenstein 2010].

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЫ И ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЙ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в. – НАЧАЛЕ XXI в.

До недавнего времени социальная и гуманитарная проблематика занимала, скорее, второстепенное положение и в международной практике, и в исследованиях. В течение длительного времени доминировали вопросы международной безопасности, а со второй половины XX в. к ним добавились международные экономические проблемы. В международных соглашениях, охватывающих широкий круг тем, социальные и гуманитарные проблемы обычно следовали за вопросами безопасности и экономики.

К концу XX в. ситуация стала меняться. Наряду с традиционными проблемами международных отношений и мировой политики начали активно обсуждаться социальные и гуманитарные аспекты, в их числе гуманитарная дипломатия, гуманитарная помощь, гуманитарные вызовы, гуманитарный вектор внешней политики, гуманитарное право, гуманитарный кризис и т.п. Разумеется, военно-политические и политико-экономические вопросы не снижают своего “веса” в мировой политике, о чем упоминал, в частности, Дж. Най [Nye 2011]. Речь идет о том, что социально-гуманитарные средства влияния часто не менее действенны по сравнению с традиционными средствами.

Со второй половины XX в. в международных отношениях начинают интенсивно разрабатываться различные социальные технологии; наиболее активно этот процесс разворачивается в США. Довольно яркое развитие социальных технологий наблюдается в сфере урегулирования конфликтов и ведения

международных переговоров. Этот пласт литературы огромен. В качестве примеров можно привести работы Дж. Бертон [Burton 1969], Г. Келмана [Kelman 1972] по урегулированию конфликтов, а также Р. Фишера и У. Юри [Fisher, Ury 1978], Ф. Икле [Iké 1976] — по технологии и особенностям ведения переговоров и посредничеству.

Социальные и гуманитарные технологии мировой политики, отвечая на вызовы времени, продолжают развиваться в XXI в. Это отчетливо видно на примере публичной дипломатии. Так, в 1990-е годы под воздействием иллюзии “конца истории” публичная дипломатия пережила упадок. Однако после террористических актов 11 сентября 2001 г. США, осознав необходимость влияния на восприятие своей страны в арабском мире, обратились к инструментам публичной дипломатии. Сначала Соединенные Штаты попытались использовать тот инструментарий, который был наработан в предыдущие годы [Melissen 2005; Долинский 2011] — прежде всего, воздействие представителей государственных структур на общества других стран (*G2P*). Но это не привело к должному эффекту, и позднее технологии публичной дипломатии были усовершенствованы. В результате сформировалась новая публичная дипломатия, для которой характерно взаимодействие между людьми из различных стран (*P2P*) [Snow 2010], а также сетевой принцип взаимодействия и открытости [Zaharna 2007].

Развитие высшего образования в Европе и появление Болонского процесса побудило исследователей в области международных отношений и мировой политики обратиться к изучению этих вопросов. Высшее образование стало имманентной чертой исследований мировой политики. Примечательно, что Россия в этом плане оказалась в числе первых стран. В российских публикациях обсуждаются как положительные моменты, так и международно-политические проблемы, возникающие в связи с Болонским процессом [“Мягкий путь”... 2005; Лебедева 2017]. Этот пример, независимо от того, как рассматривается Болонский процесс, показывает расширение предметного поля мировой политики за счет гуманитарной и социальной составляющих.

Значительно более пристальное внимание к социальным и гуманитарным проблемам в конце XX — начале XXI вв. стал проявлять Совет Безопасности ООН. Статистический анализ принятых СБ ООН резолюций показывает, что вопросы, связанные с гуманитарной и социальной проблематикой, начинают рассматриваться все чаще, а сам спектр гуманитарной проблематики расширился. Принятые резолюции СБ ООН касаются безопасности различных социальных групп в конфликтах (женщин, детей, гражданских лиц и т.п.); урегулирования конфликтов, в частности роли различных акторов в этом процессе; предоставления гуманитарной помощи, а также проблем, связанных с распространением болезней, изменением климата и др. Фактически на этом примере наблюдается гуманитаризация проблематики международной безопасности. И здесь возникает проблема, обусловленная тем, что, с одной стороны, современное международно-политическое развитие требует рассмотрения Советом Безопасности гуманитарных вопросов, с другой — такая проблематика, строго говоря, выходит за рамки безопасности, определенной при создании ООН. В этом смысле расширенное понимание проблематики международной безопасности может затруднить деятельность Совета Безопасности. Очевидно, что данное противоречие придется преодолевать [Лебедева, Устинова 2020].

Региональные организации все чаще обращаются к социальным и гуманитарным вопросам. В качестве примеров можно привести документ, разрабо-

танный в НАТО по стратегической коммуникации², а также материалы ШОС по гуманитарному сотрудничеству³.

Одним из показателей того, что гуманитарный фактор становится крайне важным в современном мире, является принятие в России документа “Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурного-гуманитарного сотрудничества”. В документе отмечается, что в настоящее время усиливается необходимость культурной дипломатии⁴.

Как в России, так и за рубежом интенсифицируются исследования специалистов в области мировой политики по проблемам культуры, спорта, гуманитарной помощи, устойчивому развитию и т.п.

Развитие социально-гуманитарной практики в международной сфере и научного поиска в этом направлении получило отражение в теоретических исследованиях, которые в отличие от классических теорий международных отношений стали в большей степени ориентированы на человека, его личность, а также на восприятие, коммуникацию, понимание, эмоции и т.п. В рамках феминистских теорий такие исследователи, как Ж.Б. Эльштайн [Elshtain 1995] и Э. Тикнер [Tickner 1997], на примере международной безопасности обратили внимание на различия в восприятии войны мужчинами и женщинами.

Значительную роль в развитии представлений о роли восприятия и понимания в мировой политике сыграл конструктивизм. В одной из первых конструктивистских работ в области международных отношений Н. Онуф показывает, что мир конструируется путем речевых актов [Onuf 1989]. Идеи конструктивизма в международных отношениях получают дальнейшее развитие в работах А. Вендта, М. Финнимор и многих других авторов. Следует отметить, что Копенгагенская школа международных отношений также в значительной степени ориентируется на конструктивизм.

В этом случае важен не анализ концепций феминизма или конструктивизма (подробнее см. [Алексеева 2019]), а сам факт возникновения и развития с конца XX столетия теоретических направлений в области международных отношений, которые акцентировали внимание на аспектах, связанных с особенностями человека и различных социальных групп — их памятью, восприятием, мышлением и т.п.

В 1990 г. Дж. Най вводит понятие мягкой силы [Nye 1990], на котором в дальнейшем стала базироваться одноименная концепция, ключевым элементом которой выступает идея привлекательности. Формирование привлекательности предполагает понимание того, что может оказаться таковым для аудитории, и ориентировано на социальные и гуманитарные отношения.

В свою очередь, С. Стрэндж выделила структурную силу, которая представляет собой формирование норм и правил международного поведения [Strange 1989]. Идеи С. Стрэндж получили меньшее распространение по сравнению с концепцией Дж. Най, тем не менее они с таким же основанием относятся к социально-гуманитарному ресурсу влияния.

² NATO Strategic Communications Centre of Excellence. About Strategic Communications. URL: <https://stratcomcoe.org/about-strategic-communications> (accessed 05.05.2020).

³ Гуманитарное сотрудничество в рамках ШОС (Справочный материал). Министерство иностранных дел России. 09.09.2014. URL: https://www.mid.ru/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos-/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/939176 (accessed 05.05.2020).

⁴ Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества. 2010. URL: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6BZ29/content/id/224550 (accessed 05.05.2020).

В России также появился интерес к анализу различных концепций в области международных исследований с точки зрения их применения для решения социальных и гуманитарных задач. В парадигме конструктивизма проводится ряд российских исследований. Кроме того, обращается внимание на теоретические вопросы собственно гуманитарной сферы. В частности, А.Л. Бардин и М.И. Сигачёв рассматривают концепцию устойчивого развития, наряду с другими концепциями развития и приходят к выводу, что перспективной является “концепция ответственного развития, опирающаяся при выборе приоритетов на морально-нравственную мотивацию, культуру диалога и бережное отношение к природе” [Бардин, Сигачёв 2019: 24]. Российскими исследователями анализируются и различные аспекты гуманитарной политики государств [Громогласова 2018].

Международные отношения и мировая политика — не единственная сфера, в рамках которой на рубеже веков начинают разрабатываться прикладные и теоретические исследования, связанные с социальными и гуманитарными аспектами. Начиная с конца XX в., в экономике развиваются исследования, направленные на изучение корпоративной социальной ответственности (см., например, [Завьялова 2018]). Нобелевские премии в области экономики все чаще получают ученые, изучающие либо человеческое поведение в экономическом контексте, либо проблемы, непосредственно связанные с социальными аспектами. Например, в 1992 г. Г. Беккеру премия присуждена “за исследования широкого круга проблем человеческого поведения и реагирования, не ограничивающегося только рыночным поведением”, а в 2005 г. премию получили Р. Ауманн и Т. Шеллинг “за вклад в лучшее понимание конфликта и сотрудничества при помощи теории игр”.

Аналогичное внимание к человеку, его поведению, восприятию наблюдается в политологии, международном праве, социологии. В частности, большую популярность в политологии получили исследования идентичности, культуры и т.п. для понимания политических процессов. Подобных исследований множество в различных социальных и гуманитарных науках.

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Наряду с увеличением значимости собственно социальных и гуманитарных вопросов и их исследований, данные составляющие начинают инкорпорироваться в различные виды деятельности. Иными словами, гуманитарный и социальный компоненты включаются во все другие области международных отношений и мировой политики, в том числе в такие классические, как международная безопасность и международная экономическая сфера.

Феноменология проявлений социально-гуманитарной составляющей в различных сферах мировой политики крайне обширна. Очевидно, что и ранее социальные и гуманитарные факторы вплетались в те или иные сферы мировой политики, но в настоящее время выделяется ряд новых моментов. Прежде всего, происходит не просто сопровождение социально-гуманитарными технологиями деятельности в других сферах, как было ранее; эти инструменты и технологии становятся настолько значимыми, что в их отсутствие такая деятельность вообще не может осуществляться.

Агитация и пропаганда, относящиеся к социально-гуманитарным средствам воздействия, всегда сопровождали конфликты и войны — которые, впрочем,

были своего рода “классическими”. В современном мире появился новый вид войн — гибридные войны, где наряду с экономическими и другими невоенными средствами воздействия значимую, если не ведущую роль начинают играть социальные и гуманитарные инструменты. Причем эти инструменты могут использоваться как для разжигания конфликтов и войн, дестабилизации ситуации, так и напротив — для урегулирования конфликтов. В качестве примеров первого типа инструментов можно привести информационные войны, включая противостояние в интернете, распространение фейковых новостей и т.п. Так, А.И. Подберёзкин и А.В. Жуков рассматривают информационное воздействие как средство, позволяющее решать вопросы, которые ранее решались военными, экономическими и другими средствами. В результате, как пишут авторы, информационное воздействие стало “неотъемлемой составляющей сетевентричной гибридной войны, в которой роль информационного воздействия на противника становится определяющей” [Подберёзкин, Жуков 2015: 106].

Одним из распространенных видов информационного воздействия в конфликтах и войнах в эпоху интернета стали фейковые новости, определяемые обычно как сознательно созданные ложные новости [Gelfert 2018], фальсифицированная информация. Примером может служить деятельность неправительственной организации “Белые каски”, действующей на территории Сирии, которая контролируется оппозиционными сирийским властям силами и представляет себя как организация, предоставляющая медицинскую помощь населению. При этом, по сообщениям СМИ, они были замечены в создании фейковых видеороликов, которые были использованы для обвинения сирийского правительства в использовании отравляющих веществ⁵.

Социальные и гуманитарные технологии применяются не только для ведения гибридных войн и манипулирования конфликтной ситуацией. Переговорные и посреднические технологии, выступая в качестве социально-гуманитарного ресурса, используются для урегулирования конфликтов [Лебедева 2020]. Эти технологии получили развитие преимущественно во второй половине XX в., однако в XXI в. количество ведущихся переговоров и посредничества в международно-политической сфере, пожалуй, стало меньше. Особенно это проявилось в области разоружения. Отчасти такое снижение переговорных механизмов можно объяснить возрастанием напряженности в современном мире. При этом в период холодной войны эти технологии развивались и использовались при урегулировании спорных и конфликтных ситуаций.

Необходимо отметить, что к мягкой силе не имеют отношения как фейковые новости и подобные им технологии, так и, казалось бы, близкие к ним виды коммуникации. Так, стратегическая коммуникация, как она определена, например, Центром передового опыта НАТО в области стратегической коммуникации, включает в себя в том числе “психологические операции... с тем чтобы влиять на восприятие, отношение и поведение, которые определяют достижение политических и военных целей”⁶: по сути, речь здесь идет о пропаганде.

Очевидно, что воздействие на внешнюю аудиторию также может осуществляться посредством мягкой силы, т.е. через формирование привлекательности.

⁵ См., например: “Белые каски” ищут в Сирии добровольцев, чтобы отравить их хлором. — Комсомольская правда. 31.10.2018. URL: <https://www.kp.ru/daily/26902.4/3946959/> (accessed 24.08.2019).

⁶ NATO Strategic Communications Centre of Excellence. About Strategic Communications. URL: <https://stratcomcoe.org/about-strategic-communications> (accessed 05.05.2020).

И в дипломатии, и во внешней политике государства используют оба типа воздействия: пропаганду, не предполагающую формирование привлекательности, и мягкую силу. Оба типа представляют собой гуманитаризацию мировой политики, в данном случае использование гуманитарной составляющей в политических целях. Так, при ведении официальных переговоров с большей степени вероятности следует ожидать использование средств привлекательности, если переговоры нацелены на достижение договоренностей. Неслучайно предложения об открытости самого процесса ведения переговоров вызвали скепсис как у практиков, так и у исследователей, поскольку в этом случае участники будут обращаться к внешней аудитории, а не друг к другу [Zartman, Berman 1982]. Публичным же должен быть итог, результат переговоров. В то же время в публичной сфере международных отношений государства часто используют пропаганду. Появление социальных сетей, в том числе использование их официальными лицами, сделало многие процессы, которые ранее носили если не конфиденциальный, то своего рода камерный характер, публичными.

Социально-гуманитарная составляющая пронизывает экономическую сферу, что видно не только по присуждению Нобелевских премий в области экономики, но и по конкретным областям практической деятельности. В. Иноземцев анализирует такие сферы, как борьба с голодом и бедностью, геноцид и массовое насилие, трансграничные проблемы (в частности, миграционные проблемы), экологические вызовы⁷. Все они, безусловно, относятся не только к экономике, но и к социально-гуманитарной области мировой политики.

Практически все крупные структуры бизнеса в современном мире имеют социальные и гуманитарные проекты — экологические, спортивные, культурные, образовательные, тогда как сам характер их деятельности часто оказывается далек от социально-гуманитарной сферы. Наконец, немаловажно, что в XXI в. по инициативе ООН был создан Глобальный договор⁸, призванный стимулировать социальную ответственность бизнеса в мировом масштабе.

ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ И ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЫ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Пандемия COVID-19 обострила социально-гуманитарные проблемы и породила новые, в том числе связанные с ростом безработицы, организацией здравоохранения (доступность медицинской помощи для разных стран и разных категорий населения, сворачивание медицинской плановой помощи и т.п.), устойчивого развития, ограничением международного взаимодействия, которое только отчасти перешло в онлайн, а также с социальными и психологическими аспектами дистанционного образования, локдауна и т.п. В результате пандемии возросло социальное неравенство в мире, что требует, как справедливо отмечают А.А. Дынкин и Е.А. Телегина, ориентации на концепцию ответственного развития [Дынкин, Телегина 2020].

В плане социального неравенства пандемия обнажила тенденцию, которая намечалась ранее и на которую особое внимание обратил Т. Пикетти, показав на статистическом и историческом материале, что усиление социального неравен-

⁷ Иноземцев В. Россия и глобальные гуманитарные вызовы: к новому осмыслению. — РСМД. 21.02.2013. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-globalnyye-gumanitarnye-vyzovy-k-novomu-osmysleniyu/> (accessed 05.05.2020).

⁸ Глобальный договор. URL: <http://www.globalcompact.ru/> (accessed 05.05.2020).

ства в мире ведет к конфликтам и войнам [Пикетти 2015]. Социальное расслоение и конфликты наблюдаются сегодня в различных странах мира: США, Франции, Нидерландах, Италии и др. Одновременно в ЕС отмечались проблемы в сфере государственного управления, по крайней мере, на начальных стадиях развития пандемии, когда в борьбе с SARS-CoV-2 государства ЕС пошли разными путями, не координируя свои действия друг с другом [Bouckaert et al. 2020].

Усиление роли социального и гуманитарного компонента в мировой политике обусловлено рядом причин. Прежде всего, по мере развития человечества возрастает цена человеческой жизни. В международных договорах зафиксированы ограничения на применение оружия массового поражения. Взаимозависимость стран мира делает проблематичным применение экономических рычагов воздействия. Все это увеличивает значимость социальных и гуманитарных средств влияния в международной политике. Используются же они двояким образом: 1) для решения проблем, улучшения условий жизни и т.п., что отвечает принципам гуманизма, 2) для реализации собственных интересов. Во втором случае происходит апелляция к социальным и гуманитарным аспектам, поскольку они оказываются общественно значимыми.

С появлением социальных сетей огромные массы людей оказались вовлечены в международную коммуникацию, что сформировало среду и возможности для применения различных социальных технологий. По мере усложнения мира также можно наблюдать значительное проникновение различных международных сфер друг в друга и их политизацию — например, мировой энергетики [Боровский 2008], публичной дипломатии [Цветкова, Ярыгин 2013] и многих других. Как следствие, социальные и/или гуманитарные аспекты оказываются значимы для таких вопросов, как “мягкая безопасность” — например, продовольственная безопасность.

В перспективе следует ожидать дальнейшего роста значимости социальной и гуманитарной составляющих мировой политики и, как следствие, ее дальнейшей гуманитаризации. А также совершенствования технологий, которые могут быть использованы как для помощи населению, так и для манипуляции им в политических целях.

Важно, чтобы вектор развития человечества характеризовался не только гуманитаризацией как таковой, но и способствовал бы гуманизации мировой политики — утверждению гуманного отношения к человеку вне зависимости от его социального статуса, национальности и т.п. Поскольку наполнение понятий гуманитаризации и гуманизации варьируется в различных цивилизациях, необходимы исследования таких трактовок и их значения для науки и политической практики, прежде всего в части принципов, на которых может/должен выстраиваться новый мировой порядок и роли в нем социально-гуманитарной составляющей.

В науке до сих пор отсутствует целостное представление о феномене социального и гуманитарного развития мировой политики, равно как и инструментарий его оценки. Исследования в этой области позволят разработать научно обоснованные и релевантные национальные стратегии международной социально-гуманитарной деятельности. Так, в России утверждена Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года⁹. Хотя в ней

⁹ Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf> (accessed 05.05.2020).

неоднократно упоминается международная культурная политика, основное внимание сосредоточено на внутригосударственной культурной политике, а международная составляющая представлена слабо.

Необходимы также и научно обоснованные наднациональные стратегии социально-гуманитарной политики международных союзов и организаций. Что касается механизмов их реализации, в них должны быть инкорпорированы акторы разного уровня: не только государства и международные организации, но и субгосударственные регионы, бизнес, университеты, театры, музеи и т.п.

Принципиальное значение имеет точка приложения таких стратегий и технологий. Они должны быть направлены прежде всего на гуманизацию мировой политики, а не на использование социального и гуманитарного ресурса в целях манипулирования. Задача научного сообщества состоит и в том, чтобы вскрыть механизмы подобного манипулирования.

Следует, впрочем, избегать абсолютизации процесса гуманитаризации мировой политики, как это отчасти случилось с ее секьюритизацией; это может привести к утрате специфики и многообразия при описании и анализе мирополитических явлений.

DOI: [10.17976/jpps/2021.04.07](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.07)

HUMANITARIZATION OF WORLD POLITICS

M.M. Lebedeva¹

¹ *Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia*

LEBEDEVA, Marina Mikhailovna, Dr. Sci. (Polit. Sci.), Professor, Head of World Politics Department, MGIMO-University, email: world_politics@mgimo.ru

Lebedeva M.M. Humanitarization of World Politics. — *Polis. Political Studies*. 2021. No. 4. P. 76–87. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.07>

Received: 07.02.2021. Accepted: 02.04.2021

Abstract. The article introduces the concept of humanitarization of world politics by analogy with the idea of securitization proposed by representatives of the Copenhagen School of International Relations at the end of the twentieth century for the security sphere. The humanitarization of world politics is understood as a process that has become characteristic since the second half of the twentieth century and, especially intensively began to develop and manifest itself at the beginning of the twenty-first century. The humanitarization of world politics consists, firstly, in the rapid development of the social and humanitarian component, including the emergence of new subject areas in world politics, for example, the world political aspects of higher education. Secondly, the social and humanitarian component penetrates virtually all spheres of world politics. The article shows that the peculiarity of the socio-humanitarian component of world politics in the XXI century was not just the support of military, economic and other spheres, as it was previously. Social and humanitarian components are beginning to be incorporated into all areas of international relations and world politics. As a result, it turns out that certain activities that are not directly related to the social and humanitarian sphere cannot be carried out without this component. At the same time, the social and humanitarian impact is carried out both with the help of soft power and with the help of manipulation technologies, propaganda, etc. It is emphasized that the concept of “humanitarization” of world politics is not identical to the concept of “humanization” of world politics. The article discusses the reasons for the increasing importance of the social and humanitarian components of world politics. It is shown that this is due to a number of reasons, including the increase in the value of human life, despite the presence of examples of a directly opposite nature. In addition, the use of military and economic resources in the world of the XXI century has its limitations. Finally, today as a result of the complexity of the modern world, there is a significant penetration of various spheres into each other. In connection with these reasons, the humanitarization of world politics presupposes both the possibility of humane actions and the use of social and humanitarian components in political interests. The article makes the assumption that in the future the importance of the social and humanitarian component of world politics will rise, which means that its humanitarization will increase.

Keywords: Copenhagen School of international relations, world politics, social and humanitarian component, social and humanitarian technologies, fake news, humanitarianization of world politics, soft power, manipulation in world politics.

References

- Bouckaert G., Galli D., Kuhlmann S., Reiter R., Hecke S.V. 2020. European Coronationalism? A Hot Spot Governing a Pandemic Crisis. — *Public Administration Review*. Vol. 80. No. 5. P. 765-773. <https://doi.org/10.1111/puar.13242>
- Burton J. 1969. *Conflict and Communication: The Use of Controlled Communication in International Relations*. London: Alden Press. 246 p.
- Elstain J.B. 1995. *Women and War*. University of Chicago Press. 301 p.
- Fisher R., Ury W. 1978. *International Mediation: A Working Guide*. Cambridge, Mass.: A Harvard Negotiation Project Publication. 160 p.
- Gelfert A. 2018. *Fake News: A Definition. Informal Logic*. Vol. 38. No. 1. P. 84-117. <https://doi.org/10.22329/il.v38i1.5068>
- Iklé F.Ch. 1976. *How Nations Negotiate*. New York: Harper & Row. 274 p.
- Kelman H. 1972. The Problem-Solving Workshop in Conflict Resolution. — *Communication in International Politics*. Ed. by R.L. Merritt. Urbana: University Press. P. 168-204.
- Melissen J. 2005. The New Public Diplomacy: Between Theory and Practice. — *The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations*. Ed. by J. Melissen. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan. P. 3-27.
- Nye J. 1990. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York: Basic Books. 307 p.
- Nye J. 2011. *The Future of Power*. New York: Public Affairs. 235 p.
- Onuf N. 1989. *World of Our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relations*. Columbia: University of South Carolina Press. 341 p.
- Sil R., Katzenstein P. 2010. Analytic Eclecticism in the Study of World Politics: Reconfiguring Problems and Mechanisms across Research Traditions. — *Perspectives on Politics*. Vol. 8. No. 2. P. 411-431. <https://doi.org/10.1017/S1537592710001179>
- Snow N. 2010. Public Diplomacy: New Dimensions and Implications. — *Global Communication: Theories, Stakeholders and Trends*. Ed. by T.L. McPhail. Chichester: Wiley-Blackwell. P. 84-102.
- Strange S. 1989. Toward a Theory of Transnational Empire. — *Global Changes and Theoretical Challenges: Approaches to World Politics for the 1990's*. Ed. by E.-O. Czempiel, J.N. Rosenau. Lexington Books.
- Tickner J.A. 1997. You Just Don't Understand: Troubled Engagements Between Feminists and IR Theorists. — *International Studies Quarterly*. Vol. 41. No. 4. P. 611-632. <https://doi.org/10.1111/1468-2478.00060>
- Waever O. 1995. Securitization and Desecuritization. — *On Security*. Ed. by R.D. Lipschutz. New York: Columbia University Press. P. 46-86.
- Zaharna R.S. 2007. *The Soft Power Differential: Network Communication and Mass Communication in Public Diplomacy*. Hague Journal of Public Diplomacy. P. 213-228.
- Zartman I.W., Berman M.R. 1982. *The Practical Negotiator*. New Haven: Yale University Press. 250 p.
- Alekseeva T.A. 2019. *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii kak politicheskaya filosofiya i nauka* [The Theory of International Relations as Political Philosophy and Science]. Moscow: Aspect Press. 608 p. (In Russ.)
- Bardin A.L., Sigachev M.I. 2019. Discourses of Development: Social and Humanitarian Aspects. — *Analysis & Forecasting. Journal of IMEMO*. No. 4. P. 24-41. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/afj-2019-4-24-41>
- Borovskii Yu.V. 2008. Politicization of the Global Energy Sector. — *International Trends*. Vol. 6. No. 1. P. 19-28. (In Russ.)
- Dolinskii A. 2011. A Discourse on Public Diplomacy. — *International Trends*. Vol. 9. No. 1. P. 63-73. (in Russ.)
- Dynkin A.A., Telegina E.A. 2020. The Shock of the Pandemic and the Post-Crisis World. — *World Economy and International Relations*. Vol. 64. No. 8. P. 5-16. (In Russ.)
- Glagolev V.S. 2015. Nematerial'nye faktory v mezhdunarodnykh otnosheniyakh [Immaterial Factors in International Relations]. — *Sovremennaya nauka o mezhdunarodnykh otnosheniyakh za rubezhom* [Modern Science of International Relations Abroad]. Vol. 3. Ed. by I.S. Ivanov. Moscow: RSMD. P. 10-18. (In Russ.)
- Gromoglasova E.S. 2017. Humanitarian Crisis in the "Northern Triangle". — *Latin America*. No. 12. P. 43-54. (In Russ.)
- Gromoglasova E.S. 2018. The Humanitarian Component of the State's Foreign Policy. — *The Humanitarian Component of the State's Foreign Policy*. No. 1. P. 77-91. (In Russ.)
- Lebedeva M.M. 2017. International-Political Processes of Integration of Education. — *Integration of Education*. Vol. 21. No. 3. P. 385-394. (In Russ.) <https://doi.org/10.15507/1991-9468.088.021.201703>

Lebedeva M.M. 2020. International Negotiations as a Social and Humanitarian Resource of World Politics. — *Political Science (RU)*. No. 3. P. 98–113. (In Russ.) <https://doi.org/10.31249/poln/2020.03.05>

Lebedeva M.M., Rustamova L.R. 2018. Transformation of the Social and Humanitarian Sphere of World Politics: Consequences for Russia. — *MGIMO Review of International Relations*. No. 5. P. 114–130. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-5-62-114-130>

Lebedeva M.M., Ustinova M.I. 2020. Humanitarian and Social Issues in the UN Security Council. — *International Organizations Research Journal*. Vol. 15. No. 1. P. 135–154. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-01-06>

“Myagkii put’” vkhozheniya rossiiskikh vuzov v Bolonskii protsess [The “Soft Path” for Russian Universities To Enter the Bologna Process]. 2005. Ed. by A.Yu. Melville et al. Moscow: Olma-Press. 368 p. (In Russ.)

Piketty T. 2015. Le capital au XXIe siècle. (Russ. ed.: Piketty T. *Kapital v XXI veke*. Moscow: Ad Marginem Press. 592 p.)

Podberezhkin A.I., Zhukov A.V. 2015. Public Diplomacy in the Power Confrontation of Civilizations. — *MGIMO Review of International Relations*. No. 6. P. 106–116. (In Russ.)

Tsvetkova N.A., Yarygin O.G. 2013. The Politicization of “Digital Diplomacy”: the Public Diplomacy of Germany, Iran, the United States, and Russia. — *Bulletin of St. Petersburg State University. Series 6*. No. 1. P. 119–124. (in Russ.)

Tsyvk V.A., Tsyvk I.V. 2020. Social Assessment of Technology and Humanitarization of Activity in the Information Society. — *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 20. No. 3. P. 471–486. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-471-486>

Zavayalova E.B. 2018. Corporate Social Responsibility: The Evolution of Approaches and Ideas. — *Financial Business*. No. 2. P. 26–31. (In Russ.)

Литература на русском языке

Алексеева Т.А. 2019. *Теория международных отношений как политическая философия и наука*. М.: Аспект Пресс. 608 с.

Бардин А.Л., Сигаёв М.И. 2019. Дискурсы развития: социально-гуманитарный аспект. — *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. № 4. С. 24–41. <https://doi.org/10.20542/afij-2019-4-24-41>

Боровский Ю.В. 2008. Политизация мировой энергетики. — *Международные процессы*. Т. 6. № 1. С. 19–28.

Глаголев В.С. 2015. Нематериальные факторы в международных отношениях. — *Современная наука о международных отношениях за рубежом*. Т. 3. Под ред. И.С. Иванова. М.: РСМД. С. 10–18.

Громогласова Е.С. 2017. Гуманитарный кризис в “Северном треугольнике”. — *Латинская Америка*. № 12. С. 43–54.

Громогласова Е.С. 2018. Гуманитарная составляющая внешней политики государства. — *Пути к миру и безопасности*. № 1. С. 77–91.

Долинский А. 2011. Дискурс о публичной дипломатии. — *Международные процессы*. Т. 9. № 1. С. 63–73.

Дынкин А.А., Телегина Е.А. 2020. Шок пандемии и посткризисный мир. — *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 64. № 8. С. 5–16.

Завьялова Е.Б. 2018. Корпоративная социальная ответственность: эволюция подходов и идей. — *Финансовый бизнес*. № 2. С. 26–31.

Лебедева М.М. 2017. Международно-политические процессы интеграции образования. — *Интеграция образования*. Т. 21. № 3. С. 385–394. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.088.021.201703>

Лебедева М.М. 2020. Международные переговоры как социальный и гуманитарный ресурс мировой политики. — *Политическая наука*. № 3. С. 98–113. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.03.05>

Лебедева М.М., Рустамова Л.Р. 2018. Трансформация социально-гуманитарной сферы мировой политики: последствия для России. — *Вестник МГИМО-Университета*. № 5. С. 114–130. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-5-62-114-130>

Лебедева М.М., Устинова М.И. 2020. Гуманитарные и социальные вопросы в Совете Безопасности ООН. — *Вестник международных организаций*. Т. 15. № 1. С. 135–154. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-01-06>

“Мягкий путь” вхождения российских вузов в Болонский процесс. 2005. Под ред. А.Ю. Мельвиля и др. М.: Олма-Пресс. 368 p.

Пикетти Т. 2015. *Капитал в XXI в.* М.: Ад Маргинем Пресс. 592 с.

Подберёзкин А.И., Жуков А.В. 2015. Публичная дипломатия в силовом противостоянии цивилизаций. — *Вестник МГИМО-Университета*. № 6. С. 106–116.

Цветкова Н.А., Ярыгин О.Г. 2013. Политизация “цифровой дипломатии”: публичная дипломатия Германии, Ирана, США и России. — *Вестник СПбГУ. Серия 6*. № 1. С. 119–124.

Цык В.А., Цык И.В. 2020. Социальная оценка техники и гуманитаризация инженерной деятельности в информационном обществе. — *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. Т. 20. № 3. С. 471–486. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-471-486>

DOI: [10.17976/jpps/2021.04.08](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.08)

ДЕСЯТЬ АПОРИЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ

А.Г. Арбатов

АРБАТОВ Алексей Георгиевич, академик РАН, руководитель Центра международной безопасности, Национальный исследовательский Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, email: arbatov@imemo.ru

Арбатов А.Г. Десять апорий нашего времени. Теория и практика ядерного сдерживания. — Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 88–111. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.08>

Статья поступила в редакцию: 12.04.2021. Принята к публикации: 25.05.2021.

Аннотация. Нарастание международной напряженности и рисков сползания к ядерному конфликту на фоне эрозии системы договоров по контролю над вооружениями между Россией и Западом становится центральной темой современного политического дискурса. Автор анализирует противоречия теории и практики ядерного сдерживания. В частности, в статье рассматриваются психологические аспекты сдерживания, дихотомия его функций предотвращения и ведения ядерной войны, концепций первого и ответного удара, диалектика обороны и нападения, планы ограниченной ядерной войны, эффект смешивания ядерных и обычных вооружений. Автор доказывает, что, подобно апориям древнегреческого философа Зенона, эти парадоксы неразрешимы в рамках заданной логики — в данном случае логики ядерного сдерживания. Решение видится автору в выходе за эти рамки — на пространство договорно-правовых мер контроля над вооружениями.

Ключевые слова: ограниченная ядерная война, ответно-встречный удар, эскалация, баллистические ракеты, гиперзвуковые системы, космическое оружие, кибервойна, противоракетная оборона, контроль над вооружениями.

Жаль, что древнегреческий философ Зенон две с половиной тысячи лет не дожил до наших дней. Несомненно, что в современной жизни он нашел бы куда больше примеров для своих апорий — логических парадоксов, неразрешимых в заданных рамках анализа ситуации¹. Причем в наше время поиск ответа на них — это зачастую не интеллектуальная забава, а кардинальный вопрос жизни и смерти современной цивилизации. Например — когда речь идет о теории “ядерного сдерживания” и ее материальном фундаменте в виде арсеналов ядерного оружия массового уничтожения. Вообще, вся проблематика ядерного сдерживания — это на редкость плодородное поле парадоксов и логических загадок, которые постоянно причиняют головную боль тем, кто профессионально занимается вопросом, и способны ввергнуть в смятение тех, кто озабочен судьбами мира по моральным мотивам.

В начале 2000-х годов в ходе посещения одной из стратегических ракетных баз группой депутатов Госдумы (с участием автора этой статьи в качестве

¹ Самая известная апория Зенона — “Ахиллес и черепаха”: согласно ей, несмотря на свою превосходящую скорость, Ахиллес не способен догнать черепаху, изначально стоящую на некотором расстоянии впереди него. По Зенону, к моменту достижения Ахиллесом точки старта черепахи она хотя бы немного уйдет вперед, а по достижении бегуном следующей точки положения черепахи она опять продвинется — и так без конца. Логическая “ловушка” в том, что каждый раз время отсчитывается дискретно — до следующей точки местоположения черепахи, тогда как время представляет собой континуум, и небольшое продление его отсчета продемонстрирует опережение Ахиллеса.

заместителя председателя Комитета по обороне) в ответ на поощрение за отличную службу молодой офицер отпарировал: “Мы просто выполняем свой долг, потому что понимаем, что может случиться, если наши ракеты не будут запущены”. Позже я в частном порядке спросил его: “А действительно, что может случиться, если ракеты не взлетят?” Он ответил: “Тогда назначенные нам цели не будут поражены”. Я продолжил: “А вы понимаете, что момент старта ваших ракет будет означать, что вы не выполнили свою первостепенную задачу — сдерживания агрессии? Ваш ракетный удар накажет агрессора, но не спасет Россию от катастрофических последствий ядерной войны”. Офицер замешкался, но быстро нашелся: “Решать такие вопросы — задача политиков, а мы делаем то, чему нас учили”. Он ответил совершенно правильно, но сам того не ведая, затронул главный парадокс всей теории и практики ядерного сдерживания.

На Валдайском форуме в октябре 2016 г. президент Путин заявил: “Ядерное оружие является фактором сдерживания и фактором обеспечения мира и безопасности во всем мире”, и его нельзя “рассматривать как фактор какой бы то ни было потенциальной агрессии”². Действительно, за неимением эффективной обороны от ядерных ракет безопасность великих держав зиждется на их потенциалах ядерного возмездия в ответ на возможное нападение противника. Этот потенциал потребляет огромные финансовые средства, материальные и людские ресурсы. Но ядерные силы нельзя считать носителем ядерного сдерживания — они лишь его предпосылка. А сдерживание должно обитать в головах руководителей государств, являющихся “адресатом” сдерживания. И если они неправильно понимают, какие их действия могут вызвать применение другой державой ядерного оружия, то сдерживание рухнет, и теория молниеносно воплотится в практику в виде обмена ядерными ударами с непоправимыми последствиями для сторон. Тогда окажется, что все предыдущие затраты и усилия не смогли защитить национальную безопасность только потому, что не нашли адекватного отражения в сознании потенциального противника. В этом состоит *первая “апория ядерного сдерживания”*. Куда там Зенону с его “Ахиллесом и черепахой”!

Ядерное сдерживание — это особая сфера менталитета руководителей и политических элит в военно-стратегических отношениях государств. Но это не абстрактная философия в зеноновском духе. Упомянутый менталитет использует плоды научно-технического прогресса и экономические ресурсы для своего воплощения в материальную субстанцию — арсеналы ядерных вооружений и планы их боевого применения. Настоящая статья посвящена анализу ряда основных парадоксов этой исключительно противоречивой области современных международных отношений. Вывод автора состоит в том, что в заданных рамках теории и практики ядерного сдерживания его парадоксы (апории) — при всей их опасности — не имеют логического решения. Только выход за эти рамки на поле логики контроля над вооружениями способен снизить остроту отношений ядерного сдерживания, воплотить пересмотр логических схем в материальную реальность как основу упрочения взаимной безопасности.

² Заседание Международного дискуссионного клуба “Валдай”. — Президент России. Официальный сайт. 27.10.2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53151> (accessed 29.05.2021).

ГЕНЕЗИС ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ

Доктрина ядерного сдерживания явилась симбиозом идеи политического давления на противника угрозой военной силы и революции в ядерной физике, создавшей оружие безграничной разрушительной мощи. Первое уходит истоками в глубь тысячелетий, а вот второе не сразу породило доктрину ядерного сдерживания.

Как вспоминал президент США Г. Трумэн, после первого испытания атомной бомбы 16 июля 1945 г. он “считал бомбу военным средством и никогда не сомневался, что она должна быть применена” [Newhouse: 1989: 41], что и было сделано 6 и 9 августа того же года против Хиросимы и Нагасаки. Но 29 августа 1949 г. Советский Союз тоже испытал атомную бомбу — намного быстрее, чем ожидали в США. В дальнейшем обе державы бешеными темпами наращивали ядерные арсеналы вовсе не для сдерживания, а для победы в казавшейся неминуемой войне. Идея ядерного сдерживания пребывала только в трудах таких американских теоретиков, как Т. Шеллинг, Г. Киссинджер и Б. Броуди [Brodie 1955].

Официальная американская доктрина “массированного возмездия” 1950-х годов предполагала с началом любого вооруженного конфликта с СССР мощный авиационный налет и сброс 4 700 ядерных бомб на СССР, КНР и их союзников [Kaplan 1983: 269], в результате которого человеческие жертвы этих и соседних нейтральных стран составили бы порядка 800 млн убитыми [Ellsberg 2017: 100-104]. Предполагалось, что ответного советского удара по США не будет, и победа обойдется им потерями только союзных государств Европы и Азии.

Лишь создание межконтинентальных авиационных, а затем ракетных носителей ядерного оружия Советским Союзом заставило Соединенные Штаты всерьез начать переоценку взглядов на глобальную войну, поскольку лишило США традиционной недосыгаемости за двумя океанами. Идея ядерного сдерживания вышла на передний план государственной военной политики США, и ее выразил министр обороны Р. Макнамара, пришедший в Пентагон по приглашению президента Джона Кеннеди в 1961 г. Он сразу отдал приказ о пересмотре доктрины “массированного возмездия” и отказе от единовременного удара по городам противника, но сначала попытался экспериментировать с концепцией ударов по его военным объектам (концепция “Контрсилы” 1962 г. и концепция “Ограничения ущерба” 1964 г.).

Одновременно гонка ракетно-ядерных вооружений достигла беспрецедентных темпов, не превзойденных ни до того, ни по сей день. Через шесть лет, к концу 1967 г., число стратегических баллистических ракет США выросло в 40 раз³, в 1963-1965 гг. средние темпы наращивания ракет составляли по одной межконтинентальной баллистической ракете (МБР) наземного базирования

³ В начале 1961 г. в американских стратегических силах было 12 допотопных межконтинентальных баллистических ракет (МБР) типа “Атлас” и две атомные подводные лодки с баллистическими ракетами, несшие по 16 баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ) типа “Поларис А-1”. В 1967 г. в боевом составе была 1000 МБР “Минитмен-1” и “Минитмен-2”, 54 МБР “Титан-2”, а также 41 подводная лодка с 656 БРПЛ “Поларис А-3” и “Поларис А-2”. В реальности масштаб наращивания стратегических сил был еще больше, поскольку по ходу дела были приняты на вооружение, а потом быстро сняты до 500 ракет типа “Атлас”, “Титан-1”, “Минитмен-1”, “Поларис А-1”. Параллельно было развернуто около 200 бомбардировщиков Б-52 и Б-58. Число носителей стратегических ядерных сил (СЯС) возросло с 1 850 до 2 500 ед., а ядерных боезарядов — до 5 000 ед., причем 75% потенциала

в день и одной атомной подводной лодке с баллистическими ракетами (БРПЛ) в месяц. Но при немыслимой разрушительной силе ядерного оружия по мере его наращивания выявилось неумолимое сокращение возможности его реального военного и политического применения.

Это можно считать *второй “ядерной апорией”*, которая неразрешима без революционного научно-технического прорыва в области наступательных или оборонительных вооружений. Она проистекает из абсолютной разрушительной мощи ядерного оружия, которая дает возможность даже небольшим его количеством превратить в “хиросимы” несколько десятков больших городов любой сверхдержавы и причинить ей неприемлемый ущерб. К тому же ответное увеличение ракетно-ядерного потенциала СССР, пусть с огромными затратами и отставанием на несколько лет, неуклонно вело к стратегическому паритету⁴.

Макнамара в своей нашумевшей речи (1967 г., Сан-Франциско), ставшей его стратегическим завещанием, публично сделал выводы из сложившегося положения: “Сдерживание преднамеренного нападения на Соединенные Штаты и их союзников гарантируется поддержанием высоконадежной способности навлечь неприемлемый ущерб на любого агрессора... даже после принятия на себя всей мощи его первого удара” [McNamara 1968: 51-67]. Что было еще более непривычно, министр в тех же терминах признал возможность противника причинить ответным ударом неприемлемый ущерб США даже после их первого удара. Вызывающе объективным был его анамнез механизма гонки вооружений: “Каковы бы ни были их намерения, каковы бы ни были наши намерения, действие... каждой стороны, относящееся к наращиванию ядерных сил, будь они наступательные или оборонительные, неизбежно вызывает противодействие другой стороны. Это именно тот феномен действие-противодействие, который питает гонку вооружений” [ibid.: 57]. Далее Макнамара предложил выход из замкнутого круга: “Мы не хотим гонки вооружений с Советским Союзом, в основном потому, что феномен действие-противодействие делает ее глупой и бессмысленной. Обе наши страны выиграли бы от... соглашений сначала ограничить, а потом сократить наши наступательные и оборонительные ядерные силы” [ibid.: 57].

Так идея взаимного ядерного сдерживания получила путевку в жизнь на официальном уровне. Всего через пять лет эта идея была закреплена Договором об ограничении систем ПРО и Временным соглашением об ограничении наступательных стратегических вооружений (ОСВ-1) между СССР и США, подписанными на Московском саммите в мае 1972 г. Правда, за этим последовали еще два цикла гонки вооружений с огромными экономическими издержками и политическими опасностями, а глубокое сокращение ядерных вооружений началось только двадцать лет спустя. Но именно с начала 1970-х годов ядерное сдерживание вошло в обиход теории и практики стратегических отношений великих держав со всеми его парадоксами и противоречиями.

было практически неуязвимо, размещаясь в защищенных шахтных пусковых установках и на подводных лодках.

⁴ В 1967 г. СССР имел примерно 800 МБР шахтного базирования и принимал на вооружение крупную серию подводных ракетноносцев, обеспечившую постоянное боевое дежурство в Мировом океане [Стратегическое... 1998: 113-118, 227-230, 248-259].

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ИЛИ ВЕДЕНИЕ ВОЙНЫ?

Несмотря на почти десятикратное сокращение глобальных ядерных арсеналов, в основном за счет российско-американских договоров и односторонних шагов трех последних десятилетий, всеобщее и полное ядерное разоружение остается за горизонтом мировой политики. При этом великими державами на политическом уровне признано, что пока существует ядерное оружие, оно должно служить исключительно для сдерживания войны, а не для ее ведения с целью победы над противником. Проблема, однако, в том, что в контексте ядерного сдерживания между функцией предотвращения войны (*nuclear deterrence*) и функцией ведения войны (*nuclear warfighting*) грань весьма условна. Все девять нынешних ядерных государств официально обосновывают свои ядерные потенциалы задачей сдерживания (в случае Израиля — по умолчанию). Так, российская Ядерная доктрина, впервые опубликованная в июне 2020 г., провозглашает: “Российская Федерация рассматривает ядерное оружие исключительно как средство сдерживания, применение которого является крайней и вынужденной мерой, и предпринимает все необходимые усилия для уменьшения ядерной угрозы и недопущения обострения межгосударственных отношений, способного спровоцировать военные конфликты, в том числе ядерные”⁵.

В Обзоре ядерной политики от 2018 г. администрации Д. Трампа отмечалось: “Соединенные Штаты будут рассматривать применение ядерных вооружений только в крайних обстоятельствах для защиты жизненно важных интересов Соединенных Штатов, их союзников и партнеров”⁶. Новое правительство США под руководством Дж. Байдена в Предварительном докладе по национальной безопасности от марта 2021 г. подчеркивает: “Мы предпримем шаги с целью уменьшения роли ядерного оружия в нашей стратегии национальной безопасности, гарантируя при этом, что наше стратегическое сдерживание останется сохранным, неуязвимым и эффективным...”⁷

В то же время любой вариант ядерного сдерживания состоятелен тогда и только тогда, когда он опирается на материальную базу в виде ядерных вооружений и готовность их использовать в соответствии с принятыми военными доктринами, оперативными планами и перечнями предназначенных для поражения объектов вероятного противника. В российской Ядерной доктрине по этому поводу недвусмысленно сказано: “Ядерное сдерживание обеспечивается наличием в составе Вооруженных Сил Российской Федерации боеготовых сил и средств, способных путем применения ядерного оружия гарантированно нанести неприемлемый ущерб потенциальному противнику в любых условиях обстановки, а также готовностью и решимостью Российской Федерации применить такое оружие”⁸. Обзор ядерной политики

⁵ Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного оружия. Указ Президента Российской Федерации. Москва, Кремль 2 июня 2020 г. No. 355. П. 5. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006020040?index=2&rangeSize=1> (accessed 01.03.2021).

⁶ Nuclear Posture Review. Office of the Secretary of Defense. February 2018, Washington, DC. URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (accessed 01.03.2021).

⁷ President Joseph Biden, Jr. Interim National Security Guidance. The White House, Washington, March 2021. P. 14. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (accessed 01.03.2021).

⁸ Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного оружия. Указ Президента Российской Федерации. Москва, Кремль 2 июня 2020 г. № 355. П. 10. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006020040?index=2&rangeSize=1> (accessed 01.03.2021).

Трампа декларировал: “Ядерные силы США обеспечивают... достижение целей государственной политики США в случае провала сдерживания”⁹.

Можно предположить, что функция предотвращения ядерной войны предполагает ответный удар, а функция ведения войны — первый, и в этом содержится некое рациональное зерно. Но из девяти нынешних государств, проводящих политику ядерного сдерживания, семь открыто допускают возможность применения ядерного оружия первыми (Израиль — по умолчанию). Два (КНР и Индия) приняли обязательство о неприменении ядерного оружия первыми, которое, правда, сопровождается разными оговорками или зачастую считается зарубежными “адресатами” не более чем пропагандой.

В доктрине Трампа (как и прежде) вполне откровенно указывалось, что “для сохранения сдерживания и гарантий союзникам и партнерам Соединенные Штаты никогда не принимали обязательства о ‘неприменении первыми (ядерного оружия)’ и в свете нынешней окружающей среды угроз такая политики не оправданна и теперь”¹⁰. Военная доктрина России, помимо ядерного удара “в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения”, предусматривает возможность первого (превентивного) применения ядерного оружия “в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозой поставлено само существование государства”¹¹.

Российская Ядерная доктрина 2020 г. детализирует и дополняет это условие неядерными военными угрозами, для нейтрализации которых осуществляется ядерное сдерживание (т.е. нацеливание и готовность к применению ядерного оружия): “...Развертывание государствами, которые рассматривают Российскую Федерацию в качестве потенциального противника, систем и средств противоракетной обороны, крылатых и баллистических ракет средней и меньшей дальности, высокоточного неядерного и гиперзвукового оружия, ударных беспилотных летательных аппаратов, оружия направленной энергии”, а также “средств предупреждения о ракетно-ядерном ударе”. По аналогии с американским Обзором 2018 г. еще указано, что поводом ядерного удара РФ также может стать “воздействие противника на критически важные государственные или военные объекты Российской Федерации, вывод из строя которых приведет к срыву ответных действий ядерных сил”¹². Этот перечень предполагает заметное расширение диапазона сценариев и целей первого ядерного удара.

Дихотомию ядерного сдерживания в его функциях — предотвращение и ведения ядерной войны — можно расценивать как *третью “апорию ядерного сдерживания”*. Ведь предполагается, что сдерживание призвано предотвратить войну, но основывается оно на реальных, по большей части секретных планах

⁹ *Nuclear Posture Review*. Office of the Secretary of Defense. February 2018. Washington, DC. URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (accessed 01.03.2021).

¹⁰ Ibidem.

¹¹ *Военная доктрина Российской Федерации*. URL: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf> (accessed 01.02.2021).

¹² *Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного оружия*. Указ Президента Российской Федерации. Москва, Кремль 2 июня 2020 г. № 355. П. 9, 14, 19. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006020040?index=2&rangeSize=1> (accessed 01.03.2021).

ведения войны¹³. Они включают концепции первого применения ядерного оружия, с которого, собственно, и начинается ядерная война. Это противоречие усугубляется размытой гранью между планами и средствами нанесения первого и ответного ядерного удара.

ПЕРВЫЙ И ОТВЕТНЫЙ УДАР

Выступая в Сочи в октябре 2018 г., президент Путин красноречиво объяснил главный принцип ядерной доктрины России: «Наша концепция — это ответно-встречный удар... Это значит, что мы готовы и будем применять ядерное оружие только тогда, когда удостоверимся в том, что кто-то, потенциальный агрессор, наносит удар по России, по нашей территории. Никакой тайны вам не расскажу: у нас создана система, и мы ее совершенствуем постоянно, она нуждается в совершенствовании — СПРН, система раннего предупреждения о ракетном нападении. То есть эта система фиксирует в глобальном масштабе, какие старты стратегических ракет из Мирового океана, с какой-то территории произведены. Это первое. И второе — она определяет траекторию полета. Третье — район падения головных частей ядерного оружия. И когда мы убеждаемся (а это все происходит в течение нескольких секунд), что атака идет на территорию России, только после этого мы наносим ответный удар...»¹⁴

Из девяти ядерных держав лишь Россия и Соединенные Штаты имеют возможности ответно-встречного удара, поскольку располагают необходимой для этого оперативно-технической базой. В скобках заметим, что описанный ответно-встречный удар, очевидно, не относится к применению оперативно-тактического ядерного оружия Сухопутных войск, ВМФ и ВКС, по которому Россия, возможно, превосходит остальные восемь стран мира в сумме и которое не приспособлено к такому способу применения¹⁵.

Для военного менталитета есть неодолимая психологическая привлекательность немедленного и максимально мощного ответного ядерного удара и для этого — поддержания высочайшей степени боеготовности войск и сил. Рационально эта концепция обосновывается, во-первых, необходимостью вывода из-под удара стратегических ядерных сил для осуществления возмездия агрессору. Правда, при любом раскладе после первого удара противника останется достаточно выживших средств для сокрушительного ответа (подводные ракетоносцы в море, наземно-мобильные МБР, бомбардировщики в воздухе). Но военные не желают смириться с перспективой потерять значительную часть своего оружия в результате нападения противника и не исполь-

¹³ Диссонанс двух функций сдерживания дошел до абсурда, когда в СССР создавалась так называемая система *Мертвой руки*, призванная гарантировать ответный удар даже в случае уничтожения военно-политического руководства страны. Предусматривалась возможность автоматизации выдачи команды на ответный запуск ядерных ракет на основе получения информации датчиков поражающих эффектов ядерных взрывов (ударная волна, тепловое и радиационное излучение и пр.). Теоретически это должно было стать абсолютной гарантией возмездия и тем самым надежным залогом ядерного сдерживания. Однако при параноидальной советской секретности система сохранялась в тайне от противника и тем самым могла лишь гарантировать возмездие в случае войны при нулевом эффекте для сдерживания.

¹⁴ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». 18.10.2018. — *Президент России. Официальный сайт*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58848> (accessed 30.05.2021).

¹⁵ Независимые оценки насчитывают у России порядка 1830 ед. такого ядерного оружия, а у остальных восьми государств — примерно 850 ед. [SIPRI Yearbook....: 2019: 286-348].

зовать его целиком для поражения всех запланированных целей (вспомним диалог на ракетной базе, приведенный в начале данной статьи).

Второй довод — вероятность уничтожения ядерным ударом государственного руководства и других звеньев боевого управления, что затруднит (или вообще не позволит) передать санкцию на осуществление возмездия. Концепция ответно-встречного удара была впервые официально обнародована в Ядерной доктрине РФ от 2020 г., где среди условий, определяющих возможность применения ядерного оружия, в первую очередь названо “поступление достоверной информации о старте баллистических ракет, атакующих территории Российской Федерации и (или) ее союзников”¹⁶.

Тем не менее целесообразность такого ответа следует поставить на одни весы с риском развязывания ядерной войны из-за технического сбоя или политического просчета. Помимо вполне вероятных и нередко случавшихся в СССР и США технических ошибок (ложной тревоги¹⁷) [Perry: 2015: 52-53] со стороны средств СПРН, главная опасность — это чрезвычайно короткое время, исчисляемое единицами минут (а Путин даже сказал — секунд), в течение которого руководство государства должно принимать решение о жизни и смерти человечества. Это не трудно в мирных условиях, например, при командных стратегических учениях с имитацией массовых запусков ракет. Тогда все системы предупреждения и связи работают бесперебойно и поступающие один за другим четкие рапорты командиров об успешном пуске вверенных им ракет согласно расчетному времени создают у начальства чувство удовлетворения и спокойствия за обороноспособность страны.

Но в реальной жизни это может происходить совсем иначе — в стрессовой ситуации, при поступлении противоречивой или ненадежной информации о намерениях противника, под страхом ежесекундной гибели в ядерной аннигиляции. К тому же в ходе кризиса некоторые действия другой стороны, имеющие целью повышение живучести сил для ответного удара, неотличимы от подготовки к нападению: массовый выход подводных ракетоносцев в море и подъем бомбардировщиков в воздух (после чего их местоположение и пуск крылатых ракет отслеживать крайне трудно), активизация авиационной и космической разведывательной деятельности, переброска тактических ядерных средств на передовые войсковые базы и установка их на носители. Ко всему в таких условиях резко повышается вероятность аварий, случайных боестолкновений и других инцидентов противостоящих вооруженных сил в районах их соприкосновения. Государственные лидеры будут получать информацию не напрямую, а от своих военных подчиненных. А те, стремясь избежать недооценки противника, будут исходить из худшего варианта интерпретации событий. Все эти моменты проявились во время Карибского кризиса октября 1962 г. В наше время из мемуаров и рассекреченных документов становится очевидно, что тогда избежать катастрофы удалось во многом благодаря счастливому стечению обстоятельств. Но нет никаких оснований рассчитывать на

95

¹⁶ Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного оружия, Указ Президента Российской Федерации. Москва, Кремль 2 июня 2020 г. № 355. П. 19. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006020040?index=2&rangeSize=1> (accessed 01.03.2021).

¹⁷ См.: Спасший мир подполковник героем себя не считал. — *Независимое военное обозрение*. № 8. 2-8.03.2018. С. 12-18.

такое везение в будущем, тем более при сложности, скорости и автоматизации современных вооружений и их информационно-управляющих систем.

Ответственность за финальное решение о ядерном ударе военные всегда возлагают на политическое руководство, но последнее отнюдь не свободно в своем выборе. Наоборот, оно связано по рукам и ногам, являясь “заложником” оперативных планов и технических характеристик вооружений, разработанных военными ведомствами в мирное время задолго до чрезвычайной ситуации, все неожиданности которой не способен предугадать никакой компьютерный алгоритм.

Вековой исторический опыт свидетельствует, что чаще всего заготовленные планы войны рушатся, как только начинается стрельба. В России такой опыт накоплен от Финской и Отечественной войн до афганской и чеченской кампаний. Разница лишь в том, что в прежние времена и в нынешних локальных конфликтах крах военных планов приносил излишние неудачи и потери, но не означал непоправимой катастрофы, а с ядерным оружием дело обстоит именно так. С этими обстоятельствами связан еще один парадокс.

В парламентах и правительствах идут длительные обсуждения и голосования по вопросам налогообложения, социального обеспечения, пчеловодства. А решение о применении ядерного оружия законодательно возложено лишь на одного человека, даже если предположительно он может пользоваться советами подчиненных. Для обеспечения такой возможности в России и США имеются ядерные “чемоданчики” — портативные радиотерминалы, повсюду сопровождающие президентов вместе с дежурными офицерами и позволяющие дистанционно выдать закодированную санкцию на ядерный удар¹⁸.

В случае двух сверхдержав это решение не только о жизни и смерти своих народов, но и о выживании всего человечества. Обмен массированными ядерными ударами США и России за несколько часов убил бы сотни миллионов жителей северного полушария и разрушил все построенное там за последнюю тысячу лет, а остальной мир вверг бы в неандертальское состояние. О таком могуществе не могли мечтать фараоны, богдыханы и императоры прошлого. Однако любой человек имеет слабости и может совершать непродуманные шаги — вся окружающая жизнь тому иллюстрация. Но данный трюизм обретает роковой смысл, когда решение о “всемирной катастрофе” (как это назвал

¹⁸ В США такой аппарат (называемый там “футбол”) имеется у президента и вице-президента, за которыми законодательно закреплена цепочка из десятка с лишним лиц, начиная со спикеров двух палат Капитолия, министра финансов и др., причем министр обороны стоит далеко позади, а военных в списке вообще нет. По опубликованному данным, аналогичная российская система называется “Казбек”, и кроме президента есть два других “чемоданчика” с “ядерной кнопкой” — у министра обороны и начальника Генерального штаба Вооруженных сил. Великая тайна состоит в том, могут ли эти трое отдать приказ на запуск ракет только совместно (как с тремя составными частями кода) или каждый по отдельности. Уместно вспомнить эпизод, когда во время путча августа 1991 г. президент М. Горбачев был лишен “ядерной кнопки”, а потом в сумятице и министр обороны Д. Язов где-то потерял свой “чемоданчик”, но контроль над ядерными силами, похоже, не нарушился. В США, ввиду эксцентричности и невежества президента Д. Трампа, в Конгрессе развернулась серьезная кампания в пользу лишения президента монополии на “решение о конце света”. См. De Luce D. *Congress Questions Trump's Exclusive Hold on the Nuclear Football*. URL: <https://foreignpolicy.com/2017/11/14/congress-questions-trumps-exclusive-hold-on-the-nuclear-football/> (accessed 31.05.2021); Сафранчук И. Будущее российских ядерных сил. Научные записки ПИП-Центра. Под ред. Д. Евстафьева. Ч. 3. URL: <http://www.pircenter.org/pages/34-no-10-1999-the-future-of-russia-s-nuclear-forces-in-russian> (accessed 31.05.2021).

Путин)¹⁹ нужно принять в стрессовой ситуации за несколько минут или даже секунд. В этом состоит истинно критический разрез ядерного сдерживания, который его адепты предпочитают не замечать.

Ошибочное решение о ядерном ударе и последующей гибели современной цивилизации столь опасно и необратимо по последствиям, что даже 99-процентная надежность предупреждения о начавшемся ядерном нападении не может считаться “достоверной информацией”. Таковой могут быть лишь зафиксированные реальные ядерные взрывы на своей территории и полная определенность относительно инициатора нападения — лишь это оправдывает применение ядерного оружия в так называемом *глубоком ответном ударе* в обдуманном адекватном масштабе.

Четвертая “ядерная апория” состоит в зависимости ядерного сдерживания от поспешного решения одного человека в стрессовой и неясной ситуации, когда технический сбой или человеческая ошибка могут повлечь всемирную катастрофу, которую сдерживание по идее должно предотвратить. В рамках современной версии ядерного сдерживания этот парадокс неразрешим, но его острота может быть частично снижена. Речь идет о переходе стратегических сил на концепцию “глубокого ответного удара”, предоставляющего руководству достаточно времени для выверенного решения, а по возможности — и в коллективном формате (например, в Совете безопасности)²⁰.

Дальнейшее повышение надежности сдерживания возможно не за счет средств и процедур мгновенного возмездия, а с помощью высокоживучих систем оружия (морского, наземно-мобильного базирования) и неуязвимой многократно дублированной информационно-управляющей системы, включая пункты государственного руководства и военного командования. Также необходима легитимная организационно-техническая схема преемственности главнокомандования на случай гибели высших должностных лиц. Именно на это следует в приоритетном порядке выделять необходимые ресурсы, а не на впечатляющие, но стратегически спорные системы оружия.

Более существенные меры выходят за пределы ядерного сдерживания и предполагают соглашения с другими державами о мерах предотвращения непреднамеренной войны, совместных центрах контроля военной обстановки и еще шире — об ограничении определенных вооружений, вооруженных сил и военной деятельности, взаимном снижении уровня боеготовности некоторых систем оружия, шагах по урегулированию конфликтов, исключению их эскалации.

ВОЕННАЯ ТЕХНИКА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЗОНЫ

Концепция ответно-встречного удара служит яркой иллюстрацией давления военно-технических факторов ядерного оружия на концепции его применения и тем самым на политику ядерного сдерживания. Ракеты грунтово-мобильного базирования на маршрутах развертывания, подводные лодки в море и авиация в воздухе способны выжить в ходе ядерного нападения и на-

¹⁹ Заседание Международного дискуссионного клуба “Валдай”. 18.10.2018. — *Президент России. Официальный сайт*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58848> (accessed 31.05.2021).

²⁰ В ходе Карибского кризиса октября 1962 г. именно коллективный формат принятия решений в СССР и США во многом позволил предотвратить войну, но тогда не было концепций и средств ответно-встречного удара и “ядерных чемоданчиков”.

нести ответный удар, сравнимый с сотнями “хиросим”. Но, как видно, для причинения агрессору “неприемлемого ущерба”²¹, упомянутого в Военной доктрине, считается необходимым осуществить еще и ответно-встречный запуск ракет шахтного базирования, особенно самых мощных МБР тяжелого типа (как нынешний “Воевода” и будущий “Сармат”).

Однако это как раз означает, что технические характеристики вооружений диктуют решение высшего государственного руководства “о конце света”. Среди таких характеристик — невозможность сделать жидкостные МБР тяжелого типа мобильными, недостаточная взрывостойкость их шахтных пусковых установок²², привлекательность их высокой готовности к запуску. А угроза определяется количеством, точностью, мощностью боеголовок и подлетным временем ракет противника (15-20 мин.).

При администрации Трампа и в США увеличился акцент на концепцию ответно-встречного удара с применением МБР шахтного базирования. В Обзоре 2018 г. сказано: “Соединенные Штаты поддерживают часть ядерных сил в ежедневной высокой боеготовности и сохраняют вариант быстрого запуска таких сил... Это дает ясно понять противникам, что они не могут полагаться на стратегию уничтожения наших сил сдерживания внезапным первым ударом”²³. Понятно, что двусторонняя ориентация на эту концепцию влечет экспоненциальный рост угрозы непреднамеренной ядерной войны.

Помимо перечисленных факторов риска опасность может в будущем возрасти из-за того, что космические вооружения и средства кибервойны будут способны уничтожить или блокировать системы СПРН. Распространение ракет, особенно морского базирования, порождает опасность провокационных “анонимных” ударов третьей стороны из-под воды. Создание гиперзвуковых систем лишит наземные радары СПРН возможности своевременно определять траекторию полета ракет противника и район падения их боеголовок, а значит — ответно-встречный удар придется наносить лишь по сигналу спутников, которые периодически выдают ложную тревогу²⁴.

Другой пример влияния технологии на ядерное сдерживание связан с денонсацией в 2019 г. Договора о ракетах средней и меньшей дальности и вероятным развертыванием новых американских ракет на передовых рубежах

²¹ Военная доктрина Российской Федерации. — *Президент России. Официальный сайт*. URL: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf> (accessed 01.02.2021).

²² Россия стремится всемерно укреплять взрывостойкость пусковых шахт МБР, но это не может спасти ракету, когда точность попадания боеголовок противника (90-120 м отклонения) и их мощность (300-500 тыс. т в тротиловом эквиваленте) ведут к тому, что шахта оказывается в кратере ядерного взрыва.

²³ *Nuclear Posture Review*. Office of the Secretary of Defense, Washington, DC, February 2018. P. 21-22. URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (accessed 01.03.2021).

²⁴ Космические средства сопровождения гиперзвуковых планирующих ракет будут интенсивно разрабатываться, но они, как и спутники раннего предупреждения, будут основываться на инфракрасных сенсорах, поскольку гиперзвуковые планирующие системы, летящие в стратосфере, нагреваются до высоких температур (В. Путин сравнил их с “летающим огненным шаром”). При этом сигнал тревоги со спутников не получит своевременного подтверждения на основе другого физического принципа — радиолокационного, поскольку РЛС СПРН засекут планирующие блоки лишь за 3-4 мин. до падения. Это снизит надежность системы предупреждения, поскольку одни и те же физические помехи могут повлиять на космические инфракрасные системы обнаружения пуска и сенсоры сопровождения ракетного нападения.

в Европе и Азии. Короткое подлетное время будущих баллистических и гиперзвуковых планирующих ракет способно подорвать российскую концепцию ответно-встречного удара, не оставив никакого времени для принятия политическим руководством соответствующего решения. Начальник Генштаба Вооруженных сил России В. Герасимов по этому поводу заявил: “Проводимая западными ‘партнерами’ политика вынуждает нас на угрозу отвечать созданием угрозы, планировать в перспективе нанесение ударов по центрам принятия решений, а также пусковым установкам, позволяющим применение крылатых ракет по объектам на территории России”²⁵. Эта формулировка, очевидно, подразумевает упреждающие удары, что подтверждают другие авторитетные военачальники²⁶. Такая логика нацелена на то, чтобы вывести ракеты средней дальности и стратегического класса из-под удара. Однако последующий ответный ядерный удар из-за океана в любом случае стал бы губительным для России. А если и США вслед за Россией примут концепцию упреждающего удара (как в последние годы — ответно-встречного), то возможная кризисная ситуация заставит обе стороны играть на опережение. Причем не по каким-то существенным политическим мотивам, а из-за недостаточной живучести ракетных пусковых установок и системы управления в условиях гипотетического первого удара ракет средней дальности, размещенных в Европе и Азии.

Из сказанного можно сделать вывод, что хрестоматийная формула Карла фон Клаузевица “война есть продолжение политики иными средствами” [Клаузевиц 1934: 28] в наше время требует коррекции. В теории интересы политики безопасности определяют ориентацию на ядерное сдерживание. Но на практике все более эффективная и сложная военная техника в возрастающей мере диктует оперативно-стратегические концепции, которые подчас угрожают спровоцировать вооруженный конфликт и вызвать катастрофу, которую сдерживание в идеале призвано предотвратить. Поэтому сейчас Клаузевиц должен был бы расширить свой афоризм: война может стать продолжением военных доктрин и оперативных планов, которые существуют отдельно от политических интересов. Это *пятая “апория ядерного сдерживания”*. Она частично может быть решена техническими мерами²⁷, но лишь при условии существенной коррекции оперативных планов ядерного сдерживания, что предполагает политические решения за рамками последнего²⁸.

ОГРАНИЧЕННАЯ ЯДЕРНАЯ ВОЙНА

Сакраментальный вопрос, над которым многие десятилетия бьются стратегические теоретики и практики, — что делать, если ядерное сдерживание “не сработает”? Например, если нападение противника с использованием

²⁵ Герасимов В. Генштаб планирует удары. — *Военно-промышленный курьер*. № 9. 12-18.03.2019. С. 6.

²⁶ См. интервью: Генерал-полковник Виктор Есин: “Если американцы все-таки начнут разворачивать свои ракеты в Европе, нам ничего не останется, как отказаться от доктрины ответно-встречного удара и перейти к доктрине упреждающего удара”. — *Звезда*. 09.11.2018. URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/t/2018117102-0iaA1.html> (accessed 30.11.2021).

²⁷ Например, речь идет о переходе на моноблочные МБР шахтного базирования, удар по которым требует двойного расхода боеголовок, и грунтово-мобильные многозарядные ракеты, которые на маршрутах нельзя поразить запрограммированным ракетным ударом.

²⁸ Имеется в виду отказ от любого первого применения ядерного оружия, ориентация на “глубокий ответный удар” стратегических сил, снижение критериев “неприемлемого ущерба” противника.

сил общего назначения создаст угрозу неминуемого военного поражения, если другая сторона применит ядерное оружие избирательным образом, если она использует другие виды оружия массового уничтожения или кибератаки на информационно-управляющие системы?

Ответ на эту дилемму в виде концепции ограниченной ядерной войны является крайне противоречивым и в настоящее время самым опасным элементом отношений на основе ядерного сдерживания. Изначально такого рода стратегия и соответствующие вооружения выдвигались со стороны США и НАТО как в масштабе театров военных действий в Европе и Азии, так и на стратегическом уровне в 1960-е, а затем в начале 1970-х годов²⁹. Но эти планы разбивались о вероятность массированного ядерного ответа СССР, который категорически отвергал подобные идеи, не проводил различия между стратегическим и тактическим ядерным оружием, как и между ядерной войной в глобальном и региональном масштабе, но всемерно усиливал потенциал “сокрушительного возмездия”.

Однако после крушения Советского Союза и принятия демократической Россией курса на всемерную интеграцию с Западом в российской политике ядерного сдерживания начались другие веяния. Сначала в 1993 г. Россия деэскалировала торжественное обязательство СССР от 1982 г. о неприменении первым ядерного оружия. Еще через десять лет в доктринальном документе Министерства обороны от 2003 г. было сформулировано положение о возможности ограниченной ядерной войны: “деэскалации агрессии... угрозой нанесения или непосредственно осуществлением ударов различного масштаба с использованием обычных и/или ядерных средств поражения”. Предполагался и вариант “дозированного боевого применения отдельных компонентов Стратегических сил сдерживания”³⁰.

Эти тезисы вызвали немалый ажиотаж за рубежом, и с тех пор очередные издания Военной доктрины РФ и другие официальные стратегические документы прямо не упоминали подобных идей. В то же время принятые доктринальные формулировки не исключают такого рода действий, поскольку не уточняется, каким образом Москва может “применить ядерное оружие... в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства”³¹. Рассуждая логически, устранение угрозы “существованию государства” не должно вести к его уничтожению в результате обмена массированными ядерными ударами. Если ставится цель остановить неядерную агрессию, то это подразумевает ограниченное применение ядерного оружия с целью закончить войну, не доводя ее до взаимного уничтожения. Не ясно и то, что может считаться “угрозой самому существованию государства”.

Некоторые директивные документы последних лет тоже можно интерпретировать в духе стратегии ограниченной ядерной войны. Так, в Ядерной

²⁹ *Secretary of Defense James R. Schlesinger. Annual Defense Department Report, FY 1975.* Government Printing Office, Washington, D.C. March 4, 1974. URL: http://history.defense.gov/Portals/70/Documents/annual_reports/1975_DoD_AR.pdf?ver=2014-06-24-150705-323 (accessed 02.02.2021).

³⁰ Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации. — *Красная звезда*. 11.10.2003. URL: http://old.redstar.ru/2003/10/11_10/3_01.html (accessed 02.02.2021).

³¹ *Военная доктрина Российской Федерации.* URL: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf> (accessed 01.02.2021).

доктрине 2020 г. указано, что “в случае возникновения военного конфликта” политика сдерживания “гарантирует — недопущение эскалации военных действий и их прекращение на приемлемых для Российской Федерации и (или) ее союзников условиях”³². Можно допустить, что это предполагается делать, не переходя “ядерный порог”, но тогда речь должна идти о силах общего назначения, а весь документ посвящен ядерному оружию. В другом официальном издании, посвященном военно-морской деятельности, отмечено: “В условиях эскалации военного конфликта демонстрация готовности и решимости применения силы с использованием нестратегического ядерного оружия является действенным сдерживающим фактором”³³. При этом не объясняется, как продемонстрировать “готовность и решимость”, не применяя ядерное оружие. В обоих случаях идея ограниченного применения ядерного оружия выражена не прямо, а косвенно, но в ряде публикаций российских военных специалистов (на действительной службе) недвусмысленно обосновывается “ограниченный характер первого ядерного воздействия, которое призвано не ожесточить, а отрезать агрессора, заставить его прекратить нападение и перейти к переговорам”³⁴.

Так или иначе, пришла пора Москве на официальном уровне прояснить этот вопрос, ставший центральной темой отношений России и США в сфере ядерного сдерживания. Правда, на сей счет есть и другое мнение. Все без исключения ядерные государства сохраняют ту или иную меру неопределенности в своих доктринах, полагая, что это способствует сдерживанию. Такой линии придерживается и Россия, в Ядерной доктрине которой прямо указано, что принципом ядерного сдерживания является “неопределенность для потенциального противника масштаба, времени и места возможного применения сил и средств ядерного сдерживания”³⁵.

Однако неопределенность может сыграть и в другую сторону — спровоцировать ядерную войну, особенно в условиях обострения международных конфликтов, высокого уровня вооруженного противостояния великих держав, усложнения и ускорения процесса оценки информации в кризисной ситуации. Помимо возможности рокового просчета, неопределенность в политике другой стороны используется для нагнетания напряженности и оправдания собственных стратегических концепций и программ вооружений, что отчетливо обнаружилось в политике США.

Это ярко проявилось и в ядерной доктрине Трампа 2018 г.: “Недавние российские заявления в духе развития ядерной доктрины создают впечатление о снижении порога первого применения ядерного оружия со стороны

³² Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного оружия, Указ Президента Российской Федерации. Москва, Кремль 2 июня 2020 г. № 355. П. 4. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006020040?index=2&rangeSize=1> (accessed 01.02.2021).

³³ Указ Президента РФ от 20 июля 2017 г. № 327 “Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2030 года”. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71625734/> (accessed 02.02.2021).

³⁴ Ахмеров Д., Ахмеров Е., Валеев М. Аэростат — друг “Сармата”. — Военно-промышленный курьер. 12.10.2016. URL: https://vpk.name/news/165525_aerostat_drug_sarmata.html (accessed 02.02.2021).

³⁵ Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного оружия. Указ Президента Российской Федерации. Москва, Кремль 2 июня 2020 г. № 355. П. 15. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006020040?index=2&rangeSize=1> (accessed 02.02.2021).

Москвы. Россия демонстрирует свое представление о преимуществах систем такого оружия путем многочисленных (военных) учений и заявлений. Исправление подобного ошибочного российского взгляда стало стратегическим императивом. В качестве реакции на такого рода вызовы и в целях сохранения стабильности сдерживания Соединенные Штаты будут расширять гибкость и диапазон своих соразмеренных опций сдерживания”³⁶. Это не просто декларация, поскольку в качестве материальной основы данной концепции принят целый “пакет” разработок ядерного оружия³⁷.

Главный парадокс концепции ограниченной ядерной войны состоит в том, что атрибуты максимально эффективного сдерживания во многом противоположны методам практического ведения войны, если бы она все-таки началась вопреки сдерживанию. Первое подразумевает незамедлительные массированные удары с задействованием всех сил без остатка с причинением максимальных потерь населению, промышленности, государственному руководству и вооруженным силам противника. А второе полагает избегать преднамеренного уничтожения мирных жителей и не вызывать экологическую катастрофу, контролировать эскалацию и сохранять возможность договориться о прекращении войны (что означает сохранение элементов государственного управления противника). Второй подход диктуется также принципами морали и международного гуманитарного права. Но в то же время такой принцип делает ядерную войну менее немыслимой, оставляет надежду на национальное выживание и ограничение ущерба.

В этом заключается еще одна, *шестая “ядерная апория”*: сдерживание предусматривает варианты ограниченного применения ядерного оружия, что ослабляет сдерживание и повышает вероятность войны, которую, скорее всего, не удастся вести по каким-то правилам.

НАПАДЕНИЕ И ОБОРОНА

Эпоха ядерного сдерживания поставила с ног на голову еще одну традиционную истину — что оборона является благом и обеспечивает мир. Когда к концу 1960-х годов в основу безопасности было положено сдерживание нападения за счет возможности сокрушительного ответного удара, противоракетная оборона (ПРО) предстала совсем в другом свете. Роберт Макнамара сделал вывод, что такие системы создавали мощный дополнительный стимул для гонки вооружений. В упомянутой речи в Сан-Франциско (1967 г.) он объяснил: “Если мы начнем развертывание плотной системы ПРО, то сколько бы она ни стоила, мы можем быть уверены, что Советы среагируют с целью нейтрализовать любое преимущество, на которое мы могли бы надеяться” [McNamara 1968: 51-67].

³⁶ *Nuclear Posture Review*. Office of the Secretary of Defense. February 2018, Washington, DC. URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (accessed 01.03.2021).

³⁷ Как средство ограниченных ядерных ударов часть баллистических ракет подводных лодок “Трайдент-2” были оснащены ядерными боеголовками пониженной мощности (W76-2), было намерено возродить снятые с вооружения ВМС в 2011 г. ядерные крылатые ракеты морского базирования и разработать управляемые авиабомбы с вариативной мощностью заряда (B61-12) для тактической и стратегической авиации, а также новые крылатые ракеты воздушного базирования большой дальности (*LRSO — long-range stand-off missile*).

Для своего времени эта идея была поистине революционной, и неудивительно, что в июне 1967 г. на встрече президента Л. Джонсона с председателем Совета министров СССР А. Косыгиным в Гласборо (США, Нью-Джерси) советская сторона отвергла предложение Макнамары взаимно ограничить системы ПРО обеих держав. Но вскоре логика Макнамары была принята в Москве, тем более что в 1969 г. США приступили к развертыванию собственной противоракетной системы “Сейфгард”. В результате в 1972 г. был заключен Договор об ограничении систем ПРО.

Шли годы, и стороны диаметрально поменялись местами в позициях по этому вопросу. Соединенные Штаты, выйдя из Договора по ПРО в 2002 г., теперь вступают инициатором развития противоракетной обороны, обосновывая ее необходимостью защиты от ракет третьих стран (КНДР, Ирана, по умолчанию, вероятно, Китая и Пакистана). Россия воспринимает это как угрозу себе и настаивает на строгом ограничении таких систем. В нашумевшем Послании Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. В. Путин еще раз объяснил важность прошлого Договора по ПРО: “Данное соглашение... гарантировало от бездумного, опасного для всего человечества применения одной из сторон ядерного оружия, поскольку ограниченность систем противоракетной обороны делала потенциального агрессора уязвимым для ответного удара”³⁸. И по логике Макнамары им была обнародована широкая программа развития наступательных вооружений для преодоления американской системы ПРО³⁹.

Правда, с точки зрения теории сдерживания, ПРО не обязательно должна дестабилизировать. Например, если система предназначена для защиты стратегических сил от разоружающего удара ядерных или неядерных наступательных вооружений противника, то она укрепляет потенциал ответного удара и усиливает сдерживание. То же относится к противоракетной обороне территории (городов и критических гражданских объектов) от ограниченного применения ядерного оружия, ракетного нападения третьих стран, удара экстремистских режимов или террористов, случайных пусков ракет. Все это ныне становится серьезной угрозой по мере распространения в мире ядерного оружия и ракетных технологий.

В принципе, это могло бы стать предметом договоренности России и США: ограничить дестабилизирующие системы ПРО, предназначенные для защиты городов от ответного удара другой стороны, но разрешить оборону для парирования разоружающего удара или ограниченного нападения третьих стран и террористов. В 2002-2011 гг. между двумя державами велись официальные переговоры, а также научные исследования по сотрудничеству в развитии систем ПРО. Однако они оказались безрезультатны. Разграничить стабилизирующие и дестабилизирующие противоракетные системы на прак-

³⁸ Послание Президента Федеральному Собранию. Владимир Путин обратился с Посланием к Федеральному Собранию. 1 марта 2018 года. — *Президент России. Официальный сайт*. 01.03.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (accessed 15.03.2021).

³⁹ Эта программа включала создание тяжелой МБР “Сармат”, оснащение МБР РС-18 (SS-19) гиперзвуковым планирующим блоком “Авангард”, разработку межконтинентальной крылатой ракеты наземного базирования с атомным двигателем “Буревестник”, подводного автономного аппарата межконтинентальной дальности с атомным двигателем “Посейдон”, гиперзвуковой аэробаллистической ракеты средней дальности “Кинжал”.

тике гораздо труднее, чем в теории, в силу стратегических, технических и политических различий между сторонами.

В обозримое время никакая система ПРО не сможет отразить ни ответный, ни тем более первый ядерный удар сверхдержав. Но концепция и средства ограниченной ядерной войны дают обороне “второе дыхание”, рождая сценарии обмена ограниченными ударами, в которых ПРО способна играть важную роль, как и новые системы ее преодоления (например, гиперзвуковые ракеты в ядерном и обычном оснащении). А заодно открываются просторы для нескончаемой гонки оборонительных и наступательных вооружений, которую в свое время на 30 лет притормозил Договор по ПРО.

Эта проблема остается камнем преткновения в диалоге России и США об ограничении и сокращении стратегических наступательных вооружений, в том числе на переговорах о следующем договоре СНВ, которым открыло путь продление Договора СНВ-3 в феврале и женевский саммит в июне 2021 г. Возможно, когда-нибудь стороны договорятся о переходе на взаимное сдерживание с опорой на эффективные оборонительные системы при согласованном глубоком сокращении наступательных вооружений. Но на этом пути необходимо избежать возникновения иллюзий по поводу отмеченной президентом Путиным возможности *безнаказанного* ядерного нападения.

С точки зрения общечеловеческих ценностей, угроза уничтожения населения аморальна, а его защита — высокоморальна. Но в нынешней системе ядерного сдерживания между Россией и США все обстоит как раз наоборот — стремление к защите населения и промышленности с помощью противоракетной обороны повышает опасность ядерной войны с последующим уничтожением мирного населения, несмотря ни на какую ПРО. Это очередная, *седьмая “ядерная апория”* современности.

ПАГУБНЫЙ СИМБИОЗ

В настоящее время стратегические отношения великих держав выходят за рамки баланса ядерных вооружений. Главное направление военно-технического прогресса — это развитие разнообразных конвенциональных (неядерных) высокоточных наступательных систем большой дальности (свыше 500-600 км), способных поражать обычными боезарядами цели, которые в прошлом можно было уничтожить только с использованием ядерных боеприпасов⁴⁰. Неядерные системы большой дальности вторгаются в стратегический баланс через концепцию “конвенционального (обычного) сдерживания”, провозглашенную в официальных документах США и Военной доктрине России, где сказано, что “в рамках выполнения мероприятий стратегического сдерживания силового характера Российской Федерацией предусматривается применение высокоточного оружия”⁴¹. Сначала предполагали,

⁴⁰ Речь идет о таких системах США, как крылатые ракеты морского базирования типа “Томахок” (BGM-109), крылатые ракеты воздушного базирования (AGM-84, AGM-158B JASSM-ER, AGM-183A, X-51). Россия тоже развивает свой арсенал крылатых ракет в неядерном оснащении: морские ракеты типа ЗМ-14 “Калибр” и ЗМ22 “Циркон”, авиационные ракеты типа Х-555, Х-101 и Х-47М2 “Кинжал”. За несколько лет к 2018 г. количество высокоточных крылатых ракет РФ выросло более чем в 30 раз. См. *Послание Президента Федеральному Собранию. 1 марта 2018 г., Москва*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (accessed 10.03.2021).

⁴¹ *Военная доктрина Российской Федерации*. URL: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf> (accessed 01.02.2021).

что эта концепция будет поднимать “ядерный порог”, но оказалось, что она влечет его опасное снижение. Политически такие системы легче применить, чем ядерное оружие, но они способны повлечь неуправляемую эскалацию конфликта, что можно расценить как восьмую “апорию сдерживания”.

Указанные средства создают угрозу неядерного нападения держав на ядерные силы друг друга. Пока неясно, будет ли достаточна их точность для поражения защищенных объектов (шахты МБР, командные пункты) и смогут ли они уничтожать наземно-мобильные ракеты. Однако несомненно, что широкий круг стационарных незащищенных объектов стратегических сил уязвим даже для прежних дозвуковых неядерных крылатых ракет⁴². Тем более, что на смену дозвуковым крылатым ракетам воздушного, наземного и морского базирования идут гиперзвуковые ракетно-планирующие, воздушно-реактивные и аэробаллистические вооружения⁴³.

Эффект “смешивания” ядерного оружия и высокоточных обычных вооружений — это важнейший дестабилизирующий фактор современной стратегической обстановки. К тому же расширяется развертывание носителей двойного назначения — с ядерным и обычным боезарядом⁴⁴, и в случае их применения характер удара нельзя будет определить до момента подрыва боевой части носителя. В итоге “поплыли” традиционные категории ядерного сдерживания (“ядерный порог”, паритет, живучесть и уязвимость систем оружия, атрибуты ответного удара, неприемлемый ущерб, предотвращение эскалации и пр.). В последнее время появились даже концепции координированного применения ядерных и обычных вооружений.

В июне 2019 г. произошла утечка информации в печать о докладе Комитета начальников штабов США. В нем, в частности, указывалось: “Применение ядерных вооружений может создать условия для достижения решающих результатов и восстановления стратегической стабильности... Ядерное оружие может быть включено в ведение кампании... с целью эскалации конфликта для достижения мира на более выгодных условиях... Интеграция применения ядерных вооружений с ведением обычных или специальных операций имеет исключительную важность для успеха любых (военных) миссий или операций”⁴⁵. Соответственно, в США разрабатывается стратегия “многодоменной” войны: военных действий с тесной интеграцией операций на суше, море, в воздухе, космическом и кибернетическом пространствах [Feickert 2019].

В России не происходит подобных утечек информации, но она готовит свой ответ на “многодоменную” стратегию США. О направлении военной мысли свидетельствуют, например, предложения интеллектуальной элиты

⁴² Сюда относятся радары СПРН, ПРО и ПВО, легкие надземные укрытия мобильных пусковых установок МБР, подводные лодки-ракетоносцы в базах и тяжелые бомбардировщики на аэродромах, хранилища ядерных боеприпасов на войсковых базах, пункты связи и управления космическими аппаратами, подводными лодками и дальней авиацией.

⁴³ Это американские ракеты воздушного базирования (AGM-183A, X-51) и возможные наземные ракеты средней дальности США после денонсации Договора РСМД: *Precision Strike Missile (PrSM)*, *Ballistic missile with trajectory shaping vehicles (BMTSVs)*, *Long Range Hypersonic Weapon (LRHW)* [см. Pifer 2019: 1-7]. Россия создает гиперзвуковые морские ракеты типа ЗМ22 “Циркон”, авиационные ракеты типа Х47М2 “Кинжал”.

⁴⁴ Это относится к КРМБ “Калибр” РФ и “Томахок” США, авиационным крылатым ракетам типа Х-101/102 РФ и в будущем — ЛРСО (LRSO - Long range stand-off) у США.

⁴⁵ *Joint Publication 3-72. Nuclear Operations*. Joint Chiefs of Staff. 11.06.2019. Р. III-3, V-3. URL: https://fas.org/irp/doddir/dod/jp3_72.pdf (accessed 10.03.2021).

Воздушно-космических сил: “Российская Федерация способна перейти от политики сдерживания потенциального противника ядерным оружием к политике устрашения нанесением ему неприемлемого комплексного поражения всеми видами вооружений в рамках превентивных действий в условиях нависшей над Российской Федерацией угрозы локальной войны”⁴⁶.

На ядерное сдерживание в доктринах России, США и ряда других ядерных государств возложена задача предотвращать агрессию с применением обычных вооруженных сил. Однако тенденция к интеграции вооружений в ядерном и обычном оснащении формирует взгляд на ядерное оружие как на средство вполне практического применения и достижения успеха — если не решительной победы над врагом, то для “достижения мира на более выгодных условиях”. Ядерное сдерживание для предотвращения обычной войны переходит в стратегию ведения гибридной ядерно-обычной войны, отрицая самое себя по диалектике Гегеля, что представляет собой еще одну, девятую “апорию сдерживания”.

Отмеченные факторы служат яркой иллюстрацией тенденции к саморазрушению ядерного сдерживания как изнутри (через концепции ограниченной ядерной войны), так и извне (в ходе технического и оперативного переплетения ядерных и обычных вооружений, автоматизации систем управления). По мере наращивания потенциалов “сдерживания” третьими ядерными государствами и с вероятностью дальнейшего распространения ядерного оружия и его носителей (наряду с ракетно-планирующими, противоракетными и космическими вооружениями) рассмотренные опасности будут экспоненциально нарастать. Проблемы ядерной многополярности заслуживают отдельного рассмотрения. Здесь достаточно подчеркнуть, что ядерное сдерживание и на эти вызовы не дает адекватного ответа, но усугубляет угрозы ядерного распространения.

КОНТРОЛЬ НАД ЯДЕРНЫМ СДЕРЖИВАНИЕМ

Долго служившая в качестве “наименьшего зла” политика ядерного сдерживания превращается в наибольшее зло — если не регулируется соглашениями по контролю над вооружениями. Как известно, диалог в этой области с 1969 г. основывался на принципе паритета в формуле “равенства и одинаковой безопасности”, а после 1990 г. — на концепции “стратегической стабильности”. Она предполагала использование контроля над вооружениями для формирования такого состояния стратегических отношений сторон (т.е. взаимного ядерного сдерживания), при котором “устраняются стимулы для нанесения первого ядерного удара”. Для этого были согласованы несколько конкретных принципов ограничения и сокращения стратегических вооружений⁴⁷ и на них были построены шесть соглашений в этой области, начиная с Договора СНВ-1 и заканчивая текущим Договором СНВ-3.

⁴⁶ Ходаренок М. Лозунги упреждающего удара. — *Независимое военное обозрение*. 19-25.02.2021. № 6. С. 1-3.

⁴⁷ К ним относятся: учет взаимосвязи между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями (чтобы оборона не могла ослабить ответный удар другой стороны); уменьшение концентрации боезарядов на стратегических носителях (чтобы одним носителем с несколькими боезарядами нельзя было поразить на стартовых позициях несколько носителей противника с еще большим числом боезарядов); оказание предпочтения средствам, обладающим повышенной выживаемостью (чтобы их невозможно было уничтожить до запуска упреждающим ударом). См. *Soviet–United States Joint Statement on Future Negotiations on Nuclear and Space Arms and Further Enhancing Strategic Stability*. 01.06.1990. URL: <https://bush41library.tamu.edu/archives/public-papers/1938> (accessed 15.03.2021).

В итоге соглашений стратегический баланс сейчас выглядит значительно более стабильным, чем на пороге 1990-х годов. Соотношение числа боезарядов снизилось в семь раз, а носителей в три раза, повысилась выживаемость стратегических сил России и США. Тем не менее за последние десять лет контроль над вооружениями переживал стагнацию, перешедшую в кризис с денонсацией российско-американского Договора по ракетам средней и меньшей дальности в 2019 г. В таких условиях политики, специалисты, общественность снова ощущают растущую угрозу ядерной войны. Именно это чувство выразил Путин в октябре 2020 г. на валдайской встрече: “У мира не будет будущего, если не будет каких-то ограничений в сфере гонки вооружений...”⁴⁸

Но есть и другой взгляд на кризис, который исходит из предпосылки, что он стал неизбежен ввиду коренных перемен в миропорядке и появления революционных военных технологий, которые упразднили прежние методы контроля над ядерным оружием. Такие взгляды сначала высказывались за рубежом⁴⁹, а затем перекочевали в Россию. Сторонники этой точки зрения утверждают, что “прежнее понимание стратегической стабильности как отсутствия у России и Соединенных Штатов стимула нанести первый ядерный удар друг по другу уже не отражает положения вещей” [см. Караганов, Суслов 2019].

Действительно, успешный разоружающий ядерный удар сверхдержав друг по другу ныне невозможен. Но такое состояние стратегических отношений сложилось не само собой, а благодаря десяти важнейшим договорам и соглашениям по контролю над вооружениями, заключенным после 1972 г. Уход с проложенного ими пути вернет прежнюю угрозу первого ядерного удара в отношения взаимного ядерного сдерживания России и США. Этот задел необходимо во что бы то ни стало сохранить как фундамент стабильности. Другое дело, что рассмотренные выше новейшие технологии требуют адаптации концепции стабильности и учета ею возможных дополнительных стимулов к первому ядерному удару (на июньском саммите 2021 г. в Женеве Россия и США договорились начать двусторонний Диалог по стратегической стабильности).

И для этого нет иного способа, кроме продолжения и расширения контроля над вооружениями. Раз третьи страны в ближайшие годы не присоединятся к этому процессу и поскольку пределы безопасного с точки зрения стабильности дальнейшего сокращения стратегических вооружений пока не просчитаны, — в повестку следующего договора СНВ нужно поставить не очередное глубокое сокращение ядерного оружия, а расширение охвата и ужесточение мер ограничения вооружений. Речь идет прежде всего об ограничении — помимо традиционных баллистических ракет и тяжелых бомбардировщиков — всех ядерных крылатых ракет большой дальности морского и воздушного базирования, аэробаллистических ракет и ядерных авиабомб на стратегической авиации⁵⁰. То же относится к новейшим гиперзвуковым

⁴⁸ Заседание Международного дискуссионного клуба “Валдай”. — *Президент России. Официальный сайт*. 22.10.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64261> (accessed 31.05.2021).

⁴⁹ *Creating the Conditions for Nuclear Disarmament (CCND)*. Working Paper Submitted by the United States of America. URL: <https://undocs.org/NPT/CONF.2020/PC.II/WP.30> (accessed 25.05.2021); *Speech by Ms Alice Guillon, Permanent Representative of France to the Conference on Disarmament, Head of the French Delegation*. Geneva, 23.04.2018. URL: <http://statements.unmeetings.org/media2/18559222/france-new1.pdf> (accessed 31.05.2021).

⁵⁰ По Договору СНВ-3 бомбардировщики с ядерными крылатыми ракетами и авиабомбами засчитывались как один носитель и один боезаряд, хотя в реальности на каждом их могло быть от 6 до 12 ед. Крылатые ракеты морского базирования не ограничивались вовсе.

планирующим системам большой дальности наземного, авиационного и морского базирования в любом оснащении, межконтинентальным крылатым ракетам и глубокоководным беспилотным носителям оружия, орбитальным и частично-орбитальным ракетам. Также нужно согласовать стабилизирующую регламентацию систем противоракетной обороны, ограничение развития ударных космических вооружений, меры доверия в кибернетической сфере, те или иные подходы к неразвернутым (в том числе тактическим) ядерным боеприпасам в хранилищах разного типа.

В свете столь трудоемких предстоящих задач весьма странно выглядят умиротворяющие суждения некоторых уважаемых в России и за рубежом специалистов: “Мы не должны оплакивать уход контроля над вооружениями, который на протяжении полувека давал миру какой-то элемент стабильности — более психологический, чем реальный. Ядерное сдерживание было и остается ключом к стратегической стабильности. Сделать его более эффективным — высший приоритет. Именно это, а не контроль над вооружениями, есть единственный базис стратегической стабильности. В полицентричном и нерегулируемом ядерном мире стратегическая стабильность может и должна быть дополнена надежными коммуникациями, контактами, мерами транспарентности и сдержанности соответствующих сторон. Инвестирование в эти меры более разумно, чем попытки спасти контроль над вооружениями или навязать его противящимся сторонам” [Trenin 2020].

Между тем в прошедшие годы психологический эффект имел не столько контроль над вооружениями, сколько ядерное сдерживание, действенность которого зависела от восприятия своих и чужих ядерных потенциалов руководителями противостоящих держав. Что касается контроля над вооружениями, то он существенно влиял именно на материальный базис ядерного сдерживания. К тому же он обозначал условное разграничение между двумя сопряженными функциями ядерного сдерживания: предотвращением войны и реальным ведением войны. Охваченные договорами системы и характеристики вооружений относятся к первой, а неохваченные — ко второй категории.

Понятно, что это размежевание относительно: все ограниченные соглашениями вооружения (за исключением запрещенных и ликвидированных) сохраняют ядерные заряды и полетные программы к заданным целям. Однако в качестве предмета договоров такие системы оружия остаются в руках каждой стороны юридически как бы “по разрешению” другой — в качестве приемлемого для нее средства сдерживания, а не достижения победы. Таким образом, изменение логических рамок подхода к ядерному сдерживанию прорывает его тупики с помощью договоров.

Также очевидно, что без контроля над вооружениями не может быть никаких “надежных коммуникаций, контактов и сдержанности”. Без предметных переговоров эти контакты превращаются в абстрактные диспуты. Они увлекательны и полезны на экспертных форумах, но бесплодны на межгосударственном уровне. Первая и, к сожалению, последняя концепция “стратегической стабильности” была согласована ядерными державами не на научных конференциях, а на переговорах по Договору СНВ-1 и выразилась в его статьях, как и в положениях пяти последующих соглашений. В отсутствие контрольно-ограничительных мер не будет и “транспарентности”, поскольку

различные политические системы обуславливают разную степень открытости военной информации в США и России. Последняя из-за долгой паузы в переговорном процессе возвращается к советским традициям, когда даже от своей общественности засекречивается информация, предоставляемая, как теперь не без сарказма говорят, зарубежным “вероятным партнерам”.

Конечно, контроль над вооружениями не надо идеализировать, он не избавлен от собственных противоречий. Процесс регулярно сбивают с курса политические конфликты сверхдержав (вокруг Афганистана в 1979 г., Югославии в 1999 г., Крыма и Донбасса в 2014 г.), а подчас и безответственные высказывания. После глубоких сокращений стратегических вооружений с начала 1990-х годов неясно, как далеко можно идти по этому пути, чтобы не понижать выживаемость сил ответного удара, их способность преодолевать системы ПРО и чтобы ядерная война не стала менее немыслимой по своим последствиям. Также непонятно, до каких пор допустимо двигаться в двустороннем формате, на каких принципах и в каком составе участников переходить к многостороннему взаимодействию.

Режимы верификации соглашений определяются условиями договоров, а последние зависят от возможности надежной проверки, которая нередко сталкивается с преградой секретности. К тому же по одним и тем же вопросам стороны регулярно меняются местами (ограничение систем ПРО, ракет средней дальности, многозарядных баллистических ракет, авиационных и морских крылатых ракет и пр.).

При хороших отношениях необходимость контроля над вооружениями ставится под сомнение: мол, такие договоры нужны между врагами, а не партнерами (так твердили в конце 1990-х и начале 2000-х годов, что повлекло стагнацию процесса). А при плохих (как сейчас) говорят, что соглашения невозможны, потому что между сторонами нет доверия. Однако доверие рождается не взаимными комплиментами лидеров, а согласованием интересов и договорами государств, их неукоснительным соблюдением.

Впрочем, отмеченные противоречия нельзя отнести к разряду зеноновских апорий — парадоксов, нерешаемых в заданной системе логических координат. При наличии политической воли сторон противоречия контроля над вооружениями рано или поздно разрешались именно в его контексте, что подтверждают шесть десятилетий истории этого процесса (начиная с Договора о частичном запрещении ядерных испытаний 1963 г.). В отличие от этого “ядерные апории” неразрешимы в контексте ядерного сдерживания, и об этом тоже свидетельствуют десятилетия его эволюции.

Кстати, об истории. Главный исторический довод адептов ядерного сдерживания состоит в том, что благодаря ему мир в течение семи десятилетий пережил только локальные конфликты, но избежал глобальной войны. Этот аргумент нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть, поскольку история, в данном случае к счастью, не знает сослагательного наклонения. Однако такие периоды бывали и в прошлом, когда ядерное оружие никто не мог даже вообразить. Большой войны не было целый век между наполеоновскими походами и Первой мировой войной. А до того — в течение полутора столетий между Тридцатилетней войной и завоеваниями Бонапарта. Так что ядерный век по длительности еще не доказал свою историческую устойчивость.

Приведенный обзор парадоксов ядерного сдерживания — современной версии апорий Зенона, конечно, не является исчерпывающим. Но и он убедительно показывает, что эта система отношений отнюдь не идеальна и эволюционирует в угрожающем направлении. Безопасность государств, основанная на способности за несколько часов убить сотни миллионов граждан друг друга, не является надежной конструкцией военных отношений (не говоря уже о моральной стороне дела). Поклонникам ядерного сдерживания пора понять, что без контроля над вооружениями его противоречия неразрешимы, “зеноновский” эффект обращает ядерное сдерживание в свою противоположность и в условиях роста напряженности и развития военных технологий угрожает срывом в глобальную катастрофу.

В то же время очевидно, что ядерное сдерживание нельзя разом “взять и отменить”. Оно стало неотъемлемым элементом современного миропорядка и полем научно-технического прогресса и потому останется с нами на обозримое будущее. Без коренного изменения миропорядка нельзя отказаться от ядерного сдерживания, а без последовательного ядерного разоружения невозможно кардинально улучшить миропорядок. Вероятно, это еще одна, *десятая “ядерная апория”* современности. Ее разрешение в том, чтобы научиться и дальше жить с ядерным сдерживанием, не уповая на него, как на панацею, а активно регламентируя и “обезвреживая” его с помощью двусторонних и многосторонних контрольно-ограничительных норм и механизмов. Это единственно возможный путь выживания нашей цивилизации, пока она не придумает, как заменить потенциалы взаимного массового убийства иным фундаментом безопасности, более соответствующим возвышенному титулу “цивилизация”.

DOI: [10.17976/jpps/2021.04.08](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.08)

THE TEN APORIAS OF OUR TIME. THE THEORY AND PRACTICE OF NUCLEAR DETERRENCE

A.G. Arbatov¹

¹ *Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

ARBATOV, Alexei Georgievich, Full Member of RAS, Director, Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, email: arbatov@imemo.ru

Arbatov A.G. The Ten Aporias of Our Time. The Theory and Practice of Nuclear Deterrence. — Polis. Political Studies. 2021. No. 4. P. 88-111. (In Russ). <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.08>

Received: 12.04.2021. Accepted: 25.05.2021

Abstract. Rising international tensions and the risks of sliding towards a nuclear conflict in the face of the erosion of the arms control system between Russia and the West is becoming an essential subject of modern political discourse. In particular, the author investigates the psychological aspects of deterrence, the dichotomy of its functions of preventing and conducting nuclear war, the concepts of first and retaliatory strike, the dialectics of defense and offence, and plans for limited nuclear war, the effect of the entanglement of nuclear and conventional weapons.

Keywords: limited nuclear war, launch-on-warning, escalation, ballistic missiles, hypersonic systems, space weapons, cyberwarfare, missile defense, arms control.

References

- Brodie B. 1955. Strategy Hits a Dead End. — *Harper's*. (Oct.). P. 33-37.
- Ellsberg D. 2017. *The Doomsday Machine. Confessions of a Nuclear War Planner*. New York: Bloomsbury.
- Feickert A. 2019. The U.S. Army and Multi-Domain Operations. — *CRS Insight*. IN11019.
- Kaplan F. 1983. *The Wizards of Armageddon*. New York: Simon&Schuster.
- McNamara R. 1968. *The Essence of Security: Reflections in Office*. New York: Harper&Row.
- Newhouse J. 1989. *War and Peace in the Nuclear Age*. New York: Alfred A. Knopf, Inc.
- Perry W.J. 2015. *My Journey at the Nuclear Brink*. Stanford, CA: Stanford California Press.
- Pifer S. 2019. The Death of the INF Treaty has Given Birth to New Missile Possibilities. — *The National Interest*. URL: <https://nationalinterest.org/feature/death-inf-treaty-has-given-birth-new-missile-possibilities-81546> (accessed 03.06.2021).
- SIPRI Yearbook 2019: Armaments, Disarmament and International Security*. 2019. Oxford: Oxford University Press.
- Trenin D. 2020. Stability amid Strategic Deregulation: Managing the End of Nuclear Arms Control. — *The Washington Quarterly*. Vol. 43. No. 3. P. 161-175. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2020.1813401>
- Clausewitz K. 1934. Vom Krieg. (Russ. ed.: Clausewitz K. *O voine*. Moscow: Gosvoenizdat).
- Karaganov S., Suslov D. 2019. Deterrence in a New Era. — *Russia in Global Affairs*. No. 4. P. 22-37. (In Russ.) URL: <https://globalaffairs.ru/number/Sderzhivanie-v-novuyu-epokhu-20174> (accessed 17.09.2019).
- Strategicheskoe yadernoe vooruzhenie Rossii* [Russia's Strategic Nuclear Weapons]. 1998. Ed. by P. Podvig. Moscow: IzdAT. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Караганов С., Суслов Д. 2019. Сдерживание в новую эпоху. — *Россия в глобальной политике*. № 4. С. 22-37. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Sderzhivanie-v-novuyu-epokhu-20174> (accessed 17.09.2019).
- Клаузевиц К. 1934. *О войне*. Ч. I. Гл. I. М.: Госвоениздат.
- Стратегическое ядерное вооружение России*. 1998. Под ред. П. Подвига. М.: ИздАТ.

В ПОИСКАХ ДРУГОГО МЕЙНСТРИМА

В.С. Мартьянов

МАРТЬЯНОВ Виктор Сергеевич, кандидат политических наук, доцент, директор Института философии и права УрО РАН, Екатеринбург, email: martianov@instlaw.uran.ru

Мартьянов В.С. В поисках другого мейнстрима. — Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 112–131. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.09>

Статья поступила в редакцию: 07.12.2020. Принята к публикации: 17.02.2021

Аннотация. Конец истории оказался началом конца глобальной иерархии политических понятий Запада, в центр которой помещались общества, идентифицирующие себя как рыночные либеральные демократии. В настоящее время можно наблюдать последовательное ослабление западной экономической, политической и военной гегемонии относительно поднимающихся незападных центров силы. Мир снова движется к конфликтной многополярности, которая определяется рядом фоновых факторов, влияющих на все современные общества. Это достижение пределов емкости глобальных рынков и модели бесконечного экономического роста, кризис классовой стратификации обществ, усиление неравенства, кризис социальной политики, в центре которой находилась трудовая и военная полезность граждан. Указанные изменения позволяют сформулировать два взаимосвязанных тезиса, развернутых в статье. Первый: глобально изменившаяся экономическая и политическая онтология, которую можно описать как рентный поворот, больше не может быть убедительно описана с позиций мейнстрима, идеологически легитимирующего западную гегемонию. Второй: все большую релевантность обретают концепции, альтернативные неолиберальному мейнстриму. Они не обнаруживают в современных обществах тех качественных политических, экономических и культурных различий, с помощью которых обосновывались интеллектуальные и институциональные мейнстримные иерархии. Альтернативные описания базируются, прежде всего, на критической переоценке капитализма, демократии и рынка как незаменимых элементов Современности (Модерна), составляющих либеральный консенсус в ее основе. Под публичными идеологическими вариациями либерального консенсуса повсеместно обнаруживаются скрытые механизмы властесобственности, рентоориентированного поведения, олигополий, наследственной передачи власти и экономической политики, далекой от принципов саморегулируемой рыночной конкуренции. Неолиберальный мейнстрим продолжает классифицировать указанные тенденции как *архаизирующие, травмирующие и недостойные* отклонения, которые необходимо привести к *норме*. Парадокс в том, что сама либеральная демократия перестает быть нормой, превратившись в специфический идеал политического устройства, все менее достижимый даже в западных обществах, где этот идеал считался реализованным практически. В статье утверждается, что фундаментальные изменения, первоначально оцениваемые в рамках либерально-рыночной модерности как архаизирующие (неофеодализм, неопатримониализм, рентно-сословное общество и т.д.), онтологически будут только усиливаться. Они могут привести к формированию исследовательского консенсуса по поводу альтернативной *нормальности* обществ XXI в., которая все чаще предстает как усиление рентно-сословных принципов стратификации и периферизация рыночно-демократических метафор и нарративов в дискурсе легитимации политических режимов.

Ключевые слова: мейнстрим, либеральный консенсус, гегемония Запада, многополярный мир, пределы роста, легитимация, рентное общество, неофеодализм, неопатримониализм, мягкая сила.

МЕЙНСТРИМ И МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕГЕМОНИИ

Любые политические классификации являются отражением представлений их бенефициаров не только об истинном и неистинном, но и одновременно о правильном и неправильном, благе и зле, и, в конечном счете, о сущем и должном. Поскольку классификации создаются субъектами, находящимися внутри общества, а потому не способными его полностью объективировать в рамках субъект-объектной парадигмы, то они всегда являются заведомо неполными и ангажированными. Подобная неполнота обусловлена историчностью и рукотворным характером любого социально-политического и экономического порядка, образуемого совместной деятельностью людей. Познающие субъекты невольно или вполне сознательно перестают различать свои представления об истине и благе, либо выводят первые из вторых, пользуясь разными наборами критериев, универсальность которых в свою очередь невозможно определить в связи с принципиальным отсутствием незаинтересованных судей. Субъекты всегда занимают определенное классовое, национальное, этническое, экономическое, идеологическое положение и существуют в историческом контексте. Все это не позволяет окончательно разграничить в общественных науках эмпирические факты и их интерпретации/оценки: «разделение истины и блага лежит в основе ‘двух культур’». Философия (или, говоря более широко, гуманитарные науки) должна была заниматься исключительно поиском блага (и совершенства). Наука же настаивала на том, что имеет монополию на поиск истины» [Валлерстайн 2004: 251].

Нормативный дискурс общественных наук неизменно отражает интересы доминирующих социальных сил, заинтересованных в сохранении имеющегося политического и экономического порядка, интерпретируемого как гармоничный (естественный, совершенный, абсолютный, справедливый, прогрессивный и т.п.), и приостановке неизменно *пагубного* социального реформирования и экспериментирования. Поскольку последнее чревато переворотами и революциями и провоцируется утопическими дискурсами, принадлежащими социальным силам, которые хотели бы расширить свои потенциальные права и возможности, получив контроль над собственной судьбой. Легитимация социально-политического и экономического порядка в общественной мысли осуществляется в виде целенаправленного преобладания различных оправданий *статус-кво*, таких как позитивизм, рациональный выбор, модели *естественного равновесия* (Л. Вальрас), *спонтанного порядка* (Ф. Хайек), *самонастройки* общественных систем и рынков и т.д. Все эти метафорические мейнстримные модели на самом деле производны от уравнений термодинамики и обосновывают пользу невмешательства широких масс в управление социальными процессами. Подобная исследовательская позиция позволяет если не обходить, то в какой-то степени вуалировать *неудобные* марксистские и конструктивистские вопросы об основаниях и институтах *естественного* порядка, о том, почему он концентрирует внимание лишь на *разрешенных* в публичном дискурсе проблемах индивидуальной и коллективной *адаптации* к этому социально-экономическому порядку вместо его критики и обсуждения возможных *альтернатив*.

Соответственно, в центре современной публичной политики всегда находится идеологическая борьба за легитимацию/делегитимацию ключевых метафор и понятий, которые определенным образом интерпретируют сложившиеся коллективные практики, именуемые рынком, демократией, капитализмом,

социализмом, трудом, планированием, освобождением и т.д. Понятия, признанные нормативными, и их смысловые производные (“рынок заложен в природе человека”, “конкуренция есть выражение свободы”, “демократия — лучшая из форм правления”, “труд есть долг перед богом и путь к спасению” и т.д.) позволяют добиться широкой поддержки и легитимации властно-политических решений и институтов, положенных в основу социального порядка.

Описательно-аналитический словарь общественных наук является предметом *постоянно меняющегося консенсуса, следующего за меняющимся консенсусом жизненных целей и интересов социальных групп, составляющих общество*. Условия методологического консенсуса не в последнюю очередь определяются механизмами классово-идеологической и глобальной гегемонии, т.е. стремлением основных социальных субъектов устанавливать свое представление о социальном порядке в качестве всеобщего для сложносоставного и внутренне противоречивого *большого общества*. Гегемонистские картины мира становятся убедительней, когда их разбивают на локальные дисциплинарные модели наук об обществе (политология, социология, право, экономика, история и т.д.), настаивая на их автономии от власти. Интеллектуальный пазл *мейнстрима* сознательно запутывается: “доминирующей идеологией западных стран является англо-американский эмпирический реализм, для которого любые формы диалектического мышления представляют угрозу и чья задача, по существу, состоит в том, чтобы служить средством контроля над общественным сознанием... Метод подобного мышления, в его различных формах и видах, предполагает разделение реальности на герметичные части, тщательное обособление политического от экономического, правового от политического, социологического от исторического, так, чтобы весь комплекс связей любой конкретной проблемы всегда оставался невидимым; а также ограничение отдельными, непосредственно поддающимися проверке утверждениями в целях воспрепятствовать любым формам спекулятивного и тотализирующего мышления, которое могло бы открыть перспективу на социальную жизнь как целое” [Jameson 1971: 367-368; цит. по: Вахрушева 2016: 30-31]. Однако повседневные коллективные практики не подтверждают существования в реальной жизни жестких дисциплинарных границ, столь важных внутри общественных наук и стоящих за ними исследовательских групп.

В настоящее время центральные понятия общественных наук опираются на аксиологию и онтологию *либерального консенсуса*, согласно которой социальные, политические и экономические реалии современных/модерных обществ наиболее релевантно (с точки зрения науки) и эффективно (для обеспечения общественного блага) отражают такие категории, как капитализм (саморегулируемый рынок), демократия и либерализм [Валлерстайн 2003: 216-233]. Соответствующие им институты и коллективные практики стали центральными для воспроизводства современного общества в ходе цикла буржуазных революций. Поскольку либерализм из восходящей утопии стал, как на уровне самопрезентации, так и в виде их институциональной организации, осуществившейся повседневностью для современных обществ, то все фундаментальные идеологические разногласия внутри больших современных обществ являются следствием эволюции и идеологической дифференциации классического либерализма как *утопии третьего сословия*. Следует особо подчеркнуть, что эволюция либерального консенсуса далеко не всегда является следствием

онтологических изменений общества. Факторы социальных перемен связаны с сознательным переконструированием коллективными субъектами как *когнитивных карт* (Ф. Джеймисон) социальной реальности, так и самих принципов их составления, меняющими представления об обществе, истории, человеке, способах и целях его исторического существования. Нарративы обществоведческого мейнстрима на структурном уровне остаются аналогичны скорее мифам, сказкам и басням, рисующим воображаемые миры, чем естественнонаучным моделям общества, выстроенным на основе фактов. Они “служат не столько инструментом приращения знания, сколько способствуют интеллектуальному доминированию и неявно предполагают определенную социальную иерархию. Стоящие за моделями мейнстрима дискурсивные практики имеют устойчиво воспроизводящийся перформативный элемент, смысл которого в закреплении в социокультурном пространстве определенного ‘рассказа’ и содержащихся в нем представлений” [Кошовец, Ореховский 2018: 153].

Основной угрозой либеральному консенсусу в глобальном измерении являются постоянные попытки наиболее влиятельных субъектов (ТНК, элиты, классы, нации, цивилизации) монополизировать интерпретацию либерального консенсуса в собственных интересах, т.е. зафиксировать выгодный *конец истории* и собственную интерпретацию либерализма как универсальную и всеобщую. Это выражается в попытках выстроить глобальные иерархии, в которых одни общества и/или социальные группы провозглашаются либеральными (рыночными, демократическими), а другим обществам, классам, группам в указанных качествах отказывается. Тем самым, одни субъекты присваивают право говорить от имени либерализма/рынка/демократии и обобщающей их Современности/Модерна, а другие – искусственно выводятся за рамки либерального консенсуса. Указанный интеллектуальный фокус реализуется посредством обществоведческих классификаций, опирающихся на бинарный принцип, когда все многообразие возможных классификаций сводится к одной оппозиции: *норма/отклонение*, которая в научной модальности изоморфна дихотомии *истина/заблуждение*. В результате человечество, исторически полностью вовлеченное в капитализм и легитимирующие его нарративы либерализма, рынка и демократии, попадает в парадоксальную ситуацию, когда с точки зрения западной гегемонии подавляющее большинство человечества *в теории* оказывается вне Современности/Модерна. Паллиативный выход из указанного парадокса предлагается западным мейнстримом в виде *дифференцирующих прилагательных* к ключевым политическим и экономическим понятиям [Collier, Levitsky 1997]. Дифференциация *отклоняющихся* видов либерализма, демократии и рынка становится механизмом гегемонии и легитимации глобальной западной иерархии современных обществ. Указанные методологические принципы имеют вполне объективные онтологические и исторические обоснования: “политические и экономические теории не стоит воспринимать как объективную данность, заданную всем ходом развития современной цивилизации, а то и самой природой человека. Либеральная политология и неоклассическая экономика не оформились бы в господствующую парадигму обществензнания без геополитического успеха британской и затем американской гегемонии XIX-XX веков” [Дерлугьян 2009: 20].

Между тем *Запад* как ценностное ядро иерархии политических наук постепенно ослабевает, подвергаясь критике со стороны усиливающихся незападных

центров экономической и политической силы, продвигающих свои версии глобальной истории и модели *должного* политического и экономического устройства общества. Общественно-научный мейнстрим обнаруживает все больше *слепых пятен, противоречий и исключений*, которые он не способен объяснить. Исходная проблема культурно-исторической ограниченности западного мейнстрима состоит в том, что “институционализация истории и трех номотетических дисциплин — экономики, социологии и политической науки — в последней трети XIX и первой половине XX вв. приняла форму университетских дисциплин, в рамках которых западный мир изучал себя, объяснял собственное функционирование и лучше контролировал происходящее... 95% научных кругов находились всего в пяти странах — Великобритании, Франции, Соединенных Штатах, Германии и Италии — и занимались в первую очередь вопросами, связанными с этими странами” [Валлерстайн 2016: 309]. Для остального мира Западом были придуманы *ориенталистика*, занимавшаяся относительно самостоятельными незападными цивилизациями, и *антропология*, чьим предметом стали колонии и зависимые от западных метрополий территории. Важными целями обеих дисциплин стало оправдание экспансии и культурного возвышения Запада через утверждения о его моральном и техническом превосходстве, так что доступ к его благам может быть получен остальным миром только *с его помощью и под его управлением* [там же: 310].

Таким образом, первоначально в схеме норма/отклонения, которая географически выражалась в виде Запад (*West*) / все остальное (*Rest*), функции политологии, социологии и права были связаны лишь с изучением внутренних закономерностей *исторических* западных обществ. Все остальные общества объявлялись неразвивающимися, примитивными и неисторичными, достойными внимания лишь специальных дисциплин — *ориенталистики* и *антропологии*, — чьим предметом является изучение не нормы (Запад), но отклонений от нее (Незапад). Первый ощутимый удар по западному мейнстриму нанесла реализация *советского проекта*, становление *социалистического блока* и поддержанное им *национально-освободительное движение колоний Запада*. Неожиданный взлет советского проекта не только ускорил падение глобальной гегемонии Запада, но и предложил перспективу универсальных моральных оснований для иного национального и глобального политического порядка. Падение СССР в качестве глобальной альтернативы создало кратковременную иллюзию того, что западный мейнстрим все-таки достиг глобальной победы и финальных политических истин *конца истории*. Однако необратимое ослабление Запада и его идеологической картины мира продолжилось. Растущие незападные центры силы не только стали уверенно отвергать свою неполноценность (историческую, культурную, этническую, технологическую и т.д.), которую пытались им приписать пропитанные культуртрегерством ориенталистика и антропология, но и ставить под сомнение саму релевантность западного мейнстрима общественных наук, который как мутное и кривое зеркало способен выдавать в своих схоластических интеллектуальных построениях только отклоняющиеся отражения западных обществ. Г. Хейл в середине 2000-х годов заметил, что постсоветские и шире — постсоциалистические — общественные порядки вовсе не являются транзитными/переходными, а демонстрируют долгосрочную институциональную устойчивость, для которой целесообразно начинать искать более релевантный язык описания,

чем транзитология [Hale 2005]. К аналогичным выводам пришли в своей резонансной статье А. Шлейфер и Д. Трейзман, описывая современную Россию как *нормальную страну* [Shleifer, Treisman 2005]. *Незападные исследовательские центры перестают удовлетворяться ролью поставщика исключительно локального эмпирического материала, подтверждающего идеологические картины мира, рисуемые мейнстримными теориями.* Растущие регионы мира все чаще отвергают роль *туземцев*, которые не способны сформулировать альтернативные Западу *большие теории*, объясняющие закономерности глобального мира.

В более радикальном виде возникает вопрос уже не о задачах ценностно-идеологической легитимации коллективных интересов Запада, но о самой способности западного мейнстрима к адекватному изучению незападных обществ и универсальности выработанного им лексикона понятий, который оказывается способен по большей части лишь на довольно сомнительные морализации по поводу несовершенства и неполноценности Незапада в виде *зависимости от предшествующего развития, тяжелого наследия, расово-этнической особенности, институциональных ловушек, порочных кругов, недостойного правления, вариаций нелиберальной демократии и неправильного рынка.*

Очевидно, что закономерным ответом глобального Незапада на угасание экономической, политической и военной гегемонии Запада стал отказ от иерархии и словаря понятий западного мейнстрима, который работает с остальным миром лишь в неизменной логике фиксации его *отклонений от Запада*. Соответственно, онтология внешнего мира не интересует западный мейнстрим, важна лишь сравнительная перспектива оценок успешности институционального копирования или мимикрирования незападных обществ под Запад как *безальтернативную (и недостижимую) цель* их развития. Потому что признание незападных обществ равновеликими Западу, историческими, автономными и способными порождать не менее универсальные ценности и институты автоматически разрушает привычный набор методологических бинарных пар: инклюзивные / эксклюзивные институты (Д. Аджемоглу, Дж. Робинсон), естественные государства / общества открытого доступа (Д. Норт, Б. Вайнгаст, Д. Уоллис), открытые / закрытые общества (К. Поппер), архаика/современность, феодализм/капитализм, командная экономика / рынок, тоталитаризм/демократия, и т.д., легитимирующих в мейнстриме ключевую разбивку — *норма/патология* или *Запад/Незапад*.

Соответственно, критика ограниченности методологических оснований идеологических разбивок на привилегированное/ущербное, сакральное/профанное, преподносимых как неизменные, лишает западный мейнстрим нормативного контроля либерального консенсуса из воображаемой области всеобщего и универсального, переводя исследовательский дискурс познающих субъектов Запада в инструментальную сферу особенных и частных интересов. Нарастает убедительность критики дискурса о благах, которые приобретет незападный мир, осваивая механику западной модели глобализации и свободного рынка. Эта модель все чаще проявляется в виде обычной гегемонии, обернутой в риторические одежды прогрессизма и *естественного лидерства свободного мира*. Идея прогресса убедительна только тогда, когда подкрепляется растущими возможностями для *большинства*, — в противном случае она превращается в риторику, с помощью которой элиты пытаются отсрочить недовольство масс настоящим в будущее.

Объяснительный потенциал и легитимирующая способность системных понятий мейнстрима — и как *номотетической науки*, и как инструмента *мягкой силы* — закономерно ослабевают. Мейнстрим *нормы с прилагательными* все чаще уступает место радикальному поиску альтернативных понятий. Последние первоначально начинают использоваться как более релевантные для описания *отклоняющихся* периферийных обществ, которые становятся совершенно невозможно описывать лишь с точки зрения того, *какими они должны стать*. Но после активного вовлечения в научный оборот альтернативных метафор и понятий оказывается, что они зачастую не менее универсальны и могут быть использованы для убедительного анализа актуальной политической и экономической онтологии самих западных обществ. И тогда выясняется, что *мейнстримные дифференциации рыночных обменов, демократии и либерализма имеют преимущественно идеологический характер*. Современные общества не демонстрируют качественных различий, если анализировать их функциональное ценностно-институциональное ядро, которое было и остается системой нераздельной властесобственности, в то время как вариации рыночных обменов и представительной демократии составляют поверхностные и адаптивные коммуникативные оболочки, призванные поддерживать социальный порядок и вырабатывать общественное согласие в конкретных политиках. Соответственно, западные общества и весь остальной мир обнаруживают гораздо больше базовых сходств, чем второстепенных отличий, особенно в контексте всеобщих вызовов и угроз, связанных с трансформацией социальной структуры общества труда, новыми технологиями, кризисом социального государства, пределами роста и т.д.

Нарастающие дисфункции и несовершенства демонстрируют метафоры не только рынка, но и другого столпа мейнстрима — демократии. В современном мире сложился устойчивый консенсус относительно ценности демократии. Оптимистичным аргументом в пользу демократии является утверждение о ее естественной гармонии с многосоставным *модерным обществом*, которое постоянно находится в *естественном состоянии* низкоинтенсивной внутренней конфликтности. Соответственно считалось, что принципы демократии позволяют производить назревшие изменения, согласовывать интересы, разрешать конфликты и вырабатывать компромиссы, не доводя до распада большого общества и кризиса государства. Однако реальная проблема демократии — в другом. *Представление о ее безусловной, конечной ценности входит во все большее противоречие с реальным функционированием демократии как инструмента (совокупности институтов и практик) политического правления, который политические элиты могут использовать вопреки и даже против большинства в осуществлении своих партикулярных целей*. Подобная инструментализация и манипуляция приводит к общей девальвации ценности демократии. Значимые социальные группы во всем мире, включая Запад, все чаще находят подтверждения тому, что управляемая элитарная демократия не помогает реальной артикуляции и продвижению их жизненных интересов. В результате усиливаются феномены популизма и прямого гражданского действия как попытки вернуться к *демократии большинства*, от которой даже в западных демократиях все чаще сохраняется лишь ритуальная составляющая. Концепция либеральной демократии все чаще оценивается как ограниченный легитимирующий язык, стремящейся обосновать монопольное право на интерпретацию демократии и либерализма через *норму с отклонениями* и выстраивание символических иерархий на основании субъек-

тивной оценки некими экспертами качества реализации указанных принципов в конкретных обществах.

Мейнстримный дискурс об *отсталых, неправильных, переходных, имитационных и недостойных* обществах обретает явные черты неубедительного морализаторства и неуместной дидактики. Все современные общества оказываются достаточно ущербными и в сравнительной перспективе, и с точки зрения идеального политического архетипа, стремительно перемещающегося в последние годы из западных обществ в пространство “всеобщей внеаходимости” (утопии) в результате стремительной эволюции из состояния реализованной в либеральных демократиях *нормы конца истории* в недостижимый для них же *идеал* политического устройства. Низвержению этой идеализации либеральной демократии способствуют эмпирически наблюдаемые в западных обществах тенденции роста неравенства, свертывания социального государства и стремительного превращения представительной демократии в ограниченную конкуренцию элит.

Соответственно описания стремительно поднимающихся незападных периферийных обществ в категориях *отсталости* теряют былую магическую силу, как и все аксиоматические понятия либеральной версии Современности (Модерна), из которых исходят эти описания. Например, В. Гельман описывает разные виды неэффективности государственного управления и моральной деградации политических элит в современной России с точки зрения неких универсальных идеалов либеральной демократии, которые реализованы где-то за пределами России [Гельман 2019].

Но, во-первых, как показывают актуальные тенденции, эти идеалы нигде в мире в полной мере на практике не воплощены, за исключением гегемонистской риторики мейнстрима, строящейся на преимущественно оценочных суждениях. Если в западных обществах отдельные институциональные и процедурные признаки либеральной Современности (Модерна) проявляются немного более наглядно, то это само по себе не создает *качественного* морального и институционального различия между *обществами открытого доступа* и большинством *естественных государств*, включая Россию.

А во-вторых, риторику *недостойного правления* можно с легкостью обратить против *любого* западного общества, чья актуальная повседневность также весьма условно соответствует либерально-демократическим идеалам. Например, в США в последние десятилетия резко растет неравенство граждан по уровню доходов (текущий коэффициент Джини там 41,1 (2016), что даже выше, чем в России с ее индексом Джини 37,5 (2018)¹), а покупательная способность медианной оплаты труда стагнирует с середины 1970-х годов². В США процветает nepoтизм: судейские, депутатские, губернаторские и даже президентские должности зачастую “передаются по наследству” (при соблюдении формальных выборных процедур) внутри семейно-родственных кланов, контролирующих крупную властесобственность [Миллс 2007]. Государственный долг США достиг астрономических величин (26,3 трлн долл. в июне 2020 г., что в два раза больше, чем в 2010 г.); осуществляются односторонние военные агрессии (Вьетнам, Панама, Югославия, Ирак, Ливия и т.д.); значимы всесторонние

¹ The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/field/gini-index-coefficient-distribution-of-family-income/country-comparison> (accessed 22.05.2021).

² Employed Full Time: Median Usual Weekly Real Earnings: Wage and Salary Workers: 16 Years and Over. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/LES1252881600Q> (accessed 22.05.2021).

последствия так и не преодоленной расовой сегрегации (стоимость активов домохозяйств афроамериканцев в среднем в 10 раз ниже, чем у белых)³; фиксируется мировое лидерство по числу заключенных в расчете на душу населения⁴ и т.д., и т.п. Стоит отметить, что в западных обществах сама по себе риторика *недостойного правления* до недавнего времени являлась одним из ключевых элементов обеспечения публичной ротации элит. Однако в последние годы она все чаще становится фактором дестабилизации, когда обнаруживается, что смена политиков под аккомпанемент этой риторики в ходе выборов *политических спектаклей* не меняет существенным образом состав властных элит, а тем более не затрагивает долгосрочных интересов ведущих экономических кланов и корпораций. Одно *недостойное правление* сменяется на другое, не предлагая реальных политических альтернатив устоявшемуся режиму власти с гегемонией крупных собственников, маскируемому под представительную демократию.

В этих условиях риторика *недостойного правления* и вытекающий из него дискурс *гражданского ремонта* и *цветных революций* начинают выглядеть как пятое колесо в телеге. Они все чаще становятся неадекватны теоретически и дисфункциональны практически в объяснении наблюдаемых конфликтов и закономерностей. Даже если допустить, что мейнстримные теории окончательно не теряют теоретической значимости, то они, как минимум, становятся пригодными к критическому анализу в равной мере как западных, так и западных *демократических* политических режимов. И те, и другие превращаются в разновидности *дефектных демократий*, которые можно бесконечно *ремонтить*, но все более негодными и деструктивными средствами [Фишман 2019]. Поэтому российское *недостойное правление* (при всей справедливости фиксации фактических *дефектов и отклонений*) предстает выборочной и конъюнктурной концепцией, взятой в отрыве от сравнительного мирового контекста. Последний же демонстрирует не *превосходящие достоинства*, но наличие все тех же структурных конфликтов и иерархий, что и российский политический порядок, снижение остроты которых несколько лучше (но не везде и не всегда) обеспечено институционально, процедурно и ресурсно.

Потеря привычных преимуществ в технологиях и экономическом росте, утрата контроля над глобальными рынками и союзниками, нарастающие дисфункции обращения доллара и евро, — все это есть следствие давления на Запад тех же фоновых глобальных вызовов и угроз (технологических, экономических, экологических, демографических, военных), которое испытывают и остальные сообщества современного мира. И на Западе эти вызовы и угрозы ведут сегодня к росту внутренней конфликтности, делают невозможным сохранение его прежних, привычных внеэкономических преимуществ, включая преимущества в области иерархии представлений о *должном* глобальном политико-экономическом порядке, олицетворением которого он пытается выглядеть. Мейнстрим теряет убедительность, которая была основана на *символе веры* в универсальный рынок, либерализм и демократию, воплощенные в самой онтологии западных обществ⁵.

³ Симбирский М. 2020. О расовой дискриминации в Америке. URL: <https://ed-glezin.livejournal.com/1231571.html> (accessed 22.05.2021).

⁴ The World Prison Brief. URL: https://www.prisonstudies.org/highest-to-lowest/prison_population_rate?field_region_taxonomy_tid=All (accessed 22.05.2021).

⁵ Более подробный критический анализ экономического мейнстрима осуществлен автором в цикле ранее опубликованных работ (см., например, [Мартыанов 2017а; 2017б]).

АЛЬТЕРНАТИВЫ МЕЙНСТРИМУ В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НОРМАЛЬНОСТИ: ВПЕРЕД В ПРОШЛОЕ?

Распад неолиберального мейнстрима, который комплиментарно описывает глобальную иерархию западной гегемонии, не обнаруживает тотального альтернативного языка описания. Хотя бы потому, что новые глобальные гегемоны еще не заявили о себе в полную силу, а Запад не настолько ослаб, чтобы резко потерять свое экономическое, военное и интеллектуальное влияние. Преодоление метанарратива либеральной Современности (Модерна) начинается с переоценки его достижений относительно предшествующего ему *Ancien Régime*. Неожиданно оказывается, что последний вовсе не был вытеснен полностью, но эффективно воспроизводится в ценностно-институциональном ядре Современности (Модерна).

Кризис западного мейнстрима проявляется в первую очередь в том, что все большую популярность приобретают архаизирующие метафоры описания современных обществ. Ренессанс метафор феодализма объясним тем, что угасание сакрального ценностного ядра Современности (Модерна) влечет естественную реакцию поиска нового трансцендентного измерения там, где оно уже когда-то существовало. Разрушение сложившегося консенсуса относительно понятийных иерархий Современности (Модерна) ведет к росту популярности альтернативных аналитических моделей описания общества. Первоначально эти модели обнаруживают растущую релевантность по отношению к мейнстриму при описании *периферийных, отсталых и дефективных* обществ. Наблюдаемый в них зазор между должным и сущим поначалу описывается в виде модели *архаизации*, под которой понимаются практически любые отклонения в морали, идеологии и институциональной структуре актуальных обществ от рыночно-либерально-демократической Современности (Модерна) [Рябов 2008]. Однако введение в активный научный оборот альтернативных Современности (Модерну) моделей довольно быстро и неожиданно обнаружило, что эти метафоры отлично работают и в западных обществах, которые считались свободными от указанной архаичной онтологии. Например, В. Шляпентох одним из первых убедительно описал российское общество 1990-х годов в категориях и аналогиях европейского феодализма. Эта метафора позволила релевантнее и глубже проанализировать закономерности общественных процессов и объяснять институциональные механизмы принятия политических решений в условиях временного ослабления центральной федеральной власти [Шляпентох 2008]. Неофеодальные интерпретации оказались эффективней оперирования монокаузальными внешними объяснениями западного мейнстрима, сводившими все проблемы постсоветского общества лишь к *исполнительным* дефектам рынка, демократии и *плохой исторической колее*. Впрочем, дальнейшие исследования закономерно привели к пониманию того, что неофеодализм является более универсальной метафорой. Позже это с успехом проявилось при анализе реалий современного американского общества, несмотря на его традиционную уже мейнстримную интерпретацию как *идеального буржуазного общества*, свободного от наследия Средневековья [Shlapentokh, Woods 2011].

В результате в ходе сравнительных исследований под распадающейся социальной тканью Современности (Модерна) все чаще обнаруживается доброе старое Средневековье, которые окончательно никуда не уходило, повсеместно воспроизводя эффект колеи (*path dependence*) и до определенного времени нахо-

дядь в тени привилегированных метафор, легитимаций и ресурсных обменов, связанных с рынком [Kotkin 2020]. Аналогична ситуация и с концепцией *властесобственности* [Плискевич 2006; Пивоваров, Фурсов 2001], которая из способа объяснения институциональных отличий периферийных и отсталых обществ стремительно превращается в убедительное объяснение закономерностей политической регуляции институционального ядра *всех* современных обществ. В частности, Юрий Пивоваров и Андрей Фурсов в начале XXI в. утверждали, что “Русская Власть как моносубъект не нуждается в социальных классах, ей нужны турбулентные группы и рыхлые структуры... феномен Власти делает собственность функциональной, эпифеноменом, а именно по поводу собственности возникают классы” [Пивоваров, Фурсов 2001: 39]. Однако именно такая структурная ситуация классового распада наблюдается в мире в настоящее время, если заменить “Русскую Власть” на “Запад” или “глобальный порядок”. Причем не в виде культурно-исторического *исключения* или отдельного исследовательского кейса, но как всеобщая закономерность современных обществ, в которых рушится привычная социальная стратификация на экономические макроклассы и возникает множество “турбулентных групп и рыхлых структур” (креативный класс, прекариат, персоналиат, новые статусные сословия и рентные группы, поколения X, Z и т.д.), а также *восставших меньшинств* наподобие *BLM*. И политические (властные) критерии доступа новых социальных групп и меньшинств к общественным ресурсам все чаще оказываются важнее, чем располагаемая ими собственность и вытекающий из нее экономический (имущественный) статус.

Таким образом, разница между современными обществами в контексте воспроизводства властесобственности состоит лишь в риторике и второстепенных особенностях, в том, что в одних обществах чаще власть доминирует над механизмами контроля собственности, а в других контроль крупной собственности, как правило, выступает условием доступа к власти. Причем нигде не возникает *реальной автономии* одного от другого. В подобной же методологической логике выдержаны работы С. Кордонского о России как сословном обществе, согласно которым советское и постсоветское общество лишь мимикрировали под Современность (Модерн) на уровне своей институциональной *защитной оболочки*. В то же время реальные практики ресурсного и административно-территориального воспроизводства общества посредством государства, факторы его сословной стратификации и взаимодействия коллективных субъектов, а также механизмы принятия политических решений оставались относительно неизменными со времен Петра I, создавшего долгосрочную политическую модель централизованного российского государства [Кордонский 2008].

В последнее время метафору неофеодализма активно подхватили даже левые, плодотворно используя ее для объяснения перспектив посткапитализма в условиях роста глобального неравенства, когда элиты все активнее перераспределяют ресурсы в свою пользу, освобождаясь от привычных национальных механизмов эгалитарной, выравнивающей регуляции, связанных с прогрессивным налогообложением доходов и наследства [Дин 2019]. Вариации на тему неофеодализма выражаются в дополняющей ее концепции *неопатримониализма*. В ее рамках внимание акцентируется на способах воспроизводства политического порядка и взаимодействия элит, а также механизмах принятия и выполнения политических решений, связанных с последовательным *закрыванием* ключевых социальных групп, затрудняющим ме-

ханизмы мобильности и ротации, которые обеспечивались в СССР сквозными комсомольскими, партийными, силовыми и производственно-отраслевыми вертикалями. Частотный анализ употребления ключевых лексем показывает, например, что в российских политологических журналах “общая тенденция растущей популярности архаизирующих описаний российского общества и политики сохраняется, совпадая с общеязыковыми трендами, которые фиксируются через частотность соответствующей лексики в Национальном корпусе русского языка. Однако если в общеязыковом узусе преобладает медиевалистская терминология, что и фиксирует Национальный корпус, то политические исследования все более последовательно ориентируются на категориальный тезаурус неопатримониалистской модели” [Старцев 2019: 147].

Следует отметить, что концепции феодализма и патримониализма были выработаны уже после того, как стало считаться, что соответствующие типы социальных отношений преодолены либерально-капиталистической Современностью (Модерном). Эти концепции представляют собою апостериорные аналитические описания *Ancien Régime* с точки зрения вытеснившей его Современности (Модерна), которые имеют к тысячелетнему и многообразному историческому периоду европейского Средневековья достаточно поверхностное и условное отношение. Концепция феодализма удобна тем, что позволяет интерпретировать *Ancien Régime* как преодоленную историческую архаику в общей логике модели *нормы с отклонениями*, от противного легитимируя социальные, экономические и политические институты и практики Модерна. Эти искусственно сконструированные концепции не являются ни полноценной заменой неолиберальному мейнстриму, ни прорывом к *истинной* социальной онтологии, которую последний до недавнего времени успешно маскировал. Подъем метафор досовременной архаики обозначает переходное состояние системы идеологических координат. На место неолиберального мейнстрима, являющего все больше классификационных лакун, белых пятен и эмпирически подтверждаемых исключений, в первую очередь претендуют его поверженные исторические оппоненты, которых он, по сути, в свое время концептуально сконструировал как свою проклятую сторону. Соответственно в долгосрочной перспективе в схеме *нормы с отклонениями* последние могут заменить такую норму лишь временно и паллиативно, являясь ее неотъемлемой частью. Полноценная альтернатива мейнстриму вытеснит и *норму*, и усиливающиеся по отношению к ней *отклонения*.

Указанные трансформации понятийного аппарата общественных наук с запозданием фиксируют преобладающие тенденции, меняющие глобальную социально-политическую и экономическую онтологию современных обществ. Простые бинарные оппозиции капитализм/социализм, демократия/тоталитаризм, рынок/плановое хозяйство утратили убедительность и онтологическую референцию сразу же после конца биполярности и распада социалистического антагониста *свободного мира*. Глобальный мир превращается в дифференцированное пространство демократий, либерализмов и рынков с прилагательными. Это само по себе лишает мейнстрим сильных аргументов против своих оппонентов, представляющих в его собственной познавательной и идеологической перспективе уже не принципиально *другое общество*, но лишь его собственные вариации, хоть и менее совершенные, так как *нелиберальная, авторитарная, заблокированная, фасадная, элитарная, ограниченная, электоральная, частичная, олигархическая*

демократия — это тоже демократия. Поэтому воспроизводство бинарных оппозиций мейнстрима дрейфует из сферы науки в область социальной мифологии и символической политики, уже не образуя широкого консенсуса. Глобальное будущее все чаще предстает как многообразие возможных политических режимов, где демократия является всего лишь *одной из*, а не *единственно возможной* формой осуществления власти в логике *конца истории*. Функциональное ядро современных социальных порядков обнаруживает гораздо больше общего в своем функционировании, чем может показаться из обманчиво самоочевидных аксиом, изначально распределяющих современных общества по разные стороны жесткой моральной классификации: свобода/рабство, демократия/тоталитаризм, рынок/государство, труд/капитал, включающие/исключающие институты, выборы/назначения, открытый/закрытый доступ и т.д.

При более близком знакомстве оказывается, что все перечисленное есть в каждом современном обществе, только в различных пропорциях, не создающих их принципиальных различий для построения мейнстримных дифференциаций и иерархий. Более того, эти пропорции меняются в ходе истории, определяются практиками социальных коммуникаций, имеют значимую региональную специфику, зависят от места, сферы, уровня и цели социального взаимодействия и количества вовлеченных в него субъектов. Непонятны даже базовые эмпирические основания для определения современных обществ как *рыночных*, поскольку долгосрочной тенденцией последних 100–150 лет является неуклонный рост доли государственного сектора в ВВП, который увеличился в среднем с 10% ВВП в начале XX в. до 40–60% ВВП в большинстве национальных экономик начала XXI в. В современном Китае, совершившем невероятный экономический подъем, 63% ВВП генерирует госсектор⁶. И. Валлерстайн, обобщая ключевые выводы четырехтомной “Мир-системы Модерна”, отмечает, что ни одна из идеологий, составляющих либеральный консенсус (либерализм, консерватизм, социализм), не являлась “на практике антиэтатистской, хотя все они притворялись именно таковыми... центристский либерализм ‘укротил’ две остальные идеологии, трансформируя их в собственные фактические воплощения” [Валлерстайн 2016: 325]. Таким образом, ключевые современные идеологии были, прежде всего, инструментом *сборки*, легитимации и адаптации к централизованному национальному государству, которого еще 200 лет назад в привычном для нас виде не существовало.

Поэтому более точно современные *рыночные экономики* следовало бы определить как *экономики с преобладающим централизованным планированием и вариативной долей частного сектора*. О чем бы ни шла речь в публичном дискурсе, она всегда идет о борьбе граждан и различных социальных групп, составляющих политическое общество, за правила и объемы доступа к ресурсам. А ценности демократии, рынка, свободы, права на операциональном уровне одновременно являются процедурами, механизмами и факторами распределения ресурсов. И если в одном обществе превалируют государственные, а в другом рыночные механизмы обеспечения доступа граждан к жизненно важным ресурсам, то это не определяет политического характера общества исчерпывающим образом. Поскольку везде подобные инструменты распределения сосуществуют параллельно и не исключая друг друга. Речь идет лишь

⁶ Запольскис А. Десять лет, которые изменили Китай. — *Regnum*. 28.03.2019. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2600906.html> (accessed 22.05.2021).

об их соотношении, о пропорциях, сложившихся в конкретном обществе на данном этапе его существования.

Аналогична ситуация и с соотношением назначенных и избранных элит, гражданских свобод и обязанностей, индивидуальных и коллективных приоритетов, с динамикой взаимодействия большинства и меньшинств. Безусловно, в условиях исторического подъема рынка и представительной демократии регулятивные элементы феодализма и патримониализма отступают, особенно в публичной повестке. Однако расширяющийся доступ большинства к плодам рыночного экономического подъема вовсе не означает, что дистрибутивные и реципрокные обмены, а также патрон-клиентские и семейно-родственные связи исчезают за ненадобностью. Напротив, они могут быть весьма сильны в рамках внутриэлитных взаимодействий, равно как и в коммуникациях между представителями различных уровней социальной иерархии. Прежде всего, в тех многочисленных ситуациях, когда эти взаимоотношения осуществляются за рамками публичности, и когда они имитируют уступки требованиям технологической или управленческой (бюрократической) рациональности как будто бы находящейся вне исторического и социального контекста. Рынок, конкуренция и демократия существуют преимущественно во внешней среде семей/фирм/партий/институтов, но не внутри них. Там царит совсем другое — план, расчет, иерархия, дисциплина, патрон-клиентские интеракции и профессиональная компетенция бюрократии; все то, что мейнстрим пытается превратить в негативную политологическую характеристику для *отсталых* обществ, *недостойного* правления, *плохих* элит и *архаичных* политических институтов. И в этом заключено неразрешимое противоречие демократического, конкурентного, рыночного общества.

Серьезной методологической проблемой является невозможность перехода дискурса западного мейнстрима от представлений о гармонии политического порядка, вмененных *извне незападным обществам*, определяющих, *какими они должны быть*, — к *реальной* политико-экономической онтологии множества обществ, развивающихся в соответствии со своими собственными контекстами (культурными, историческими, географическими, экономическими), закономерностями и целеполаганием. *Прокрустово ложе* Запада в виде *нормы с отклонениями* все чаще перестает быть значимой целью (моральной, идеологической и институциональной), а внутренняя логика развития незападных обществ со всеми сопутствующими конфликтами и противоречиями приобретает самоценность *альтернативной нормы* вместо *отклонения*. В логике мейнстрима результаты исследований сводятся преимущественно к оценочной фиксации онтологических отклонений Незапада от *универсальных западных норм* как *травмы*, *патологии* и *несовершенства*. В подобной идеологической перспективе мейнстрим способен лишь на беспомощные ламентации: “что касается России, то она все больше оказывается обездвиженной внутренними и искусственно созданными здесь же противоречиями, что не позволяет двигаться ни вперед, ни назад, ни по ту сторону модерных дихотомий. Не до конца разрушившаяся империя, все прочнее застревающая в периферийной зоне, погрязает в незавершенных моделях, незаконченных деколонизациях, прерванных покаяниях, не доведенной до конца демифологизации сознания и, следовательно, стремится собрать воедино зачастую взаимоисключающие элементы, такие как национальный фундаментализм, суррогат советской,

неоимперской, неолиберальной и других идеологий, анахронизмы, эпистемологические несоответствия, которые столь характерны для сегодняшнего разлаженного механизма культурных процессов. Это сложное наложение и борьба различных конкурирующих форм эпистемологических колониальностей приводят к стагнации”⁷. Между тем в сравнительном контексте очевидно, что такова историческая изнанка не только России, но и любого другого *большого общества*. Поэтому в перечисленных выше многослойных *противоречиях* и *несовершенствах* нет никакой *российской* специфики, они характерны и для американского, французского, испанского и любого иного современного общества.

В действительности все перечисленные *социокультурные разрывы и травмы* прекрасно сосуществуют с принципами либерализма, демократии и рынка в любом политическом порядке. Ввиду этого все попытки выстроить иерархическую классификацию современных политических порядков предстают бессмысленной редукцией, в рамках которой исключаящие друг друга члены бинарных оппозиций наделяются автономным существованием и размещаются в полярных обществах, условно, в раю и в аду. Впрочем, в динамической социальной среде современных обществ подобная задача не разрешима онтологически, а ее постановка преследует лишь идеологические цели. Соответственно паллиативный выход мейнстрима заключается в идеологическом, чрезвычайно избирательном и поверхностном взгляде на конкретные политические порядки, который с позиции реального познания этого общества является заведомо бессмысленным, хотя и способным морально легитимировать некие политические оценки, интересы и задачи с помощью конструкций *нормы с отклонениями*.

126

Наконец, моральной проблемой западного мейнстрима является негативное отношение к подавляющему большинству человечества. Монополия на обладание некой универсальной нормой превращается в санкцию на моральную нечувствительность ко всем наблюдаемым *отклонениям*. Но если большинство человечества не соответствует определенным представлениям о норме, то с точки зрения принципов демократии как власти большинства следует признать, что в глобальном измерении нормальным и естественным скорее является именно исключенное из нормы большинство обществ, которое мейнстрим готов рассматривать лишь в части их отклонений от реалий (зачастую тоже воображаемых) западных обществ. Дискурс *нормы с отклонениями*, в рамках которого большинство актуальных обществ предстают как *порочные с позиций либеральных ценностей*, структурно ничем не отличается от *миссии белого человека*, прекрасно сочетавшейся с рабством, геноцидом коренного населения и расовой политикой, цинично оправдываемых задачами *цивилизации отсталых варваров*. Моральные стандарты *нормальных обществ* свободно мутируют за их пределами в двойные стандарты, санкционирующие аморальные практики субъектов, наделивших себя функциями *прогрессоров* за пределами цивилизованного мира, где люди становятся расчеловеченной массой, рабочей силой, статистическими цифрами или чем-то неотличимым от природы, которую можно преобразовать любыми способами. Проблема в том, что объявленные нормой на разных этапах истории христианство,

⁷ Тлостанова М. Существует ли постсоветская мысль? О колониальности знания, внешнем имперском и двойном колониальном различиях. — *Гегфтер*. 23.09.2015. URL: <http://gefter.ru/archive/16006> (accessed 22.05.2021).

капитализм, прогресс, рынок, либеральная демократия никогда не становятся универсальными и всеобщими, а потому достижимыми для большинства. Наоборот, в итоге всегда оказывается, что норма была лишь *привилегией* или *исключением*, поэтому заведомо недостижима как идеал всеми *отклоняющимися* от нее. Более того, следование норме в изменившихся исторических условиях может со временем стать невыгодным или нежелательным даже для ее создателей и приверженцев.

К НОВОМУ МЕЙНСТРИМУ:

ГЛОБАЛЬНОЕ РЕНТНОЕ ОБЩЕСТВО В РЫНОЧНОЙ ОБОЛОЧКЕ?

Основания и научная истинность неолиберального мейнстрима, равно как и его польза для общественного блага, подвергаются интенсивной критике. Обнаруживается все более отчетливая связь его оснований с интересами конкретных сообществ и социальных групп. Усиливается процесс ценностной деуниверсализации неолиберальной версии консенсуса, осуществляемой в пользу немногих корпораций, классов и обществ. Это, в свою очередь, ставит под вопрос эффективность (во многом идеализированную) всех тех институтов и инструментов, с помощью которых достигается ограниченное благо немногих, попадающих в разряд привилегированных. В инструментарии достижения этой “эффективности” обнаруживаются и акции *принуждения к миру* (односторонние агрессии), и институт свободного рынка (обеспечивающий рост неравенства в пользу олигархии), и контролируемые процедуры демократии, в ходе которых согласно шумпетерианской модели элитаризма конкурируют и воспроизводятся одни и те же системные элиты.

В итоге оказывается, что *мейнстримные классификации* были в лучшем случае основаны на *противопоставлении дистрибутивного ценностно-институционального ядра и периферийной рыночной оболочки современных обществ*, которые в них ошибочно выдавались за принципиально различные типы обществ, экономик, политик и культур. *Идеологическое отрицание собственного ценностно-институционального ядра, базирующегося на механизмах властесобственности, наследственном воспроизводстве элит и активном распределении общественных ресурсов с помощью государства (и иными нерыночными способами), является ключевым противоречием неолиберального мейнстрима*. В худшем случае легитимация мейнстримных иерархий осуществлялась путем рыночно-либерально-демократических описаний современных обществ с акцентом на периферийные и второстепенные различия, демонстрируемые разнообразными рейтингами и индексами⁸, либо сугубо техническими дифференцирующими процедурами⁹, либо констатациями субъективных иерархий идентичности¹⁰.

Однако общие тенденции всех современных обществ под влиянием глобальных факторов и вызовов обнаруживают несомненное сходство сущност-

⁸ Предоставляющими количественные и сопоставимые для разных обществ показатели свободы, демократии, конкуренции, инноваций, привлекательности и т.п.

⁹ Проводящими качественное различие по критериям числа конкурирующих партий и кандидатов на выборах, доли обновления депутатского корпуса, явки избирателей, наличия или отсутствия референдумов, продолжительности пребывания высших должностных лиц у власти, распространения механизмов прямой демократии и т.д., и т.п.

¹⁰ Базирующихся на распространенности суждений типа: “...Мы живем в свободном, справедливом, прогрессивном, рыночном и демократическом обществе, а они — нет”.

ных и долгосрочных трансформаций как *нормативных*, так и *отклоняющихся* обществ в эволюции принципов их стратификации, направлений изменения структуры экономики, роли государства, демографических трендов и т.д. Важнейшей проблемой глобальной стабильности становится сохранение либерального консенсуса, ориентированного на всеобщие и универсальные ценности. Рост значимых локальных политических субъектов, пользующихся правом *наделения ценностным содержанием* или *обесценивания* тех или иных целей, институтов, практик ставит под вопрос сохранение выработанных ранее форматов достижения/сохранения/изменения либерального консенсуса даже внутри самих западных обществ. Если ранее действенными способами признания и получения доступа к ресурсам для политических субъектов и социальных групп были публичные практики присоединения/вхождения в базовый либеральный консенсус, то в настоящее время эту функцию все эффективнее выполняют практики *исключения* из либерального консенсуса. Например, если с помощью ценностной валоризации политические субъекты могут обосновать свою *культурную исключительность*, то их место в иерархии доступа к ресурсам будет только возрастать. Это парадоксально антагонизирует с практиками раннемодерного общества, публичное пространство которого определялось *борьбой за равенство как универсализацию*, т.е. как признание равными тех, кто не включен в первоначальную версию либерального консенсуса, но готов на условии такого включения “пренебречь” своей традиционной идентичностью (бедные, женщины, меньшинства, другие расы, этносы, религии и т.д.).

Таким образом, ключевые вопросы о будущем связаны с вероятностью распада либерального консенсуса как ценностной основы современных обществ: сохранит ли он свою универсальность и обновит ли эгалитарные принципы и практики, либо будет делегитимирован и деконструирован нарастающим валом исключений и неравенств. В этом последнем случае, если либеральный консенсус перестает быть привычным ценностным фундаментом, на котором строится публичная коммуникация по поводу распределения общественных ресурсов, на каких же альтернативных принципах могут быть основаны и она, и в целом новый политический порядок? Очевидно, что соответствие этих идейных оснований критериям демократии, либерализма и рынка понизится. В подобном контексте неудивительно, что дискутируемые функциональные основания легитимности политического и экономического порядка все реже связаны с выработкой универсалий для большого современного общества и все чаще — с коллективностями более низкого уровня.

Это позволяет говорить о тенденции укрепления относительно закрытых сословно-феодальных социальных структур. В них базовые возможности, права и обязанности людей определяются не только наличием гражданства и политических прав, но и положением в иерархической социальной структуре, которая сама по себе закрепляет *справедливые неравенства* разных общностей (сословия, корпорации, ведомства, территориальные сообщества и т.д.) по отношению друг к другу внутри *большого общества*. Проблема в том, что ставка на уникальность и эссенциализм групповых ценностей эффективно работает только на противопоставлении и за счет распада универсальных ценностей либерального консенсуса: *стратегии исключения* и *легитимации от противоположного* предполагают наличие широко признаваемых ценностей, закономерностей и правил политического порядка *большого общества*. Коллективный Запад из

нормативного олицетворения либерально-демократического конца истории, к которому вскоре присоединится все остальное человечество, стремительно эволюционировал в *исключительность*, со временем ставшую *исключением* на фоне поднимающихся незападных центров притяжения, тех *естественных государств*, в которые включено подавляющее большинство человечества.

В революционной перспективе деуниверсализация либерального консенсуса, пределы глобального роста и падение влияния Запада могут изменить саму систему идеологических координат. В этом случае фальсифицируются многочисленные морально-идеологические дихотомии мейнстрима. Глобальный кризис рано или поздно закончится установлением высших ценностных оснований для нового политического порядка. Представляется, что после подобного перехода уже не пригодятся инструментальные и промежуточные ценности, актуализируемые в концепциях неофеодализма и неопатриониализма и выполнявшие функции критической рефлексии либерального консенсуса наряду с теориями постмодерна, посткапитализма, трансгуманизма и иными концепциями будущего, не формирующими тотализирующую альтернативу либерализму.

DOI: [10.17976/jpps/2021.04.09](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.09)

IN SEARCH OF ANOTHER MAINSTREAM

V.S. Martianov¹

¹ Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg, Russia

MARTIANOV, Victor Sergeyevich, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Director, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, email: martianov@instlaw.uran.ru

Martianov V.S. In Search of Another Mainstream. — Polis. Political Studies. 2021. No. 4. P. 112-131. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.09>

Received: 07.12.2020. Accepted: 17.02.2021

Abstract. The “end of history” actually turned out to be the beginning of the end for the global hierarchy of the West, centered around societies which identified themselves as liberal market democracies. At present, one can observe a consistent weakening of Western economic, political, and military hegemony, accompanied by the rise of non-Western centers of power. The world is again moving towards conflict multipolarity, and this movement is determined by a number of background factors affecting all contemporary societies. This is the achievement of several factors: the limited capacity of global markets alongside the model of endless economic growth, the crisis of societies’ class stratification, the strengthening of inequality, and the crisis of social policy focused on the labor and military usefulness of citizens. These changes allow us to formulate two interrelated theses developed in the article. The first thesis is that the globally changing economic and political ontology, which can be described as the rental turn, no longer can be convincingly described from the mainstream perspective, one of the main tasks of which was to ideologically legitimize Western hegemony. The second thesis is that the concepts of contemporary societies – running alternative to the neoliberal mainstream – that do not reveal in them the qualitative political, economic, and cultural differences lying at the foundation of the intellectual and institutional hierarchies are becoming increasingly relevant. Alternative descriptions are built primarily on the reassessment of capitalism, democracy, and market exchanges as an indispensable core of modernity, framed in the form of the liberal consensus. Under the public ideological variations of the liberal consensus, hidden mechanisms can be found, revealing themes of power-ownership, rent-seeking behavior, oligopolies, inherited power, and economic policy, far from the principles of self-regulated market competition. The neoliberal mainstream continues to classify these trends as archaic, traumatic, and unworthy deviations that need to be brought back to normal. The paradox is that liberal democracy itself ceases to be the norm, turning into a specific ideal of the political system, less and less attainable even in Western societies, where this ideal was considered to be realized in practice. The article proves the fallacy of the negative moral

assessments of trends inconvenient to the mainstream. It is argued that fundamental changes, initially assessed within the narrow framework of liberal market modernity as archaic (neo-feudalism, neo-patrimonialism, rent-estate society), will only increase ontologically. They will lead to the formation of a new consensus among researchers about the value-institutional economic and political normality of 21st century societies against the background of reaching the natural limits of capitalism and leveling Western hegemony. The new normality appears as a rent-estate society in an adaptive market shell, differing only in its relative thickness.

Keywords: mainstream, liberal consensus, hegemony of the West, limits of growth, multipolar world, legitimization, rent society, neo-feudalism, neopatrimonialism, soft power.

References

- Collier D., Levitsky S. 1997. Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research. — *World Politics*. Vol. 49. No. 3. P. 430-451. <https://doi.org/10.1353/wp.1997.0009>
- Hale H.E. 2005. Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia. — *World Politics*. Vol. 58. No. 1. P. 133-165. <https://doi.org/10.1353/wp.2006.0019>
- Jameson F. 1971. *Marxism and Form: Twentieth Century Dialectical Theories of Literature*. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 432 p.
- Kotkin J. 2020. *The Coming of Neo-Feudalism: A Warning to the Global Middle Class*. New York, N.Y.: Encounter Books. 288 p.
- Shlapentokh V., Woods J. 2011. *Feudal America: Elements of the Middle Ages in Contemporary Society*. University Park, PA: Pennsylvania State University Press. 184 p.
- Shleifer A., Treisman D. 2005. A Normal Country: Russia after Communism — *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 19. No. 1. P. 151-174. <https://doi.org/10.1257/0895330053147949>
- Derlug'yan G. 2009. Stabilizatsionnaya politsistema v poiskakh dinamizma? [A Stabilizing Political System in Search of Dynamism?]. — *Pervyi ezhegodnyi Doklad Instituta obshchestvennogo proektirovaniya "Otsenka sostoyaniya i perspektiv politicheskoi sistemy Rossiiskoi Federatsii v 2008 godu — nachale 2009 goda"* [The First Annual Report of the Institute of Public Design "Assessment of the State and Prospects of the Political System of the Russian Federation in 2008 — Early 2009]. Moscow: Institut obshchestvennogo proektirovaniya. P. 13-32. (In Russ.) URL: http://www.inop.ru/files/Doklad_2009_mr.pdf (accessed: 22.05.2021).
- Dean J. 2019. Communism or Neo-Feudalism? — *Logos*. Vol. 29. No. 6. P. 85-116. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2019-6-85-114>
- Fishman L.G. 2019. Boomerang Comes Around? — *Svobodnaya Mysl (Free Thought)*. No. 1. P. 15-23. (In Russ.)
- Gel'man V. 2019. *Nedostoinoe pravlenie. Politika v sovremennoi Rossii* [Bad Governance: Politics in Modern Russia]. Saint Petersburg: EUSP Press. 254 p. (In Russ.)
- Kordonskii S.G. 2008. *Soslovnaya struktura postsovetsoi Rossii* [The Estate Structure of the Post-Soviet Russia]. Moscow: Institut Fonda Obschestvennoe Mnenie. 216 p. (In Russ.)
- Koshovets O.B., Orekhovsky P.A. 2018. Structuralist Revolution and Transformation of Economics: From Science to Fairy Tale. — *Social Sciences and Contemporary World*. No. 5. P. 143-157. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S086904990000392-3>
- Martianov V.S. 2017a. The Political Limits of "Homo Economicus". — *Social Sciences and Contemporary World*. No. 2. P. 104-118. (In Russ.)
- Martianov V.S. 2017b. The Capitalism, Rent and Democracy. — *Journal of Institutional Studies*. Vol. 9. No. 1. P. 51-68. (In Russ.) <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2017.9.1.051-068>
- Mills C.W. 2007. The Power Elite. (Russ. ed.: Mills C.W. *Vlastvuyushchaya elita*. Moscow: Directmedia Publishing. 844 p.).
- Pivovarov Yu., Fursov A. 2001. "Russian System" as an Attempt to Understand Russian History. — *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 37-48. (In Russ.)
- Pliskevich N.M. 2006. "Power-Property" in Modern Russia: Emergence and Possible Mutations. — *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. Vol. 15. No. 3. P. 62-113. (In Russ.)
- Ryabov A. 2008. Revival of the "Feudal" Archaic in Modern Russia: Practice and Ideas. — *Series "Working Materials" of the Carnegie Moscow Center*. No. 4. 16 p. (In Russ.) URL: https://carnegieendowment.org/files/WP_4_2008.indd.pdf (accessed: 22.05.2021).
- Shlapentokh V. 2008. Contemporary Russia as a Feudal Society: a New Perspective on the Post-Soviet Era. (Russ. ed.: Shlapentokh V. *Sovremennaya Rossiya kak feodal'noe obshchestvo. Novyi rakurs postsovetsoi ehpokhi*. Moscow: Capital-print. 364 p.).

Startsev Y.Yu. 2019. Neo-feudalism or Neopatrimonialism? Quantitative Analysis of the “New Middle Ages” Conceptualizations in Political Science. — *Vox medii aevi*. Vol. 2(5). P. 127–149. <https://doi.org/10.24411/2587-6619-2019-00017>

Vakhrusheva E.A. 2016. *Politicheskaya filosofiya Fredrika Dzheimisona* [The Political Philosophy of Fredrik Jameson]. Dissertation for the Degree of Candidate of Political Sciences. Ekaterinburg: Institute of Philosophy and Law, Russian Academy of Sciences, Ural Branch. 157 p. (In Russ.)

Wallerstein I. 2003. After Liberalism. (Russ. ed.: Wallerstein I. *Posle liberalizma*. Moscow: Editorial URSS. 256 p.).

Wallerstein I. 2004. The End of the World As We Know It: Social Science for the Twenty-First Century. (Russ. ed.: Wallerstein I. *Konets znakomogo mira: Sotsiologiya XXI veka*. Moscow: Logos. 368 p.).

Wallerstein I. 2016. The Modern World-System. Vol. IV: Centrist Liberalism Triumphant, 1789–1914. (Russ. ed.: Wallerstein I. *Mir-sistema Moderna. Vol IV. Triumf tsentristskogo liberalizma, 1789–1914*. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science. 496 p.).

Литература на русском языке

Валлерстайн И. 2003. *После либерализма*. М.: Едиториал УРСС. 256 с.

Валлерстайн И. 2004. *Конец знакомого мира: Социология XXI века*. М.: Логос. 368 с.

Валлерстайн И. 2016. *Мир-система Модерна. Том IV. Триумф центристского либерализма, 1789–1914*. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 496 с.

Вахрушева Е.А. 2016. *Политическая философия Фредрика Джеймисона*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Екатеринбург: ФГБУН Институт философии и права УрО РАН. 157 с.

Гельман В.Я. 2019. “Недостойное правление”: политика в современной России. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 254 с.

Дерлугьян Г. 2009. Стабилизационная политсистема в поисках динамизма? — 1-й ежегодный Доклад Института общественного проектирования “Оценка состояния и перспектив политической системы Российской Федерации в 2008 году — начале 2009 года. М.: АНО “Институт общественного проектирования”. С. 13–32. URL: http://www.inop.ru/files/Doklad_2009_mr.pdf (accessed: 22.05.2021).

Дин Д. 2019. Коммунизм или неофеодализм? — *Логос*. Т. 29. № 6. С. 85–116. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2019-6-85-114>

Кордонский С.Г. 2008. *Сословная структура постсоветской России*. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”. 216 с.

Кошовец О.Б., Ореховский П.А. 2018. Структуралистская революция и метаморфозы экономической теории: от науки к сказке. — *Общественные науки и современность*. № 5. С. 143–157. <https://doi.org/10.31857/S086904990000392-3>

Мартыанов В.С. 2017а. Политические пределы homo economicus. — *Общественные науки и современность*. № 2. С. 104–118.

Мартыанов В.С. 2017б. Капитализм, рента и демократия. — *Журнал институциональных исследований*. Т. 9. № 1. С. 51–68. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2017.9.1.051-068>

Миллс Р. 2007. *Властвующая элита*. М.: Директмедиа Паблишинг. 844 с.

Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И. 2001. “Русская Система” как попытка понимания русской истории. — *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 37–48.

Плискевич Н.М. 2006. “Власть-собственность” в современной России: происхождение и перспективы мутации. — *Мир России. Социология. Этнология*. Т. 15. № 3. С. 62–113.

Рябов А. 2008. Возрождение “феодальной” архаики в современной России: практика и идеи. — *Серия “Рабочие материалы” Московского центра Карнеги*. № 4. 16 с. URL: https://carnegieendowment.org/files/WP_4_2008.indd.pdf (accessed: 22.05.2021).

Старцев Я.Ю. 2019. Неофеодализм или неопатримониализм? Количественный анализ политологической концептуализации “нового Средневековья”. — *Vox medii aevi*. Vol. 2(5). С. 127–149. <https://doi.org/10.24411/2587-6619-2019-00017>

Фишман Л.Г. 2019. Бумеранг возвращается? — *Свободная мысль*. № 1. С. 15–23.

Шляпентох В. 2008. *Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эпохи*. М.: Столица-принт. 364 с.

DOI: [10.17976/jpps/2021.04.10](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.10)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ СВОБОДЫ В ХРИСТИАНСКОЙ АКСИОЛОГИИ РЕСПУБЛИКАНИЗМА

Г.Т. Сардарян

САРДАРЯН Генри Тигранович, доктор политических наук, декан факультета управления и политики, МГИМО МИД России, Москва, email: sardaryan.mgimo@gmail.com

Сардарян Г.Т. Политическая философия свободы в христианской аксиологии республиканизма. — Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 132–147. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.10>

Статья поступила в редакцию: 14.12.2020. Принята к публикации: 28.04.2021

Аннотация. В статье рассматриваются христианские религиозно-культурные основы идей республиканизма посредством анализа классической и современной политической философии. Центральным вопросом является возможность считать республику универсальной формой правления, для реализации которой достаточно должного конституционно-правового регулирования политического процесса, либо же ее рассмотрение в призме зависимости от культурно-ценностных парадигм, порождаемых религиозным наследием. С этой целью проводится анализ сущностного содержания идейно-теоретических основ республики, сопоставляемых с христианской религиозно-культурной традицией. Отражены самые различные подходы к пониманию как целеполагания республики в целом, так и ее составных институтов. Ключевая задача — изучить место и роль идей и ценностей в формировании государственных институтов, проследив влияние религиозно-культурного фактора на формирование общественного консенсуса по вопросам конфигурации устройства государственной власти, рассмотрев, в итоге, какова роль христианства в становлении современного идейно-теоретического базиса республиканизма и его ключевой идеологии — свободы. Автор приходит к выводу, что республика невозможна без осознания обществом своей субъектности, наличия общих интересов, которые могут превалировать над частными, и необходимости жертвовать индивидуальными благами во имя общего дела, определяемого общественной аксиологией. Все это составляет идеи христианства, что делает его возможным истинным источником современной республиканской модели. Ярким примером тому является центральная тема республиканизма — свобода, которая традиционно отождествляется в классических трудах с “нерабством”. Однако негативная концепция, т.е. восприятие свободы как “нерабства”, слишком расплывчата и не дает никакого понимания о сущности того, что представляет собой свобода как самостоятельная категория. Без цели, смысла и идейной сущности свобода как “нерабство” представляет собой рабовладение. Для преодоления этого противоречия необходимо выйти за рамки негативной концепции свободы и дихотомии рабовладелец/раб. Без христианства западная форма республиканской идеи прав человека лишена философского фундамента для аксиологии свободы. Планомерное же уничтожение христианского религиозно-культурного наследия способно привести к лишению республики ее идейно-теоретического базиса, а впоследствии и к дисфункциональности ее ключевых институтов.

Ключевые слова: республиканизм, христианство, свобода, аксиология, институты.

Подавляющее большинство современных государств являются республиками по своей форме правления. При этом лишь немногие из них обладают политической культурой, способствующей функционированию институтов республиканизма. Ошибочное восприятие республики как “не монархии”, предполагающее, что любая система политического устройства, которая зиждется на выборности и формальной сменяемости власти, уже может считаться “общим делом”, не оправдывает себя в современных условиях.

Позитивистское стремление к техническому улучшению конституционно-правовых норм, либо механизмов функционирования республики не наполняет необходимым содержанием ее модели в тех странах, где не только ее идеалы, но и целеполагание не находят общественного консенсуса. Республика не создавалась в Античности, возрождалась в Средневековье и воссоздавалась в современности для того, чтобы обеспечить несколько механизмов формирования и деятельности органов государственной власти. Это, скорее, является средством для достижения глубинных целей республики — в первую очередь, ее представления о свободе.

Фундамент республиканского целеполагания составляет христианская аксиология, построенная на идее равенства людей, наличия у них неотъемлемых прав и примата общего блага, основанного на готовности жертвовать частным ради общего. Лишение социума данной ценностной парадигмы способно привести к кризису всего идейно-теоретического базиса западной модели республики, впоследствии вызвав и дисфункциональность ключевых государственных институтов. С данной целью представляется необходимым рассмотреть место и роль идей и ценностей в формировании государственных институтов, проследив влияние религиозно-культурного фактора на формирование общественного консенсуса по вопросам конфигурации устройства государственной власти, рассмотрев, в итоге, какова роль христианства в становлении современных идейно-теоретических основ республиканизма и его ключевой идеологемы — свободы.

133

ИДЕИ И ГОСУДАРСТВО

Известные нам труды мыслителей, интересующихся вопросами политики, неустанно задавались вопросом, на который не найден ответ и по сей день — почему и как возникло государство? Разброс теорий [Gruhn 2015] на сей счет столь велик, что фактором и причиной становления государственности считается все — от интенсивности лучей солнца и наличия лошадей до степени вероятности вооруженного конфликта и характера семейных отношений в обществе [Petersen, Skaaning 2010]. Жан-Жак Руссо, как и Георг Гегель, отводит фундаментальную роль желанию признания в порождении социального конфликта. Он различает два типа признания — уважение и почтение, утверждая, что общество должно гарантировать удовлетворение требований обоих типов признания [Rousseau 1997]. Чарльз Тейлор различает три формы признания, говоря о “политике универсализма”, которая направлена на равное признание всех людей в их общей человечности, “политике различия”, подчеркивающей уникальность специфических и особенно культурных особенностей, а также признании конкретной индивидуальности [Taylor 1992]. Ханна Арендт и Мишель Фуко концентрируют внимание на соотношении власти и насилия, так как для Арендт власть создается и поддерживается

коммуникативными практиками, будучи противоположностью насилия, так как оно может только разрушать [Arendt 1969], в то время как концепция Фуко допускает определяющую роль насилия в генерации власти [Foucault 1983].

Властные отношения свойственны и необходимы человеку настолько, что в наиболее сложно устроенных политических системах он соглашается на подчинение системе абстрактных учреждений, представляющих собой группу идентичных ему людей, которые обладают собственным административным ресурсом именно из-за консенсусного представления населения об их принадлежности к отдельной категории граждан. Подобный подход можно отнести к конструктивизму, при условии его различения от того, что Фридрих Хайек относит к “конструктивистскому рационализму”, связывая его с философией Рене Декарта и Просвещения, характеризуя верой в социально автономный человеческий разум, способный конструировать цивилизацию и культуру, радикальным отказом от традиций и общепринятого поведения, склонностью к анимистическому или антропоморфному мышлению и требованием рационального обоснования ценностей. Он говорит о том, что ядром конструктивизма является требование освобождения от всех предрассудков убеждений, которые не могут быть рационально оправданы, что заставляет конструктивистов приписывать происхождение социальных институтов рациональному замыслу [Hayek 1965].

Структуры власти, скорее, представляют собой плод абстрактного мышления человека и существуют на базе общественного консенсуса, который может формироваться самыми различными способами, но в его отсутствие разветвленная система органов государственной власти будет малофункциональной. Речь идет именно об общественном, групповом консенсусе, в контексте конструктивистского подхода, предполагающего, что смыслы развиваются в координации с другими, а не отдельно внутри каждого человека. Есть лишь идеи о министерствах, службах, агентствах, принимая которые, мы как социум становимся частью властных отношений. Способность создавать и принимать подобные идеи есть то, что отличает людей от любого иного живого существа — абстрактное мышление.

Здесь, кстати, также кроется ответ на еще один вопрос — являются ли ценности общества совокупностью ценностей составляющих его индивидов или отдельной субстанцией? В XX в. была известна дискуссия на данный счет между Ирвингом Гоффманом и Говардом Беккером, которые придерживались диаметрально противоположных взглядов, и если первый считал, что ценности имеют социальное происхождение [Goffman 1959], то второй утверждал, что общество состоит из отдельных людей, которые максимизируют свои цели в стратегической социальной среде [Becker 2007]. Рассматривая данные точки зрения, приходится констатировать, что индивид может в отдельности не принимать идей и ценностей политической системы, однако от этого их действие в его отношении не прекращается. Лишь когда важные группы социума (элита, многочисленные социальные классы, интеллектуалы) перестают воспринимать сложившиеся идеи как единственно возможную модель, происходит их кризис, сопровождающийся радикальными переменами. Некоторые ученые, в частности, Стивен Люкс, призывают не сводить власть исключительно к деятельности государственных органов, выделяя три ее измерения — власть принимать решения, определяемую посредством политических предпочтений,

выявляемых в ходе политических действий; власть, не связанную с принятием решений, которая определяет повестку дебатов и делает определенные вопросы неприемлемыми для обсуждения, а также идеологическую власть, позволяющую влиять на желания и мысли людей, заставляя их хотеть вещи, противоречащие их собственным интересам [Lukes 1974].

Очевидно, что сущность идей будет оказывать воздействие на конфигурацию государственно-властных отношений, и чем более абстрактна и сложна эта идея, тем меньше вероятность установления диктатуры. Если есть идея о премьер-министре как институте, то само лицо, занимающее эту должность, не будет представлять большой важности. Если же она становится синонимична [McGraw, Dolan 2007] имени и фамилии человека, занимающего ее, то и представить их друг без друга становится практически невозможно.

Таким образом, убеждения и ценности общества как отдельного субъекта способны формировать действенные, долговечные модели согласия населения [Flamigni 2015] относительно того, как будет осуществляться власть в его отношении. И если готовые модели, такие как республика и монархия, нельзя распространить на все страны в мире, то понимание их генезиса и социальных основ [DeHart 2012] в ареале возникновения представляется не просто возможным, но и необходимым.

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ АКСИОЛОГИЯ

Республику все больше представляют в качестве универсальной модели организации государственной власти, наделяя ее способностью к успешному функционированию в любой стране мира, что потребует лишь принятия аналогичных законов, которые ограничат власть правящей элиты теми институтами, которыми известна данная форма правления. В данной концепции условия исторического развития государства, ценности его населения и убеждения граждан предстают абсолютно нерелевантными. Однако сложившиеся системы организации государственной власти в различных странах и регионах демонстрируют, что республика в ее западной идейно-теоретической модели функционирует только в определенной группе стран, что придает особое значение и важность ее происхождению и устройству социума, в котором функционирует данная форма правления.

До того, как рассмотреть сами республиканские традиции и убеждения, необходимо определиться с теми ценностями, которые формируют культуру, ведущую к возникновению республики и ее институтов. Несмотря на технологический процесс и всеобщую цифровизацию, современный мир оказывается все больше погружен в аксиологические споры и противостояния. Там, где должна действовать буква закона, все чаще появляется дух ценностей, которые оказываются важнее и создают почву для недоверия между людьми и регламентирующим их жизнь правом. Ярким примером являются страны Африки, либо исламские государства, которые формально признают примат международно-правового регулирования статуса личности, ее права и свободы; впрочем, приверженность населения нормам шариата и их реализации в повседневной жизни вносят очевидный диссонанс между конституционно-правовыми нормами и реальной жизнью в этих государствах.

Ценности принципиально отличаются от инстинктов, которые заложены в человеке природой и отражаются на характере его поведения в самых раз-

ных условиях, но, тем не менее, базируются на рациональном начале. В связи с этим часто распространяемый тезис о том, что в фундаменте всех мировых, а в особенности авраамических религий в целом лежат одни и те же ценности, зачастую оказывается не столь однозначным. Общества, традиции и нормы поведения людей в различных социумах столь отличны друг от друга, что очевидным образом и ценности, лежащие в основе их представлений, зачастую очень сильно отличаются друг от друга.

Религии были упомянуты здесь не случайно. Безусловно, ценности могут формироваться под воздействием самых разных факторов. Известно, скажем, что географические особенности устройства государства, условия труда могут оказывать воздействие на модель семейной жизни [Gu 2021]. Однако большая часть теорий, объясняющих истоки ценностных систем, выводит на первый план те убеждения, которые в большой степени подвержены антропогенному фактору.

Религиозные же догмы, в особенности в авраамических конфессиях, базируются на идее откровения, т.е. предполагают передачу правил поведения свыше. Человек в данном случае не является их творцом и лишь исполняет те правила поведения, которые были ниспосланы ему посредством обращения Бога к пророкам и другим действующим лицам событий, указанных в священных текстах данных религий. По этой причине у этих ценностей столь глубокий характер, способность оказывать воздействие на возникновение социальных, а затем и политических институтов. Религия создает метаобразы, которые становятся олицетворением этичности и идеала, к которому необходимо стремиться человеку и обществу, даже если он недостижим.

136

Учитывая, что государство предстает объектом общественного консенсуса и опирается на ценности человека, является плодом его абстрактного мышления и должно коррелировать с его убежденностью относительно идеальной модели устройства общества, оно будет иметь под собой кардинально отличающиеся основания. Сами идеалы везде различны, ценности отличаются друг от друга в значительной степени, а наиболее распространенной формой правления оказывается республика. В самом узком смысле республикой можно считать форму правления, при которой высшая государственная власть формируется выборными представителями, избираемыми населением на ограниченный срок напрямую, либо посредством выборщиков, осуществляя свою деятельность в рамках механизмов разделения властей, сдержек и противовесов, принципов верховенства права и сменяемости власти. Где-то институты республики фальсифицируются, формально существуя, но в действительности не осуществляя своего непосредственного предназначения, где-то приобретают местное измерение [Crabtree, Kern, Siegel 2020], но очевидно, что между республикой в США, где глава государства не имеет права законодательной инициативы [Тама 2020], находится под постоянным давлением общественности и республикой, где президент делает частью школьной программы чтение книг собственного авторства, либо назначает собственную жену своим заместителем и называет улицы, города, школы и заводы в честь собственного отца — огромная разница.

Ни в одном международном акте не утверждается предпочтительный характер республики по сравнению с другими формами правления, что подтверждается вполне комфортным функционированием монархий в странах

Европы, Азии и Африки, в противовес демократии как политического режима, который не имеет альтернатив в глазах так называемого международного сообщества.

Необходимо отметить, что переход к монархии — не вопрос воли правителя. Монархия требует куда более высокой степени легитимности руководителя, при этом обеспечивая ее более прочный характер, так как население не просто должно согласиться на его правление здесь и сейчас, но и также заочно и заведомо признать в качестве всех будущих государей исключительно его потомство. Для этого необходимы не только элементы политического авторитета у претендента в момент его восшествия на престол, но и определенная сакрализация [Gray 2014], вера населения в особенность и избранность суверена. Монархию достаточно легко свергнуть, но восстановить или создать с нуля — задача сверхсложная. У монархий в западных странах были также и глубокие институциональные корни, связанные с Римско-католической церковью: многие ученые, такие как Квентин Скиннер, рассматривают Святой Престол как исторически сложившуюся конституционную монархию [Skinner 1978]. Таким образом, монархии имеют под собой большой пласт сакральной идейно-теоретической базы, которая не позволяет учреждать ее исключительно по воле населения.

Республика же предполагает возможность совершения населением ошибки, пересмотра собственного мнения и изменения обстановки, так как вся концепция реально действующего республиканского правления предполагает, что у власти может оказаться столь некомпетентный человек, что будет необходимо не допустить никаких изменений с его стороны. Однако важнее то, что республика предоставляет более простой способ легитимации власти — выборы. Новому главе государства нет необходимости доказывать свое происхождение от древних шумер или Меровингов, убеждать население доверять все будущее государства своей генетике и настаивать на особой роли между людьми и Богом [Weiss 2002].

При всей условности попыток распространения современных категорий монархии и республики на исторические аналогии, проведение параллелей все же позволит понять природу данных институтов. Республика появляется значительно позже монархии. Она требует более сложной институциональной организации и опирается на более разветвленную структуру государственных учреждений [Keeler 1993]. Древняя монархия имела в своей основе достаточно прямолинейное представление о государственной власти, которая должна была передаваться по наследству и концентрировалась вокруг воли правящего суверена. Впрочем, если посмотреть на институт монарха в Древнем Риме дореспубликанского периода, то как его выборность, так и более взвешенный характер взаимоотношений с населением не позволяет назвать его царем, по сравнению с древневосточными деспотиями.

Республика должна была решить для Рима те проблемы, которые привела с собой монархия — классовое расслоение и этническое неприятие этрусских царей, фактически захвативших власть с начала правления Луция Тарквиния Приска с 616 г. до н.э. Но, так как история царства известна нам из источников республиканского периода и многие поколения римлян опирались на официальную легенду и мифологию, важно, что в них речь не шла о рациональности, общественном договоре, эффективности правления. Предпочтение

было отдано противопоставлению аморальности монархии добродетельности республики.

Марк Тулий Цицерон в 51 г. до н.э. сформулировал предназначение и смысл республики [Morgan 2019], которые с точки зрения современной доктрины могут показаться архаичными, устаревшими, опирающимися на классовость и совершенно другое целеполагание.

Даже поверхностное изучение идей республиканизма у Цицерона позволяет определить целеполагание этой формы правления в Древнем Риме. Интересы государства всегда должны быть превыше любых других. Распределение благ в государстве должно происходить таким образом, чтобы сначала удовлетворить все потребности республики, а лишь затем частных лиц. Собственность должна принадлежать тому, кто способен извлекать из нее пользу, а страной, соответственно, должны править те, кто способны делать это максимально эффективно.

Полностью базируясь на классовых представлениях об устройстве общества и власти, античная республика была призвана решить один вопрос — создать механизм для канализации протеста плебса, сохранив при этом реальную власть в руках элиты. Концепцию античной республики часто пытаются представить как источник современной формы правления. С этой целью принципы и фундаментальные идеи античных философов часто вырываются из контекста, чтобы соответствовать либеральным представлениям об устройстве государства [Paulson 2014]. Скажем, Цицерон говорит о равенстве прав и обязанностей в обществе, но он имеет в виду право на власть магистратов, влияние совета первенствующих людей и достаточность свободы у народа [Jed 2012].

Ключевым значением в трудах Цицерона обладает тезис о том, что в основе общественного и государственного устройства лежат ценности, в первую очередь приобретенные обществом, более того, являющиеся именно общественными, а не суммой индивидуальных убеждений.

***

Республика не синонимична демократии и не обязательно должна быть таковой, так как в отличие от расплывчатого характера народовластия “общее дело” вполне конкретно и фактически предстает механизмом недопущения концентрации ресурсов государств в одних руках, вне зависимости от личности — царя, аристократии или толпы.

Эпоха Возрождения, стремившаяся всеми средствами избавиться от влияния церковных структур, в качестве одного из путей избрала идеализацию Античности, провозгласив императив возвращения к дохристианскому идеалу, в том числе и в вопросах, затрагивающих сферу политического [Jurdjevic 2008]. Ведь если республика существовала до возникновения христианства, значит дух свободы и борьба с тиранией текут в крови европейцев по какому-то географически-климатическому принципу.

Однако, если республика — это набор идей, то они базировались на совсем другом наборе ценностей. Во времена великого Цицерона, завещавшего нам представления древних римлян о государстве, рабство было такой же нормой, как рассвет или закат. Продажа живого человека как вещи — нормой законодательства. Человеческие жертвоприношения, хоть и в исключительных случаях,

но находили место в вечном городе. Более того, и гладиаторские бои ничем от них не отличались, будучи излюбленным зрелищем для римской публики вплоть до 325 г. Именно тогда прошел Первый Вселенский собор в Никее, после которого Константин Великий издал эдикт, запрещающий гладиаторские бои. Несмотря на то, что он долгое время действовал лишь в восточных провинциях империи, а на западе они неоднократно возрождались, это было вызвано как раз силой инерции языческих традиций. Церковь же боролась с этой традицией до тех пор, пока император Гонорий окончательно не запретил гладиаторские бои в 404 г., находясь под впечатлением от того, как толпа растерзала монаха Телемаха, пытавшегося разнять двух дерущихся гладиаторов [Abrahamsen 2018].

Античная республика была создана для того, чтобы обеспечить правящей элите возможность преемственности, стабильности и предсказуемости, оградив ее от возможных нападков монарха и гнева бедных слоев населения. Этим она, безусловно, отличается от современной республики, чье изначальное целеполагание заключается в обеспечении равного доступа всех граждан к власти, обязательной выборности и сменяемости власти. Речь вовсе не идет о том, что древние римляне чем-то уступали современному человечеству. Вопрос скорее в том, является ли республика античным наследием, к которому вернулось западное общество, распространив его затем на другие регионы мира, либо же это следствие развития христианской культуры, сформировавшей институты в соответствии с собственной аксиологией.

В первом случае, если бы современная республика была исторической находкой философов и политических деятелей эпохи Просвещения и Возрождения, смахнувших с нее пыль христианской культуры, это означало бы ее универсальный характер. Ведь если Европа, в которой практически все население было христианским, сумела привести к жизни форму правления, базирующуюся на античной, дохристианской культуре, которая никак не зависит от ее религиозно-культурного наследия, то это сможет сделать любой социум — исламский, буддистский, конфуцианский и т.п. Сама же христианская культура никакого значения играть не будет, в политическом смысле ей может быть уготована роль субкультуры, но не более того.

Во втором же случае, если христианство является идейным фундаментом концепции республики в ее современном понимании, если в его догмах и принципах содержатся основы культуры, на которых будет покоиться идейно-теоретический базис власти, являющиеся воплощением общего дела, то лишь те народы и культуры, что имеют общее с христианскими мировоззрение, смогут сформировать у себя схожие системы. Более того, если сами же страны христианского наследия, в первую очередь Запада, продолжают систематически уничтожать культуру и цивилизацию путем запрета христианской символики, реализации социальной и образовательной политики, прямо противоречащих христианским ценностям и будут впредь сводить христианство к роли маргинальной субкультуры [Foret, Riva 2010], то сама государственность республик может оказаться под угрозой.

Если каждая политическая система — абстракция, основанная на убеждениях социума, составляющих его культуру, то сложно найти более устойчивые верования и традиции, чем те, что базируются на нечеловеческом факторе. Никто из пророков иудаизма, христианства и ислама не позиционировал себя

как источник норм. Они передавали ту информацию и те правила поведения, которые сами получили свыше. Соответственно, видоизменить их принципиальное содержание для человека было невозможно.

Любой закон может быть пересмотрен. Налог на один вид имущества может быть заменен иным, длительность воинских обязанностей может варьироваться в зависимости от обстоятельств — ведь эти нормы были установлены человеком, который в зависимости от окружающей действительности мог пересмотреть собственное решение и поменять правила.

Что же касается норм, установленных в религиозных доктринах — человек их поменять не в состоянии, так как в восприятии общества не он является их автором. Они и получают наиболее стойкое, фундаментальное и основательное значение в формировании ценностей социума. При этом очевидно, что нормы эти отличаются от религии к религии, зачастую выдвигая прямо противоположные принципы. Христианство было создано как религия маленьких общин, противопоставляющая себя власти римского императора. Ислам — как изначальный идейный базис халифата, который должен охватить весь мир. Христианство требует распределения, скажем, в форме субсидиарности, а ислам — централизации, в том числе когда речь идет о функционировании халифата как идеала государственного устройства. Христианство фиксирует разделение на светское и духовное, а ислам — соединяет их воедино. В конфуцианстве и буддизме данные вопросы находят иное звучание и форму отражения. В конфуцианстве нормы — это прецеденты, порожденные совершенномудрыми, а нормативность связана с ритуалом. Нормы буддизма — в проповеди Будды, адресованные всем культурам, в которых они интерпретируются. Так каким же образом в этих обществах может быть одна и та же система ценностей, позволяющая единообразно организовать структуру власти?

Различные политические культуры обладают своей значимостью, своими ценностями и институтами, которые формировались на протяжении столетий.

Ряд ученых, в попытке оправдать подобную политику, указывают на то, что республика, в действительности, не связана с христианским началом, приводя в качестве примера не только классические идеалы республиканства, но и главного автора неороманской школы, Никколо Макиавелли, который полагал, что, поскольку христианство прославляет смирение, это позволяет господствовать в мире нечестивцам. Он отдавал предпочтение языческой этике, возвышающей самосохранение, перед христианской этикой жертвенности, которую считал лицемерием [Korvela 2005]. Однако необходимо понимать, что та республика, о которой говорил Макиавелли, нереализуема априори, так как он зачастую превращает политику в технику удержания власти конкретным правителем, оправдывая, практически, любую линию поведения, которая позволяет ему сделать это. Современная же республика, тем не менее, базируется на нескольких иных началах, которые помимо рациональных устремлений имеют под собой и субъективное понимание общего блага, предполагающее готовность к той самой жертвенности со стороны граждан.

Кризис идейно-теоретических основ современной республики и его влияние на политическую действительность можно проследить во многих государствах Западной Европы. С одной стороны, уровень доверия граждан к политическим институтам падает от года к году, а с другой стороны, возни-

кают все более радикальные политические силы, которые ставят своей целью пересмотр всего, что считалось фундаментом идеологической доктрины данных государств после окончания холодной войны. Если добавить к этому тот факт, что все это происходит на фоне растущих демографических показателей у мигрантов из мусульманских стран, которых, по разным оценкам [Stonawski, Potančoková, Skirbekk 2016], к 2050 г. должно стать уже больше, чем местного населения в наиболее крупных государствах Европы, после чего они станут политически и культурно в большей степени похожи на те страны, откуда прибыли данные граждане, являющиеся носителями иной политической культуры, то очевидно, что можно с уверенностью говорить об остром кризисе в данной сфере.

Ни одна система не может быть устойчивой в условиях, когда нет трансцендентных принципов. При этом многие ученые ошибочно стремятся к нахождению таких ценностей и норм, которым можно было бы придать универсальный характер, сделав панацеей для становления республики. Скажем, наиболее яркие представители неореспубликанизма, К. Скиннер и Ф. Петит, всецело представляют республику как глобальную и универсальную модель для отправления власти. Широко распространен тезис о том, что после десятилетий дискуссий между деонтологическим либерализмом и коммунитаризмом, в особенности полемики Гегеля против Канта, очевидно, что “чистых процедур”, либо “конституций” в духе роллзовской “Теории справедливости”, не бывает вообще. Любая процедура неким образом укоренена в том, что Гегель называл *Sittlichkeit* — “нравственностью”.

Уже сам по себе данный термин с семантической точки зрения указывает на ошибочность подобных утверждений. Гегелем выбор подобного слова [Hegel 2015] был осуществлен для обозначения той стороны морали, понятие которой могло бы дополнить ее трансцендентальный характер. Он обращает внимание на связь со словом “нрав” (*Sitte*), говоря о том, что в языке содержится указание на то, что в самой природе абсолютной нравственности заложено ее свойство быть всеобщей. Однако очевидно, что мораль не является универсальной и общечеловеческой, опираясь на культурные представления и аксиологию того социума, в котором она распространена. Большая часть повседневного быта западного человека может казаться совершенно аморальной и безнравственной бедуину в пустыне, а нормы, которым следуют его соплеменники, будут неприемлемы для жителя Японии, Бразилии, либо Испании.

Республики живут своими ценностями и погибают вследствие их отсутствия. Для того чтобы понять, как построить государство общего дела, в первую очередь необходимо осознать, что является общим делом для граждан. В его фундаменте должны находиться принципы, которые не зависят от антропогенного фактора, воспринимаются социумом как неоспоримая данность и не подвергаются сомнению так же, как, скажем, аксиомы не требуют доказательств в математике. Ведь, в конце концов, большая часть тех представлений, которые всячески приписываются светскому гуманизму, как сострадание ближнему, помощь нуждающимся, справедливость — не имеют никакого рационального обоснования. В мире эгоизма и приоритета личности никакого общего дела быть не может, потому что отсутствует общее.

Бернард Мандевиль в XVIII в. писал, что такие пороки, как тщеславие и жадность, приводят к общественно полезным результатам, предполагая,

что многие действия, которые обычно считались добродетельными, в действительности были корыстными по своей сути и, следовательно, порочными [Mandevile 1714]. С этим мнением сложно согласиться, так как в условиях, когда не определено общее благо и трансцендентные добродетели, сама оценка полезности или вреда того или иного действия невозможна. С точки зрения природных инстинктов и рациональности, человек не должен помогать никому, кроме себя и носителей собственных генов. Республика же будет мертва без осознания обществом своей субъектности, наличия общих интересов, которые могут превалировать над частными и необходимости жертвы собственных благ во имя общего дела, которое определяется его ценностями. Именно на данных принципах построено христианство. И именно в его доктрине следует искать будущее республиканизма.

ХРИСТИАНСКАЯ И РЕСПУБЛИКАНСКАЯ СВОБОДА

Древнейшей из ныне существующих республик принято считать Сан-Марино, основанную в 301 г. На ее гербе лишь одна надпись — *Libertas* (свобода).

В работе каждого республиканца, будь то Цицерон или Скиннер, можно найти раздел, посвященный значимости свободы. И при этом, редко когда обсуждается ее предназначение. Вопрос “что такое свобода?” волновал философов веками. Однако необходимо ответить также на другой вопрос — “для чего нужна свобода?”.

Свобода как способность субъекта делать все, что он пожелает, предстает скорее хаосом, в котором человек ничем не отличается от животного, руководимого инстинктами, становясь, в конечном счете, рабом природных позывов, которым он не способен противопоставить альтернативу, чего требует свобода, базирующаяся на выборе и отсутствии принуждения.

Противопоставляя инстинктам рациональность, многие философы, как Иммануил Кант и Рене Декарт [Messina, Wiens 2020], видели в ней единственную альтернативу животному поведению. Тем не менее, можно утверждать, что рациональным для индивида является как раз инстинктивное, животное поведение, так как оно в наибольшей степени отвечает эгоистическому началу — физическому выживанию, что лишает его свободы как добровольного выбора.

Позитивисты, как скажем, Рудольф Иеринг, ответили бы, что право плод деятельности личности и служит обеспечению интересов личности, создается путем соглашения, а основным двигателем прогресса является эгоизм [Ihering, Lalor 2013]. В действительности, в своем изначальном, природном состоянии, без общества, без социальных институтов, а затем и государства, человек не может быть свободным.

Парадоксальным образом свобода человека состоит в его способности к самоограничению. Начиная с ограничения собственных страстей и создания для себя возможности принятия альтернативных решений на самом начальном этапе, и заканчивая созданием государства, которое олицетворяет борьбу с эгоистичной свободой, во имя коллективной. Об этом свидетельствуют работы и многих современных ученых, таких, как Чарльз Тейлор [Taylor 1985].

Чем более сложная структура государства предполагается, тем больший объем пожертвования собственной эгоистической свободой ради коллективной понадобится от человека.

Тема свободы является центральной и в трудах современных ученых, сторонников неореспубликанизма, Квентина Скинера и Филипа Петитт, которые приводят пример [Brooke 2009], опровергающий их же собственные попытки создания универсальной теории правления. В качестве доказательства своей концепции они указывают на ситуации между рабом и хозяином, при которой хозяин добр по отношению к рабу, не применяет в его отношении насилия, не особо вмешивается в его повседневную жизнь, но раб тем не менее не может считаться свободным, потому что за хозяином остается право на подобное вмешательство, а реализация этого права зиждется на его собственной воле, что оставляет пространство для произвола. В качестве гарантии для свободы раба и лишения его подобного статуса предстает законодательное недопущение произвола со стороны хозяина.

Если принять данную аксиологию, то сразу возникает вопрос: каким образом можно гарантировать, что пространство для произвола не будет сохраняться за главным субъектом, формирующим законодательство, — государством? Ведь оно является лишь абстракцией, а в реальности представлено вполне конкретными людьми, принимающими решения.

Тезис о том, что в условиях республиканизма, когда источником власти является народ, государственная власть, будучи представленной народом, не будет исходить из противоположной концепции, несостоятелен, потому что механизмы республиканизма и демократии тем не менее оставляют пространство для того, чтобы к власти могли прийти силы, имеющие, мягко говоря, спорное отношение к концепции свободы. Примером этому являлись диктаторские режимы в Европе, возникшие в результате вполне демократических для своего времени выборов.

Более того, как утверждают сами республиканцы, в частности, Петит, атомизировать общество до простой совокупности индивидов недопустимо, потому что в данном случае говорить о малейшей форме управления бессмысленно и скорее речь будет идти о хаосе.

Если исходить из того, что трансцендентной истины как таковой не существует, то и сама этика относительна, что ведет к формированию пространства произвола при урегулировании статуса индивида законодательством в плоскости, соответствующей представлениям неореспубликанцев о свободе, так как власть в любой момент может пересмотреть подобную практику. В условиях отсутствия трансцендентности как таковой, ценностей, являющихся аксиомами, сами гарантии свободы, к которым стремится республиканизм, не имеют под собой прочного фундамента, оставляя их на усмотрение политической элиты.

Существует, правда, точка зрения в духе Дэвида Юма и шотландского просвещения в целом, что нечто сугубо историческое и контекстуальное может быть натурализовано так, что предстанет сакральным и безальтернативным. Впрочем, поддерживая тезис о том, что время легитимизирует вечное, необходимо отметить, что никакого противоречия в этом нет. Время легитимизирует наиболее долгие и устойчивые паттерны поведения и нормы морали, которые, в свою очередь, имеют религиозные основания. Для того, чтобы время могло увековечить традицию, необходимо, чтобы она, по какой-то причине, передавалась из поколения в поколение в виде идеи и реального паттерна поведения. А наиболее устойчивыми, в данном случае, являются те идеологемы, которые в восприятии социума не принадлежат авторству человека.

Человек может перестать быть рабом не когда возможность произвола над ним будет передана от другого индивида третьему, представляющему государственную власть, а когда ее не будет априори, так как государство в своем законодательстве, решениях и политике будет ограничено правилами, которые неподвластны человеческому вмешательству и изменению.

Означает ли это, что любая религия может выполнять роль подобных правил? Безусловно, нет. Широко известны религиозные учения, в которых свобода человека воспринимается иначе. Скажем, в исламе (который переводится как “покорность”) существуют ограничения на смену вероисповедания. Христианство же, по сути своей, системно формирует аксиологию свободы, необходимую для республики. Но, что еще более важно, оно, в отличие от всех величайших философских концепций, единственное отвечает на вопрос “почему нужна свобода?”.

Если свобода — это выбор, то христианство — наиболее свободное вероучение в истории человечества. Бог дает выбор человеку даже в таких критических вопросах, как сопротивление дьяволу. Адам имел возможность самостоятельно решить — вкусить запретный плод или нет. Иуда стоял перед выбором. Даже окончательный приговор Иисусу Христу был вынесен народным голосованием. Человек постоянно обладает правом выбора в христианстве. У него есть системное представление о категориях добра и зла, о границах допустимого. Однако он волен самостоятельно принимать решения, осознавая необходимость дальнейшей ответственности за них. Его свобода воли, согласно христианству, неподвластна никому, даже самому Богу.

Христианство, как западное, так и восточное, воспринимает свободу как неотъемлемую характеристику человека, отличающую его от животного. Добродетель делает его свободным, а зло — рабом. Современная антитеза подобному подходу — это релятивистское восприятие мира, в котором допустимо то, что желаемо человеком, а сам критерий оценки допустимости того или иного явления будет субъективен.

С одной стороны, даже если взять за критерий оценки допустимости поступка законодательство, то все равно не будет соответствующего критерия для оценки самого законодательства. Невозможно определить, в случае его изменения, будет ли оно соответствовать ценностям общества или нет? Если трансцендентности не существует, то нет и неоспоримых истин.

С другой стороны, если все относительно, почему свобода сама по себе должна представлять ценность? Отрицание креационистского происхождения человека, созданного по образу и подобию Бога, приводит его к статусу как лишь одной из разновидностей животных, которые возникли в результате цепочки невероятных совпадений, запустивших процесс эволюции. Является ли обезьяна, крокодил или сурикат свободным существом? Если да, то почему тогда человеческая свобода должна каким-то образом отличаться от них? Никто не гарантирует ни прав, ни свобод ни одному животному в дикой природе. А если же они не являются свободными, то почему тогда таковым должен быть человек?

Путь борьбы с христианством и попытки предать забвению его учение — это не возвеличивание человека, а его неумолимое приближение к животному. Человек не является абсолютно свободным от природы. Он не решает, когда и где ему родиться. Ему неподвластна собственная смерть. До определенного возраста человек и вовсе является беспомощным и не в состоянии самосто-

тельно обеспечить собственное существование. Поэтому речь и не может идти о достижении абсолютной свободы.

Причина, по которой свобода является одной из целей общности людей, как правило, проявлялась в противопоставлении свободы рабству. Ни один разумный человек не мог бы в качестве желаемой перспективы избрать для себя рабство. А противоположностью рабства является свобода, что и определяет ее ценность. Однако негативная концепция, т.е. восприятие свободы как “нерабства”, слишком расплывчата и не дает никакого понимания о сущности того, что представляет собой свобода. При наличии лишь двух альтернатив: рабовладелец или раб, свобода сводится к тому, чтобы быть рабовладельцем. Многие рабы, получая свободу, стремились к статусу своих бывших хозяев, так как других социальных ролей они не знали. Без цели, смысла и идейной сущности свобода как “нерабство” представляет собой рабовладение.

Для этого необходимо выйти за рамки негативной концепции свободы и дихотомии рабовладелец/раб. Либерализм приписывает себе и только себе идейную концепцию освобождения человека, но без христианства он лишен философских основ для аксиологии свободы. Почему именно человек рождается с неотъемлемыми правами и свободами? На Земле существует свыше 9 млн биологических видов, но свободным рождается только лишь человек.

Христианство на данный вопрос дает вполне ясный ответ — человек отличается от остальных существ, потому что создан по подобию Бога. И создан он — свободным. Если сам Бог не ограничил его воли в моменты, когда речь шла даже о катастрофических последствиях, то как это может сделать другой человек? Ограничивать человека можно лишь посредством решений государственной власти, которые соответствуют закону, базирующемуся на христианской аксиологии. Без последней закон становится предметом воли государственной власти, опирается на субъективные представления о морали, лишая республику представления об общем благе, а, следовательно, и общем деле, что разрушает ее идейно-теоретические основы.

Таким образом, именно религиозно-культурное наследие играет ключевую роль в формировании аксиологии общества, которая ведет к становлению общественного консенсуса, необходимого для функционирования стабильной модели политической системы, в том числе и формы правления, включая республику.

Рассмотрение последней в универсальном ключе — с наделением ее способностью функционировать в любом человеческом обществе — ведет в лучшем случае к исключительно формальному функционированию ее институтов, а в худшем — к дисфункциональности всей государственной власти.

Проследив происхождение современной модели республиканского правления, можно отметить ее достаточно слабую связь с античным аналогом и выделить именно христианскую мысль как идейно-теоретическую основу для формирования современной концепции “общего дела”. Атомизирующие человеческое общество политико-философские учения в корне своем противоречат республиканской необходимости субъектности социума, лишая его “общего” в угоду “частному”.

Важнейшая же составляющая республиканского идеала — свобода — оказывается лишена и целеполагания, и собственной значимости в условиях, когда сформировавшая западную аксиологию христианская система ценностей

превращается в маргинальную субкультуру со стороны государственной власти, средств массовой информации, неправительственных организаций и массовой культуры. Отсутствие у населения общей системы ценностей, базирующейся на христианской аксиологии, ведет к постепенному кризису общественного консенсуса, вследствие чего сама идея “общего дела” становится нереализуемой, а институты республики сталкиваются с собственной дисфункциональностью.

DOI: [10.17976/jpps/2021.04.10](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.10)

THE POLITICAL PHILOSOPHY OF FREEDOM IN THE CHRISTIAN AXIOLOGY OF REPUBLICANISM

H.T. Sardaryan¹

¹ *Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia*

SARDARYAN, Henry Tigranovich, Dr. Sci. (Polit. Sci.), Dean at School of Governance and Politics, MGIMO University, email: sardaryan.mgimo@gmail.com

Sardaryan H.T. The Political Philosophy of Freedom in the Christian Axiology of Republicanism. — Polis. Political Studies. 2021. No. 4. P. 132–147. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.10>

Received: 14.12.2020. Accepted: 28.04.2021

Abstract. The article examines, through an analysis of classical and modern political philosophy, the cultural and religious basis of the ideas underlying republicanism. The central question here is whether a republic could be considered a universal model of government, requiring only a well-structured constitutional law which regulates political process in a proper way, or it has a greater dependency on cultural background and values generated by religious heritage. The paper analyzes the essential content of the ideological and theoretical foundations of the republic, comparing them with the Christian religious and cultural tradition. At the same time, various approaches to understanding both the goal-setting of the republic as a whole and its constituent institutions are considered. The main task, in this regard, is to study the place and role of ideas and values in the formation of state institutions, tracing the influence of religious and cultural factors on the formation of public consensus on the configuration of the structure of state power; in the end, the task is to consider what the role of Christianity is in the formation of the modern ideological and theoretical foundations of republicanism, particularly in its key ideologeme of freedom. The author concludes that such a republic will be impossible without society being aware of its subjectivity, with the existence of common interests that may prevail over private ones and the need for individuals to sacrifice their own goods in the name of a common cause that is determined by society's holistic values. All of these ideas comprise themes of Christianity, possibly making it the true source of the modern republican model. A striking example of this is the central theme of republicanism: freedom, which is traditionally equal in classical works with “non-slavery”. However, the negative concept (that is, the perception of freedom as “non-slavery”) is too vague and does not give any understanding of the essence of what freedom is as an independent category. Without purpose, meaning, and ideological essence, freedom as “non-slavery” is slave ownership. To overcome this contradiction, it is necessary to go beyond the negative concept of freedom and the slave/owner dichotomy. Without Christianity, the western form of the republican idea of human rights lacks the philosophical basis for the axiology of freedom. The systematic destruction of Christian religious cultural heritage can lead to the deprivation of the idea-theoretical basis of republic, which than can cause dysfunctionality of its key institutions.

Keywords: republicanism, Christianity, freedom, axiology, institutions.

References

- Abrahamsen F. 2018. *A Study of: The Book of Matthew*. Createspace Independent Publishing Platform.
- Arendt H. 1969. *On Violence*. New York.
- Becker H. 2007. *Telling About Society*. Chicago: Chicago University Press
- Brooke C. 2009. “In Roman costume and with Roman phrases”: Skinner, Pettit and Hobbes on Republican Liberty (Review). — *Hobbes Studies*. Vol. 22. No. 2. P. 178–184. <https://doi.org/10.1163/092158909X12452520755559>
- Crabtree C., Kern H.L., Siegel D.A. 2020. Cults of Personality, Preference Falsification, and the Dictator's Dilemma. — *Journal of Theoretical Politics*. Vol. 32. No. 3. P. 409–434. <https://doi.org/10.1177/0951629820927790>

DeHart P.R. 2012. Covenantal Realism: The Self-Referential Incoherency of Conventional Social Contract Theory and the Necessity of Consent. — *Perspectives on Political Science*. Vol. 41. No. 3. P. 165-177. <https://doi.org/10.1080/10457097.2012.692643>

Flamigni C. 2015. About Informed Social Consent and About Duty of Evolution of the Norms. — *Notizie di Politeia*. Vol. 31. No. 119. P. 3-9.

Foret F., Riva V. 2010. Religion Between Nation and Europe: The French and Belgian 'No' to the Christian Heritage of Europe. — *West European Politics*. Vol. 33. No. 4. P. 791-809. <https://doi.org/10.1080/01402381003794621>

Foucault M. 1983. The Subject and Power. — *Michel Foucault: Beyond structuralism and hermeneutics*. Ed. by H. Dreyfus, P. Rabinow. P. 208-226. Chicago: University of Chicago Press.

Goffman E. 1959. *The Presentation of Self in Everyday Life*. New York: Anchor Books.

Gray P.W. 2014. Vanguardism, Sacralisation of Politics, and Totalitarianism: Category-Based Epistemology and Political Religion. — *Politics, Religion and Ideology*. Vol. 15. No. 4. P. 521-540. <https://doi.org/10.1080/21567689.2014.957686>

Gruhn I.V. 2015. Theory of State Formation. — *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. Ed. by J.D. Wright. Elsevier. P. 353-355.

Gu X. 2021. Sacrifice and Indebtedness: The Intergenerational Contract in Chinese Rural Migrant Families. — *Journal of Family Issues*. P. 1-25. <https://doi.org/10.1177/0192513X21993890>

Hayek F.A.V. 1965. Kinds of Rationalism. — *The Economic Studies Quarterly*. Vol. 15. No. 2.

Hegel G.W.F. 2015. *The Philosophy of Right*. Hackett Publishing Company, Incorporated.

Ihering R. von, Lalor J.J. 2013. *The Struggle for Law*. Gale, Making of Modern Law.

Jed W.A. 2012. Cicero on Politics and the Limits of Reason. — *Cicero on Politics and the Limits of Reason*. Cambridge: Cambridge University Press.

Jurdjevic M. 2008. *Guardians of Republicanism: The Valori Family in the Florentine Renaissance*. Oxford University Press.

Keeler J.T.S. 1993. Executive Power and Policy-Making Patterns in France: Gauging the Impact of Fifth Republic Institutions. — *West European Politics*. Vol. 16. No. 4. P. 518-544. <https://doi.org/10.1080/01402389308424989>

Korvela P.-E. 2005. Machiavelli's Critique of Christianity. Redescriptions. — *Yearbook of Political Thought and Conceptual History*. Vol. 9. No. 1. P. 183-213. <https://doi.org/10.7227/R.9.1.10>

Lukes S. 1974. *Power: A Radical View*. London: Macmillan Press.

Mandeville B. 1714. *The Fable of the Bees: or, Private Vices, Publick Benefits*. London: Printed for J. Roberts.

McGraw K.M., Dolan T.M. 2007. Personifying the State: Consequences for Attitude Formation. — *Political Psychology*. Vol. 28. No. 3. P. 299-327. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9221.2007.00570.x>

Messina J.P., Wiens D. 2020. Morals from Rationality Alone? Some Doubts. — *Politics, Philosophy and Economics*. Vol. 19. No. 3. P. 248-273. <https://doi.org/10.1177/1470594X20906616>

Morgan J. 2019. The State, Law, Religion, and Justice in Cicero's the Republic and the Laws: An Aristotelian-Thomistic Interpretation. — *Studia Gilsoniana*. Vol. 8. No. 3. P. 645-680.

Paulson L. 2014. A Painted Republic: The Constitutional Innovations of Cicero's De legibus. — *Etica e Politica*. Vol. 16. No. 2. P. 307-340.

Petersen M.B., Skaaning S.-E. 2010. Ultimate Causes of State Formation: The Significance of Biogeography, Diffusion, and Neolithic Revolutions. — *Historical Social Research*. Vol. 35. No. 3. P. 200-226.

Rousseau J.-J. 1997. Geneva Manuscript. — *The Social Contract and Other Later Political Writings*. Cambridge: Cambridge University Press.

Skinner Q. 1978. *The Foundations of Modern Political Thought. Vol. 2. The Age of Reformation*. Cambridge: Cambridge University Press.

Stonawski M., Potančoková M., Skirbekk V. 2016. Fertility Patterns of Native and Migrant Muslims in Europe. — *Population, Space and Place*. Vol. 22. No. 6. P. 552-567. <https://doi.org/10.1002/psp.1941>

Tama J. 2020. Forcing the President's Hand: How the US Congress Shapes Foreign Policy through Sanctions Legislation. — *Foreign Policy Analysis*. Vol. 16. No. 3. P. 397-416. <https://doi.org/10.1093/fpa/orz018>

Taylor Ch. 1985. What's Wrong with Negative Liberty. — *Philosophy and the Human Sciences: Philosophical Papers*. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press. P. 211-229.

Taylor Ch. 1992. The Politics of Recognition. — *Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition*. Ed. by A. Gutmann. Princeton: Princeton University Press. P. 25-73.

Weiss G. 2020. Searching for Europe: The Problem of Legitimation and Representation in Recent Political Speeches on Europe. — *Journal of Language and Politics*. Vol. 1. No. 1. P. 59-83. <https://doi.org/10.1075/jlp.1.1.06wei>

DOI: [10.17976/jpps/2021.04.11](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.11)

ВЫЗОВ ПАНДЕМИИ COVID-19 И РЕЛИГИЯ: ОНТОЛОГИЯ VS ПОЛИТИКА

М.М. Мchedлова, Д.Б. Казаринова

МЧЕДЛОВА Мария Мирановна, доктор политических наук, зав. кафедрой сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов; главный научный сотрудник Центра “Религия в современном обществе”, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, email: mchedlova-mm@rudn.ru; **КАЗАРИНОВА Дарья Борисовна**, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов, Москва, email: kazarinova-db@rudn.ru

Мchedлова М.М., Казаринова Д.Б. Вызов пандемии COVID-19 и религия: онтология vs политика. — Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 148-162. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.11>

Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ-ЭИСИ № 20-011-3177 “Религиозные институты в эпоху общественных потрясений: стратегии, трансформация легитимации, ожидания общества”.

Статья поступила в редакцию: 02.03.2021. Принята к публикации: 29.05.2021

Аннотация. Пандемия COVID-19 привлекла особое внимание к религии, обозначив изменения глубинных основ присутствия религиозных смыслов и религиозных институтов в публичных пространствах, прежде всего способов их легитимации, нормативную неопределенность, возникновение новых практик и структур религиозности, разновекторности и даже диаметральной противоположности общественных ожиданий. В рефлексивных поисках ответа на вызов COVID-19 звучит скорее полемика, чем интерпретативная инструментализация, в политической прагматике наблюдается скорее вторжение политики в ранее закрытую для нее собственно религиозную сферу, чем формулирование принципов нового статус-кво светского и религиозного. Пандемия, несущая параметры предельности, актуализировала соотношение современного и традиционного, переводя данную проблему в сферу границ применимости возможностей онлайн-технологий, размывающих и изменяющих саму сущность традиционных религиозных практик и устоев. В возникающих новых многочисленных референтах уже улавливается логика возможных трансформаций, расщепление возможностей будущего, а также потребность в новом инструментарии: высветившаяся гетерогенность внутри Церкви и в пространстве ее сторонников ставит под сомнение традиционную социологию религии, настойчиво предлагая обратить внимание на приобретающие актуальность подходы из других областей религиоведческого знания. Религиозные институты демонстрируют размывание непосредственной субъектности, одновременно неопределенность имплицитно дрейф к различным тактикам отдельных их представителей, ставя вопросы об онтологии и устойчивости. Диверсификация и неоднозначность стратегий поведения в России религиозных институтов, религиозных лидеров и практик актуализируют пул тенденций, приводящих к возможностям перераспределения баланса между религией, обществом и политикой, между верой и институтами, между аксиологией и прагматикой современности. Методологический посыл статьи отталкивается от признания многомерности множественности форм присутствия религии, несводимых к единой объяснительной схеме, актуализирует и дополняет многие ставшие неэффективными концепции общественного развития, имеющие линейный характер. Для верификации спекулятивных положений авторы обратились к эвристическому потенциалу дискурс-анализа, а также к формированию референтной базы событийного ряда.

Ключевые слова: большой вызов, COVID-19, пандемия, религиозные институты, религиозные практики, государственно-конфессиональные отношения, виртуальная религия, онлайн-религия, трансформация религиозности, РПЦ, религиозные лидеры.

Вызов пандемии COVID-19, способный переформатировать политические конструкции мира и властно-институциональные параметры, перевел дискуссии о неопределенности настоящего и будущего в разряд атрибутов “дивного нового мира”, поставил вопрос об эффективности политических систем и институтов, конкурентности и адаптивности ценностных и мировоззренческих конструкций, идеологических и политических стратегий и практик. В гуманитарной рефлексии и общественном сознании пандемия была воспринята как событие, которое довершит начавшийся кризис либерализма, разоблачит “цивилизацию блефа” [Капустин 2020], ускорит “миропереход” [Цыганков 2020], обернет вспять глобализацию¹, задаст координаты совершенно новой экономической, социальной² и политической реальности³. Апокалиптические ноты звучат в сравнении сложившейся ситуации с мировой войной не столько по количеству жертв (об их числе говорить еще рано), сколько по влиянию на последующее развитие человеческого сообщества. Гносеологически предельным представляется вопрос, в зависимости от ответа на который предлагаются теоретические подходы: COVID-19 — это “классический черный лебедь” (Н. Талеб) или точка бифуркации? В последнем случае логичен вопрос о возможном аттракторе последующих изменений, в том числе в пространстве религии⁴. Отсутствие эпистемологического консенсуса или хотя бы общего теоретического знаменателя, направленность универсальной объяснительной схемы после потери секулярной парадигмой монополии на описание реальности заставляют обращаться прежде всего к набору референтной базы — фиксировать событийный ряд, дискурсивные особенности, изменение практик.

Как в метафизическом, так и в практико-инструментальном плане встал вопрос о судьбе религиозных институтов, их ресурсной базе, целеполагании и легитимности в мире после COVID-19, что актуализирует поиск управленческих стратегий в возможном новом дизайне светских и религиозных институтов. Одновременно поколеблена универсальная действенность традиционной социологии религии: в период пандемии развивалось “русское православие как гражданский институт с естественным плюрализмом мнений. Между тем именно эта реальность оказалась непонятной и немыслимой для значительной части общества” [Лункин 2020: 549].

¹ Фарелл Г., Ньюман А. Остановит ли коронавирус глобализацию в привычном понимании? — *Россия в глобальной политике*. 18.03.2020. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ostanovit-li-koronavirus-globalizaciyu-v-privychnom-ponimanii/> (accessed 22.05.2021).

² Крастев И. Семь первых уроков глобального коронавирусного кризиса. 24.03.2020. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/sem-urokov-koronakrizisa> (accessed 22.05.2021).

³ Кэмпбелл К., Доши Р. Коронавирус переформатирует глобальный порядок. — *Россия в глобальной политике*. 20.03.2020. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/koronavirus-pereformatiruet-globalnyj-poryadok/> (accessed 22.05.2021).

⁴ Теоретическое осмысление пула проблем, связанных с наметившимися тенденциями в религиозной сфере, было тематикой секции “Перезагрузка религиозности: необратима или подлежит восстановлению?”, прошедшей 20 мая 2021 г. в рамках XI Международной Грушинской социологической конференции “2021: Пересборка социального, или насколько дивным будет новый мир?”. URL: <https://conf.wciom.ru/program/section/?uid=10> (accessed 22.05.2021).

Поиск гносеологических и онтологических параметров вызова пандемии COVID-19 и связанных с ним трансформаций стал лейтмотивом философских дискуссий ведущих европейских интеллектуалов вокруг полемики с итальянским философом Дж. Агамбенем, которой заявляет, что происходит нормализация чрезвычайного в парадигме современного управления⁵. Ввиду того, что терроризм, легитимировавший такое управление с 2001 г. как оправдание применения исключительных мер, исчерпан, пандемия — новый идеальный предлог⁶. С. Жижек размышляет, как пандемия влияет на идентитарные процессы: такие политические решения, как закрытие границ, позволяют “поместить в карантин врагов, которые представляют угрозу для нашей идентичности”⁷. С одной стороны, коронавирус усугубил давно наметившиеся расколы, в том числе и в глобальной политике, о чем свидетельствуют взаимные обвинения США и Китая в распространении эпидемии, политизация создания и применения вакцин. С другой стороны, пандемия обладает потенциалом общей экзистенциальной угрозы, которая помогла бы человечеству осознать свою общность и уязвимость и начать путь к прекращению масштабного противостояния. Это подтверждает и риторика священнослужителей в публичном пространстве, связанная с религиозными и эсхатологическими и ценностными смыслами⁸. Концептуальная логика “без глобальной угрозы нет глобальной солидарности” выливается в признание “нам нужна катастрофа”, чтобы переосмыслить “грехи мира” и создать новый, пересекаясь с христианским пониманием онтологии истории. В эпоху пандемии именно традиции и ценностные конфигурации стали центром общественных страхов, дискуссий, надежд, поисков выхода. Неслучайно религия, вера и вероучение, культ и коллективные религиозные практики в их наполненности сакральными и трансцендентными смыслами, фиксации в Священном Писании и Священном Предании стали объектами пристального внимания политиков и общества, стимулируя новые теоретические поиски [Религия... 2021: 15].

КОРОНАВИРУС И РЕЛИГИОЗНОСТЬ: ОТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ К ПОЛИТИЧЕСКИМ ТРЕЩИНАМ РЕЛИГИОЗНОСТИ

Сфера религии, ее взаимоотношение с политическим и властным пространством становится одним из аттракторов теоретической рефлексии. Постструктуралистское видение, озвученное Дж. Батлер, делает акцент на способности распространения коронавируса провоцировать в человеческом сообществе масштабную дискриминацию по материальному, расовому, этническому, гендерному и религиозному признакам⁹, тогда как А. Бадью видит в корона-

⁵ Agamben G. La invención de una epidemia. — *La Sopa de Wuhan: pensamiento contemporáneo en tiempos de pandemia*. 2020. P. 18. URL: <https://www.elextremosur.com/files/content/23/23684/sopa-de-wuhan.pdf> (accessed 22.05.2022).

⁶ Ibid. P. 19.

⁷ Žižek S. Coronavirus es un golpe al capitalismo al estilo de ‘Kill Bill’ y podría conducir a la reinención del comunismo. — *La Sopa de Wuhan: pensamiento contemporáneo en tiempos de pandemia*. 2020. P. 21.

⁸ Наглядным примером является энциклика папы Франциска *Fratelli tutti* от 3 октября 2020 г., акцентирующая проблему солидарности и преодоления различных конфликтов. См.: Lettera Enciclica. *Fratelli tutti* Del Santo Padre Francesco Sulla Fraternità E L’amicizia Sociale. — *La Santa Sede*. 2020. URL: http://www.vatican.va/content/francesco/it/encyclicals/documents/papa-francesco_20201003_enciclica-fratelli-tutti.html (accessed 28.05.2021).

⁹ Butler J. El capitalismo tiene sus límites. — *La Sopa de Wuhan: pensamiento contemporáneo en tiempos de pandemia*. 2020. P. 60. URL: <https://www.elextremosur.com/files/content/23/23684/sopa-de-wuhan.pdf> (accessed 22.05.2021).

кризисе угрозу рациональности Модерна: эпидемия повсеместно растворяет внутреннюю активность разума, она заставляет обращаться к средневековой мистике, сказкам, молитвам, пророчествам и проклятиям, как во времена чумы¹⁰. Подтверждением выступает масштабное распространение эсхатологических настроений и конспирологических идей¹¹ с религиозными коннотациями: “ковид-диссидентство”, зародившееся в России в церковной среде, религиозно-мистические и эсхатологические настроения, политизация которых секьюритизирует религиозную сферу и повседневные практики [Религия... 2021]. По утверждению Д. Эрвье-Леже, “сила религиозной веры прямо пропорциональна уровню неуверенности, который вызван скоростью перемен во всех сферах общественной жизни. В то же время мы знаем, что эта самая религиозная вера теперь все труднее вписывается в догматические рамки институциональных религий” [Эрвье-Леже 2015: 255]. Ту же мысль проводят Г. Линдквист и Д. Хендельман, когда подчеркивают парадоксальность происходящих изменений: западные общества становятся более секулярными, в то время как их члены, индивиды — более религиозными [Lindquist, Handelman 2011]. Об этом же говорит и Г. Дейви: европейцы становятся менее воцерковленными, но от этого не менее, а может быть, и более религиозными [Davie 2007]. В России, согласно лонгитюдным исследованиям Исследовательского Центра “Религия в современном обществе” ФНИСЦ РАН, также четко обозначилась тенденция снижения количества последователей институционализированных конфессий (прежде всего православия) и перетекание верующих в группу внеконфессиональных верующих, “верящих в высшие силы, но ни к какой конфессии не принадлежащих”. Именно данная группа представляется будущим объектом самого пристального внимания философов, антропологов и социологов религии.

Вероятно, с этим связано отсутствие в России массового притока новых последователей в лоно традиционных религий в условиях пандемии COVID-19. Общество, государство и Церковь внезапно оказались в ситуации дробления общества (прежде всего верующих и воцерковленных сегментов) на группы, различия между которыми говорят о поляризации форм отношений религиозных институтов и верующих: вовлеченность, диффузия, разделение в зависимости от лидера, отторжение, падение доверия. Можно зафиксировать произошедший раскол: у тех, кто верил, вера стала сильнее, а у тех, кто не верил или идентифицировал себя с последователем религии по принадлежности к определенной культурной традиции, обозначилась тенденция обвинения и формулирования претензий к церковным институтам. В подтверждение тенденции, порожденной именно ситуацией пандемии, можно привести данные исследования *Pew Research Center*¹² (20–26 апреля 2020 г., $N = 10\,139$), согласно которому самооценка укрепле-

¹⁰ Badiou A. Sobre la situación epidémica. — *La Sopa de Wuhan: pensamiento contemporáneo en tiempos de pandemia*. 2020. P. 70. URL: <https://www.elextremosur.com/files/content/23/23684/sopa-de-wuhan.pdf> (accessed 22.05.2021).

¹¹ Проблеме усиления конспирологических настроений посвящен ряд исследований, в которых акцент делается на возможных стратегиях борьбы с негативными последствиями теорий заговора и рассматриваются некоторые открытые вопросы для исследования теорий заговора COVID-19, в центре внимания которых потенциальное влияние теорий заговора на групповые процессы и межгрупповые отношения. См., например, [Douglas 2021].

¹² Few Americans Say Their House of Worship Is Open, but a Quarter Say Their Faith Has Grown Amid Pandemic. — *Pew Research Center*. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/04/30/few-americans-say-their-house-of-worship-is-open-but-a-quarter-say-their-religious-faith-has-grown-amid-pandemic> (accessed 28.05.2021).

ния религиозной веры была наиболее выраженной в той части общества, которая с самого начала была достаточно религиозной. Аналогичный вывод о возможности кратковременного религиозного возрождения в драматических обстоятельствах сделан группой авторов из Миланского университета, выявивших четкую корреляцию между заболеваемостью COVID-19 и высокой религиозностью [Molteni, Ladini 2021]. В России запрет посещать храмы на Пасху 2020 г. в половине субъектов федераций еще больше увеличил разрыв между церковными “захожанами” и прихожанами и выплеснулся в политическую сферу. Если первые сполна удовлетворились форматом интернет-проповедей, то вторые открыто осуждали светские власти, запретившие посещение храмов и не позволившие отпраздновать торжество по всем канонам¹³.

Помимо идеи, что коронакризис окажет влияние на онтологию, аксиологию и этику¹⁴ человеческого общества, громко заявили о себе представления о будущем в жанре антиутопий, став идейным мейнстримом в логике “COVID-19: великая перезагрузка” К. Шваба [Schwab, Malleret 2020], включающие параметры грядущего экономического кризиса и экономики будущего, трансформации различных сфер социального бытия, будущего политического управления и режимных трансформаций, неочевидного будущего глобального лидерства¹⁵. Данные процессы исторически основаны на религиозной составляющей, когда становление национального государства шло рука об руку с укреплением “национальной” церкви. В условиях ренационализации мировой политики и существенного политического крена вправо потенциально могут оказать влияние и политические конфигурации, и институциональный государственно-религиозный ландшафт.

ПОЛИТИКА ВНУТРИ ЦЕРКОВНОЙ ОГРАДЫ: ВОЗРАСТАНИЕ НАПРЯЖЕНИЯ

Пандемия обнаружила тенденцию, дополняющую многомерность присутствия религии “вне церковной ограды” в современном мире: четко высветилось форсированное вторжение государства и политики “внутрь церковной ограды”, что заставило задуматься о новой конфигурации ценностного и институционального дизайна. “В это кризисное время перед нами стоят два особенно важных выбора. Один — между тоталитарным надзором и расширением прав и возможностей граждан. Второй — между националистической изоляцией и глобальной солидарностью”¹⁶. Первая дихотомия тесно связана с масштабным расширением влияния онлайн-реальности на человеческую жизнь, а проблемный, амбивалентный характер этой экспансии нашел отражение и в дискуссиях о будущем религиозной жизни. Речь идет не только о повышении интереса к методологическим рамкам теории “материальной религии”, применяемой в антропологии и ставящей проблематику физических посредников взаимодействия с трансцендентным миром [Christianity and the Limits of Materiality 2017]; “виртуальной религии” [Смирнов 2019; Митрофанова 2019], но и о более глубокой проблеме

¹³ Русская Православная Церковь в условиях пандемии SARS-COV-2. Аналитический доклад. — *Агентство стратегических коммуникаций*. URL: <https://strategycom.info/wp-content/uploads/2020/06/russkaya-pravoslavnaya-cerkov-v-usloviyah-pandemii-sars-cov-2.pdf> (accessed 28.05.2021).

¹⁴ Барабанов О. Этика коронавируса: человечество делится на людей “первого” и “второго” сорта? — *Валдай*. 28.02.2020. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/etika-koronavirusa/> (accessed 22.05.2021).

¹⁵ Шапиро Дж. Трансатлантические отношения и коронавирус. — *Россия в глобальной политике*. 23.03.2020. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/transatlantica-i-koronavirus/> (accessed 22.05.2021).

¹⁶ Yuval Noah Harari: The World After Coronavirus. — *Financial Times*. 20.03.2020. URL: <https://www.ft.com/content/19d90308-6858-11ea-a3c9-1fe6fedcca75> (accessed 22.05.2021).

“колебания” устоев существующих религий, нормативной неопределенности, изменяющей внутреннюю религиозную легитимацию. Столкновение между традицией и современностью в условиях пандемии поставило вопрос об изменении легитимации религии и религиозных институтов: наиболее ожесточенные дискуссии в российском общественном дискурсе велись вокруг непреложности коллективных обрядовых практик как подтверждающих абсолютную истинность и становящихся самодостаточными (прежде всего о способах принятия Святых Даров, онлайн-проповедей, использовании спирта для протирания икон и церковной утвари и пр.). Одновременно появились политизированные жесткие и фундаменталистские ответы: произошедшее нарушение баланса в администрировании иерархической структуры РПЦ вылилось в диверсификацию реакций и действий епископов в регионах, в оформившийся специфический идейный настрой части церковной иерархии: от ковид-диссидентства, широко распространившегося как в монастырской среде, так и среди епископата и духовенства, до крайних форм противодействия и неповиновения¹⁷.

Столь остро воспринимаемый в России религиозный аспект пандемии, эмоциональные дискуссии, оценки и интерпретация сложившейся ситуации, возникающие новые многочисленные референты уже очерчивают, скорее еще пунктиром, логику возможных трансформаций, расщепление возможностей будущего, а также потребность в новом инструментарии: высветившаяся гетерогенность внутри Церкви, формы легитимации религиозной нормативности, параметры субъектности религиозных институтов, изменения сложившегося статус-кво в государственно-конфессиональных отношениях. В публичных сферах стали звучать громкие заявления о “фундаментальной схизме”, “расколе”, кризисе традиционных форм религиозности, границах “виртуальности” внутри церковной ограды. Легальная отмена посредством ограничений и запретов сакральных традиций и обычаев (т.е. непосредственное вторжение политики в ранее закрытую и охраняемую сферу) создала внутренние вызовы легитимности религиозных институтов. Наблюдаемая ситуация внутри РПЦ привела к использованию в общественном дискурсе исторически негативных понятий “раскол”¹⁸ и “реформация”¹⁹, когда речь шла о противостоянии официальной линии Церкви консервативно настроенных традиционалистов и начавшего все настойчивее выражать свою позицию либерального крыла. И вновь открылся смысл слов, которые были сказаны фарисеями про Христа: “Не от Бога Этот Человек, потому что не хранит субботы” (Ин 9:16).

Пик карантинных ограничений совпал с периодом Великого поста и Пасхи 2020 г. — временем наивысшего религиозного переживания и четко обозначил точки напряжения: множественность групп православных (среди них наиболее заметной в публичном поле оказалась группа, для которой церковная жизнь важнее иных форм социальности); переопределение статуса и роли РПЦ и ожиданий общества. Еще более ощутимым стало политическое на-

¹⁷ Так, извергнутый из сана и отлученный от церкви основатель Среднеуральского женского монастыря схиигумен Сергей (Николай Романов) в апреле 2020 г. проклял всех, кто посягал на закрытие храмов из-за пандемии коронавируса.

¹⁸ Мельников А. РПЦ переживает кризис лояльности. Празднование Пасхи в пустых храмах может стать переломным моментом в отношениях церкви и государства. — *НГ-Религии* 14.04.2020. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2020-04-14/9_485_crisis.html (accessed 22.05.2021).

¹⁹ Лункин Р. Коронавирусная реформация. Карантин и самоизоляция приблизили религиозную жизнь к народу. — *НГ-Религии*. 14.04.2020. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2020-04-14/12_485_reformation.html (accessed 22.05.2021).

пряжение, возникшее вокруг позиции, стратегии и тактики Московского Патриархата и высшего священства, вызвавшего последствия от “епископада” до прямого включения РПЦ в политический арсенал власти. Вместе с тем звучавшие оценки “конца симфонии” акцентировали долго копившийся вопрос переопределения государственно-церковных отношений, параметры субъектности участников, формирующих данный институциональный дизайн, императивы политической метафизики и границ и форм присутствия религиозных смыслов. Среди обозначенного спектра ключевыми исследовательскими вопросами представляются два: структурирование многообразия форм возвращения религии в публичную сферу в казалось бы традиционном делении: Бог, вера с одной стороны и Церковь как институт и политические смыслы — с другой. Однако ситуация с COVID-19 изменила референты и породила новые референции, заставив обратиться к эпистемологическим ресурсам — поиску интерпретативных схем для новых конфигураций между религией, политикой и обществом, чья разнонаправленность предлагает шкалу неактуализировавшегося развития: как в сторону демократизации и сотрудничества, так и в сторону подавления или тотальных монологов.

Пандемия коронавируса обострила копившиеся годами противоречия между секулярным и религиозным в российском обществе; религиозный фактор внес больше противоречий, напряженной неопределенности и, подчас, конфликтности в общественный дискурс, чем моральной поддержки и успокоения в тяжелый со всех точек зрения период. В особенности это было заметно в первые, самые сложные месяцы нарастания эпидемии и отсутствовавших управленческих алгоритмов. Ограничительные меры, принимавшиеся светскими властями и иерархами церкви на первом этапе введения ограничений и правил социального дистанцирования, встретили резкую критику со стороны крайних сторонников секуляризма за их недостаточность и консервативных ортодоксов — за вмешательство государства в частную сферу и ограничение свободы совести. Такая критика звучала практически во всем мире. Причем пример Москвы и Санкт-Петербурга 2020 г. показал, что речь не только о том, что “коронакризис обозначил ‘анклавы архаики’ будь то дагестанские села или православные монастыри”²⁰, но и о том, что консервативных взглядов на модус религиозной жизни придерживаются также представители образованных и продвинутых слоев населения, жители столиц.

Отсутствие единства в дискурсивном осмыслении ситуации пандемии COVID-19 отражает неспособность как религиозных, так и секулярных институтов предложить если не удовлетворяющих всех научно и ценностно приемлемые объяснения, то хотя бы конвенциональные смыслы, оправдывающие резкие изменения институциональной и нормативной регуляции публичной и частной жизни. Предлагавшаяся религиозными субъектами идея “фундаментальной схизмы” и индивидуальной молитвы вызвала раскол в тех сообществах верующих, которые были негомогенны и до кризиса, более того, произошло жесткое вторжение политической сферы в области, ранее для нее закрытые, прежде всего — конфессиональную жизнь. Так, в Италии за богослужения в присутствии паствы были введены санкции вплоть до уголовной ответственности²¹. В России решение

²⁰ Медведев С. Искушение вирусом. — *Радио “Свобода”*. 03.06.2020. URL: <https://www.svoboda.org/a/30648984.html> (accessed 22.05.2021) (источник признан иностранным агентом).

²¹ Фаустова М. Коронавирус вызвал осложнения у верующих. — *НГ-Религии*. 17.03.2020. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2020-03-17/9_483_covid19.html (accessed 22.05.2021).

закрыть храмы вызвало внутреннюю острую дискуссию в РПЦ²², которая позднее получила дополнительный импульс ввиду сравнительно более высокой заболеваемости и смертности от COVID-19 в духовной и приходской среде, предопределив гипертрофированное внимание общества к очагам инфекции в знаковых монастырях (Троице-Сергиева лавра, Дивеевский монастырь) и храмах (Елоховский собор, смерти настоятелей и священников) РПЦ²³.

Другим дискурсивным ответом на вызов COVID-19, несущим политические акценты, стало то, что для большей части религиозного и светского сегментов коронавирус в момент своего драматического распространения предстал как отмеченная искомая “экзистенциальная угроза” для глобального переосмысления ценностей и модусов поведения в духе “ответственного развития”. Например, реакция российских религиозных лидеров на COVID-19, которую они транслировали в публичное пространство, Р. Лункин назвал “мягким вариантом эсхатологии”²⁴. Пандемия представлялась знаком неблагополучия, призывом к избавлению и очищению от грехов, но не предвестником конца света. Одновременно примеры солидарности и заботы о ближнем, которые явили общества по всему миру, позволили сделать выводы о забытом тренде гуманизации: впервые приоритет человеческого, а не финансового капитала был зафиксирован конкретными политическими решениями. С другой стороны, жертвой коронавируса стали устойчивые связи и отношения между людьми, целые общности оказались разделены или перестали существовать вследствие требований социального дистанцирования, это позволило Дж. Агамбену заявить: “ближний упразднен”²⁵. В работе “Религия в эпоху социального дистанцирования: как COVID-19 открывает новые направления исследований” Дж. Бейкер настаивает, что “заметным последствием пандемии может стать дальнейшее продвижение ранее существовавших процессов приватизации религиозности. Даже для тех, кто продолжает дистанционно участвовать в своих религиозных общинах через опосредованное взаимодействие, неизбежно происходит качественный сдвиг в сторону приватизации религиозной практики” [Baker 2020: 363].

Социальное дистанцирование, индивидуальная молитва как единственный возможный вариант, уход религиозности в еще более частную сферу, обращение к опыту отшельничества для преодоления психологических трудностей самоизоляции²⁶, а также новые экзистенциальные и религиозные обрядовые практики (например, прощание и похороны в *Zoom*) — эти и другие вызовы, порожденные эпидемией коронавируса, для религиозных чувств и духовного состояния человека скорее формируют широкую вариативную шкалу непроявленных возможностей развития — онтологических, антропологических и функциональных, чем предлагают решения.

²² Коронавируса в церковном уставе нет. Как целые епархии РПЦ бунтуют против решения патриарха закрыть храмы на Страстную неделю и Пасху. — *Meduza*. 14.04.2020. URL: <https://meduza.io/feature/2020/04/14/koronavirusa-v-tserkovnom-ustave-net> (accessed 22.05.2021) (источник признан иностранным агентом).

²³ Памяти “почивших от коронавирусной инфекции и других причин епископов, церковно- и священнослужителей, монашествующих и некоторых мирян” посвящен онлайн-проект “Соборность” в Facebook. URL: <https://www.facebook.com/sobornost.project> (accessed 22.05.2021).

²⁴ Медведев С. Искушение вирусом. — *Радио “Свобода”*. 03.06.2020. URL: <https://www.svoboda.org/a/30648984.html> (accessed 22.05.2021) (источник признан иностранным агентом).

²⁵ Agamben G. Contagio. — *La Sopa de Wuhan: pensamiento contemporáneo en tiempos de pandemia*. 2020. P. 33. URL: <https://www.elextremosur.com/files/content/23/23684/sopa-de-wuhan.pdf> (accessed 22.05.2021).

²⁶ Малышев Т. Уроки самоизоляции от Гамсуна и Керуака. — *Год литературы*. 25.04.2020. URL: <https://godliterary.ru/public-post/uroki-samoizolyacii-ot-gamsuna-i-kerua> (accessed 22.05.2021).

ГРАНИЦЫ ОНЛАЙНА И ОНЛАЙН-ГРАНИЦЫ: ПОЛИТИЗАЦИЯ РЕЛИГИИ

Обозначившаяся трансформация сложившихся коллективных религиозных практик, имплицитующая переопределение институционального статус-кво и подвергшаяся политизации, актуализировала выстраивающиеся вокруг нее концептуальные схемы “виртуализации” и “цифровизации” религии. Постоянно используемые данные концепты включают в себя большую палитру смыслов и феноменов, маркируемых как “явления современности” и интерпретируемых *ad hoc*. Центральной темой дискуссий последнего времени стало активное обсуждение практик религиозной жизни в онлайн-пространстве в условиях коронавируса и перспективы развития этого процесса: будет ли возврат в стены реальной церкви, в общину реальных единоверцев или качественный скачок в киберпространство? На Западе это выражается в формах, которые пока еще сложно представить в России. На наш взгляд, яркий пример — архиепископ Кентерберийский, рекламирующий в социальной сети *Instagram* приложение для смартфонов *Soultime* — “медитативную программу истинного отдыха для души”, которая по сочетанию заложенных в нее компонентов очень напоминает “духовный хендмейд”, индивидуализированный, но при этом стандартизированный (Д. Эрвье-Леже). Профессор Сиднейского университета А. Поссамаи называет это явление гиперреальной религией — новой формой духовности современного мира, созданной по принципу пазла (*pick up and mix*) [Possamai 2005].

Феномен перехода религии в пространство интернета отражен в работах С. О’Лири, которому принадлежит часто цитируемое сравнение появления интернета с эффектом от печатного станка [O’Leary 1996]. Религия и виртуальная реальность — большое и перспективное поле исследования, во многом еще нетронутое.

Религия сама часто представляется как некая виртуальная реальность, как синтез эмпирического и трансцендентального, порождающий некую новую действительность (вариант — измерение), отличную от физической [Петрова 2011: 180]. Оказываясь в цифровом измерении, она как бы обретает виртуальность в квадрате. Чаще всего ученые разделяют исследовательские объекты на: 1) традиционные религиозные организации, активно разворачивающие свое присутствие в интернете, и 2) культы, появляющиеся в интернете и не представленные в физической реальности. То есть предлагается разделять их на “два базовых типа религиозных ресурсов в сети: религии онлайн и онлайн-религии” [Галаева 2019: 35]. Последняя часто отождествляется с “виртуальной религией”, в корне отличающейся от традиционного вероисповедания [Потеряева 2016]. По отношению к ней преобладают алармистские настроения: “Виртуальная религия исключает непосредственное общение между единоверцами, применяя методы информационного программирования, виртуальная религия не несет моральной ответственности за действия своих членов, а зачастую и юридической. Религия в пространстве интернет, оторванная от реальных религиозных сообществ и организаций, не только утрачивает свою традиционную терапевтическую, компенсаторную функцию, но напротив, ведет к утрате духовных оснований человеческого существования, провоцируя личностные кризисы, дестабилизируя личность, что, в конечном счете, может привести к дестабилизации общества в целом” [там же: 173]. Чаще всего они представлены как религиозные объединения в форме харизматических сект.

Нас же интересуют в этом контексте “религии онлайн”. Цифровая реальность может предложить виртуальное отправление культа, кибермолитвы, онлайн-общение со священником, киберпаломничество и многое другое

[Медведева 2009: 73] Они тоже претерпевают изменения под влиянием современности, новых технологий и трансформаций, происходящих с обществами. Как уже отмечалось, А. Поссамаи использует термин “гиперреальная религия” [Possamai 2005] для описания этих религий, смешанных с массовой культурой, утверждая, что они являются частью потребительской логики позднего капитализма и усиливаются растущим использованием интернета. В этой логике обречены развиваться все медиапроекты, претендующие на зрительский успех²⁷.

Те конфессии, которые и раньше довольно активно практиковали онлайн-форматы совместного отправления религиозных культов (протестанты, иудеи), активно продолжили эту деятельность в период режима самоизоляции. Для тех же конфессий, для которых работа в интернете традиционно была лишь вспомогательной, носила просветительский характер, масштабное распространение интернет-технологий во всех сферах деятельности религиозных организаций вызвало немало дискуссий, привлечших к себе внимание широкой общественности.

В Русской Православной церкви это выразилось наиболее ярко. Позиция РПЦ по поводу неконтролируемого развития и быстрого внедрения высоких технологий в жизнь человека традиционно критична и осторожна. Так, в 2013 г. был принят документ под названием “Позиция церкви в связи с развитием технологий учета и обработки персональных данных”, где обозначена настороженная позиция в отношении развития управленческих ИТ-технологий, активно применявшихся в ряде регионов России. Например, в документе говорится: “в связи с тем, что обладание персональной информацией создает возможность контроля и управления человеком через различные сферы жизни (финансы, медицинская помощь, семья, социальное обеспечение, собственность и другое), возникает реальная опасность не только вмешательства в повседневную жизнь человека, но и внесения соблазна в его душу”²⁸.

В 2020 г. РПЦ была вынуждена пойти на меры, предлагаемые светскими властями, нарушая многовековые традиции: Святейший Патриарх Кирилл, хотя и не сразу, призвал верующих воздержаться от посещения храмов, приведя в пример жизнеописание христианской святой Марии Египетской, которая 47 лет провела в пустыне: по мнению патриарха, пример этой святой женщины свидетельствует о том, что спасти душу возможно и без посещения храма²⁹. Однако то, с чем несколько смирилась официальная церковь, оказалось недопустимым для части верующих и отдельных клириков, для которых отступление от древних традиций неприемлемо. В качестве аргументации они использовали весьма туманные пророчества некоторых святых недавнего про-

²⁷ У РПЦ есть успешные медиапроекты: телеканал “Спас”, радиостанция “Вера”, интернет-портал “Правмир”, подкаст “Православие.ру”, приложения для смартфонов (11 приложений “Православный календарь” и 4 – “Православный молитвослов”), журнал “Фома”, проекты для детей “Вопросы Веры и Фомы”, иные проекты, ориентированные на широкую аудиторию и связанные с деятельностью митрополита Тихона Шевкунова, Владимира Легойды и других деятелей. Российские мусульманские медиапроекты также довольно активно развиваются: телеканал Аль-РТВ, радио “Азан”, “Ватан”, приложения для смартфонов “Исламский календарь”, исламский молитвослов *Al-Mathurat Rus*, “Мусульманский гид Салам Мобайл”, “Рамадан Мубарак” и др., подкасты *IslamHouse* и *MuslimCast*. Довольно много ресурсов в российском интернете представлено и по основам вероучения, календарю буддизма [Религия... 2019: 343; Религия... 2021: 44].

²⁸ Позиция Церкви в связи с развитием технологий учета и обработки персональных данных. — РПЦ. 04.02.2013. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2775107.html> (accessed 22.05.2021).

²⁹ Патриарх Кирилл призвал воздержаться от посещения храмов из-за коронавируса. — *Коммерсантъ*. 29.03.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4307947> (accessed 22.05.2021).

шлого³⁰. Таким образом, обращение к Священному Писанию и Священному Преданию включилось в политический арсенал институционального взаимодействия и легитимации субъектности религиозных институтов, подвергшихся атаке цифровизации социальности.

Особенно остро позиция управленческих решений власти и Патриархии рядом консервативно настроенных верующих и их духовных лидеров, которые в медийном пространстве стали называться “церковными COVID-диссидентами”³¹, проявилась в период закрытия церквей накануне Пасхи 2020 г. и затем только усиливалась. Они сочли невозможным отказ от посещения храма во время главного праздника, отторжение у них вызывали и новые формы работы с паствой: замена служб “безблагодатными” видеотрансляциями, проведение покаяния, поминовения и других треб посредством гаджетов и социальных сетей. Стоит подчеркнуть и недоверие официальной церкви к цифровизации: глава РПЦ высказал опасение, что цифровые технологии могут использоваться для установления тотального контроля над личностью человека, а это, согласно Священному Писанию, означает близкий конец света³².

При этом удобство взаимодействия с церковью посредством интернет-технологий среди широких слоев населения пользуется все более растущим спросом. По данным, полученным из *Google Trends* на запрос “требы онлайн”, в России абсолютный пик пришелся на 26 апреля 2020 г. в праздник Антипасхи, или Красной горки, и следующий за ним день поминовения усопших Радоница.

Тем не менее ряд ультраконсервативных деятелей и даже иерархов церкви резко высказались в отношении решений Патриархии, за чем последовал ряд решений (запрещение в служении и др.). Параметры “онлайн” резко политизировали сферу пересечения религии и общества в 2020 г., вызывая активность различных субъектов политического целеполагания³³. Так, Движение “Сорок сороков” отметилось соответствующей инициативой: на его странице в социальной сети “ВКонтакте” был размещен призыв подписать петицию на имя президента РФ “Откройте храмы на Пасху!”, в которой ре-

³⁰ Например, многие верующие говорили о предсказании преподобного Лаврентия Черниговского о том времени, когда “будут храмы с золотыми куполами стоять, а ходить при этом в Божии храмы будет нельзя” и все это будет “перед самым концом”. Официальная церковь в споре с такими верующими стала действовать их же оружием. Например, вместо пророчества Лаврентия приводила предсказание преподобного Кукши, который предупреждал о времени, когда “надо будет запастись Артосом, антидотом, просфорами и святой водой, потому как храмы будут действующими, но ходить в них будет нельзя”. См. Что о коронавирусе говорили святые XX века. Беседа с архиепископом Феодосием (Снигиревым). — *Православие.ru*. URL: <https://pravoslavie.ru/130278.html> (accessed 22.05.2021).

³¹ Коронавируса в церковном уставе нет. Как целые епархии РПЦ бунтуют против решения патриарха закрыть храмы на Страстную неделю и Пасху. — *Meduza*. 14.04.2020. URL: <https://meduza.io/feature/2020/04/14/koronavirusa-v-tserkovnom-ustave-net> (accessed 22.05.2021).

³² Глава РПЦ назвал тотальный цифровой контроль над личностью рабством. — *РИА Новости*. 07.01.2021. URL: <https://ria.ru/20210107/patriarkh-1592228772.html> (accessed 28.05.2021).

³³ Расхождения между либералами, центристами и ультраконсерваторами зримо оформились как внутри церковной иерархии, так и вокруг нее, что проявилось, например, в проведении “Собора православных мирян”, объединившего COVID-диссидентов. Поляризация отношения к онлайн-границам религии сопровождается параллельной институционализацией. Подобные взгляды обсуждались в ходе Всероссийского семинара-совещания “Влияние пандемии коронавирусной инфекции на динамику религиозной ситуации в регионах”. См. *Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Экспертный совет Федерального агентства по делам национальностей, Научно-образовательная теологическая ассоциация*. 15 января 2021 г. URL: <https://nota-theology.ru/news/202101152691> (accessed 22.05.2021).

шение о “закрытии храмов на великий праздник Пасхи” названо “циничным оскорблением и антихристианским шагом”, а также “тяжким оскорблением и памяти предков, и нашей веры, и идеалов тысячелетней России”³⁴. Петицию подписало немногим меньше 50 тыс. человек. Там же продвигался флешмоб #ХристосПоможет как коллективная акция собирающихся прийти в храм на Пасху. В противовес этому флешмобу официальные представители РПЦ приглашали принять участие во флешмобе #ОкнаПасхи, для чего в окнах квартир надо было выставить горящую свечу в знак солидарности с другими самоизолировавшимися в пасхальную ночь православными.

Следует отметить позицию мусульманских организаций, четко солидаризировавшихся с требованиями государства и в 2020, и в 2021 г., что позволило им набрать политического веса. Духовное управление мусульман РФ практически сразу предложило верующим совершать пятничный намаз в онлайн-режиме, организовав трансляцию пятничной проповеди и молитвы из Соборной мечети столицы. По мнению представителю другой мусульманской организации, муфтия Альбира Крганова, “онлайн-трансляции доказывают, что нет границ общения с Богом. Дело не в закрытых мечетях. Вся Земля — мечеть. Главное — не закрывать себя перед Богом”³⁵.

Следует зафиксировать в качестве триггерной политической точки онлайн-религию (и, шире, проблему цифровизации) как поле столкновения традиции и современности в условиях большого вызова пандемии, политизировавшей и, как следствие, переопределившей взаимоотношения между религиозными институтами, акторами публичной политики и государства, а также формы государственно-конфессиональных отношений, уровень доверия и общественную стабильность. Это может привести как к “некоторой демократизации религиозной жизни и активизации участия верующих в деятельности гражданского общества” [Почта 2020: 567], так и к усилению контроля государства над религиозной сферой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вызов глобального масштаба (пандемия COVID-19) подстегнул качественные изменения как внутри религии, так и на границах пересечения религии с публичными сферами. Среди звучащих философских и политических объяснений путей трансформации властных и ценностных конструкций наиболее острыми становятся интерпретации, в центре которых находятся религиозные, частные и публичные смыслы. При этом структура трансформаций пока не позволяет сделать однозначного вывода об изменении онтологии. Давление событийного полотна спровоцировало попытку сконцентрироваться на некоторых ключевых сюжетах, несущих потенциальную референтную базу для последующих теоретических построений и управленческих стратегий в параметрах институциональной связи “религия — политика — общество”. Таким образом, логика исследования предполагала изучение изменения религиозных коннотаций политики в условиях пандемии, несущего витальные, онтологиче-

³⁴ Откройте храмы на Пасху! Петиция Президенту России В.В. Путину. — *Citizen Go*. 14.04.2020. URL: https://citizengo.org/ru/rf/178484-otkroyte-hramy-na-pashu?utm_source=wa&utm_medium=social&utm_content=typepage&utm_campaign (accessed 22.05.2021).

³⁵ Намаз в кругу семьи. У мусульман начинается пост Рамадан. — *Российская газета*. Федеральный выпуск № 90 (8144). URL: <https://rg.ru/2020/04/23/musulman-prosiat-ne-poseshchat-mecheti-v-ramadan-iz-za-koronavirusa.html> (accessed 22.05.2021).

ские и аксиологические характеристики. В качестве ключевого тренда следует отметить политизацию, во многом выступающую аттрактором изменений социально-политических конструкций, включая институциональные параметры субъектности религиозных организаций, множественность ранее казавшихся гомогенными больших групп институционализированных верующих.

Столкновение традиции и современности в период пандемии имплицировало спектр экзистенциальных, социальных и политических последствий (включая вторжение политики в сферу исключительной компетенции религиозных институтов), вызывающих трансформацию легитимации последних, определение новых конфигураций в связке “религия — общество — государство” в параметрах изменений констант и референтов религии, религиозных практик, деятельности религиозных институтов. Проблема онлайн-границ и цифровизации религии очертила новую проблематику: “обнуление” ряда религиозных институтов и традиций [Смирнов 2019], возникновение новых форм религиозной жизни на основе современных информационных технологий, идеи, оформляющиеся в апокалиптический религиозный дискурс, связанный с отказом от государственных регламентаций, либо квазирелигиозный конспирологический дискурс, в том числе в параметрах “Великой перезагрузки”, и формулирующий видение будущего.

DOI: [10.17976/jpps/2021.04.11](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.11)

COVID-19 PANDEMIC CHALLENGE AND RELIGION: ONTOLOGY VS POLITICS

M.M. Mchedlova^{1,2}, D.B. Kazarinova¹

¹ Peoples Friendship University of Russia (RUDN University). Moscow, Russia

² Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

MCHEDLOVA, Maria Miranovna, Dr. Sci. (Polit. Sci.), Head, Comparative Political Science Department, RUDN University; Principal Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, email: mchedlova-mm@rudn.ru; **KAZARINOVA, Daria Borisovna**, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor, RUDN University, email: kazarinova-db@rudn.ru

Mchedlova M.M., Kazarinova D.B. COVID-19 Pandemic Challenge and Religion: Ontology vs Politics. — Polis. Political Studies. 2021. No. 4. P. 148-162. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.11>

Acknowledgements. The article is published in the framework of the RFBR grant № 20-011-31777 “Religious institutions in an era of social upheaval: strategies, transformation of legitimacy and society’s expectations”.

Received: 02.03.2021. Accepted: 29.05.2021

Abstract. A big challenge which the COVID-19 pandemic put the spotlight on was religion and specifically the deep foundations of religious meanings and religious institutions present in public spaces: in particular, the bases of their legitimacy, regulatory uncertainty, and the emergence of new practices and structures that are religious, multi-vector, and even diametrically opposed to public expectations. In the reflexive search for an answer to the COVID-19 challenge, there is more polemic than interpretive instrumentalization. In political pragmatics, there is more of an intrusion of politics into the previously closed religious sphere itself than the formulation of the principles of the new status quo of the secular and religious. The pandemic actualized the ratio of modern to traditional, translating this problem into the scope of the limits of applicability of online opportunities, blurring and changing the very essence of traditional religious practices and foundations. Numerous newly emerging numerous phenomena within the Church and in the space of its supporters have led to the traditional sociology of religion being questioned, insistently offering to pay attention to acquiring the relevance of approaches from other fields of religious knowledge; these are already seen in the logic of possible transformations, possibilities of splitting in the future, and the need for new tools, such as heterogeneity. Religious institutions in the context of the modern global

challenge demonstrate the blurring of direct subjectivity, while uncertainty implies a drift to various tactics of specific representatives, raising questions of ontology and stability. The diversity and ambiguity of the behavior strategies used by religious institutions, religious leaders, and religious practices in Russia actualize a pool of different trends that lead to different opportunities for redistributing the balance between religion, society, and politics, between Faith and institutions, and between axiology and modern pragmatics. The methodological message of the article is based on the recognition of the multidimensional multiplicity of forms of religious presence that are not reducible to a single explanatory scheme. It actualizes and complements many concepts of social development that have become ineffective and have a linear character. To verify speculative positions, the authors turned to the heuristic potential of discourse analysis, as well as to the formation of a reference base for the event series.

Keywords: big challenge, COVID-19, pandemic, transformation of religiosity, religious institutions, religious practices, state-confessional relations, online religion, virtual religion, ROC, religious leaders.

References

- Baker J.O., Martí G., Braunstein R., Whitehead A.L., Yukich G. 2020. Religion in the Age of Social Distancing: How COVID-19 Presents New Directions for Research. — *Sociology of Religion*. Vol. 81. No. 4. P. 357-370. <https://doi.org/10.1093/socrel/sraa039>
- Christianity and the Limits of Materiality. 2017. Ed. by M. Opas, A. Haapalainen. New York: Bloomsbury Academic.
- Davie G. 2007. *The Sociology of Religion*. New York.
- Douglas K.M. 2021. COVID-19 Conspiracy Theories. — *Group Processes & Intergroup Relations*. Vol. 24. No. 2. P. 270-275. <https://doi.org/10.1177/1368430220982068>
- Lindquist G., Handelman D. 2011. Religion, Politics, and Globalization: The Long Past for a Grounding the Short Present. — *Religion, Politics, and Globalization*. New York.
- Molteni F., Ladini R., Biolcati F., Chiesi A.M., Dotti Sani G.M., Guglielmi S., Maraffi M., Pedrazzani A., Segatti P., Vezzoni C. 2021. Searching for Comfort in Religion: Insecurity and Religious Behaviour during the COVID-19 Pandemic in Italy. — *European Societies*. Vol. 23. No. sup1. P. S704-S720. <https://doi.org/10.1080/14616696.2020.1836383>
- O'Leary S. 1996. Cyberspace as Sacred Space: Communicating Religion on Computer Networks. — *Journal of the American Academy of Religion*. Vol. 64. No. 4. P. 781-808. <https://doi.org/10.1093/jaarel/LXIV.4.781>
- Possamai A. 2005. *Religion and Popular Culture: A Hyper-Real Testament*. Peter Lang Publishing Group.
- Schwab K., Malleret Th. 2020. *COVID-19: The Great Reset*. Geneva: World Economic Forum.
- Galaeva Kh. 2019. Virtual'noe prostranstvo i religioznye organizatsii [Virtual Space and Religious Organizations]. — *Sotsial'naya real'nost' virtual'nogo prostranstva. Materialy I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Social Reality of Virtual Space. The I International Scientific and Practical Conference Proceedings]. Ed. by O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinin. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 33-38. (In Russ.)
- Kapustin B. 2020. Civilization of Bluff. — *Russia in Global Affairs*. No. 3. (In Russ.) URL: <https://globalaffairs.ru/articles/czivilizacziya-blefa/> (accessed 22.05.2021).
- Lunkin R.N. 2020. Social and Political Consequences of the Pandemic for the Russian Orthodox Church. — *RUDN Journal of Political Science*. Vol. 22. No. 4. P. 547-558. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-4-547-55>
- Hervieu-Léger D. 2015. In Search of Certainties: The Paradoxes of Religiosity in Societies of High Modernity. — *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. No. 1. P. 254-268. (In Russ.)
- Medvedeva E. 2009. The Problem of the Formation of Religious Identity in Cyberspace. — *Nauchnye vedomosti*. No. 8. P. 72-78. (In Russ.)
- Mitrofanova A.V. 2019. Povsednevnye praktiki v tsifrovuyu epokhu — postanovka problemy [Everyday Practices in the Digital Age—Problem Statement]. — *Khristianstvo kak integriruyushchii faktor mirovoi kul'tury. Sbornik dokladov XXIV mezhdunarodnykh Kirillo-Mefodievskikh chtenii* [Christianity as an Integrating Factor of World Culture. The XXIV international Cyril and Methodius readings Proceedings]. Minsk: Christian Educational Center named after Saints Methodius and Cyril. P. 461-464. (In Russ.)
- Petrova O. 2011. Religion in the Context of Virtual Reality. — *The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*. No. 4. P. 179-183. (In Russ.)
- Pochta Yu.M. 2020. State-Confessional Relations in Russia in a Pandemic: Challenges and Answers. — *RUDN Journal of Political Science*. Vol. 22. No. 4. P. 559-578. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-4-559-578>

- Poteryaeva E. 2016. Virtual'nye religii kak istochnik ugroz v sfere religioznoi bezopasnosti [Virtual Religions as a Source of Threats to Religious Security]. — *Strategii razvitiya sotsial'nykh obshchnostei, institutov i territorii. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Strategies for the Development of Social Communities, Institutions, and Territories. The II International Scientific and Practical Conference Proceedings]. Ekaterinburg: Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin. P. 172-175. (In Russ.)
- Religiya v sovremennoi Rossii: konteksty i diskussii* [Religion in Modern Russia: Contexts and Discussions]. 2019. Ed. by M.M. Mchedlova. Moscow: RUDN. (In Russ.)
- Religiya v sovremennoi Rossii: konteksty i diskussii* [Religion in Modern Russia: Events and Discourses of the Pandemic]. 2021. Ed. by M.M. Mchedlova. Moscow: RUDN. (In Russ.)
- Smirnov M. 2019. Digitalization as "Zeroing out Religion". — *Pushkin Leningrad State University Bulletin*. No. 3. P. 137-146. (In Russ.)
- Tsygankov A. 2020. Saving the Power: What to Rely on in the World Transition. — *Russia in Global Affairs*. No. 3. (In Russ.) <https://globalaffairs.ru/articles/derzhava-mioperehod/> (accessed 22.05.2021).

Литература на русском языке

- Галаева Х. 2019. Виртуальное пространство и религиозные организации. — *Социальная реальность виртуального пространства. Материалы I Международной научно-практической конференции*. Под ред. О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. Иркутск: Иркутский государственный университет. С. 33-38.
- Капустин Б. 2020. Цивилизация блефа. — *Россия в глобальной политике*. № 3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/czivilizaczija-blefa/> (accessed 22.05.2021).
- Лункин Р.Н. 2020. Социально-политические последствия пандемии для Русской православной церкви: раскрытие внутреннего потенциала гражданской активности и социального служения. — *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. Т. 22. № 4. С. 547-558. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-4-547-558>
- Медведева Е. 2009. Проблема формирования религиозной идентичности в киберпространстве. — *Научные ведомости*. № 8. С. 72-78.
- Митрофанова А.В. 2019. Повседневные практики в цифровую эпоху — постановка проблемы. — *Христианство как интегрирующий фактор мировой культуры. Сборник докладов XXIV международных Кирилло-Методиевских чтений*. Минск: Христианский образовательный центр имени Святых Мефодия и Кирилла. С. 461-464.
- Петрова О. 2011. Религия в контексте виртуальной реальности. — *Вестник Поволжского института управления*. № 4. С. 179-183.
- Потеряева Е. 2016. Виртуальные религии как источник угроз в сфере религиозной безопасности. — *Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий. Материалы II Международной научно-практической конференции*. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. С. 172-175.
- Почта Ю.М. 2020. Государственно-конфессиональные отношения в России в условиях пандемии: вызовы и ответы. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. Т. 22. № 4. С. 559-578. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-4-559-578>
- Религия в современной России: контексты и дискуссии*. 2019. Под ред. М.М. Мchedловой. РУДН, ФНИСЦ РАН. М.: РУДН.
- Религия в современной России: события и дискурсы пандемии*. 2021. Под ред. М.М. Мchedловой. РУДН; ФНИСЦ РАН. М.: РУДН.
- Смирнов М.Ю. 2019. Цифровизация как "обнуление религии". — *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. № 3. С. 137-146.
- Цыганков А. 2020. Сбережение державы: на что опереться в миропереходе. — *Россия в глобальной политике*. № 3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/derzhava-mioperehod/> (accessed 22.05.2021).
- Эрвье-Леже Д. 2015. В поисках определенности: парадоксы религиозности в обществах развитого Модерна. — *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. № 1. С. 254-268.

DOI: [10.17976/jpps/2021.04.12](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.12)

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ: МЕЖДУ “ЭФФЕКТОМ КОЛЕИ” И “ПРАВИТЕЛЬНОСТЬЮ”

В.С. Малахов, Д.Э. Летняков

МАЛАХОВ Владимир Сергеевич, доктор политических наук, директор Центра теоретической и прикладной политологии Института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, email: vmalachov@yandex.ru; **ЛЕТНЯКОВ Денис Эдуардович**, кандидат политических наук, научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии Института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, email: letnyakov@mail.ru

Малахов В.С., Летняков Д.Э. Религиозная политика постсоветских государств: между “эффектом колеи” и “правительностью”. — Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 163–175. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.12>

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2020-908).

Статья поступила в редакцию: 01.12.2020. Принята к публикации: 10.02.2021

Аннотация. В статье исследуются государственно-конфессиональные отношения в постсоветских странах. Авторы исходят из того, что термин “постсоветское” не просто фиксирует хронологическую последовательность, а является концептуально нагруженным. Возникшие в результате коллапса СССР государства — носители общего институционального наследия, которое манифестируется в том числе поведением этих государств в конфессиональной сфере. Религиозная политика постсоветских стран обнаруживает существенное сходство, несмотря на глубокие различия между ними в культурно-историческом плане. Государства постсоветского пространства, принадлежащие исламскому культурному ареалу, в своей религиозной политике ориентируются на советские образцы. Вместе с тем аналитическое выделение “постсоветской модели” секуляризма не должно влечь за собой слепоты к различиям в стратегиях конкретных государств по управлению конфессиональной сферой. Обращаясь к анализу этих различий, авторы вычленяют три базовых типа постсоветского секуляризма: “авторитарный”, “нейтральный” и “амбивалентный”.

Ключевые слова: религиозная политика, государственно-конфессиональные отношения, секуляризм, церковь, ислам, постсоветское пространство, Россия, эффект колеи, правительность.

В противовес точке зрения, что понятие “постсоветское пространство” — анахронизм [Малашенко, Колесников 2012; Лукьянов 2017; Kubicek 2009; Nikitin 2008; Gleason 2010; Platt 2009], мы исходим из того, что оно не утратило аналитического потенциала. Невозможно игнорировать тот факт, что по прошествии трех десятилетий с момента распада СССР между государствами-наследниками сохраняется немало общего. Одной из манифестаций общности постсоветских государств выступает проводимая ими религиозная политика. Казалось бы, православная Грузия и мусульманский Узбекистан отделены друг от друга непродолимым культурно-историческим барьером. Однако в устройстве государственно-конфессиональных отношений обеих стран обнаруживается целый ряд сходных черт.

Достаточно ли этих сходств для того, чтобы поставить вопрос о специфической *постсоветской модели секуляризма*? Или более уместно вести речь о *постсоветских секуляризмах*? Авторы задаются целью исследовать религиозную политику постсоветских стран, показав, на чем базируется общность в устройстве их государственно-конфессиональных отношений и что лежит в основе вариативности их стратегий по отношению к религии. В ходе описания последней будет предпринята попытка типологизировать постсоветские страны, отталкиваясь от версии секуляризма.

В методологическом плане отправным пунктом служит теория “эффекта колеи” (*path dependence*)¹. Так как эта теория не позволяет объяснить различия в религиозной политике рассматриваемых стран, мы будем опираться на инструментарий концепции “правительности” (*governmentality*)².

ПОСТСОВЕТСКАЯ МОДЕЛЬ СЕКУЛЯРИЗМА?

Когда советский атеистический режим рухнул, и вчерашняя партноменклатура в массовом порядке стала менять коммунистическую идентичность на православную (а в регионах с исторически мусульманской традицией — на исламскую), на постсоветской территории возникла весьма специфическая ситуация с точки зрения устройства государственно-конфессиональных отношений. То, что происходило в начале 1990-х годов, — это реконструкция институционализированной религии в рамках проектов нациестроительства [Agadjanian 2006], которую некоторые наблюдатели поспешили принять за “религиозное пробуждение”.

Постсоветским странам³ свойственна амбивалентность отношения государства к религии. С одной стороны, власти адекватно оценивают потенциал коллективной мобилизации, заложенный в религии. С другой стороны, они опасаются политических рисков, сопряженных с этой мобилизацией. Отсюда такая стратегия властей, как деление религиозных организаций на две группы: “официальные”, признаваемые государством и, по сути, инкорпорируемые в систему управления населением; “неофициальные”, рассматриваемые государством как источник нелояльности. Первые оказываются объектами государственного фаворитизма, вторые — различных форм рестриктивной политики, а зачастую и прямых репрессий.

На наш взгляд, можно зафиксировать следующие особенности устройства государственно-конфессиональных отношений в постсоветском пространстве⁴.

¹ Обсуждение “эффекта колеи”, т.е. зависимости общества от предшествующего развития, см. [Alexander 2001; Bridges 2000; Mahoney 2000, 2001; Pierson 2000; Нуреев, Латов 2006].

² Труднопереводимый неологизм *governmentality* представляет собой английский аналог термина *governmentalite*, предложенного Мишелем Фуко в поздний период творчества в лекциях, посвященных переосмыслению феномена власти. Он означает с одной стороны, “рациональность”, “ментальность” власти (схемы восприятия и представления, которыми руководствуются лица, принимающие решения), а с другой стороны — “технологии” власти (“техники и стратегии, позволяющие сделать общество управляемым”). Передача *governmentality* посредством слова “правительность”, хотя и является сильным огрублением фукианского концепта, но позволяет ухватить содержащийся в нем смысл “управленческой рациональности”. См. [Rodin 2017; Dean 2010; Дин 2016].

³ Из нашего обзора исключены три государства Балтии — по той причине, что они, войдя в Евросоюз, в институциональном плане принадлежат совсем другому пространству.

⁴ Мы опирались на работы, посвященные отдельным аспектам религиозной политики на постсоветском пространстве: [Agadjanian 2006, Agadjanian 2015; Халид 2010; Чарквиани, Челидзе 2016; Cornel, Zenn 2018; Cornell, Starr, Tucker 2018; Engvall 2020; Matosyan 2015; Minesashvili 2017; Оганнисян 2013; Thibault 2013; Василевич 2013; Turcescu, Stan 2003; Casanova 1998].

— Отсутствует автономия религиозных институтов (при довольно существенных отличиях в степени зависимости от государства).

— На уровне публичной риторики (и — шире — символической политики) государство демонстрирует близость к “национальной” религии и соответствующим религиозным организациям, однако на уровне практической (инструментальной) политики не допускает вмешательства этих организаций в процесс принятия решений.

— Религиозное поле делится на привилегированные и непривилегированные конфессии/организации. Последние подвергаются явной или неявной дискриминации (вплоть до риска быть поставленными вне закона).

— Привилегированные религиозные организации выступают в глазах властей как (а) источник дополнительной легитимации и (б) дисциплинарный инструмент (средство контроля над населением).

— Система образования носит секулярный характер (со значительными межстрановыми вариациями). Религиозные предметы в школе либо отсутствуют вовсе, либо присутствуют в форме историко-культурных курсов.

— Доступ к публичным институтам (больницы, дома престарелых, благотворительные организации, тюрьмы, казармы) предоставляется привилегированным религиозным организациям. Доступ остальных религиозных организаций либо заблокирован, либо сильно ограничен.

— Степень присутствия религии в публичном пространстве определяется государством (с той или иной степенью строгости).

Обратимся теперь к вариациям внутри выделенной аналитической модели — порой столь значительным, что имеет смысл вести речь не столько о постсоветском *секуляризме*, сколько о постсоветских *секуляризмах*. Наш анализ будет группироваться вокруг следующих параметров: (а) степень зависимости религиозных институтов от государства; (б) “видимость” религии в публичном пространстве; (в) присутствие религии в системе образования; (г) устройство религиозного поля.

ПОСТСОВЕТСКИЕ СЕКУЛЯРИЗМЫ?

Водораздел по конфессиональной линии

Постсоветское пространство неоднородно как с точки зрения религиозной агентности, так и с точки зрения присутствия религиозных символов. Различия порой весьма существенны, причем не только на межстрановом уровне, но и на уровне отдельных стран⁵. Нет нужды говорить о глубоких различиях между Россией (и другими странами с православным историческим бэкграундом) и странами исламского культурного ареала (Центральная Азия и Азербайджан). В первом случае можно зафиксировать *отсутствие значительного низового запроса на восстановление религиозных институтов*, ключевым агентом которого выступает государство. Конечно, определенный спрос на религию существует и снизу (паломничества, обряды венчания и крещения детей, посещение храмов во время главных церковных праздников и т.д.). Тем не менее номинально высокие доли верующих не влекут за собой формирование устойчивых религиозных общин (такие общины не могут возникнуть хотя бы потому, что население практически не посещает храмы на регулярной основе) и не приводят к религиозно мотивированной социальной мобилизации. Имеющиеся

⁵ Так, западные части Украины — условные Львов и Черновцы — заметно отличаются от восточных — условных Харькова и Одессы — с точки зрения степени религиозности населения.

социологические исследования показывают, что так называемая церковно-ориентированная религиозность в постсоветской России находится на крайне низком уровне — в зависимости от выбранного критерия доля “практикующих” православных может оцениваться в диапазоне от 2% до 14% населения [Маркин 2018: 269], что в любом случае составляет явное меньшинство (для сравнения: в сегодняшней Польше почти половина католиков посещают религиозные службы хотя бы раз в неделю⁶). Вследствие внешнего, обрядового характера религиозности верующие обнаруживают неготовность строить свою повседневную жизнь в соответствии с церковными предписаниями, а также в целом индифферентно относятся к вопросам, связанным с возвратом религии в публичную сферу⁷. При этом политические элиты, рассматривая религию как средство для удобного управления обществом, делают шаги по усилению присутствия религии в публичном пространстве. Исследователи называют этот процесс десекуляризацией сверху [Lisovskaya, Karпов 2010].

В странах Центральной Азии ситуация иная⁸. Низовой запрос на усиление роли религии в регуляции индивидуальной и общественной жизни здесь выше, чем в государствах с православной исторической традицией. Отсюда дилемма, с которой сталкиваются правящие элиты. С одной стороны, они не могут не отдавать себе отчета в значимости ислама как элемента национальной идентичности; в этих условиях отказаться от апелляции к религии и от ее публичной поддержки означало бы противопоставить себя обществу. С другой стороны, правящие круги относятся к исламу с явной настороженностью, усматривая в нем потенциальную угрозу собственному правлению. Эта угроза проистекает из возможности массовой мобилизации на основе исламских лозунгов⁹. Вот почему государство в этом регионе позиционирует себя как единственного гаранта секуляризма, активно выступая против неподконтрольных агентов низовой религиозной активности, а нарушение секулярного порядка отождествляет с подрывом основ государственности.

Степень зависимости религиозных институтов от государства

Наибольшую зависимость религиозных институтов от государства демонстрируют страны исламского культурного ареала — Азербайджан и постсоветская

⁶ Куперман А., Сайгал Н., Шиллер А. Религия и национальная принадлежность в Центральной и Восточной Европе. — *Pew Research Centre*. 2017. URL: <http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/11/2017/05/10104852/CEUP-Overview-Russian-FOR-WEB.pdf>. С.12. (accessed 26.05.2021).

⁷ Среди россиян, считающих себя православными, лишь 3% в 2020 г. собирались соблюдать религиозные предписания в еде в течение Великого Поста и только 11% полагали, что церковь должна оказывать влияние на принятие политических решений. См.: Великий пост и религиозность. — *Левада-Центр*. 03.03.2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/03/03/velikij-post-i-religioznost/> (проверено 01.10.2020) (источник признан иностранным агентом).

⁸ Здесь вновь необходима оговорка о различиях в культурно-исторических бэкграундах разных стран данного региона и, соответственно, в разных ситуациях в том, что касается религиозной агентности. См. [Islam, Society... 2017; Central Asia... 2003; Ro'i, Wainer 2009; Tazmini 2001; Thibault 2013; Cornell, Starr, Tucker 2018; Cornell, Zenn 2018; Engvall 2020].

⁹ Активные процессы политической самоорганизации мусульман начались еще до распада Советского Союза, на волне перестройки. Проявлением этого стал первый съезд мусульман Северного Кавказа в Махачкале в 1989 г. и образование через год всесоюзной Исламской партии возрождения. В Ферганской долине с конца 1980-х годов действовали отдельные салафитские группы, позже появилось Исламское движение Узбекистана. В ходе гражданской войны в Таджикистане 1992–1997 гг. одна из противоборствующих сторон апеллировала к исламистским лозунгам (Объединенная таджикская оппозиция). Угрозу политического ислама актуализировало и соседство с Афганистаном, где в 1996 г. к власти пришли талибы.

Центральная Азия. О какой бы то ни было автономии официальных муфтиятов не может быть и речи. Если духовенство выступает с публичными заявлениями, то они сводятся к одобрению официальной политики. Причем одобрение порой высказывается даже тем административно-политическим решениям, которые напрямую затрагивают религиозные свободы (например, запретам на ношение религиозной одежды). В 2010-е годы, когда правительства Таджикистана и Казахстана вели кампании против ношения мусульманского головного платка, официальное духовенство, по сути, к этой кампании присоединилось, заявив, что хиджаб противоречит национальным обычаям [Thibault 2013]. В Таджикистане после того, как власти обеспокоились резким ростом посещаемости мечетей среди женщин, муфтият в 2004 г. объявил, что в соответствии с традициями ханафитского мазхаба женщинам следует молиться дома [Zainiddinov 2018: 709].

Не столь гротескную, но все же значительную зависимость от государства обнаруживают религиозные институты в России, Беларуси и Армении. Церковные иерархи во всех трех странах достаточно конформны по отношению к действиям “светских властей”. Однако трудно представить себе, чтобы чиновники требовали согласовывать с ними тексты религиозных проповедей (что является рутинной, например, в Узбекистане). Кроме того, от представителей официального духовенства в России, Беларуси и Армении иногда можно услышать осторожную критику властей. Она касается главным образом морально-религиозных вопросов. Духовные лица официально признанных православных церквей выражают недовольство слишком либеральными, по их мнению, законами об абортх или о суррогатном материнстве, возмущаются засильем безнравственности на телевидении и т.д., а мусульманское духовенство этих стран может протестовать против запрета на ношение хиджаба в школах.

А меньшей степени зависят от государства религиозные организации в Молдове, Украине и Грузии. В первых двух странах это объясняется достаточно открытым, по меркам постсоветского пространства, политическим процессом, или, в других терминах, политическим плюрализмом. В этих условиях разные элитные группы могут поддерживать конкурирующие друг с другом религиозные институты. (В Украине, например, до 2018 г. сосуществовали сразу три православные церкви.) Известную степень автономии Грузинской православной церкви (ГПЦ) обеспечивает фигура Католикоса Или II, который руководит церковью с 1977 г. и имеет в обществе огромный авторитет [Чарквиани, Челидзе 2016]. Самостоятельность ГПЦ проявляется, среди прочего, в поддержке оппозиционных политических сил — так было, например, на парламентских выборах 2012 г., когда многие священнослужители в пик действующему президенту М. Саакашвили поддержали коалицию “Грузинская мечта”¹⁰. Подобные действия немыслимы в России или Беларуси, где политическая лояльность иерархов — часть неформального пакта между духовной и светской бюрократией.

“Видимость” религии в публичном пространстве

О “видимости”, т.е. о присутствии религии в публичном пространстве, можно судить по тому, насколько религиозная символика, религиозная одежда и другие формы демонстрации религиозности допустимы за пределами приватной сферы, а также по тому, как устроен доступ представителей религиозных организаций к публичным институтам.

¹⁰ Barry E. Church’s Muscle Helped Propel President’s Rivals to Victory in Georgia. — *The New York Times*. 13.10.2012. URL: https://www.nytimes.com/2012/10/14/world/europe/churchs-muscle-aided-win-of-presidents-rivals-in-georgia.html?_r=0 (accessed 01.10.2020).

Наиболее жесткую форму секуляризма избрали в своей религиозной политике те постсоветские страны, в которых исторически доминирует ислам, — Азербайджан и страны Центральной Азии. Здесь государство фактически пресекает публичные проявления религиозности, в том числе через запреты религиозного дресс-кода. В Кыргызстане это касается даже имамов (они обязаны носить традиционную киргизскую одежду). Известны случаи, когда студентов в Узбекистане отчисляли из вуза за ношение хиджаба во время занятий. В Таджикистане преподавателям школ и вузов младше 50 лет запрещено носить бороду [Zainiddinov 2018: 708]. Сообщалось про облавы на мужчин с бородой на улицах и рынках в Туркменистане¹¹. В отличие от многих “исламских стран” современного мира, в постсоветских государствах данного культурного ареала — за исключением Киргизии — в официальных учреждениях нет молельных комнат¹². И, разумеется, нет легально действующих партий, которые представляли бы программу политического ислама.

Значительно более “видима” религия в публичном пространстве России, Украины, Беларуси и Молдовы. В российских аэропортах с некоторых пор действуют православные часовни или мусульманские молитвенные комнаты. В армии всех четырех государств есть капелланы. В России функционирует федеральный телеканал “Спас”, принадлежащий Московской патриархии. В начале 2020 г. о скором создании православного телеканала было объявлено и в Молдове. Вместе с тем государство ограничивает присутствие религии в публичных институтах. Существует запрет на религиозную символику и религиозный дресс-код в школах, гражданские и церковные ритуалы строго разведены (духовенство может присутствовать на инаугурации президента, но сама церемония — чисто светская).

Наконец, максимальная — по постсоветским меркам — “видимость” религии характерна для Армении и Грузии. Помимо наличия у армянской и грузинской церквей собственных телеканалов и достаточно свободного доступа иерархов в школы, армию, пенитенциарные и благотворительные учреждения, президенты этих стран приносят присягу на Библии, духовенство обязательно принимает участие в открытии сессии парламента, в закладке новых зданий и в других важных официальных церемониях.

Присутствие религии в системе образования

Азербайджан стал второй после Турции страной исламского мира, провозгласившей абсолютный принцип светскости образования. Уроки религии в стране отсутствуют в принципе — даже в форме уроков по истории религий. Правда, в 2019 г. появилась информация, что официальный Баку обсуждает возможность введения в национальную школьную программу курса по истории религий (подчеркнем — не истории исламской религии). Жестко секулярный характер имеет и образовательная система в государствах постсоветской Центральной Азии¹³.

Сказанное не означает, что религиозное образование в этих странах не развивается вовсе: функционируют десятки медресе, существуют исламские

¹¹ В Туркмении мужчинам снова сбивают бороды. — *Озодлик*. 04.07.2020. URL: <https://rus.ozodlik.org/a/turkmenistan-beard-man/30705107.html> (accessed 27.05.2020).

¹² В последние годы власти ряда центральноазиатских стран стали терпимее относиться к идее устройства молельных комнат в аэропортах и на вокзалах. О подобных планах сообщалось в Казахстане и Узбекистане.

¹³ Стоит заметить, что в настоящее время в ряде школ Киргизии в экспериментальном порядке введен курс “История религиозной культуры” для учеников девятого класса.

университеты и институты [Achilov 2012; Abramson 2010: 25, 30, 37–38]. Однако в государственной системе образования религия не преподается; в то же время в школах и вузах введены учебные курсы с целью рассказать учащимся об опасностях религиозного экстремизма¹⁴ — достаточно красноречивое свидетельство того, что сегодняшние правящие элиты в этих странах привержены пониманию секуляризма, характерному для их советских предшественников. Кроме того, все формы религиозного образования в Азербайджане и Центральной Азии строго контролируются: религиозная литература подвергается цензуре и допускается к учебному процессу только после предварительного одобрения духовными управлениями мусульман или соответствующими государственными структурами; в Казахстане их разрешение необходимо также для прохождения религиозного обучения за границей; в Таджикистане запрещены любые формы домашнего религиозного образования [Zainiddinov 2018: 709] (что не мешает ему развиваться подпольно [Abramson 2010: 37]).

Более мягкое понимание светского характера образования характерно для России, Украины, Беларуси и Молдовы. Здесь знания о религии в школе преподаются либо в виде историко-культурных курсов (подобно российским “Основам религиозной культуры и светской этики”), либо в виде необязательных религиозных уроков. В Молдове курс “Религия” могут преподавать представители духовенства любой из официально зарегистрированных в стране конфессий, но для этого в школе должно найтись необходимое количество желающих: не менее 12 учеников на селе, не менее 15 — в городе. В Украине на факультативной основе могут преподаваться такие предметы, как “Основы христианской этики”, “Христианская этика в украинской культуре”, и т.д. (конкретное название и содержание дисциплины зависит от региональной образовательной программы).

169

Дальше всех от принципа светскости образования отошла Армения. С 2003 г. во всех школах введен предмет “История армянской церкви”, который постепенно стал обязательным. Причем по конкордату 2007 г. между государством и Армянской апостольской церковью последняя получила право участвовать в разработке пособий и учебных планов, в подготовке педагогов по этому предмету [Оганнисян 2013: 68]. Кроме того, во многих школах началу урока по истории церкви предшествует коллективная молитва [Matosyan 2015: 11]. Действующий закон “Об образовании” носит светский характер, хотя в ряде случаев допускает двусмысленные трактовки. Так, п. 8 ст. 4 гласит, что “Религиозная деятельность и пропаганда в учебных заведениях запрещаются”, но тут же делается оговорка — “за исключением установленных законом случаев”¹⁵.

Специфический случай представляет собой Грузия: религия не включена в общеобразовательную программу и изучается в школах только на факультативной основе. В то же время в грузинских школах в последние годы демонстративно присутствует религиозная символика (кресты, иконы), совершаются коллективные молитвы, священники Грузинской православной церкви

¹⁴ Речь идет, в частности, об Узбекистане, в вузах которого в обязательном порядке изучается предмет “Религиозный экстремизм и фундаментализм: история, природа и современная опасность”, а также о Казахстане, где в 2016 г. вместо факультативного курса “Основы религиоведения” обязательным для учеников девятого класса стал предмет “Светскость и основы религиоведения”. Также в Узбекистане в 2017 г. принят нормативный акт, определяющий, что все дошкольное образование, как государственное, так и негосударственное, “должно быть светским” [Cornell, Zenn 2018: 31–32].

¹⁵ Закон Республики Армения “Об общем образовании”. — *Министерство юстиции Республики Армения*. 29.05.2015. URL: http://www.translation-centre.am/pdf/Trans_ru/HH_Orenq/Education/HO_160_N_General_Edu_ru.pdf (accessed 01.05.2021).

приглашаются для проведения уроков и т.д.¹⁶ Отличие грузинского случая от армянского состоит в том, что это происходит в качестве “инициативы на местах” — действующее законодательство ничего подобного не допускает.

Устройство религиозного поля

Из советской модели управления религией больше всех позаимствовали страны Центральной Азии и Азербайджан. Религиозная агентность здесь допускается лишь в пределах той политически контролируемой ниши, которую определяет государство (это ниша главной “духовной скрепы”). Любые несанкционированные сверху формы манифестации религиозной принадлежности подавляются: жесткая цензура издающейся религиозной литературы, сложная процедура регистрации религиозных объединений, аресты активистов, заподозренных в причастности к “деструктивным” религиозным организациям и т.д. Что касается официальных религиозных структур, то они, как мы могли убедиться, занимают позицию “субалтерна”, полностью лишенного голоса.

Дальше всех от советской модели ушли Армения и Грузия, где доминирующие церкви объявлены “национальными” (вариант *established church*, существующей во многих европейских странах). Их особый статус закреплен в конституциях и отдельно зафиксирован в конкордатах, которые де-юре обеспечивают им ряд важных привилегий. Это особый налоговый режим, более свободный (а в ряде случаев и исключительный) доступ к публичным институтам. Например, Грузинская православная церковь монопольно курирует целую сеть благотворительных организаций, домов престарелых, реабилитационных центров для наркоманов и т.д. [Minesashvili 2017: 6].

170

Между двумя полюсами находятся Россия, Молдова и Беларусь. В этих странах законодательное закрепление привилегированного статуса доминирующей конфессии носит скорее символический характер. В ст. 15 молдавского Закона “О свободе совести, мысли и вероисповедания” подчеркивается, что “государство признает особую важность и первостепенную роль Молдавской православной церкви в жизни, истории и культуре народа Республики Молдова”¹⁷. Похожие реверансы в сторону православия есть в законодательстве России и Беларуси. Однако подобные рамочные положения законов остаются в большей мере декларативными, развития на уровне подзаконных актов и инструкций они не получают. Так что государственный фаворитизм по отношению к определенной конфессии проявляется де-факто, а не де-юре. Показательно, что в 2001 г. молдавские власти отвергли просьбу Кишиневской митрополии о подписании конкордата. Кроме того, символические преференции в пользу православной церкви несколько уравновешиваются оговорками про поликонфессиональность общества и поддержку государством всех “традиционных” религий. В России в их число включены ислам, буддизм и иудаизм, а в Беларуси — католичество, протестантизм (Евангелическо-лютеранская церковь), иудаизм и ислам.

Особняком до самого недавнего времени стояла Украина. Эта страна ближе всех подошла к модели “нейтрального секуляризма” с реальной конкуренцией

¹⁶ Antelava N. Georgia: Orthodoxy in the Classroom. — BBC. News. 07.05.2015. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-32595514> (accessed 08.05.2021).

¹⁷ Республика Молдова. Закон о свободе совести, мысли и вероисповедания. — Государственный реестр правовых актов Республики Молдова. URL: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=324889&lang=2> (accessed 01.05.2021).

на религиозном поле. Культурная сложность страны и отсутствие “национальной” церкви заставляли власти поддерживать баланс в религиозной политике, отказываясь от откровенного фаворитизма в пользу одной из конфессий. После создания Православной церкви Украины (ПЦУ) этот баланс как будто оказался нарушен. Но есть ощущение, что Томос во многом так и остался личным политическим проектом П. Порошенко, и нынешнего президента В. Зеленского ПЦУ интересует куда в меньшей степени (по крайней мере, он проигнорировал торжества, связанные с годовщиной создания автокефальной церкви). Поэтому есть вероятность, что политический плюрализм Украины будет и дальше предопределять особенности секуляризма в этой стране.

К ТИПОЛОГИИ ПОСТСОВЕТСКИХ СЕКУЛЯРИЗМОВ

Как мы попытались показать, сходство в религиозной политике постсоветских государств обусловлено общим историческим наследием. Вышедшие из “советской шинели” элиты (способ социализации которых, мягко говоря, не предполагал высокой религиозности), их амбивалентное отношение к религии (как значимому символическому ресурсу, с одной стороны, и как потенциальному источнику нелояльности — с другой), институты управления религиозной сферой, доставшиеся от прежней административной системы, деление религиозных объединений на “официальные” (пользующиеся множеством привилегий) и “неофициальные” (балансирующие на грани запрета), сервильность “официальных” религиозных организаций — все эти черты объединяют новые независимые государства именно в качестве *пост-советских*.

Что касается различий, то, как нам представляется, они связаны с двоякого рода обстоятельствами. Во-первых, это макрорегиональные особенности культурно-исторического характера. В странах исламского культурного ареала низовая религиозная агентность представляет вызов для правящих элит, тогда как в остальных эта агентность весьма незначительна¹⁸. Если для населения с православной культурной традицией установление атеистического режима после победы большевиков в 1917 г. не ассоциировалось с чуждыми в этническом отношении силами, то для населения исламской периферии оно воспринималось как навязанное извне, привнесенное. В этой ситуации религия служила мощным символическим ресурсом — прибежищем национальных чувств и, пусть и неартикулируемого, — несогласия с политическим режимом [Buchenau 2015: 268; Keller 2001: 253; Халид 2010: 143–155]. После крушения власти коммунистов этот ресурс заработал в полной мере. Во-вторых, это рациональность стратегий удержания власти. В разных постсоветских государствах мы имеем дело с разной “правительностью”. В странах исламского культурного ареала доминирующий элемент в религиозной политике государства — *секьюритизация*, тогда как для остальных постсоветских стран такая стратегия не характерна. Идеал-типически уместно выделить “секьюритизированный секуляризм” государств Центральной Азии и Азербайджана. Противоположным полюсом данному идеальному типу может служить “нейтральный секуляризм” — такое поведение государства в религиозном поле, когда оно выступает скорее как арбитр в споре конфессиональных объедине-

¹⁸ Мы воздерживаемся от обсуждения вопроса, насколько “на самом деле” религиозно население среднеазиатских странах. Предмет нашего внимания — *социальная значимость* религии. Эта значимость в “исламских” странах выше, чем в “православных”.

ний, чем как симпатизант одной из сторон. Главная черта нейтрального секуляризма — возможность присутствия на религиозном поле конкурирующих религиозных организаций; государство осознает культурную сложность населения и отказывается от откровенного фаворитизма в пользу одной из конфессий. На постсоветском пространстве ближе всех к этому типу секуляризма подошла Украина (точнее, подходила — пока администрация П. Порошенко не запустила проект по созданию “национальной церкви”).

Между этими двумя полюсами можно расположить религиозную политику, которую мы предлагаем обозначить как “амбивалентный секуляризм”. Амбивалентность заключается в отсутствии четкой и последовательной государственной линии в управлении религией. Государство то делает шаги, которые можно интерпретировать как движение в направлении “десекуляризации”, то, напротив, принимает решения (например, со стороны судебной власти), демонстрирующие приверженность секулярному порядку [Малахов, Летняков 2018]. В рамках этого типа можно выделить два варианта. Для варианта I (к которому тяготеют Россия, Беларусь и Молдова) характерны (а) привилегии для численно доминирующей конфессии (хотя реальные преференции в ее пользу проявляются скорее де-факто, чем де-юре — формально все конфессии равны) и (б) стремление властей к сохранению “баланса” в конфессиональной сфере (в том виде, как они его понимают). Вариант II представлен Арменией и Грузией. Этому режиму управления религией свойственны формальное закрепление статуса “национальной церкви” за религиозными организациями доминирующей конфессии и отсутствие баланса в религиозной политике¹⁹ (см. табл.).

Таблица (Table)

Типология постсоветских секуляризов
Typology of Post-Soviet Secularisms

Секьюритизированный секуляризм	Амбивалентный секуляризм		Нейтральный секуляризм
	Вариант I	Вариант II	
Таджикистан, Узбекистан, Туркмения, Киргизия, Казахстан, Азербайджан	Россия, Молдова, Беларусь	Армения, Грузия	Украина до 2018 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Несмотря на принадлежность различным цивилизационным ареалам, постсоветские страны обнаруживают в своей религиозной политике гораздо больше общности, чем различий. Эта общность базируется на советском институциональном наследии. “Эффект колеи”, о котором в различных контекстах говорят исследователи, обусловлен сходными институтами управления религиозной сферой, доставшимися постсоветским государствам от своего исторического предшественника. В каждой из двенадцати рассмотренных нами стран это институты советского образца (патриархии, епископаты, духовные управления мусульман) — вплоть до того, что они зачастую укомплектованы теми же кадрами, какие работали в них при СССР.

¹⁹ Фактор поликонфессиональности игнорируется — даже на риторическом уровне. И если в случае Армении можно говорить о высокой степени конфессиональной однородности, то в Грузии к религиозным меньшинствам относится до 15% населения.

В то же время мы зафиксировали достаточно глубокий водораздел в стратегиях властвующих элит по отношению к религии в странах Центральной Азии и Азербайджане, с одной стороны, и остальными постсоветскими государствами — с другой. Перед нами две разные “правительности” — два способа понимания того, что является рациональным в данной сфере управления. Если в России и других странах с православной исторической традицией государство идет по пути поощрения публичной религиозности (хотя и избегает шагов в направлении “десекуляризации” общественного устройства), то в Центральной Азии и Азербайджане государство позиционирует себя как бастион секуляризма. Оно выступает как гарант секулярного порядка, которому угрожают некоторые формы религиозной агентности (“исламизм”, “фундаментализм” и т.д.). Вместе с тем лица, принимающие решения в странах исламского культурного ареала, отдают отчет в контрпродуктивности религиозной политики, которая привела бы к противопоставлению (светской) власти и (мусульманского) населения. Поэтому государство прилагает значительные усилия на символическом уровне, чтобы выглядеть хранителем исламской традиции, и в то же время жестко пресекает любые неподконтрольные проявления религиозности в публичном пространстве. Отсюда проистекает модель управления религиозной сферой, которую мы обозначили как “секьюритизированный секуляризм”. На противоположном полюсе находится “нейтральный секуляризм” — когда государство действует скорее как арбитр в споре игроков религиозного поля, чем как симпатизант одного или нескольких из них. Между ними находится религиозная политика, которую мы охарактеризовали как “амбивалентный секуляризм”. Он заключается в отсутствии четкой линии поведения государства в религиозном поле.

173

Равным образом в терминах “правительности” можно объяснить и менее значимые различия в религиозных политиках, характерные для России, Молдовы и Беларуси, с одной стороны, и Грузии и Армении — с другой. То обстоятельство, что в двух последних странах государство не стремится к соблюдению баланса в религиозной сфере, явно фаворитизируя одну церковь, обусловлено убеждением элит в эффективности такой стратегии в наличных демографических и культурно-исторических условиях.

DOI: [10.17976/jpps/2021.04.12](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.12)

RELIGIOUS POLITICS OF POST-SOVIET STATES: BETWEEN PATH DEPENDENCE AND GOVERNMENTALITY

V.S. Malakhov¹, D.E. Letnyakov¹

¹ *The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). Moscow, Russia*

MALAKHOV, Vladimir Sergeevich, Dr. Sci. (Polit. Sci.), Director of the Centre for Political Theory and Applied Political Science, RANEPA. vmalachov@yandex.ru; **LETNYAKOV, Denis Eduardovich**, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Researcher at the Centre for Political Theory and Applied Political Science, RANEPA, email: letnyakov@mail.ru

Malakhov V.S., Letnyakov D.E. Religious Politics of Post-Soviet States: Between Path Dependence and Governmentality. — Polis. Political Studies. 2021. No. 4. P. 163–175. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.12>

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR and CASS according to the research project № 19-511-93003. The authors are grateful for help with the text to Maria S. Ivchenkova, senior researcher, Institute of Sociology FCTAS RAS.

Received: 01.12.2020. Accepted: 10.02.2021

Abstract. The subject of this article is the relationship between state and church in post-Soviet countries. The authors claim that the term “post-Soviet” is not a mere reflection of a chronological sequence, but

is a concept with deep semantics. The nation states that came into being after the USSR collapsed in 1991 share a common institutional legacy. One of the manifestations of this legacy is their behavior in the religious field. The religious policies of the post-Soviet countries reveal significant similarities, despite the deep differences between the countries in terms of history and culture. In particular, the post-Soviet states belonging to the Islamic cultural realm demonstrate Soviet standards in their religious policy. However, the analytical identification of the “post-Soviet model” of secularism is not to imply blindness to differences in the strategies of specific states in managing religion. Addressing these differences, the authors single out three basic types of post-Soviet secularism: “authoritarian”, “neutral”, and “ambivalent”.

Keywords: religious policy, church-state relations, secularism, church, Islam, post-Soviet space, Russia, path dependence, governmentality.

References

- Abramson D. 2010. *Foreign Religious Education and the Central Asian Islamic Revival: Impact and Prospects for Stability*. Silk Road Papers. 50 p.
- Achilov D. 2012. Islamic Education in Central Asia: Evidence from Kazakhstan. — *Asia Policy*. No. 14. P. 79–106. <https://doi.org/10.1353/asp.2012.0024>
- Agadjanian A. 2006. The Search for Privacy and the Return of a Grand Narrative: Religion in a Post Communist Society. — *Social Compass*. Vol. 53. No. 2. P. 169–184. <https://doi.org/10.1177/0037768606064318>
- Agadjanian A. 2015. Vulnerable Post-Soviet Secularities: Patterns and Dynamics in Russia and Beyond. — *Multiple Secularities Beyond the West. Religion and Modernity in the Global Age*. Ed. by M. Burchardt, M. Wohlrab-Sahr, M. Middell. Boston: de Gruyter. P. 241–260. <https://doi.org/10.1515/9781614514053.241>
- Alexander G. 2001. Institutions, Path Dependence and Democratic Consolidation. — *Journal of Theoretical Politics*. Vol. 13. No. 3. P. 249–270. <https://doi.org/10.1177/095169280101300302>
- Bridges A. 2000. Path Dependence, Sequence, History, Theory. — *Studies in American Political Development*. Vol. 14. No. 1. P. 109–112. <https://doi.org/10.1017/s0898588x00213047>
- Buchenau K. 2015. Socialist Secularities: The Diversity of Universalist Model. — *Multiple Secularities Beyond the West. Religion and Modernity in the Global Age*. Ed. by M. Burchardt, M. Wohlrab-Sahr, M. Middell. Boston: de Gruyter. P. 261–282. <https://doi.org/10.1515/9781614514053.261>
- Casanova J. 1998. Ethno-Linguistic and Religious Pluralism and Democratic Construction in Ukraine. — *Post-Soviet Political Order: Conflict and State Building*. Ed. by B.R. Rubin, J. Snyder. London, New York: Routledge. P. 81–103. <https://doi.org/10.4324/9780203067338-12>
- Cornell S.E., Starr S.F., Tucker J. 2018. *Religion and the Secular State in Kazakhstan*. Silk Road Papers. 98 p.
- Cornel S.E., Zenn J. 2018. *Religion and the Secular State in Uzbekistan*. Silk Road Papers. 45 p.
- Central Asia: Islam and the State. 2003. ICG Asia Report N°59. Osh—Brussels. 39 p.
- Dean M. 2010. *Governmentality: Power and Rule in Modern Society*. London: Sage. 305 p.
- Engvall J. 2020. *Religion and the Secular State in Kyrgyzstan*. Silk Road Papers. 57 p.
- Gleason A. 2010. Eurasia: What is it? Is it? — *Journal of Eurasian Studies*. Vol. 1. No. 1. P. 26–32. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2009.11.002>
- Islam, Society, and Politics in Central Asia*. 2017. Ed. by P.J. Luong. Pittsburg: University of Pittsburg Press. 392 p.
- Keller Sh. 2001. *To Moscow, Not Mecca: The Soviet Campaign against Islam in Central Asia, 1917–1941*. Westport, Conn.: Praeger. 277 p. <https://doi.org/10.1086/ahr/109.1.291>
- Kubicek P. 2009. The Commonwealth of Independent States: An Example of Failed Regionalism? — *Review of International Studies*. Vol. 35. P. 237–256. <https://doi.org/10.1017/s026021050900850x>
- Lisovskaya E., Karpov V. 2010. Orthodoxy, Islam and Desecularization of Russia's State Schools. — *Politics and Religion*. Vol. 3. No. 2. P. 276–302. <https://doi.org/10.1017/s1755048310000040>
- Mahoney J. 2000. Path Dependence in Historical Sociology. — *Theory and Society*. Vol. 29. No. 4. P. 507–548.
- Mahoney J. 2001. Path-Dependent Explanations of Regime Change: Central America in Comparative Perspective. — *Studies in American Political Development*. Vol. 36. No. 1. P. 111–141. <https://doi.org/10.1007/bf02687587>
- Matosyan T. 2015. Church as Civil Society? Recent Issues of Religion and Politics in Armenia. — *Caucasus Analytical Digest*. No. 72. P. 9–12.
- Minesashvili S. 2017. The Orthodox Church in the Democratization Process in Georgia: Hindrance or Support? — *Caucasus Analytical Digest*. No. 97. P. 6–9.
- Nikitin A. 2008. Russian Foreign Policy in the Fragmented post-Soviet Space. — *International Journal on World Peace*. Vol. 25. No. 2. P. 7–31.
- Pierson P. 2000. Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics. — *American Political Science Review*. Vol. 94. No. 2. P. 251–267. <https://doi.org/10.2307/2586011>

- Platt K. 2009. The Post-Soviet is Over: On Reading the Ruins. — *Republics of Letters: A Journal for the Study of Knowledge, Politics, and the Arts*. Vol. 1. No. 1. P. 1–22.
- Rodin L. 2017. Studies on Governmentality: Six Epistemological Pitfalls. — *Russian Sociological Review*. Vol. 16. No. 2. P. 9–28. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2017-2-9-28>
- Ro'i Y., Wainer A. 2009. Muslim Identity and Islamic Practice in Post-Soviet Central Asia. — *Central Asian Survey*. Vol. 28. No. 3. P. 303–322. <https://doi.org/10.1080/02634930903421863>
- Tazmini G. 2001. The Islamic Revival in Central Asia: A Potent Force or a Misconception? — *Central Asian Survey*. Vol. 20. No. 1. P. 63–83. <https://doi.org/10.1080/02634930120055460>
- Thibault H. 2013. The Secular and the Religious in Tajikistan: Contested Political Spaces. — *Studies in Religion / Sciences Religieuses*. Vol. 42. No. 2. P. 173–189. <https://doi.org/10.1177/0008429813479297>
- Turcescu L., Stan L. 2003. Church–State Conflict in Moldova: the Bessarabian Metropolitanate. — *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 36. No. 4. P. 443–465. <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2003.09.004>
- Zainiddinov H. 2018. Islamic Education in Tajikistan. — *Handbook of Islamic Education*. Ed. by H. Daun, R. Arjmand. Cham: Springer. P. 699–711. https://doi.org/10.1007/978-3-319-64683-1_46
- Charkviani T., Chelidze A. 2016. Debating the Limits of the Georgian Church's Participation in Public Life. — *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. No. 2. P. 107–132. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2016-34-2-107-132>
- Khalid A. 2010. *Islam posle kommunizma: religiia i politika v Tsentral'noi Azii* [Islam After Communism: Religious and Politics in Central Asia]. Moscow: New Literary Observer. 298 p. (In Russ.)
- Luk'yanov F. 2017. Transformation of the Post-Soviet Space. — *Russian International Affairs Council*. (In Russ.) URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/transformatiya-postsovetskogo-prostranstva/> (accessed 13.05.2021).
- Malakhov V.S., Letnyakov D.E. 2018. Shimmering Secularism: Religion in Russian Public Space. — *Polis. Political Studies*. No. 1. P. 135–149. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.10>
- Malashenko A., Kolesnikov A. 2012. The Post-Soviet Space Doesn't Exist. — *Carnegie Moscow Centre*. (In Russ.) URL: <https://carnegie.ru/2012/06/08/ru-pub-48498> (accessed 13.05.2021).
- Markin K.V. 2018. Between Belief and Unbelief: Non-practicing Orthodox Christians in the Context of Russian Sociology of Religion. — *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 266–282. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.2.16>
- Nureev R.M., Latov Yu.V. 2006. What Is 'Path Dependence' and How Russian Economists Study It. — *Social Sciences and Contemporary World*. No. 2. P. 118–129. (In Russ.)
- Ogannisyan O. 2013. Church — Post-secular or Post-sacral. — *Pro et Contra*. No. 3–4. P. 59–74. (In Russ.)
- Vasilevich N. 2013. Belarusian Orthodox Church in the Shadow of the State. — *Pro et Contra*. No. 5. P. 80–92. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Василевич Н. 2013. Белорусская православная церковь в тени государства. — *Pro et Contra*. № 5. С. 80–92.
- Дин М. 2016. *Правительность: власть и правление в современных обществах*. М.: Издательский дом “Дело” РАНХиГС.
- Лукьянов Ф. 2017. Трансформация постсоветского пространства. — *Российский совет по международным делам*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/transformatiya-postsovetskogo-prostranstva/> (accessed 13.05.2021).
- Малахов В.С., Летняков Д.Э. 2018. Мерцающий секуляризм: религия в российском публичном пространстве. — *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 135–149. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.10>
- Малашенко А., Колесников А. 2012. Постсоветского пространства не существует. — *Московский центр Карнеги*. URL: <https://carnegie.ru/2012/06/08/ru-pub-48498> (accessed 13.05.2021).
- Маркин К.В. 2018. Между верой и неверием: непрактикующие православные в контексте российской социологии религии. — *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 2. С. 266–282. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.2.16>
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. 2006. Что такое path dependence и как ее изучают российские экономисты. — *Общественные науки и современность*. № 2. С. 118–129.
- Оганнисян О. 2013. Церковь — постсекулярная или постсакральная. — *Pro et Contra*. № 3–4. С. 59–74.
- Халид А. 2010. *Ислам после коммунизма: религия и политика в Центральной Азии*. М.: НЛО. 298 с.
- Чарквиани Т., Челидзе А. 2016. Грузинская православная церковь в публичной сфере: споры о границах участия. — *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. № 2. С. 107–132. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2016-34-2-107-132>

DOI: [10.17976/jpps/2021.04.13](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.13)

ОБНУЛЕНИЕ ЗАКОНОПРОЕКТОВ: ДИСКОНТИНУИТЕТ КАК ТЕХНОЛОГИЯ БЛОКИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

И.А. Помигуев, Д.В. Алексеев

ПОМИГУЕВ Илья Александрович, кандидат политических наук, доцент Департамента политики и управления ФСН, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”; научный сотрудник Отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам РАН; доцент Департамента политологии ФСНиМК, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, email: pomilya@mail.ru; **АЛЕКСЕЕВ Дмитрий Владимирович**, аспирант, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, email: mityaalexeev@yandex.ru

Помигуев И.А., Алексеев Д.В. Обнуление законопроектов: дисконтинуитет как технология блокирования политических решений. — Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 176–191. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.13>

Статья поступила в редакцию: 14.09.2020. Принята к публикации: 24.03.2021

Аннотация. В статье рассматривается процедура дисконтинуитета как политическая технология отклонения законодательных инициатив без принятия парламентом публичного решения по истечении заранее установленного срока. Теоретико-методологической базой исследования послужила дополненная и расширенная неинституциональная концепция вето-игроков Дж. Цебелиса. В частности, предлагается изучать не только институциональных и партийных вето-игроков, но и других участников законодательного процесса — вето-акторов (аналог англ. gatekeeper). Авторы концептуализируют понятие “вето-технологии”, позволяющее расширить аналитический потенциал концепции за счет изучения технологий блокирования инициатив, таких как процедура дисконтинуитета. В статье рассматриваются исследования дисконтинуитета в политической науке, особенности его влияния на повестку дня парламента и время рассмотрения законодательных инициатив. В ходе анализа случаев применения дисконтинуитета в 14 странах выявлены универсальные характеристики, определяющие конфигурацию и значение этой технологии в законодательном процессе: период вступления в действие (сессия, созыв, календарный год); условия, при которых дисконтинуитет не применяется; документ, закрепляющий процедуру обнуления. Проанализирован опыт реализации указанной технологии в Российской империи. Возможности применения дисконтинуитета в современной России рассмотрены в трех измерениях работы правительства с Госдумой: институциональном, партийном и позиционном. Дисконтинуитет потенциально способен устранить риски принятия непопулярных внутри- и внешнеполитических решений парламента и, как следствие, укрепить его позиции в отношениях с другими органами государственной власти. Негативным последствием введения дисконтинуитета может стать дальнейшее развитие непубличных и неформальных процедур согласования позиций заинтересованных сторон, а также уменьшение политического веса обычных депутатов в сравнении с вето-акторами, устанавливающими парламентскую повестку дня.

Ключевые слова: вето-игроки, вето-технологии, вето-акторы, ворота вето, законодательный процесс, дисконтинуитет, обнуление законопроектов, законодательная деятельность, система сдержек и противовесов.

ДИСКОНТИНУИТЕТ КАК ПРАВОВОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Дисконтинуитет (принцип дисконтинуитета) в юридической науке трактуется как правило, согласно которому все законопроекты, внесенные в парламент во время текущей сессии, должны быть утверждены до ее окончания¹. Возможность его применения приобретает все большую актуальность, что связано как с осмыслением законодательных прецедентов (например, применения института флибустерства в сенате США [Tillman 2007], так и попытками возместить дефицит демократии (как в Европарламенте [König 2007]), а в некоторых случаях даже разобраться с “законодательными завалами” (в России)².

Канцлер Германии А. Меркель в одном из выступлений перед Европарламентом заявила: “[дисконтинуитет] хорошая демократическая практика в большинстве государств-членов... такой демократический поворот сделает выборы в Европарламент еще более значимыми”³. При этом исследователи подвергают сомнению связь выборов и законодательной деятельности этого органа, поскольку считается, что электорат с трудом может связать принимаемые в Европарламенте законы с конкретными политическими последствиями, что нивелирует сам эффект дисконтинуитета [Kovats 2008].

Р. Уэйл пошел еще дальше и заявил, что дисконтинуитет защищает базовые демократические ценности: принцип законодательного мандата, который передает депутатам избиратели, независимость парламента, равенство между его членами [Weill 2016: 519]. К тому же эта процедура дает возможность одновременно согласовывать законопроекты обеими палатами и защищать права парламентского меньшинства.

Тем не менее до сих пор политический смысл указанного механизма находится на периферии внимания исследователей. Считается, что дисконтинуитет не заслуживает внимания, поскольку является техническим средством в законодательном процессе и практически не влияет на его результаты: правительства, особенно в парламентских системах, контролируют законодательную повестку дня и успевают принять свои инициативы в течение одного парламентского срока (см., например, [Shagen 1997; Weill 2016]). Такая мысль прослеживается и в юридических работах, где авторов интересует правовое оформление дисконтинуитета (в каком документе он закреплён), процедурные особенности и время применения (по итогам сессии или созыва) [Кравец 2018; Организация государственной власти... 2014; Законодательный процесс... 2012; Грабовская 2008].

Однако стоит признать, что с начала XX в. политические аспекты дисконтинуитета стали привлекать все больше внимания исследователей. Работы на эту тему можно разделить на несколько тематических блоков:

1) Изучение *взаимозависимости законодательных и избирательных циклов*, в том числе в контексте работы наднациональных структур, таких как Европарламент. Одни исследователи считают, что эти циклы должны быть синхронны для придания актуальности законодательной повестке после вы-

¹ Дисконтинуитет. — *Большой юридический словарь*. URL: <https://gufo.me/dict/law/дисконтинуитет> (accessed 22.03.2021).

² Мельник Г. Залежавшиеся законы: забыть нельзя рассматривать. — *Парламентская газета*. 12.01.2017. URL: <https://www.pnp.ru/politics/2017/01/12/ustarevshie-iniciativy-zabyt-nelzya-rassmatrivat.html> (accessed 20.05.2021).

³ Rede von Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel vor dem Europäischen Parlament am 17. Januar 2007 in Straßburg. — *Bulletin Der Bundesregierung*. Nr. 04-2. Vom. 18. Januar 2007. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/rede-von-bundeskanzlerin-dr-angela-merkel-797836> (accessed 20.05.2021).

бора избирателей [Kovats 2009; Weill 2016: 519]. Без нее связь парламентариев с населением непрочная, что делает европейские институты недостаточно сильными [König 2007]. Другие поддерживают теорию непрерывного органа [Bruhl 2007: 349; 2010], где парламент остается одним и тем же институтом, независимо от меняющегося личного состава.

2) Изучение *процедуры дисконтинуитета и ее влияния на время прохождения законодательных инициатив*. Одни авторы утверждают, что этот механизм практически не влияет на рассмотрение проектов законов и эффективность законодательного процесса [Shagen 1997; König 2007], в то время как другие отмечают “лень и неряшливость” нижней палаты в случае, когда нет необходимости рассматривать законопроекты в определенный срок [Weill 2016]. С другой стороны, установление четкого периода работы над инициативами приводит к тому, что наибольшее количество законопроектов вносится в начале и в конце отведенного парламентариям срока [Kovats 2012].

3) Рассмотрение *проблем бикамерализма*, роли верхней палаты в затягивании принятия решений и “списании” нерассмотренных законов, синхронизации работы двух палат [Bruhl 2007; 2010; Кравец 2018].

4) Изучение дисконтинуитета как *инструмента влияния оппозиционных сил на законодательный процесс* [Inoguchi 2008].

5) Анализ *воздействия дисконтинуитета на законодательную повестку дня* [Masuyama 2000; Döring 2001; McCubbins 2005].

Ключевой для осмысления политической составляющей указанной процедуры можно по праву назвать работу Я. ван Шагена — нидерландского исследователя, который определил дисконтинуитет как “*истечение срока рассмотрения законопроекта, который не был принят за какой-либо определенный отрезок времени*” [Shagen 1997]. В своем исследовании он впервые проанализировал опыт применения дисконтинуитета в странах Европейского союза⁴. Ван Шаген постарался ответить на вопрос, способна ли эта процедура экономить время парламентариев и ускорять законодательный процесс. По его мнению, в большинстве парламентов процедура дисконтинуитета не создает ощутимых проблем как для законодателей, так и для исполнителей, а значимой связи со скоростью прохождения законодательной инициативы не наблюдается. Однако, как точно отмечает исследователь, дисконтинуитет является изящным способом отклонения правительственных законодательных инициатив без процедуры голосования и прямой конфронтации [ibidem], поскольку отсутствие публичной поддержки законопроектов исполнительной власти может расцениваться как проявление недоверия к инициаторам [Heard 1991].

В дальнейшем исследователи подвергали сомнению важность скорости прохождения законопроектов и их качества. В частности, Р. Уэйл подчеркивал, что намного важнее *возможность согласования политических позиций всеми участниками законодательного процесса* [Weill 2016: 519].

Дисконтинуитет также вызывает особый интерес у японских исследователей из-за особенностей законодательного процесса в их стране. Например, М. Масуяма отметил, что в условиях дисконтинуитета, ограниченного одной сессией (как в Японии или Дании), особое значение приобретают вопросы установки законодательной повестки дня [Masuyama 2000], а Т. Иногучи

⁴ Автор исследовал 15 стран, потому что именно столько государств входило в ЕС в 1997 г. во время проведения его исследования.

показал, что в таком случае растет влияние оппозиции на законодательный процесс [Inoguchi 2008].

На основе вышесказанного мы можем определить дисконтинуитет как *технология отклонения законодательных инициатив по истечении определенного времени без принятия законодательным органом публичного политического решения*.

В научном сообществе нет единого мнения относительно влияния дисконтинуитета на эффективность или скорость законодательного процесса, однако мы можем отметить, что парламент способен использовать его как козырь в политической игре с исполнительной властью и укрепить свои позиции в системе сдержек и противовесов. Этот тезис подтверждается в представленной статье.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДИСКОНТИНУИТЕТА В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Политическая природа дисконтинуитета ярче всего проявляется в вопросах установки парламентской повестки дня [Masuyama 2000], что позволяет по-новому взглянуть на аналитический потенциал неинституциональной концепции вето-игроков [Tsebelis 2002]. В частности, Дж. Цебелис отмечает, что в президентских режимах законодательной повесткой дня управляет парламент, в то время как в парламентских контроль остается за правительством. Подобную разницу, по его мнению, обуславливает не характер режима, а способ организации процесса принятия политических решений [The Role of Government... 2011].

Есть достаточно много исследований, уделяющих большое внимание именно вопросам установки повестки дня [Döring 2001; Cox, McCubbins 2007; Cox 2006; Tsebelis, Rizova 2007], акторам, оказывающим на нее влияние [Reform Processes... 2010; Grey 1982; Crombez, Groseclose, Krehbiel 2006], а также роли правительственных структур, которые чаще других выступают основным инициатором изменений законодательного статус-кво [The Role of Government... 2011; Döring 2001].

Сама повестка дня в нашем случае представляет собой набор предложений по изменению законодательного статус-кво с целью решения актуальных публичных государственных и общественных проблем. В этом процессе акторы могут играть разную роль:

- позитивную, или активную — способствовать изменению статус-кво;
- негативную, или реактивную — блокировать принятие решений в целях сохранения статус-кво⁵.

Концепция вето-игроков Дж. Цебелиса предлагает рассматривать акторов (институциональных и партийных), способных заблокировать принятие политических решений, — вето-игроков, деятельность которых подчиняется общим формальным правилам игры [Tsebelis 1995; 2002: 36]. Однако список подобных акторов намного шире. Если учитывать всех, кто может негативно повлиять на результаты рассмотрения инициатив, то это люди и группы, обладающие полномочиями участвовать в принятии решений по определенному кругу вопросов, блокировании или даже просто затягивании рассмотрения инициатив. В таких случаях некоторые авторы используют понятие *veto gate*

⁵ Понятия “негативный” и “позитивный” в данной статье не несут оценочного характера и являются аналогом английских слов *positive* и *negative*, отражающих результат влияния на законодательный статус-кво — реализацию изменений или их блокирование. Такая терминология используется для изучения повестки дня как теоретический концепт в теории вето-игроков. См., например, [Zubek 2011].

(дословно — “ворота вето”) как совокупность возможностей блокирования политических решений [McCubbins 2005].

В свою очередь *вето-актор* (зарубежные исследователи предпочитают использовать понятие *gatekeeper*, дословно — привратник, охранитель) — это участник законодательного процесса, который своими действиями или бездействием способен создать трудности в прохождении инициативы, но не заблокировать ее полностью [Crombez, Groseclose, Krehbiel 2006: 322–324]. В разных странах значительно расходится количество вето-акторов в законодательном процессе, которые находятся как снаружи, так и внутри законодательного органа [McCubbins 2005: 132]. Ими могут быть политические субъекты (например, отдельный депутат или небольшая фракция), “технические исполнители” в парламенте (внутриинституциональные акторы, такие как комитеты или руководство палаты), а также общественные структуры (ассоциации, СМИ и др.) (см. [Помигуев 2016b]).

Отдельно отметим, что непринятие решений — это тоже решение, которое способствует сохранению законодательного статус-кво, но не получает широкой публичной огласки [Помигуев 2016a]. Такое возможно, когда вето-игроки понимают, что транзакционные издержки будут значительно превышать выгоды. При этом сохранение статус-кво без открытого конфликта противостоящих политических сил, безусловно, играет на руку “охранителям” — бенефициарам существующего порядка.

Впрочем, вышеуказанный путь имеет свои риски. Ряд исследователей предполагают, что из-за дисконтинуитета можно даже проиграть выборы, если законодательные инициативы не будут приняты в срок, а правящая партия не выполнит свои обещания [Heller 2001]. Такая вероятность достаточно велика, если учитывать сопротивление оппозиции.

При изучении законодательного процесса важно понимать, *каким образом* вето-игроки и вето-акторы достигают целей по удержанию выгодного им законодательного статус-кво. Этот процесс образует самостоятельный вид политических технологий⁶, направленных на блокирование законодательных решений, который можно определить как *вето-технологии* — целенаправленно сконструированную совокупность приемов и способов противодействия изменениям законодательного статус-кво, затрагивающим несовпадающие интересы вето-игроков и/или вето-акторов.

Обычно инициатором изменений выступает исполнительная власть, а соответственно и вето-технологии применяются для того, чтобы сдерживать ее попытки произвести изменения, которые могут противоречить интересам крупных социальных групп, представляемых парламентариями.

По мнению Дж. Цебелиса и Б. Раша, преодолеть сопротивление законодательного органа как основного вето-игрока можно в трех измерениях:

— институциональном — за счет норм в конституциях, законах, правилах парламентской процедуры;

— партийном — с помощью формирования парламентского большинства, способного достичь высокого уровня стратегических предпочтений двух ветвей власти;

⁶ Мы предлагаем основываться на определении политических технологий О.Ф. Шаброва, который обозначил их как “целенаправленно сконструированную совокупность приемов и способов достижения результата, использование которых затрагивает государство и несовпадающие интересы значимых социальных групп” [Шабров 2012: 328].

— позиционном — когда правительство формирует в парламенте коалицию поддержки конкретных законодательных инициатив, чаще всего находясь при этом в центре политического спектра [The Role of Government... 2011].

В данной статье мы рассматриваем последствия применения конкретной вето-технологии (принципа дисконтинуитета) во взаимоотношениях двух институциональных вето-игроков: парламента и правительства.

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ДИСКОНТИНУИТЕТА В ПАРЛАМЕНТАХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Принцип прерывности по-разному институционализирован в странах мира: он может быть установлен в конституции, законах, правовых обычаях и внутрипарламентских постановлениях (регламентах) [Shagen 1997].

Если законопроект не был рассмотрен в определенный срок, то его надо будет вносить снова (если на это есть воля субъекта законодательной инициативы) с соблюдением всех регламентных процедур. Срок истечения законопроектов зависит от страны и парламента. Например, в США, Великобритании (с 2004 г. с некоторыми исключениями), Канаде (с 2008 г. с некоторыми исключениями), Дании и Японии время рассмотрения законопроектов измеряется одной сессией. В Германии, Швеции, Франции, Бельгии и ряде других стран срок ограничен одним созывом. Однако из правила дисконтинуитета есть немало исключений. Например, в Швеции, Нидерландах, Люксембурге можно не применять дисконтинуитет, если на общем собрании депутатов принят специальный билль. В Бельгии, Франции, Ирландии, Израиле и даже в Европарламенте “прерывность” может быть отменена решением нового созыва парламента: парламентарии сами выбирают законодательные инициативы из предыдущего созыва, которые достойны дальнейшего рассмотрения. В Японии существует возможность по рекомендации профильной комиссии принять специальное постановление, позволяющее рассмотреть законодательную инициативу в период парламентских каникул [Политическая система... 2013: 91].

В немецком бундестаге существенна роль бюрократических структур как вето-акторов [Законодательный процесс 2012: 21-24]. Это влияние особо заметно в конце созыва, когда применяется дисконтинуитет: он охватывает все без исключения законопроекты (и даже постановления палаты, ратификации международных договоров, петиции), внесенные в нижнюю палату парламента⁷. Если же законопроект дошел до верхней палаты, то это правило не действует.

Ярким примером влияния бюрократии на процесс принятия решений является петиция родственников погибших в авиакатастрофе *Germanwings* в Альпах в 2015 г., которая так и не была опубликована на сайте бундестага из-за вступления в действие дисконтинуитета⁸. Документ был отправлен по почте в конце июля 2017 г., незадолго до окончания созыва (сентябрь 2017 г.)⁹,

⁷ Frequently Asked Questions about Forming a Government. — *The Federal Chancellor*. URL: <https://www.bundestkanzlerin.de/bkin-en/news/frequently-asked-questions-about-forming-a-government-317456#tar-11> (accessed 20.05.2021).

⁸ Согласно Конституции Германии, любой гражданин может подать жалобу и принять решение о публикации петиции. Комитет обязан предоставить ответ гражданину.

⁹ Scholz K.A. Germanwings Crash: Victims' Relatives Demand Answers. — *Deutsche Welle*. 13.08.2017. URL: <https://www.dw.com/en/germanwings-crash-victims-relatives-demand-answers/a-40073035> (accessed 20.05.2021).

а аппарат нижней палаты затянул время и не опубликовал петицию, которая могла вызвать нежелательный общественный резонанс.

В Великобритании дисконтинуитет — еще более мощный инструмент влияния на законодательный процесс, поскольку применяют его по окончании одной сессии. Традиция прерывности в британском парламентаризме восходит к эпохе Стюартов и Тюдоров, когда короли могли распускать и собирать парламент по своему усмотрению, при этом автоматически отклонялись все нерассмотренные законы¹⁰.

В палате общин принцип прерывности начинает действовать, если законопроект не был рассмотрен в течение одной парламентской сессии. Но существует процедура переноса законопроектов из одной сессии в другую [Shagen 1997], правда, она применяется редко. Однако парламент все же пошел на некоторые уступки правительству: теперь законопроекты можно перенести между сессиями, но только один раз и только если с момента принятия законопроекта в первом чтении прошло не более 12 месяцев. Верхняя палата может также продолжить рассмотрение билля специальным решением, но переносить их в другой созыв нельзя¹¹.

Дисконтинуитет иногда бывает выгоден законодателям. Например, в 2014 г. британские парламентарии “не успели” рассмотреть директивы Евросоюза “О чистом воздухе” и “О загрязнении окружающей среды”. Принять политическое решение об отклонении было невыгодно — это показало бы игнорирование экологических проблем. Но и принять инициативу не могли: депутаты посчитали это слишком сильным вмешательством во внутренние дела государства, а также отметили возможность роста нагрузки на бизнес¹².

В том или ином виде дисконтинуитет встроен в парламентские системы многих демократических стран, однако есть и механизмы минимизации последствий его наступления. Так, в Италии предусмотрена ускоренная процедура рассмотрения повторно внесенных законопроектов, но применяется она лишь к тем инициативам, которые и так не вызвали особых разногласий.

В Бельгии правительство имеет возможность представить специальный закон с рекомендациями по рассмотрению законопроектов, подвергшихся процедуре дисконтинуитета. Данный документ не поможет избежать повторного внесения, но сохранит возможность использования ранее подготовленных отзовов Государственного совета и правительства. Во Франции законопроект продолжают рассматривать, если тот был принят в первом чтении.

В Израиле юридически дисконтинуитет существует, однако каждый новый созыв принимает закон о континуитете и все законопроекты продолжают рассматриваться. Первый закон о континуитете был принят в период одиннадцатого правительства Израиля еще в 1964 г. [Weill 2015: 397].

В Польше процедура обнуления существует в виде правового обычая и применяется каждый созыв. Причем дисконтинуитет касается не только

¹⁰ Stern M. Legislative Discontinuity: An Introduction. — *Point of Order. A Discussion of Congressional Legal Issues*. 19.05.2018. URL: <https://www.pointoforder.com/2018/05/19/legislative-discontinuity-an-introduction/> (accessed 20.05.2021).

¹¹ Carrying over Bills. — *Office of the Parliamentary Council*. 2012. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/79351/carry_over_pamphlet_181212_1.pdf (accessed 20.05.2021).

¹² Neslen A. EU Plans to Scrap Laws on Clean Air and Waste Recycling. — *The Guardian*. 11.12.2014. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2014/dec/11/eu-plans-to-scrap-clean-air-and-waste-recycling-laws> (accessed 20.05.2021).

законодательных актов, но и других документов, принимаемых законодательным органом. Например, 27 июля 2005 г., почти за три месяца до выборов, группа депутатов обжаловала положения закона “О жилищных кооперативах”, а Конституционный трибунал в дальнейшем вынес решение о недопустимости рассмотрения дела по запросу депутатов, поскольку их полномочия уже закончились [Организация государственной власти... 2014]. Но и здесь есть исключения: законопроекты, внесенные в порядке так называемой народной инициативы, должны быть обязательно рассмотрены в течение трех месяцев, а если переносятся в другой созыв, то срок продлевается до полугода [Грабовская 2008]. Также этой процедуре не могут быть подвергнуты законы, изменяющие конституцию. Отметим, что дисконтинуитет не распространяется на подобные инициативы и в парламентах Португалии, Испании, Италии.

В США для большинства законодательных актов дисконтинуитет наступает каждую сессию. Скоротечность и динамика законодательного процесса, обусловленные и процедурой прерывности, и частыми выборами в конгресс, открывают возможности для влияния на законодательный процесс технических процедур. Формально президент США не обладает правом законодательной инициативы, однако может ветировать законопроекты. Если билль был принят и направлен конгрессом президенту менее чем за десять дней до окончания сессии, глава государства может даже *не* применять вето, а всего лишь отказаться подписывать закон до конца созыва и исключить возможность преодоления вето конгрессом и сенатом (так называемое карманное вето) [Помигуев 2016а: 82–83]. В дальнейшем глава государства оставляет за собой право подписать закон, когда сочтет нужным.

Другой формой подобного неформального вето является возможность использования флибустерства — процедурной уловки, которая иногда применяется в сенате США, чтобы затянуть дебаты по законопроекту [Magliocca 2010]. Например, сенатор от штата Техас Тед Круз выступал с трибуны более 21 часа, когда хотел сорвать рассмотрение вопроса о выделении средств на осуществление реформы здравоохранения *Obamacare*¹³.

В Японии дисконтинуитет так же, как и в США, наступает после каждой сессии. Впрочем, были прецеденты переноса законопроектов на более поздний срок. Именно так произошло на последнем заседании весенней сессии 2019 г., когда отложили рассмотрение поправок в национальный закон “О референдуме”¹⁴. Этот случай имел особое политическое значение, поскольку произошел перед выборами нового состава парламента и в перспективе мог изменить баланс сил. При этом необходимо помнить, что в Японии всего лишь одна сессия в году, срок которой, как правило, равен 150 дням¹⁵. Это не очень много, учитывая “вязкость” японской законодательной процедуры, связанной с внушительным инструментарием затягивания процесса принятия законов [Политическая система... 2013: 152–154]¹⁶.

¹³ Ferraro T., Cowan R. U.S. Senator Cruz Speaks into the Night Against Obamacare. — *Reuters*. 25.09.2013. URL: <https://www.reuters.com/article/usa-fiscal/u-s-senator-cruz-speaks-into-the-night-against-obamacare-idUSL2N0HL05G20130925> (accessed 20.05.2021).

¹⁴ Diet Session Concludes; Election Set for July 21. — *Japan News*. 26.06.2019. URL: <http://the-japan-news.com/news/article/0005835776> (accessed 20.05.2021).

¹⁵ The Diet Law. — *House of Councilors, The National Diet of Japan*. URL: <https://www.sangiin.go.jp/eng/law/diet/index.htm> (accessed 20.05.2021).

¹⁶ См. также: Final Report. — *Research Commission on the Constitution. The House of Representatives*. 2005. URL: [https://www.shugiin.go.jp/internet/itdb_kenpou.nsf/html/kenpou/report.pdf/\\$File/report.pdf](https://www.shugiin.go.jp/internet/itdb_kenpou.nsf/html/kenpou/report.pdf/$File/report.pdf) (accessed 20.05.2021).

Рассмотрение случаев применения дисконтинуитета в отдельных странах позволяет выделить его стандартные процедурные характеристики, влияющие на конечные результаты законодательного процесса (см. табл.):

- период, после которого процедура вступает в действие (сессия, созыв, календарный год);
- наличие условий, при которых дисконтинуитет не применяется (в том числе ограничения, связанные с этапом рассмотрения инициативы);
- документ, где закреплён дисконтинуитет (от этого зависит устойчивость процедуры его применения).

Таблица (Table)

Основные характеристики принципа дисконтинуитета в зарубежных странах
Principle of Discontinuity in the Other Countries: Main Characteristics

Страна	Период применения	Наличие ограничений процедуры	С какого этапа перестает действовать	Где закреплён
Германия	Созыв	Нет	Передан в верхнюю палату (бундесрат)	Правовой обычай
Великобритания	Сессия / календарный год	Да	Действует на всех этапах	Правовой обычай
Италия	Созыв	Да	-	Правовой обычай
Бельгия	Созыв	Да	-	Акт парламента
Франция	Созыв	Да	Принят в первом чтении	Правовой обычай
Польша	Созыв	Да	-	Правовой обычай
США	Сессия	Нет	-	Правовой обычай
Португалия	Созыв	Да	Действует на всех этапах	Конституция
Испания	Созыв	Да	Передан в верхнюю палату	Регламент работы
Дания	Сессия	Нет	Действует на всех этапах	Конституция
Япония	Сессия	Да	Действует на всех этапах	Закон о парламенте
Швеция	Созыв	Да	-	Конституционный акт
Австрия	Сессия	Нет	Передан в верхнюю палату	Конституция

**ДИСКОНТИНУИТЕТ В РОССИИ:
 ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ**

Дисконтинуитет как законодательная процедура в России известен с имперских времен, когда институт парламентаризма только зарождался, а правила работы парламентариев не устоялись. Практика складывалась с учетом мнения власть предержащих о политической целесообразности, а не опыта европейских держав или стратегического решения политиков и государя [Кравец 2018].

В Первой (1906 г.) и Второй (1907 г.) государственных думах, которые были распущены императором из-за неприемлемых для него и правительства решений, дисконтинуитет де-факто существовал [Корф 1915]. Единственный законопроект, принятый Первой Думой и не успевший пройти рассмотрение в Государственном Совете, верхней палатой не рассматривался. После роспуска Второй Думы накопилось 18 таких инициатив, причем все они были правительственными. На специальном заседании после некоторых колебаний верхняя палата приняла решение также их не рассматривать.

К третьему созыву парламента политики и ученые обсуждали важный вопрос: если применять дисконтинуитет, то после созыва или сессии? Перед первыми двумя составами нижней палаты такой проблемы не стояло, потому что депутаты успели отработать только одну сессию. На практике обнуление не состоялось, а вот окончание созыва ознаменовалось новой волной обсуждений вопросов законодательной преемственности.

Государственный совет не поддерживал применение процедуры дисконтинуитета, в отличие от нижней палаты [там же: 215-219]. Сложилась парадоксальная ситуация: в Государственной Думе принцип фактически применялся, хотя и не был закреплен юридически (правительственные инициативы нужно было вносить снова, а депутатские, которых было мало, не рассматривались). В то же время Госсовет продолжал разбирать законы, принятые прошлой Думой, а в случае отклонения документ поступал в нижнюю палату для работы над ним уже с учетом новых поправок [Кравец 2018].

Со времен становления Советского Союза дисконтинуитет в парламентской деятельности не использовался.

В современной России изначально определен принцип континуитета: законопроекты рассматриваются независимо от созыва, в котором были внесены. Такая норма закреплена в ст. 220 Регламента Госдумы, и она ни разу не подвергалась изменению¹⁷. Соответственно для введения этой процедуры в законодательный процесс потребуется принять лишь постановление нижней палаты парламента в единственном чтении. В отличие от закона, такое решение не требует одобрения Совета Федерации, подписи президента или заключения правительства.

В данном разделе мы предлагаем проанализировать возможности и последствия применения дисконтинуитета с помощью оценки трех измерений работы правительства с Госдумой — институциональном, партийном и позиционном¹⁸.

Институциональное измерение. Если рассматривать институциональное положение правительства как вето-игрока, то оно существенно ограничено конституцией: этот орган может инициировать законопроекты, но в дальнейшем не принимает публичных политических решений и не имеет права вето. Однако другие субъекты права законодательной инициативы обязаны получать перед внесением законопроекта, который предусматривает бюджетные траты, заключение правительства (но даже его отрицательная позиция теоретически не мешает Госдуме в итоге принять закон). Не стоит забывать, что в Регламенте нижней палаты закреплён приоритет рассмотрения правительственных инициатив, если есть необходимость внесения изменений в законодательное регулирование в социально-экономической сфере (ст. 50 Регламента).

¹⁷ О регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. — Консультант Плюс. URL: <http://www.consultant.ru/law/review/lawmaking/reglduma> (accessed 20.05.2021).

¹⁸ Последствия дисконтинуитета на работу партий в парламенте требуют отдельного рассмотрения.

Российскую исполнительную власть сложно рассматривать без связи двух институтов: президента и правительства [Shevchenko, Golosov 2011], первый из которых по конституции не относится ни к одной ветви власти, при этом оказывает влияние на работу каждой из них. Таким образом, успехи правительства могут становиться дестабилизирующим фактором из-за приобретения собственного политического веса, создающего дополнительные риски для доминирующего положения главы государства¹⁹. И здесь парламент может служить противовесом исполнительной власти, как было во времена Бориса Ельцина [Remington 2007]. В свете последних изменений конституции зависимость всех ветвей власти от решений президента заметно выросла, что практически полностью исключает на институциональном уровне случаи “неповиновения” воле главы государства [Румянцев 2020].

Если же рассматривать позиции Госдумы в системе разделения властей, то в определенных случаях она может выступать полноправной площадкой для публичного согласования межведомственных противоречий внутри правительства [Noble 2018] или даже несовпадающих интересов представителей политической элиты, при этом функция парламента как посредника между обществом и властью развита слабо [Noble, Schulmann 2018: 73–76]. В такой ситуации дисконтинуитет может служить технологией, способной усилить институциональные позиции нижней палаты за счет четко регламентированного и небольшого времени, в течение которого политические акторы должны прийти к консенсусу.

Партийное измерение. Конфигурация партийных вето-игроков в значительной степени определяет позиции Государственной Думы в законодательном процессе. Как следствие исполнительная (у нас еще и так называемая президентская) власть стремится контролировать законодательную деятельность Думы посредством создания провластного большинства [Chaisty 2012], причем делать это тем легче, чем меньше идеологическое разнообразие и численный состав парламентских партий и выше уровень их внутреннего единства [Помигуев 2016а]. Именно фракция “Единой России” выполняет роль гаранта лояльности Думы.

Отметим существенное “но”: фракция “Единой России” отличается от партии. Во-первых, в VII созыве Думы в состав самой большой фракции вошло около 80 членов Общероссийского народного фронта (де-юре общественной организации, не связанной строгой партийной дисциплиной)²⁰. Во-вторых, ситуация вокруг одиозных законопроектов, которые нижняя палата приняла, а верхняя отклонила, заставила секретаря Генсовета партии Андрея Турчака напомнить публично, что “‘Единая Россия’ не партия фракции, это фракция партии. Это касается и федерального уровня, и... региональных парламентов. Партийная повестка должна задаваться самой партией, а потом уже транслироваться и реализовываться на уровне парламента”²¹. Такая обеспокоенность вызвана в первую очередь влиянием на законодательный процесс спикера нижней палаты VII созыва Вячеслава Володина.

¹⁹ Например, Правительство Е.М. Примакова при президенте Б.Н. Ельцине. Подробнее см. [Циткилов 1999].

²⁰ Нагорных И. ОНФ не хочет раствориться в Госдуме. — *Коммерсантъ*. 15.10.2016. № 192. С. 2. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3117862> (accessed 20.05.2021).

²¹ Весной “Единая Россия” проведет ребрендинг. — *Единая Россия. Официальный сайт партии*. 23.01.2018. URL: <https://er.ru/news/163445/> (accessed 20.05.2021).

Фракции “Единой России” часто приходится брать на себя репутационные риски, связанные с правительственными законопроектами, например, непопулярную пенсионную реформу, повышение налога на добавленную стоимость и др. Кабинет министров выступает главным инициатором политических изменений, и без фракционного большинства практически невозможно представить, что подобные законы могли быть приняты. В свою очередь, дисконтинуитет способен снизить репутационные риски как для партии власти, так и для парламента в целом, если будет принято политическое решение не спешить с рассмотрением наиболее одиозных законопроектов, чтобы дожидаться их обнуления. Оппозиция тоже может использовать технологию затягивания рассмотрения инициатив с помощью “флибустьерства” или “итальянской забастовки”²². К тому же, согласно “пакетному соглашению”, в Госдуме половина мест председателей комитетов, выступающих вето-акторами, от которых во многом зависит скорость рассмотрения профильных инициатив, отданы оппозиции [Помигуев 2017]. Это значит, что уже на комитетском уровне рассмотрения законопроектов могут возникать задержки, а без политического решения руководства палаты инициатива может так и не получить хода [Помигуев 2016а, 2016б].

В итоге контроль правительства над законодательным процессом во многом зависит от партийного большинства, подконтрольного президенту, которое и устанавливает парламентскую повестку дня, имея наибольший вес в руководстве палаты. Если будет действовать дисконтинуитет, министрам придется заранее учитывать время внесения инициатив в парламент, а также просчитывать риски снижения скорости их прохождения, проводя дополнительные согласования с парламентскими фракциями.

Позиционное измерение. Важная задача представителей исполнительной власти заключается в учете интересов и позиций не только вето-игроков, но и вето-акторов. Поиск компромиссов подразумевает учет транзакционных издержек и возможностей достижения законодательного результата. Так, анализ работы Думы, в которой есть пропрезидентское большинство, показал, что позиционных маневров в современной России не наблюдается, поскольку нет необходимости заключать политическую сделку с парламентскими силами, особенно с оппозиционными [Shevchenko, Golosov 2011]. На данный момент можно с уверенностью говорить, что субъектность Госдумы, как ни парадоксально, зависит не от количества парламентских партий и их влияния, а от контроля за парламентскими ресурсами конкретных личностей в руководстве палаты [Помигуев 2017]. Фактически к концу VII созыва сложилась ситуация, когда центром принятия политических решений в Думе является ее председатель.

Сформированное парламентское большинство, в том числе межфракционные “союзы”, позволяет спикеру В. Володину занимать уверенные позиции в переговорах с исполнительной властью. Однако консолидация нижней палаты парламента привела к тому, что Совет Федерации иногда не допускает усиления политического веса Думы. Но опять же это возможно

²² Четкое соблюдение Регламента, например, использование права на внесение неограниченного количества поправок к законопроекту. На такой шаг пошли коммунисты, когда в 2012 г. рассматривались изменения в закон о митингах. См. Рустамова Ф. КПРФ устроила “итальянскую забастовку” из-за встреч с избирателями. — *BBC News. Русская служба*. 19.05.2017. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-39978858> (accessed 20.05.2021).

только в контексте блокирования принятых нижней палатой решений, когда правительство уже не способно что-либо сделать самостоятельно²³.

Таким образом, в VII созыве Госдумы сложилась ситуация, когда для удачного проведения инициативы в Думе необходимо найти компромисс только с одним парламентским вето-актором — председателем. Такие договоренности лежат вне сферы партийной или идеологической принадлежности нижней палаты и, вполне возможно, вне публичного политического процесса. Введение принципа дисконтинуитета могло бы усилить позиции законодателей, а точнее его руководство, во взаимоотношениях с правительством, снизить политические риски принятия резонансных инициатив. Это касается и ратификации международных соглашений в случае, когда есть обязанности перед иностранными партнерами, но политическая выгода от таких решений не очевидна. Одновременно возможны и негативные последствия: руководство Думы, комитетов (как основных рабочих органов) и аппарата — вето-акторов — получит дополнительные рычаги влияния на инициаторов благодаря своему праву формировать парламентскую повестку дня, а все политические субъекты будут стремиться к развитию так называемой процедуры нулевого чтения²⁴, когда интересы согласуются неформально и непублично.

Выводы

Важным направлением изучения законодательного процесса является область политических технологий, применяемых для продвижения или блокирования инициатив по изменению законодательства. В данной статье мы выявили новый вид таких технологий — “вето-технологии”, под которыми понимается целенаправленно сконструированная совокупность приемов и способов противодействия изменениям законодательного статус-кво, которые затрагивают несовпадающие интересы вето-игроков и/или вето-акторов.

Дисконтинуитет — это конкретная политическая (вето-)технология, которая может позволить законодателям укрепить свои позиции в отношениях с исполнительной ветвью власти. Время — ценный ресурс в процессе принятия законов, и именно парламент имеет практически неограниченные возможности процедурно затягивать рассмотрение инициатив, поскольку самостоятельно устанавливает законодательную повестку дня.

Процедурные особенности дисконтинуитета серьезно различаются по странам, а детали его применения могут иметь порой противоположный эффект для законодательной власти, парламентской оппозиции и различных вето-акторов.

В России взаимоотношения парламента и правительства (институциональное, партийное и позиционное) складываются не в пользу первого, если не учитывать влияния президента страны на оба этих органа. В сложившихся условиях возможность Госдумы игнорировать непопулярные внутри- и внешнеполитические решения, ссылаясь на окончание времени рассмотрения, могло бы существенно укрепить политический вес законодателей в системе разделения властей, с учетом того, что введение принципа дисконтинуитета не потребует

²³ Например, закон о хостелах, когда правительство подготовило отрицательный отзыв, но все же вынуждено было надеяться на “вето” Совета Федерации, которое не заставило себя ждать. См. подробнее: Лунькова В. Госдума отложила ужесточение регулирования хостелов. — *РБК*. 22.02.2019. URL: <https://realty.rbc.ru/news/5c6fb3399a794703e6455562> (accessed 20.05.2021); Мухаметшина Е.К. Совет Федерации отклонил закон о хостелах. — *Ведомости*. 13.03.2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/03/13/796319-o-hostelah> (accessed 20.05.2021).

²⁴ Процедура “нулевого чтения” подвергается серьезной критике из-за публичной закрытости, исключающей парламентскую дискуссию. См. подробнее: [Любимов 2005].

формального одобрения других участников законодательного процесса. Чем короче будет период, после которого применяется указанная процедура, тем сильнее будет парламент благодаря праву определять законодательную повестку дня. Однако отрицательными последствиями применения новой вето-технологии могут стать дальнейший рост влияния руководства Думы и иных вето-акторов (но не палаты в целом или отдельных депутатов), а также развитие непубличных и неформальных процедур согласования позиций заинтересованных сторон.

DOI: [10.17976/jpps/2021.04.13](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.13)

RESETTING BILLS: DISCONTINUITY AS A POLITICAL TECHNOLOGY FOR BLOCKING POLICY DECISION

I.A. Pomiguyev^{1, 2, 3}, D.V. Alekseev⁴

¹ HSE University. Moscow, Russia

² Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

³ Financial University under the Government of the Russian Federation. Moscow, Russia

⁴ Russian Presidential Academy of National Economic and Public Administration. Moscow, Russia

POMIGUYEV, Ilya Aleksandrovich, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor, HSE University; Research Fellow, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS); Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, email: pomilya@mail.ru; **ALEKSEEV, Dmitry Vladimirovich**, post-graduate student, Russian Presidential Academy of National Economic and Public Administration, Moscow, email: mityaalekseev@yandex.ru

Pomiguyev I.A., Alekseev D.V. Resetting Bills: Discontinuity as a Political Technology for Blocking Policy Decision. — Polis. Political Studies. 2021. No. 4. P. 176–191. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.13>

Received: 14.09.2020. Accepted: 24.03.2021

189

Abstract. The article deals with discontinuity procedure as a political technology used to reject legislative initiatives in case a Parliament has not adopted a public political decision in a scheduled time. Complementary veto players theory by George Tsebelis is used in this article. In particular, the authors set out to study not only institutional and partisan veto players, but also the other participants in the legislative process: veto actors (in other words, “gatekeepers”). The authors create a concept of “veto-technologies”, enabling the expansion of the analytical potential of the theory through studying specific initiative-blocking technologies such as discontinuity. In this article, we review studies on the discontinuity of political science, the features of its influence on the parliamentary agenda, and the timing of legislative initiatives. During the study on the use of discontinuity in fourteen countries, the authors identified universal procedural characteristics that determine the configuration and significance of this technology in the legislative process: the effective period (session, convocation, calendar year); the conditions under which discontinuity is not applied; the document that consolidates the discontinuing procedure. The authors also offer an analysis of this theory’s application in the Russian Empire. The possibilities of applying discontinuity in modern Russia are considered in three dimensions in which the Government works with the State Duma: institutional, partisan, and positional. In the meantime, the procedure can be established through the amendments to the Regulations of the lower house. This obviates the need to coordinate such a decision with other institutional veto players. Discontinuity in perspective can help eliminate the political risks of making unpopular domestic and foreign policy decisions and, as a result, strengthen Parliament’s position in relations with the other public authorities. Adverse effects of the introduction of discontinuity may be the further development of non-public and informal procedures to negotiate the positions of stakeholders, as well as a decrease in the political weight of ordinary deputies in comparison with veto-actors setting the parliamentary agenda.

Keywords: veto players, veto technologies, veto actors, legislative process, principle of discontinuity, resetting bills, legislative activity, system of checks and balances.

References

Bruhl A.-A. P. 2007. Against Mix-and-Match Lawmaking. — *Cornell Journal of Law and Public Policy*. Vol. 16. P. 349–362. URL: <https://ssrn.com/abstract=932574> (accessed 20.05.2021).

- Bruhl A.-A. P. 2010. Burying the “Continuing Body” Theory of the Senate. — *Iowa Law Review*. Vol. 95. P. 1401–1466. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1427456 (accessed 20.05.2021).
- Chaisty P. 2012. The Federal Assembly and the Power Vertical. — *Routledge Handbook of Russian Politics and Society*. Ed. by G. Gill, J. Young. New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203804490>
- Cox G.W. 2006. The Organization of Democratic Legislatures. — *The Oxford Handbook of Political Economy*. Ed. by B.R. Weingast, D.A. Wittman. Oxford: Oxford University Press. P. 1–40. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199548477.003.0008>
- Cox G.W., McCubbins M.D. 2007. *Legislative Leviathan*. 2nd Edition. Cambridge: Cambridge University Press.
- Crombez Ch., Groseclose T., Krehbiel K. 2006. “Gatekeeping”. — *Journal of Politics*. Vol. 68. No. 2. P. 322–324. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2508.2006.00409.x>
- Döring H. 2001. Parliamentary Agenda Control and Legislative Outcomes in Western Europe. — *Legislative Studies Quarterly*. Vol. 26. No. 1. P. 145–165.
- Grey J. E. 1982. Procedure for Passing Legislation. — *Constitutional and Parliamentary Information*. No. 131. P. 75–176.
- Heard A. 1991. *Canadian Constitutional Conventions: The Marriage of Law and Politics*. Toronto: Oxford University Press.
- Heller W.B. 2001. Making Policy Stick: Why the Government Gets What It Wants in Multiparty Parliaments. — *American Journal of Political Science*. Vol. 45. No. 4. P. 780–798. <https://doi.org/10.2307/2669324>
- Inoguchi T. 2008. Parliamentary Opposition under (Post-) One-Party Rule: Japan. — *The Journal of Legislative Studies*. Vol. 14. No. 1–2. P. 113–132. <https://doi.org/10.1080/13572330801921067>
- König T. 2007. Discontinuity: Another Source for the EU’s Democratic Deficit? — *European Union Politics*. Vol. 8. No. 3. P. 411–432. <https://doi.org/10.1177/1465116507079548>
- Kovats L. 2008. *Is Discontinuity to Blame? A Quantitative Assessment of Duration and Timing of European Legislation*. Working Paper Prepared for the ECPR Joint Sessions Rennes/France, 11–16 April.
- Kovats L. 2009. Do Elections Set the Pace? A Quantitative Assessment of the Timing of European Legislation. — *Journal of European Public Policy*. Vol. 16. No. 2. P. 239–255. <https://doi.org/10.1080/13501760802589255>
- Kovats L. 2012. Do Elections Set the Pace? A Quantitative Assessment of Timing of European Legislation. — *The EU Timescape*. London: Routledge. P. 60–76. <https://doi.org/10.4324/9780203723333-8>
- Magliocca G. 2010. Reforming the Filibuster. — *Northwestern University Law Review*. Vol. 105. No. 1. P. 303–328.
- Masuyama M. 2000. Is the Japanese Diet Consensual? — *The Journal of Legislative Studies*. Vol. 6. No. 4. P. 9–28. <https://doi.org/10.1080/13572330008420637>
- McCubbins M.D. 2005. Legislative Process and the Mirroring Principle. — *Handbook of New Institutional Economics*. New York: Springer. P. 123–147. https://doi.org/10.1007/0-387-25092-1_7
- Noble B. 2018. Authoritarian Amendments: Legislative Institutions as Intraexecutive Constraints in Post-Soviet Russia. — *Comparative Political Studies*. Vol. 53. No. 9. P. 417–454. <https://doi.org/10.1177/0010414018797941>
- Noble B.H., Schulmann E. 2018. Not Just a Rubber Stamp: Parliament and Lawmaking. — *The New Autocracy: Information, Politics, and Policy in Putin’s Russia*. Ed. by D. Treisman. Washington: Brookings Institution Press.
- Reform Processes and Policy Change: Veto Players and Decision-Making in Modern Democracies*. 2010. Ed. by T. König, G. Tsebelis, M. Debus. New York: Springer Science + Business Media.
- Remington T. F. 2007. The Russian Federal Assembly, 1994–2004. — *The Journal of Legislative Studies*. Vol. 13. No. 1. P. 121–141.
- Shagen J. 1997. The Principle of Discontinuity and the Efficiency of the Legislative Process. — *The Journal of Legislative Studies*. Vol. 3. No. 4. P. 115–125. <https://doi.org/10.1080/13572339708420531>
- Shevchenko Iu., Golosov G.V. 2011. Russia: The Executive in a Leading Role. — *The Role of Government in Legislative Agenda Setting*. Ed. by G. Tsebelis, B.E. Rasch. London, New York: Routledge. P. 201–221.
- The Role of Government in Legislative Agenda Setting*. 2011. Ed. by G. Tsebelis, B.E. Rasch. London, New York: Routledge.
- Tillman S.B. 2007. Noncontemporaneous Lawmaking: Can the 110th Senate Enact a Bill Passed by the 109th House? — *Cornell Journal of Law and Public Policy*. Vol. 16. P. 331–347. <https://doi.org/10.2139/ssrn.505822>
- Tsebelis G. 1995. Decision Making in Political Systems: Veto Players in Presidentialism, Parliamentarism, Multicameralism, and Multipartyism. — *British Journal of Political Science*. Vol. 25. No. 3. P. 289–326. <https://doi.org/10.1017/s0007123400007225>
- Tsebelis G. 2002. *Veto Players: How Political Institution Work*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 440 p.
- Tsebelis G., Rızova T. 2007. Presidential Conditional Agenda Setting in the Former Communist Countries. — *Comparative Political Studies*. Vol. 40. No. 10. P. 1155–1182. <https://doi.org/10.1177/0010414006288979>
- Weill R. 2015. The Living-Dead. — *Fordham International Law Journal*. Vol. 38. No. 2. Article 2. P. 397–456.
- Weill R. 2016. Resurrecting Legislation. — *International Journal of Constitutional Law*. Vol. 14. No. 2. P. 518–531. <https://doi.org/10.1093/icon/mow032>

Zubek R. 2011. Negative Agenda Control and Executive–Legislative Relations in East Central Europe, 1997–2008. — *The Journal of Legislative Studies*. Vol. 17. No. 2. P. 172–192. <https://doi.org/10.1080/13572334.2011.574025>

Grabowska S. 2008. Immediate Democracy in Poland. Institute for Popular Initiative: Comments de lege ferenda. — *Comparative Constitutional Review*. № 3. P. 27–42. (In Russ.)

Korf S.A. 1915. *Russkoye gosudarstvennoye pravo* [Russian State Law]. Moscow: Skoropechatnaya A.A. Levenson. (In Russ.)

Kravets I.A. 2018. Constitutional Design, State Reforms and Russian Bicameralism in the Early XX Century. — *Law and Politics*. No. 4. P. 60–106. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2018.4.25339>

Lyubimov A.P. 2005. “Zero Reading” of Draft Laws as a Tool for Harmonizing Interests. — *Representative Power — XXI Century: Legislation, Comments, Problems*. No. 1. P. 3–4. (In Russ.)

Organizatsiya gosudarstvennoy vlasti v Rossii i zarubezhnykh stranakh [The Organization of State Power in Russia and Foreign Countries]. 2014. Ed. by S. A. Avakyan. Moscow: Yustitsinform. (In Russ.)

Politicheskaya sistema sovremennoi Yaponii [Political System of Modern Japan]. 2013. Ed. by D.V. Strel'tsov. Moscow: Aspect Press. (In Russ.) URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/dc0/politicheskaya-sistema-sovremennoj-yaponii.pdf> (accessed 23.05.2021).

Pomiguyev I.A. 2016a. Legislative Process in Russia: No Decision is Also a Decision? — *Russia and the Modern World*. No. 1. C. 81–93. (In Russ.)

Pomiguyev I.A. 2016b. The Council of the State Duma: Real Veto Player or a Technical Executive? — *Polis. Political Studies*. No. 2. P. 171–183. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.02.12>

Pomiguyev I.A. 2017. The Leadership of the State Duma: Return to the Soviet Past? — *Political Science (RU)*. No. 3. P. 105–120. (In Russ.)

Rumyantsev O.G. 2020. About Changes in the Organization and Functioning of the Power Mechanism as a Result of the Constitutional Reform of 2020 in the Russian Federation. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. Vol. 10. No. 2. P. 6–12. (In Russ.) <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2020-10-2-6-12>

Shabrov O.F. 2012. Political Technologies. — *Encyclopedia of Humanities*. No. 4. P. 328–330. (In Russ.)

Tsitkilov P. 1999. 243 days of Yevgeny Primakov. — *Free Thought*. No. 8. P. 6–18. (In Russ.)

Zakonodatel'nyy protsess v zarubezhnykh stranakh [The Legislative Process in Foreign Countries]. 2012. Ed. by Yu.I. Leibo. Moscow: MGIMO University. (In Russ.)

Литература на русском языке

Грабовская С. 2008. Непосредственная демократия в Польше. Институт народной инициативы: комментарии de lege ferenda. — *Сравнительное конституционное обозрение*. № 3. С. 27–42.

Законодательный процесс в зарубежных странах. 2012. Под ред. Ю.И. Лейбо. М.: МГИМО-Университет.

Корф С.А. 1915. *Русское государственное право*. М.: Скоропечатня А. А. Левенсон.

Кравец И.А. 2018. Конституционный дизайн, государственные преобразования и российский бикамерализм в начале XX века. — *Право и политика*. № 4. С. 60–106. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2018.4.25339>

Любимов А.П. 2005. “Нулевое чтение” законопроектов как инструмент согласования интересов. *Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы*. № 1. С. 3–4.

Организация государственной власти в России и зарубежных странах. 2014. Под ред. С.А. Авакьяна. М.: Юстицинформ.

Политическая система современной Японии. 2013. Под ред. Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/dc0/politicheskaya-sistema-sovremennoj-yaponii.pdf> (accessed 23.05.2021).

Помигуев И.А. 2016a. Законодательный процесс в России: отсутствие решения тоже решение? — *Россия и современный мир*. № 1. С. 81–93.

Помигуев И.А. 2016b. Совет Государственной Думы: реальный вето-игрок или технический исполнитель? — *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 171–183. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.02.12>

Помигуев И.А. 2017. Руководство Государственной думы: возвращение к советскому прошлому? — *Политическая наука*. № 3. С. 105–120.

Румянцев О.Г. 2020. Об изменениях в организации и функционировании властного механизма в результате конституционной реформы 2020 года в Российской Федерации. — *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. Т. 10. № 2. С. 6–12. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2020-10-2-6-12>

Циткилов П. 1999. 243 дня Евгения Примакова. — *Свободная мысль*. № 8. С. 6–18.

Шабров О.Ф. 2012. Политические технологии. — *Энциклопедия гуманитарных наук*. № 4. С. 328–330.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Уважаемые авторы журнала “Полис. Политические исследования”!

Ввиду переполнения портфеля Редакции и серьезного усиления конкуренции между поступающими рукописями за место в текущем номере степень соответствия рукописи требованиям Редакции становится критически важной, во многом определяющей скорость ее прохождения редакционного цикла. Полагаем, осознание этого объективного обстоятельства должно побудить авторов более ответственно относиться к оформлению рукописей, выбору более компактных способов оформления исследовательских результатов и тщательному оформлению литературных источников.

Подробная информация о тематическом профиле журнала, редакционная политика и требования, предъявляемые к присылаемым в Редакцию рукописям, размещены на сайте журнала <http://www.politstudies.ru>. Рекомендуем ознакомиться с такими разделами, как *Система рецензирования*, *Этические принципы авторов журнала* и *Этические принципы рецензирования*. Не менее важным подспорьем при оформлении рукописей будет знакомство с соответствующими примерами оформления уже изданных статей журнала (в его книжках и в архиве сайта). Подать рукопись на рассмотрение можно через форму на сайте или электронную почту new-authors@politstudies.ru. Приветствуем указание идентификаторов автора: ORCID, SPIN-код, ResearcherID, Scopus Author ID, РИНЦ Author ID. Не забывайте указывать DOI всех источников из списка литературы, если они им присвоены. DOI должен быть представлен в виде рабочей гиперссылки в конце библиографического описания, например:

Hinich M., Munger M. 1997. *Analytical Politics*. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press. 253 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139174725>

ПОДПИСКА

Уведомляем о ликвидации АО Агентство “РОСПЕЧАТЬ”,

в связи с чем рекомендуем для подписки обращаться в следующие агентства:

- ООО “Урал-Пресс”. Тел.: 8 (495) 721-25-89; <http://www.ural-press.ru>
- ООО “Информнаука”. Тел.: 8 (495) 787-38-73; (499) 152-54-81; <http://www.informnauka.com>
- ООО “НПО “ИНФОРМ-СИСТЕМА”. Тел. 8 (499) 789-45-55; <http://www.informsystema.ru>

Электронные версии статей и выпусков журнала можно приобрести в интернет-магазине www.polismag.ru

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Страницы журнала всегда открыты для дискуссионных материалов, поэтому его содержание не обязательно отражает точку зрения Учредителей и Редакции.

© Полис. Политические исследования, 2021, № 4(184), 1-192 стр.

Сдано в производство: 28.04.2021. Подписано к печати: 30.06.2021. Дата выхода в свет: 28.07.2021.

Формат 70 x 100 1/16. Гарнитура “Ньютон”. Печать офсетная.

Печ.л. 12,0. Уч.-изд.л. 17. Тираж 610. Цена свободная. Индекс 70790. Заказ

Во всех случаях полиграфического брака обращаться в типографию-изготовитель

Адрес издателя журнала “Полис. Политические исследования”:

101100, Москва, Колпачный пер., д. 6, пом. II, комн. 5.

Адрес редакции журнала “Полис. Политические исследования”:

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корпус 5, оф. 208; телефон: 8 (495) 502-43-17.

Email: new-polis@politstudies.ru (для текущей переписки); new-authors@politstudies.ru (для авторов)

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ФГУП “Издательство “Наука” (Типография “Наука”)
121099, Москва, Шубинский пер., 6